

GALACTICA MEDIA

JOURNAL OF MEDIA STUDIES

VOL 5 NO 4 (2023)

www.galacticamedia.com

The image was generated by Midjourney

Galactica Media

Journal of Media Studies

Academic E-Journal

www.galacticamedia.com

Vol. 5, No 4

<https://doi.org/10.46539/gmd.v5i4>

Галактика медиа

журнал медиа исследований

Исследовательский электронный журнал

www.galacticamedia.com

Том 5, No 4

<https://doi.org/10.46539/gmd.v5i4>

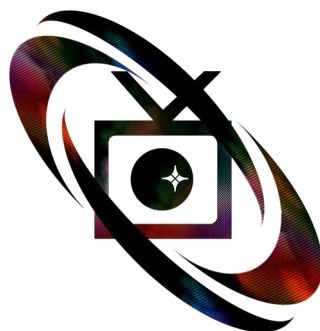

Table of Content

SUBALTERN STUDIES AND MEDIA

İlhan Parlak & Ömer Çakın

The Perception of the Syrian Asylum Seekers in Turkey:
Sentiment Analysis with Twitter Data

17

NEW MEDIA AND HUMAN COMMUNICATION

Lixiong Chen & Nairui Xu

Raising Awareness in Public Health: A Study of Beijing Health Commission
Weibo Communications during the 2022 COVID-19 Wave in Beijing

43

Anna Yu. Sarkisova, Daria O. Dunaeva,

Evgeny Yu. Petrov, Aleksandr S. Voronov & Mikhail G. Myagkov

Online Communities as a Form of Organizing Narrative
Content about SARS-CoV-2 Vaccination: Big Data Analysis

59

Kirill I. Nagornyak, Natalia E. Demeshko, Olga A. Moskalenko & Aleksandr A. Irkhin

Polarization of Turkish Society and Technologies of “Network Revolutions”:
The Experience of 2013, the military Coup of 2016 and a Look into the Future

84

Olesya S. Yakushenkova & Rastyam T. Aliev

“Tell Me What the Other Eats, and I Will Tell You What is Wrong with You”:
A Webometric Analysis of Russian Perceptions on the Alimentary Aspect
of the Other's Image in 2023

119

Alla V. Kornienko

Word Play in Modern Russian Network Discourse

141

Ekaterina Yu. Aleshina & Daria D. Golova

British Political Rhetoric in the Perspective of Cultural Specificity

160

MEDIA & JOURNALISM

Serhat Yetimova

Cultural Indicators of New Generation Journalism Practices Implemented by
Transnational News Agencies in Turkey in the Context of Earthquake Reporting

181

Sergei O. Buranok & Polina D. Tokmakova

“New Pearl Harbor” and US Digital Media 2001-2002

225

MASS CULTURE

Rastyam T. Aliev

The TV Series “Severance” (2022): An Essay on the Visual Mechanisms of
Oblivion and Canceling within the Contemporary Pop-Cultural Paradigm

242

Nursel Bolat & Esennur Sirer Surreal Virtual Spaces Created in Cinema with Metaverse. Avatar: The Way of Water	259
--	-----

GENERAL THEORY

Anna M. Sosnovskaya The Problem of Applying the Actor-Network Theory Method In Media Theory and Media Communication	282
--	-----

Vera Galindabaeva Civilized Death: The Issue of Stray Animals and Sports Mega- Events in Russia	305
---	-----

Nikolai S. Poliakov Post-secular Religiosity and Sport: Football as Religion	332
--	-----

Natalia G. Fedotova Media Discourse as a Generator of the Urban Imaginary	350
---	-----

CRITICS & REVIEWS

Sofya A. Rezvushkina & Kirill E. Rezvushkin The Search for Balance in the Digital Existence of Modern Man: A Review of the Set of Manuals "Digital Ascetics"	379
---	-----

Содержание

ТЕОРИЯ МАЛЫХ ГРУПП И МЕДИА

Парлак И., Чакын О.

Восприятие сирийских беженцев в Турции:
анализ настроения с помощью данных из “Twitter” 17

НОВЫЕ МЕДИА И КОММУНИКАЦИИ

Чень Л., Сюй Н.

Повышение осведомленности в области общественного здравоохранения:
исследование коммуникаций Пекинской комиссии здравоохранения Weibo
во время волны COVID-19 2022 года в Пекине 43

Саркисова А. Ю., Дунаева, Д. О., Петров Е. Ю., Воронов А. С., Мягков М. Г.

Онлайн-сообщества как форма организации
нарративного контента о вакцинации от COVID-19: анализ больших данных 59

Нагорняк К. И., Демешко Н. Э., Москаленко О. А., Ирхин А. А.

Поляризация турецкого общества и технологии «сетевых революций»:
опыт 2013, 2016 годов и взгляд в будущее 84

Якушенкова О. С., Алиев Р. Т.

«Скажи мне, что ест Другой, и я скажу, что с тобой не так»: вебометрический
анализ представлений россиян об алиментарном аспекте образа Чужого в 2023 году 119

Корниенко А. В.

Языковые игры в современном российском сетевом дискурсе 141

Алёшина Е. Ю., Голова Д. Д.

Британская политическая риторика в ракурсе культуроспецифичности 160

МЕДИА И ЖУРНАЛИСТИКА

Йетимова С.

Культурные индикаторы журналистской практики нового поколения,
реализованные транснациональными информационными агентствами
в Турции в контексте освещения землетрясений 181

Буранок С. О., Токмакова П. Д.

«Новый Пёрл-Харбор» и электронные СМИ США 2001–2002 гг. 225

MASS CULTURE

Алиев Р. Т.

«Разделение» (2022): эссе о визуальных механизмах
репрезентации забвения и отмены в контексте современной поп-культуры 242

Болат Н., Сирер Э. Сюрреалистичные виртуальные пространства, созданные в кино с помощью Метавселенных. Аватар: Путь воды	259
---	-----

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Сосновская А. М. Проблема применения метода акторно-сетевой теории в теории медиа и медиакommunikации	282
--	-----

Галиндабаева В. В. Цивилизованная смерть: проблема бездомных животных и спортивные мега- события в России	305
--	-----

Поляков Н. С. Постсекулярная религиозность и спорт: футбол как религия	332
--	-----

Федотова Н. Г. Медиадискурс как генератор городского воображаемого	350
--	-----

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Резвушкина С. А., Резвушкин К. Е. Поиск баланса в цифровом бытии современного человека: рецензия на комплект пособий «Цифровая аскетика»	379
---	-----

Dear friends, colleagues, readers and authors!

Galactica Media: Journal of Media Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2019). The journal publishes scholastic articles, reviews, information resources, reports of expeditions, conferences and other scientific materials.

This project is a truly ambitious initiative that serves to disseminate scientific intellectual knowledge and information in the field of media and popular culture (history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.) in the modern world community.

It is not for nothing that we used the epithet ambitious, since from the very beginning of its inception and preparation, it really is such. The project was started in 2018 by a small group of enthusiasts, young scientists whose interests lie in the above-mentioned areas of research.

First of all, we have assembled a truly big international team to become the members of our editorial board, people from different parts of our “small global village” called planet Earth, as media culture theorist Herbert Marshall McLuhan put it. Our editors are leading scholars in the field of media and popular culture from Russia, USA, UK, Spain, Austria, Sweden, India, Sri Lanka, China, Malaysia, Ghana.

Therefore, we chose English (the international language of science) and Russian (as the project is an initiative of Russian scientists) as the working languages of the online journal.

Openness, and peer reviews by leading scholars are the fundamental principles of our project (Ethics). And the digital character of modern international communications made us choose the electronic version of the journal (without physical printing). Based on the above while choosing a platform we preferred an open and free engine called Open Journal Systems, which ideally allows to organize the entire publishing process.

This allowed us to automate each stage of publication through the user registration system.

The names and e-mail addresses entered on the website of this online journal will be used solely for the purposes indicated by the journal and will not be used for any other purposes or passed to other individuals or organizations.

Journal publishes articles on quarterly basis.

Our online edition is devoted to the topical issues in the field of studies of media and mass culture in the broadest coverage of: history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.

The title of the journal was chosen as a reference to the work of the famous theorist of media culture, Herbert Marshall McLuhan, who in his periodization of the invention and assimilation by mankind of mass communications (media) introduced the concept of "Galaxy" (Galaxy of Gutenberg, Galaxy Marconi, etc.).

Aim and Scope

To create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of studies of media and mass culture. We strive to ensure that our network publishing performs an important scientific function – communication and information, which allows not only to accumulate new achievements in this area, but also serves as the basis for new discoveries and insights.

Online edition maintains its principles – to ensure the intercultural dialogue and to reduce the conflict of civilizations. It adheres to the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial Board aims at removing language barriers while maintaining respect for the national culture of each nation, residing on the small planet Earth.

All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind review.

Which does not mean though that any article sent to the editor will be accepted for our online edition. Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

**Best regards,
Editors**

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75215 since 07 march 2019
- ◆ Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Galactica Media: Journal of Media Studies является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2019 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Данный проект является поистине амбициозной инициативой, служащей распространению научных интеллектуальных знаний и информации, посвященных исследованиям в области медиа и массовой культуры (история, культурология, антропология, философия и т.д.) в современном мировом сообществе.

Мы не зря использовали эпитет амбициозный, так как с самого начала его зарождения и подготовки он действительно является таковым. Проект был задуман в 2018 году небольшой группой энтузиастов, молодых учёных, сферой интересов которых оказалась вышеуказанная область научных исследований.

Первым делом мы собрали по-настоящему огромную международную команду, которая представлена в редколлегии сетевого издания и охватывает большинство континентов, как выразился теоретик медиакультуры Герберт Маршалл Маклюэн, нашей «маленькой глобальной деревни» под названием планета Земля. Сюда вошли ведущие учёные в сфере медиа и массовой культуры следующих стран: Россия, США, Великобритания, Испания, Австрия, Швеция, Индия, Шри-Ланка, Китай, Малайзия, Гана.

Поэтому в качестве рабочих языков сетевого издания мы выбрали английский (международный язык науки) и русский (так как проект является инициативой российских учёных).

Открытость и рецензируемость ведущими учёными всех поступающих для публикации материалов являются основополагающими научными принципами нашего проекта (основные этические принципы представлены здесь). А цифровой характер современных международных коммуникаций заставил нас выбрать электронный вариант публикации статей (без физической печати). Исходя из вышеперечисленного в выборе платформы для реализации задуманного, мы остановились на открытом и бесплатном движке под названием Open Journal Systems, который позволяет идеально организовать весь издательский процесс.

Это дало нам возможность автоматизировать каждый этап на пути к опубликованию научных материалов через систему регистрации пользователей.

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого сетевого издания, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим

сетевым изданием, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены другим лицам и организациям.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований медиа и массовой культуры в самом широком их охвате: история, культурология, антропология, философия и т.д.

Название проекта было выбрано в качестве отсылки к творчеству известнейшего теоретика медиакультуры Герберта Маршалла Маклюэна, который в своей периодизации изобретения и усвоения человечеством средств массовой коммуникации (медиа) использовал понятие «Галактика» (Галактика Гуттенберга, Галактика Маркони и т.д.).

Цель проекта

создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области исследований медиа и массовой культуры.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевое издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций «идеологии» диалога культур и устранение условий конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Все материалы, поступающие в редакцию проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование.

Вместе с тем это не означает, что любая, присланная в редакцию статья, будет напечатана в нашем сетевом издании. Любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами.

Все статьи публикуются в сетевом издании БЕСПЛАТНО, но и гонорар авторам не выплачивается.

**С уважением,
редакция журнала**

- ◆ Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief	Olesya S. Yakushenkova PhD, Associate Professor, Astrakhan State University, Russia
------------------------	---

Associate Editors	Serguey N. Yakushenkov Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University, Russia
--------------------------	---

Copy editors	Emilia A. Taysina Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kazan State Energy University, Russia Elina A. Sarakaeva PhD, Hainan Professional College of Economics and Business in Haikou, China Isabeau Vollhardt B.A. Philosophy/English University of Washington, USA Ekaterina V. Teneva PhD, Saint Petersburg State University, Russia
---------------------	--

Editorial Board	Aleksandr V. Pavlov Dr. Habilitatus, Associate Professor, Higher School of Economics, Russia Amador Iranzo PhD, Universitat Jaume I de Castelló, Spain Christophe Duret PhD Université de Sherbrooke, Canada David Hesmondhalgh PhD, Professor, University of Leeds, UK Elena V. Khlysheva Dr. Habilitatus, professor, Astrakhan State University, Russia Gautam Basu Thakur PhD, Associate Professor, Boise State University, USA Ibitayo Samuel Popoola PhD, University of Lagos, Nigeria Joan Copjec PhD, Brown University, USA
------------------------	--

Editorial Board**Konstantin A. Ocheretyaniy**

PhD, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Russia

Kwasu David Tembo

PhD, Independent Researcher, Zimbabwe

Ludmila V. Scheglova

Dr. Habilitatus, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia

Madina Tlostanova

PhD, Professor, University of Linköping, Sweden

Maksim V. Kirchanov

Dr. Habilitatus, Associate Professor, Voronezh State University, Russia

Natalya B. Kirillova

Dr. Habilitatus, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Russia

Neeraj Khattri

PhD, Associate Professor, Jaipur National University, Jaipur Rajasthan, India

Qiao Li

Associate Professor, University of Wollongong in Malaysia, Malaysia

Robert Pfaller

Dr. philos., Professor, University of Art and Design Linz, Austria

Stephen Duncombe

PhD, Professor, Steinhardt School New York University, USA

Todd A. Comer

PhD, Professor, Defiance College, USA

Todd McGowan

PhD, Associate Professor, University of Vermont, USA

Theodora Dame Adjinn-Tettey

PhD, Lecturer, University of Professional Studies, Accra, Ghana

Valeriy V. Savchuk

Dr. Habilitatus, Professor, St. Petersburg State University, Russia

Wasana Maithree Herath

PhD, Senior Lecturer, Uva Wellassa University, Sri Lanka

Главный редактор	Олеся Сергеевна Якушенкова к. филос. н., Астраханский государственный университет, Россия
Заместители главного редактора	Сергей Николаевич Якушенков д. ист. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия
Литературные редакторы	Эмилия Анваровна Тайсина д. филос. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет, Россия Элина Алиевна Саракаева к. филол. н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, Китай Изабо Воллхардт Бакалавр философии университет Вашингтона, Сиэтл Вашингтон, штат Вашингтон, США Екатерина Веселиновна Тенева к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Редакционная коллегия	Александр Владимирович Павлов д. филос. н., НИУ ВШЭ, Россия Амадор Иранцо PhD, Университет Хайме I, Испания Кристоф Дюре PhD, Университет Шербрука, Канада Дэвид Хесмондхалг PhD, профессор, Университет Лидса, Великобритания Елена Владиславовна Хлыщёва д. филос. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия Гаутам Басу Тхакур PhD, профессор, Государственный университет Бойсе, США Ибитайо Самюэль Попула PhD, профессор, Лагосский университет, Нигерия Джоан Копьек PhD, профессор, Университет Брауна, США

**Редакционная
коллегия**

Константин Алексеевич Очеретяный

к. филос. н., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Квасу Дэвид Тембо

PhD, Независимый исследователь, Зимбабве

Людмила Владимировна Щеглова

д. филос. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

Мадина Тлостанова

д. филол. н., профессор, Университет Линчепинг, Швеция

Максим Валерьевич Кирчанов

д. ист. н., доцент, Воронежский государственный университет, Россия

Наталья Борисовна Кириллова

доктор культурологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Россия

Нирадж Хаттри

PhD, профессор, Джайпурский национальный университет, Индия

Сяо Ли

PhD, профессор, Университет Вуллонгонга в Малайзии, Малайзия

Роберт Пфаллер

Dr. philos., профессор, Университет искусств и дизайна Линца, Австрия

Стивен Дункомб

PhD, профессор, Школа Стейнхардта Нью-Йоркского университета, США

Тодд А. Комер

PhD, профессор, Колледж Дефайнс, США

Тодд МакГован

PhD, профессор, Вермонтский университет, США

Теодора Даме Аджин-Тетти

PhD, лектор, Профессиональный университет в Аккре, Ghana

Валерий Владимирович Савчук

д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Васана Мейтри Герат

PhD, старший лектор Университет Ува Велласса, Шри-Ланка

CONTACTS

Founder	Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”
Address	57, Granovskiy St. apt. 2, Astrakhan, Russia 414038
Editor-in-Chief	Olesya S. Yakushenkova
Email	admin@galacticamedia.com
Support Contact	Rastyam T. Aliev
Email	rastaliev@galacticamedia.com

The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414038, Астраханская обл., г. Астрахань, Грановский пер., д. 57, кв. 2
Главный редактор	Олеся Сергеевна Якушенкова
Email	admin@galacticamedia.com
Представитель технической поддержки	Алиев Растям Туктарович
Email	rastaliev@galacticamedia.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

The Perception of the Syrian Asylum Seekers in Turkey: Sentiment Analysis with Twitter Data

İlhan Parlak¹ & Ömer Çakın²

Ondokuz Mayıs University, Samsun, Turkey

Received: 11 May 2023 | Revised: 16 September 2023 | Accepted: 25 September 2023

Abstract

This study examines the perception of Syrian refugees who have migrated to Turkey within the Turkish public. For this purpose, the reasons for Syrian refugees' migration to Turkey, their population in Turkey, their distribution in Turkey, their education status and enrollment rates, their working lives, their impact on the economy, the aid provided to them, their impact on public services and security in Turkey were investigated. Subsequently, sentiment analyses were conducted based on machine learning approaches on Twitter to measure the perception of the Turkish public regarding Syrian refugees. Perception was examined in three different dimensions: general perception, the nature of perception, and the reasons behind perception. In this context, tweets related to Syrian refugees posted throughout the year 2021 were collected, pre-processed, and transformed into a format suitable for data mining algorithms. Some of the tweets were manually classified according to the machine learning technique, and the remaining tweets were automatically classified by algorithms determined, taking into account the manually made classifications. As a result, it was determined that the general perception of the Turkish public regarding Syrian refugees on Twitter is largely negative and characterized by 'discontent'. The main reasons behind this perception were found to be the perceived harm caused by Syrian refugees, their high numbers, and perceptions that they are better off than the locals, primarily due to their refugee and residency rights.

Keywords

Asylum Seekers; Turkey; Sentiment Analysis; Machine Learning; Twitter; Perception; Immigration; Economy; Public Services; Security

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [ilhanparlak\[at\]gmail.com](mailto:ilhanparlak[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1029-4431>

2 Email: [omer.cakin\[at\]omu.edu.tr](mailto:omer.cakin[at]omu.edu.tr) ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7853-6460>

Восприятие сирийских беженцев в Турции: анализ настроения с помощью данных из “Twitter”

Парлак Ильхан¹, Чакын Омер²

Университет Ондокуз Маис. Самсун, Турция

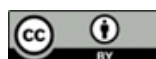
Рукопись получена: 11 мая 2023 | Пересмотрена: 16 сентября 2023 | Принята: 25 сентября 2023

Аннотация

Эта статья исследует восприятие сирийских беженцев, прибывших в Турцию, турецкой общественностью. Для этой цели были проанализированы причины миграции сирийских беженцев в Турцию, их численность в Турции, их распределение в Турции, их образовательный статус и уровень поступления, их трудовая деятельность, их влияние на экономику, предоставляемая им помощь, их влияние на государственные службы и безопасность в Турции. Впоследствии проводились анализы настроений на основе методов машинного обучения в Twitter для оценки восприятия турецкой общественностью сирийских беженцев. Восприятие было рассмотрено в трех разных измерениях: общее восприятие, характер восприятия и причины восприятия. В этом контексте были собраны твиты, связанные с сирийскими беженцами, размещенные в течение 2021 года, затем была проведена предварительная обработка и преобразование в формат, подходящий для алгоритмов машинного обучения. Некоторые из твитов были классифицированы вручную с использованием методики машинного обучения, а остальные твиты были автоматически классифицированы алгоритмами, определенными с учетом ручной классификации. В результате было установлено, что общее восприятие турецкой общественности в Twitter относительно сирийских беженцев в значительной степени негативно и характеризуется «недовольством». Основными причинами такого восприятия были названы воспринимаемый ущерб, наносимый сирийскими беженцами, их большие численные показатели и впечатление, что они находятся в более выгодном положении по сравнению с местным населением, в первую очередь из-за их статуса беженцев и резидентов.

Ключевые слова

лица, ищущие убежища; Турция; анализ настроений; машинное обучение; Твиттер; восприятие; иммиграция; экономика; государственные службы; безопасность

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: [ilhanparlak\[at\]gmail.com](mailto:ilhanparlak[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1029-4431>

2 Email: [omer.cakin\[at\]omu.edu.tr](mailto:omer.cakin[at]omu.edu.tr) ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7853-6460>

Introduction

With the increasing opportunities of mass communication, the Arab geography, which had a better chance to observe the forms of government of developed civilizations, began to move one by one after 2010. The wave of rebellion, which was ignited by the self-immolation of a street vendor in Tunisia due to the bad treatment he received from the security forces, quickly spread to the entire Arab geography, and led to changes that still continue today and vary from country to country. The Arab uprisings, initiated by Arab peoples who had been ruled by monarchy throughout their history, demanding democracy, freedom, human rights, and a more prosperous life, were called the “Arab Spring”. The Arab Spring led to the overthrow of governments in some countries, softer transitions in some, and ongoing civil wars in others.

One of the countries that suffered the most negative impact of the Arab Spring was Syria. After the uprisings, President Assad refused to leave office, and thus the fuse was lit for a bloody civil war that would last for many years. As a result of the war, more than 600,000 people lost their lives (SOHR, 2022), and 6.7 million people were forced to flee the country (UNHCR, 2020a). More than 80% of these external migrations were made to neighboring countries. Migration to Turkey accounted for more than 65% of the migrations to neighboring countries (UNHCR, 2020a). As of 2022, there are more than 3.8 million registered Syrian refugees in Turkey, and this number corresponds to 4.4% of the Turkish population (GIB, 2022a; 2022b; Türkiye İstatistik Kurumu, 2022a).

The opinion of the Turkish people regarding such an important issue for Turkey is undoubtedly of great importance. This research aims to measure the perception of the Turkish people regarding Syrian refugees, the nature of this perception, and the reasons behind it. Traditionally, such a public perception measurement can be conducted using methods such as face-to-face interviews, surveys, or phone calls. However, there is now a new and high-performance method used to conduct such mass perception measurements, which is called sentiment analysis.

Today, people mostly share their views on any topic on social media. The most commonly used platform for publicly shared written opinions both globally and in Turkey is Twitter. Sentiment analysis aims to analyze the text format data that is too large to be manually analyzed by humans and to uncover the meaning within it. This research is conducted using tweets related to Syrian refugees on Twitter to measure the perception of the Turkish people.

The Issue of Syrian Asylum Seekers in Turkey

The issue of Syrian asylum seekers affects many areas in Turkey, such as population density, education, economy, public services, and security. As a result of the civil war, more than half of the Syrian population (13.5 million people) has been

forced to leave their homes, including internal displacement. Approximately half of these displacements (6.8 million people) consist of emigration to other countries, and over 80% of these emigrations have been to neighboring countries. Of the emigrations to neighboring countries, 65% have been to Turkey (UNHCR, 2020a). As of April 2022, it is observed that 3,762,686 Syrians are under “temporary protection” in Turkey (GIB, 2022a). Turkey only grants refugee status to asylum seekers coming from Europe. Therefore, Syrian asylum seekers in Turkey have not been granted refugee status, and they have been defined as “foreigners under temporary protection status” through a general directive issued in 2012 (Erdogan, 2020, p. 8). For this reason, the term “asylum seeker” will be used in this study to refer to Syrian refugee who has sought refuge in Turkey as a person who has taken refuge in a country.

In addition to Syrians under temporary protection, there are also 109,388 Syrians residing in Turkey with a residence permit. When combined, the registered Syrian population in Turkey exceeds 3.8 million (GIB, 2022b). This figure does not include the 200,000 Syrians who have acquired Turkish citizenship (Karadağ, 2022). Therefore, the proportion of registered Syrian refugees to the population of Turkey is calculated as 4.4% (Türkiye İstatistik Kurumu, 2022a; GIB, 2022a). Taking into account the number of registered refugees, Turkey is currently the country hosting the highest number of refugees in the world. Colombia, the second highest hosting country, hosts 1.7 million refugees (UNHCR, 2020a). Furthermore, Turkey also has a significant problem with undocumented migration in addition to registered refugees. Given all of these data, it is clear that the significant influx of refugees into Turkey since 2011, when there were only 58,000 refugees, will have serious effects (Erdoğan, 2019, p. 3-4).

The total fertility rate refers to the total number of children a woman will have during her reproductive years if age-specific fertility rates remain valid. According to a research conducted by Hacettepe University Institute of Population Studies through a sample survey on Syrian refugees in 2018, the fertility rate of Syrian refugees was found to be 5.3. In the same year, the average fertility rate in Turkey was calculated as 2.3 by the same institution (HUNEE, 2019b). According to the 2021 TUIK data, Turkey's average fertility rate has decreased to 1.7 (Türkiye İstatistik Kurumu, 2022b). These data indicate that the Syrian refugee population in Turkey is increasing much faster than the Turkish average. As of March 2022, it was stated by the Minister of Health Fahrettin Koca that 754,000 Syrian babies were born in Turkey (Rakipoğlu and Kara, 2022).

The distribution of Syrian refugees in Turkey is quite uneven, with refugees mainly concentrated along the Syrian border and in some major cities. Research shows that the education level of Syrian refugees in Turkey is significantly lower than the Turkish average. According to a study conducted by AFAD in 2017, 23% of Syrian refugees are illiterate, 14.5% are literate but have not completed any school, and 26% have completed only primary school. This results in a literacy rate of 63.5% for primary school and below (AFAD, 2017).

In Erdogan's (2020) "Syrians Barometer 2019" study, which was conducted through sampling, it was found that 8.2% of Syrian refugees are illiterate, 16.7% are literate but have not completed any school, 31.7% have completed only primary school, 22% have completed elementary/middle school, 11.4% have completed high school or equivalent, 2.7% have completed associate degree, 7% have completed bachelor's degree, and 0.3% have completed graduate or doctoral degree. Therefore, the proportion of Syrian refugees who have completed primary school and below is 56.6% (Erdogan, 2020, p. 34).

As of the 2021-2022 academic year, out of the 1,124,353 Syrian refugees between the ages of 5 and 17 who are of school age, 730,806 are attending school. This indicates that 393,547 Syrian refugee children who should be attending school, are not. The enrollment rates of Syrian refugee students by education level are 34.34% for preschool, 75.13% for primary school, 80% for middle school, and 42.65% for high school (MEB, 2022b). In higher education, Syrian students with a total of 47,482 are ranked first among foreign students (YBYS, 2022).

A study titled "Syrian Refugees in the Turkish Labor Market" conducted by the International Labour Organization (ILO) and Caro (2020) discusses all aspects of Syrian refugees in the Turkish labor market in detail. As of 2017, it is estimated that a total of 940,921 Syrian refugees, including child laborers under the age of 15, are working in Turkey. 91.6% of these refugees work in the informal sector. The number of Syrian child laborers under the age of 15 is estimated to be 127,140. 71% of Syrian male refugees between the ages of 15 and 65 are employed, while the rate for women is 11.2%. It is also estimated that 58% of employed Syrian refugees work outside the province in which they are registered (Caro, 2020).

The proportion of Syrian refugees among all employees in Turkey is 2.9%. Although this rate seems small, it has had significant effects, especially in the sectors where refugees work intensively. The most significant impacts of this situation include an increase in profitability for employers due to the lower wages paid to refugees – who mostly work informally – and an increase in the unemployment rate of Turkish citizens who also work informally in the same sectors (Caro, 2020, p. 14; Del Carpio and Wagner, 2015).

According to the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) report in 2020, the number of Syrian refugees granted work permits in Turkey is 132,497 (UNHCR, 2020b). As of 2017, it is estimated that 657,385 (age 15 and above) Syrian workers in Turkey do not have work permits. This corresponds to 4.2% of the total registered workforce in Turkey (Caro, 2020).

Half of the income distribution of Syrian refugees is between \$250 and \$499. In terms of the 2017 dollar exchange rate, this corresponds to an income of between 955 and 1906 Turkish Lira. Syrian refugees have been observed to have lower incomes than Turkish citizens and to concentrate in low-skilled and low-paying jobs (Gençler, 2020, p. 132).

According to the Turkish Commercial Code, Syrian refugees have the right to establish their own businesses in Turkey. As of February 26, 2019, the number of companies with at least one partner of Syrian origin was 15,159, according to a statement made by the Ministry of Commerce (CNN Türk, 2019). It is estimated that the actual number is higher when considering unregistered companies.

The impact of Syrian refugees on the Turkish economy is primarily reflected in public spending. The latest official announcements regarding Turkey's total spending on Syrian refugees indicate that as of 2019, total spending has exceeded \$40 billion, and this spending is aimed at meeting education, health, and housing needs (Burun and Kanlı, 2019; TRT News, 2019). Syrian refugee children receive free education in schools affiliated with the Ministry of National Education. In 2013, a decision was taken by the Council of Ministers to exempt Syrian university students from all kinds of fees in state universities (Resmi Gazete, 2013). The health expenses of Syrian refugees are covered by the Disaster and Emergency Management Presidency (AFAD), and they are not required to pay any co-payments for their basic and emergency healthcare services or medications (Gençler, 2020, p. 126-127).

It is observed that the aid provided to Turkey regarding Syrian refugees is relatively small compared to the calculated costs. For instance, in 2019, despite the announced cost of 40 billion dollars, it was stated that only 3 billion euros of support, which constituted a significant portion of the aid, had been provided by the European Union since 2016 (Burun and Kanlı, 2019). As of 2022, the total amount of resources transferred to Turkey by European Union countries for refugees is seen as 4.3 billion euros. When considering the 6 billion euros promised to be sent by European Union countries in exchange for projects as of 2016, Turkey still has an additional 1.7 billion euros it can provide for refugees through projects. Furthermore, it was announced by the President of the European Commission, Ursula von der Leyen, that an additional budget of 3 billion euros would be allocated to Turkey for refugees by 2024, also depending on projects.

Another aspect that needs to be examined from an economic perspective, beyond the economic cost of Syrian refugees in Turkey and the aid provided, is the economic contribution of Syrian refugees to Turkey. According to the Turkish Economic Policy Research Foundation's (TEPAV) end-of-year report for 2018, 7,906 companies with a total Syrian partnership capital of 1.2 billion Turkish liras were established between 2013 and 2018 (TEPAV, 2019a, p. 1). The United Nations Refugee Agency also confirms that the number of companies established with at least one Syrian partner was over 7,000 at the end of 2018 and that Syrian refugees' entrepreneurial capital in Turkey exceeded 400 million dollars at the end of 2018 (UNHCR, 2019). Syrian deposits in Turkish banks, according to Banking Regulation and Supervision Agency (BDDK) data, were over 408 million dollars as of 2016 (Kuyumcu and Kösematoğlu, 2017, p. 80).

The impact of Syrian refugees on public services is primarily evident in the education and health services they receive for free. 730,806 Syrian refugee students aged 5-17 attend schools under the Ministry of National Education, and

47,482 Syrian university students attend higher education institutions. The sudden and rapid entry of such a large and non-Turkish-speaking student population into the system has caused classes to suddenly become overcrowded, exceeded school capacities in areas where refugees are concentrated, and led to a decline in the quality of education.

A similar situation to education services has also occurred in healthcare services. Just like in education, the sudden influx of such a large population into the healthcare system has caused overcrowding in healthcare facilities, especially in the regions where refugees live densely, leading to a decrease in the quality of healthcare services. According to a January 2015 report by the Center for Middle Eastern Strategic Studies (ORSAM), serious problems have been experienced in healthcare services in areas where Syrian refugees are concentrated, and the local population has developed negative reactions to this situation. Another issue that negatively affects public health, in addition to overcrowding of healthcare facilities and the decrease in the quality of healthcare services, is the re-emergence of some diseases such as polio, smallpox, and measles, which are no longer a problem in Turkey and even have been eradicated. Therefore, in the border provinces, all children aged 0-5 have been vaccinated against polio (Orhan and Gündoğar, 2015, p. 20).

According to the latest official announcement regarding the healthcare services provided to Syrian refugees, as of 2022, 185 Migrant Health Centers have been established in 29 provinces. About 4,000 Syrian healthcare workers, including 787 physicians, 34 dentists, and 1,149 nurses, are working in these centers. In addition to the migrant health centers, healthcare services are provided directly when needed. Within this framework, approximately 97 million outpatient services and more than 3 million inpatient services have been provided to Syrians to date; 2.6 million surgeries have been performed, and 754,000 Syrian babies have been born in healthcare facilities (Rakipoğlu and Kara, 2022).

Another issue affected by Syrian refugees is the issue of security. Security can be considered both domestic and foreign. Regarding domestic security, the first place to look is crime records. According to a statement by the Ministry of Interior, the ratio of incidents involving Syrians to total public order incidents in Turkey between 2014 and 2017 was an average of 1.32% per year. The statement also emphasized that a significant portion of these incidents were disagreements among Syrians (Ministry of Interior, 2017). This ratio was updated to 1.46 in 2018, and the clearance and capture rate of incidents involving Syrians was stated as 91.4% (Bulur, 2018). As of April 2022, the crime rate of Syrian refugees was stated as 1.3%, while the rate of Turkish citizens involved in crime was stated as 2.2% (Aykırı, 2022). Additionally, as of April 2022, the number of Syrians deported due to public order issues since 2016 was announced as 19,336 (DHA, 2022).

When it comes to the issue of external security, it is necessary to take a brief look at the recent history of Syria, especially Northern Syria. The Democratic Union

Party (PYD), recognized by Turkey as the Syrian branch of the terrorist organization PKK, and its armed wing, the People's Protection Units (YPG), which had completed its organization until 2011 when the effects of the Arab Spring began to be felt in Syria, took control of areas such as Afrin, Ayn al-Arab (Kobani), and Hasakah, which are located in the north of Syria, after the withdrawal of the Assad regime to withstand the opposition more strongly. This period is also a time when ISIS, another organization recognized by Turkey as a terrorist group, took control of a significant part of Syria, relying on the northern regions controlled by the YPG. After ISIS besieged Ayn al-Arab, YPG, supported by the US, managed to defeat ISIS. From that point on, with the support of the US, YPG began to take control of the territories ISIS had seized, including cities with significant Arab populations such as Tel Abyad and Manbij. YPG aimed to unite the north of Syria in a single line by displacing Arabs and Turkmen who opposed them in the territories they had taken control of (Acun and Keskin, 2016, p. 12). However, this plan was thwarted by the Fırat Kalkanı, Zeytin Dalı, and Barış Pınarı operations carried out together with the Free Syrian Army, which was established as an opponent to the Assad regime, and cities such as Afrin, El-Bab, Tel Abyad, and Rasulayn were taken back.

As can be seen, the issue of Syria presents itself to Turkey not only as a matter of refugees but also as a matter of national security. The aspect of foreign security that concerns refugees is the fact that some refugees have migrated from areas captured by the YPG, and as a government policy, there is an intention to make northern Syria a safe place and relocate some refugees to those areas. In this way, the aim is to make the northern part of Syria safer for Turkey as well.

Methodology

In today's world, it can be said that the primary source used to measure the emotions and thoughts of the masses on any subject in research is the internet, especially social media. When it comes to the expression of common opinions on issues that concern societies, Twitter holds a special place among social media platforms (Atılğan and Yoğurtcu, 2021, p. 32). With the widespread use of social media, particularly Twitter, and the increase in its users, the volume of data has reached terabytes levels, which has increased the importance of sentiment analysis.

Sentiment analysis involves analyzing texts in which individuals express their opinions about a subject or situation through applications from natural language processing, artificial intelligence, or statistics (Ekim and İner, 2021, p. 93). Sentiment analysis is fundamentally a text processing process that aims to determine the class of emotions that a given text intends to express. The initial studies of sentiment analysis are referred to as sentimental polarity, and their goal is to classify a given text as positive, negative, or neutral (Seker, 2010, p. 26). Opinion and sentiment mining in social media is among the important problems mentioned in the literature. Sentiment analysis is the study conducted to semantically demonstrate the intellectual content conveyed by social media data (such as messages,

posts, wall posts, news, etc.). For example, one of the first and simplest methods is to classify comments as positive or negative based on the separation of words and the number of words in comments (Seker, 2016, p. 22).

As of 2022, the number of Twitter users worldwide has reached 436.4 million. Turkey, with 16.1 million users, ranks 7th in the world (We Are Social & Hootsuite, 2022). Considering Turkey's total population and the population of those of an age to use Twitter (defined by Twitter as +13), it can be seen that the rate of Twitter users in Turkey is quite high. For all these reasons, Twitter is the preferred data source for sentiment analysis studies, both globally and in Turkey.

The perception about Syrian refugees living in Turkey will be analyzed through the sentiment analysis method using Turkish tweets on the Twitter social media platform. The research will be conducted in three different dimensions:

1. General Perception Analysis: Sentiment analysis that will reveal the general perception about Syrian refugees as positive, negative, or neutral.
2. Perception Quality Analysis: Sentiment analysis that will reveal the individual qualities of positive and negative perceptions about Syrian refugees.
3. Perception Cause Analysis: Sentiment analysis that will reveal the individual causes of positive and negative perceptions about Syrian refugees.

Data Collection

The data used in the research consists of tweets posted on the Twitter social media platform related to Syrian refugees. For this purpose, a code written in the Python programming language was used to randomly collect tweets containing the keyword "suriyeli" (which means "Syrian" in Turkish) using the "stream" method between 04/04/2021 to 11/12/2021. As of the end of 2021, it was observed that 220,418 tweets had been collected.

Considering that tweets containing the word "suriyeli" may not necessarily refer to Syrian refugees, a modeling was carried out in the sentiment analysis section to separate tweets containing the word "suriyeli" but not referring to Syrian refugees in order to prevent potential negative outcomes that this could cause.

Data Preprocessing

Out of the 220,418 tweets collected, a Python program was used to clean out the 'retweets', quotes, replies, and mentions, resulting in 16,186 tweets. The primary aim of this process was to ensure that Twitter users' opinions regarding Syrian refugees were considered independently and within the context of their own views, without interference from others. It was observed that replies to any tweet often did not convey meaningful content when evaluated individually, even if they contained the word 'Suriyeli' (Syrian). The nature of retweets, whether they supported the original tweet or were part of a campaign activity, was unclear. Evaluating quotes independently from the text, photo, video, or link being quoted would yield unreliable results. 'Mentions', being directed at someone else or tagging

specific individuals, often did not align with the general topic. Taking all these factors into account, only the initial tweets related to Syrian refugees were considered in the research.

It is well known that various social media platforms, Twitter included, can be targeted by various social, political, or commercial campaigns. To safeguard the research from such campaigns and manipulations, only one of identical tweets was considered, and only one tweet from a single account related to the topic (the latest tweet) was taken into account. These processes were also conducted using two different Python programs. Following these procedures, the number of tweets reached 12,854, which were used for sentiment analysis.

Before proceeding with sentiment analysis on the tweets, the final processes involved converting uppercase letters to lowercase and removing links. Converting uppercase letters was necessary to prevent variations in word or character definitions during sentiment analysis, while removing links was done because they did not contribute to sentiment analysis and would have added extra computational burden. These processes were also carried out using a Python program.

The reliability of the method used in the study takes into account the levels of language processing skills in machine learning. To date, studies that have processed English and Turkish texts on Twitter data have achieved success and reliability rates ranging from 76% to 88% (Uçan, et al, 2014, p. 180-184). In this sense, it is possible to express the reliability of the study within this percentage range.

Sentiment analysis with machine learning method

In sentiment analysis models that use machine learning methods, the text is first manually classified by the applicator and then the program is trained with the classified text to automatically classify the remaining text. Sentiment analysis will be performed in 3 different dimensions. The first one is general perception analysis, followed by attribute and cause analysis in order. Therefore, tweets were classified as positive, negative, or neutral for general perception analysis; negative attributes such as dissatisfaction, anger, hatred, etc. or positive attributes such as sympathy, compassion/sadness, love, etc. for attribute analysis; and negative causes such as "Syrians are harming us," "Syrians have bad characteristics," or positive causes such as "They need help," "Our commonalities" for cause analysis. The classification table for all analysis units is as follows:

General Perception Analysis	Quality Analysis	Cause Analysis
Positive	Empathy	Need for help/victim status
	Acceptance / Acknowledgement	Positive attributes of Syrians
	Love	Our commonalities
	Agreement	Syrians being beneficial
	Compassion / Sympathy	No harm caused by Syrians
	Appreciation	Possibility of becoming friends with Syrians
	Respect	Other
	Esteem	
Negative	Dissatisfaction	Syrians are causing harm to us
	Hatred	Rights of Syrians in Turkey
	Anger	Syrians are in a better condition than us
	Ridicule	Syrian population
	Humiliation	Syrians have bad qualities
	Being sad	Personal opinions / Other
Neutral	Neutral	Neutral

Table 1. Manual classification table for sentiment analysis

The attribute and cause classifications in Table 1 were not predetermined at the beginning of the study and diversified and occasionally grouped as classification was performed. Especially, the classifications of negative causes have been shaped as headings for many detailed causes, as will be explained in more detail under the title “Causes of Perception”.

1. General Perception Analysis

For the general perception analysis, 3024 tweets were classified as positive, negative, or neutral. Care was taken to make a balanced selection in terms of date, reflecting the entire year of 2021, when selecting the tweets to be classified. As a result of this classification, it was observed that out of the 3024 tweets, 2115 were negative, 547 were neutral, and 362 were positive.

In a sentiment analysis using machine learning, the first thing to do after determining the training set is to determine the test set. Based on the classifications made in the training set, the learning model will automatically classify the tweets in the test set. Although there is no ideal training-test set ratio for all sentiment analysis studies in the literature, it is generally accepted that the ratio of 70-80% for the training set and 20-30% for the test set is more common (Paulino et al., 2019, p. 170). In the scope of the general perception analysis, a similar ratio was preferred, as in the recent study “Sentiment Analysis and Topic Modeling on Tweets about Online Education during COVID-19” by Mujahid et al. (2021: 8), and a 75% training set – 25% test set ratio was selected. Accordingly, a training set consisting of 3024 tweets was created, accompanied by a test set of 975 tweets.

The RapidMiner Studio program (version 9.10) has been preferred for sentiment analysis. The widespread use of this program in similar studies has been effective in its testing and decision to use it. Değer’s (2017) “Sentiment Analysis in Social Media Messages with Data Mining” and Kuş’s (2019) “The Role of Public Relations in the Social Integration of Syrian Refugees” studies can be cited as examples of this.

The table below shows the accuracy percentage performance of all classifiers and attribute extraction methods applied in general perception analysis.

	4-Gram (Character)	3-Gram (Character)	2-Gram (Term)	3-Gram (Term)	Stem (Snowball)
K-Nearest Neighbor	72,24	72,31	71,31	71,84	71,81
Naive Bayes	65,18	49,48	79,81	78,94	63,25
Decision Tree	70,21	70,54	70,88	70,94	70,44
Deep Learning	70,24	69,14	79,54	79,04	68,77
Support Vector Machines	70,18	70,18	70,18	70,18	70,18

Table 2. Performance of classifiers and feature extraction methods for the cause analysis of negative perception

As seen in Table 2, Naive Bayes classifier with term-based 2-Gram feature extraction method demonstrated the highest performance in overall sentiment analysis, with an accuracy rate of 79.81 percent. It was followed by Deep Learning classifier with term-based 2-Gram feature extraction method, achieving an accuracy rate of 79.54 percent. Using these two models that showed the highest performance, the sentiment analysis prediction results were conducted on all tweets, as follows:

Number of predicted tweets: 12,854					
Classifier	Accuracy %	F-Measure	Positive %	Negative %	Neutral %
Naive Bayes	79,81	0,67	15,5	68,5	16
Deep Learning	79,47	0,65	11,9	76,5	11,6

Table 3. Predicted Results of the Best Performing Models in General Sentiment Analysis

In the analysis where the general sentiment class of 12,854 tweets is predicted, as seen in Table 3, Naive Bayes classifier has shown the highest performance with a slight accuracy difference of 0.34. Accordingly, concerning the Syrian refugees living in Turkey, the tweets expressing opinions on this topic on the Twitter social media platform are 81.5% negative and 18.5% positive (excluding neutral tweets). In the analysis conducted based on the second highest performing classifier, Deep Learning, the ratio is 86.5% negative and 13.5% positive (excluding neutral tweets).

2. Analysis of Perception Characteristics

In this analysis, the attributes of the perception regarding Syrian refugees have been attempted to be revealed. The analysis is divided into two parts: negative attribute analysis and positive attribute analysis.

Analysis of Negative Perception Characteristics

In this analysis, the characteristics of the negative perception towards Syrian refugees living in Turkey are examined. The tweets indicating negative attributes from the training set, which consists of 3024 tweets, were used for this analysis. A total of 2477 tweets indicating negative attributes were identified in the training set.

	Attribute	Classification Count	Percentage	Rank
Negative Attributes	Discontent	1839	74,2	1
	Hatred	132	5,3	3
	Anger	93	3,8	4
	Mockery	21	0,8	5
	Insult	19	0,8	6
	Sadness	9	0,4	7
	Positive Attributes	364	14,7	2
	Total	2477	100	

Table 4. Classification Data of the Training Set for Negative Sentiment Analysis

The performance accuracy of the models applied to analyze the negative sentiment in the test set of 975 tweets is as follows:

	4-Gram (Character)	3-Gram (Character)	2-Gram (Term)	Stem (Snowball)
K-Nearest Neighbor	64,08	64,31	63,25	63,35
Naive Bayes	56,65	42,95	35,15	54,28
Decision Tree	61,15	61,11	61,21	61,08
Deep Learning	62,18	61,45	67,14	61,05
Support Vector Machines	61,01	61,01	61,01	61,01

Table 5. Performance of classifiers—feature extraction methods in negative sentiment analysis

As shown in Table 5, the model that exhibited the highest performance in the analysis of sentiment attributes is the Deep Learning classifier with an accuracy rate of 67.14%, using the term-based 2-Gram feature extraction method. This model was applied to a collected set of 12,854 tweets from the year 2021, leading to the following results.

Number of predicted tweets: 12854			The accuracy rate is 66.84%.	
Attribute	Classification Count	Percentage	Rank	Percentage without positives and neutrals: N/A
Discontent	9600	74,7	1	91,2
Hatred	588	4,6	4	5,59
Anger	247	1,9	5	2,3
Mockery	42	0,3	6	0,3
Belittlement	29	0,2	7	0,2
Sadness	9	0,1	8	0,08
Positive Attributes	1087	8,5	3	
Neutral	1252	9,7	2	

Table 6. Prediction results of negative sentiment analysis

As seen in Table 6, in the analysis of negative sentiment attributes, 91.2% of the tweets expressing negative attributes are classified as “discontent”. It is followed by “hatred” with 5.5% and “anger” with 2.3%. This result indicates that a significant majority of the tweets expressing negative views regarding Syrian refugees living in Turkey fall under the attribute of “discontent”.

Analysis of Positive Sentiment Attributes

The training set consisting of 2477 tweets, which was initially created for the analysis of negative sentiment attributes, has been modified and used as the training set for the analysis of positive sentiment attributes. The modifications include grouping all negative attributes under a single category and classifying positive attributes separately. The resulting training set is as follows:

	Attribute	Classification Count	Percentage	Rank
	Negative Attributes	2113	85,3	1
Positive Attributes	Empathy	112	4,5	2
	Acceptance	109	4,4	3
	Love	44	1,8	4
	Acknowledgment	33	1,3	5
	Compassion	31	1,3	6
	Admiration	27	1,1	7
	Respect	5	0,2	8
	Appreciation	3	0,1	9
	Total	2477	100	

Table 7. Classification data for the training set of positive sentiment attribute analysis

The test set, corresponding to the training set, was used for the general sentiment analysis. According to the change in classifiers and feature extraction methods, the accuracy performances of the applied models are as follows:

Number of predicted tweets: 12854			The accuracy rate is 73,34	
Attribute	Classification Count	Percentage	Rank	Percentage without positives and neutrals: N/A
Sympathy	400	3,1	3	32,6
Acceptance	258	2	4	21
Love	183	1,4	5	14,9
Recognition	139	1,1	6	11,3
Compassion	121	0,9	7	9,8
Likability	108	0,8	8	8,8
Respect	12	0,1	9	0,9
Valuing	4	0,03	10	0,3
Negative Attributes	10197	79,3	1	
Neutral	1432	11,1	2	
Total		100		100

Table 9. Predictions of Positive Sentiment Analysis

As shown in Table 9, 32.6% of the tweets expressing positive attributes about Syrian refugees in Turkey are related to “sympathy”. This is followed by 21% for “acceptance/acknowledgment”, 14.9% for “liking”, 11.3% for “giving rights”, 9.8% for “compassion/sadness”, and 8.8% for “appreciation” attributes.

3. Perception Cause Analysis

An analysis of the reasons behind the perception of Syrian refugees living in Turkey has been conducted in the latest sentiment analysis. The analysis categorized the reasons behind the perception into positive and negative factors.

Analysis of the Reasons for Negative Perception

In order to identify the reasons behind the negative perception, a training set was created at the beginning of each sentiment analysis process, following the standard procedure. For the training set, the negative reason-expressing tweets from the general perception analysis first training set were used, resulting in a training set consisting of 1888 tweets. The classification data for the training set are as follows:

Titles of Negative Perception Reasons	Reasons	Classification Count	Percentage	Rank
The Syrians are harming us.	Economic burden / damage	500	26,5	1
	Security issue			
	They commit crimes			
	They cause discomfort			
	One of the reasons for unemployment is Syrians			
	They disrupt our social peace			
	They lead to receiving lower healthcare services			
	They lead to receiving lower education services			
The rights of Syrian refugees in Turkey can be listed as follows	They do not abide by the rules.	452	23,9	2
	Right to asylum/residence			
	Right to citizenship			
	Right to education			
	Access to legal remedies against Turkish citizens			
	Right to employment			
Syrian refugees are in a better condition than us/their current situation is better.	They have more rights/privileges than us / they are in a better condition / more value is given to Syrians / they are comfortable.	406	21,5	3
Population of Syrians	They are numerous in number	315	16,7	4
	They have a high birth rate			
Syrians have negative characteristics	They have negative characteristics	122	6,5	5
Personal opinions / Others	Personal opinions	93	4,9	6
	Others			
Total			100	

Table 10. Classification data of the training set for the analysis of negative perception causes

As seen in Table 10, the reasons identified during the classification process were subjected to grouping, as mentioned before, and reasons with common characteristics were grouped under the same title. The purpose of this approach is to achieve higher performance in sentiment analysis by using fewer classes. This has been confirmed through the conducted tests. Consequently, the reason titles were used as classes in sentiment analysis.

The performance results, indicating the models applied and their accuracy rates, using the test set corresponding to the created training set for general sentiment analysis, are as follows:

	4-Gram (Character)	3-Gram (Character)	2-Gram (Term)	Stem (Snowball)
K-Nearest Neighbor	47,72	48,02	45,95	47,78
Naive Bayes	40,05	34,62	41,49	38,22
Decision Tree	37,32	37,25	37,65	37,52
Deep Learning	48,35	49,25	56,82	49,45
Support Vector Machines	37,39	37,39	37,39	37,39

Table 11. Shows the performance results of classifier-feature extraction methods for the analysis of negative perception cause

As shown in Table 11, the model applied using Deep Learning classifier and term-based 2-Gram feature extraction method achieved the highest performance for the analysis of negative perception cause, with an accuracy rate of 56.82%. Using this model with the highest performance, all available tweets were subjected to analysis and the following results were obtained.

Number of predicted tweets: 12854		Accuracy: 57.38%			
Titles of Negative Perception Reasons	Reasons	The number of predictions is	Percentage	Rank	When neutrals are removed, the percentage is
Syrians are causing harm to us	Economic burden / harm	1816	14,1	2	28,2
	Security problem				
	Committing crimes				
	Causing disturbance				

	Contributing to unemployment				
	Disrupting social harmony				
	Leading to lower healthcare services				
	Leading to lower education services				
	Non-compliance with rules/regulations.				
The population of Syrians in Turkey	They are quite numerous in terms of numbers They are having a lot of children	1635	12,7	3	25,4
	Asylum/residence right Citizenship right				
	Education right				
Rights of Syrians in Turkey include	Access to legal remedies against Turkish citizens	1307	10,2	4	20,3
	Right to employment				
Syrian refugees are in a better condition than us / their current situation	They have more rights and privileges than us / they are in a better condition / they are valued more than us They are living comfortably	1156	9	5	18
Syrian refugees have negative characteristics	They have negative characteristics	255	2	6	3,9
Personal opinions / Others	Personal opinions	253	2	7	3,9
	Others				
	Neutral	6432	50	1	
Total			100		100

Table 12. Prediction Results of Negative Perception Cause Analysis

As seen in Table 12, the analysis of negative perception cause has been completed with a higher accuracy rate of 57.38% compared to the test analysis, and the cause categories show a more balanced distribution. Among the tweets expressing negative causes, 28.2% fall under the category of “Syrians are harming us”. This is followed by 25.4% for “Syrian population”, 20.3% for “Rights of Syrians in Turkey”, and 18% for “Syrians are in a better situation than us / their current situation”.

Positive Perception Cause Analysis

The latest analysis conducted is the cause analysis of positive perception regarding Syrian refugees living in Turkey. As with previous analyses, an initial training set was created. The classification data for the training set are as follows:

	Cause Title	The number of predictions is	Percentage	Rank
	Negative Attributes	1894	87,9	1
Positive Attributes	Need for assistance / being victims / being oppressed	114	5,3	2
	Positive qualities of Syrians	48	2,2	3
	Our commonalities	41	1,9	4
	Beneficial impact of Syrians	32	1,5	5
	Lack of harm caused by Syrians	11	0,5	6
	Possibility of becoming friends with Syrians	9	0,4	7
	Other	6	0,3	8
	Total	2155	100	

Table 13. Training set classification data for the analysis of positive perception causes

The test set used for general perception analysis was based on the training set created in the aforementioned manner. The performance results of sentiment analysis conducted using this test set are as follows:

	4-Gram (Character)	3-Gram (Character)	2-Gram (Term)	Stem (Snowball)
K-Nearest Neighbor	66,68	67,41	65,84	67,41
Naive Bayes	59,45	52,52	43,05	55,71
Decision Tree	62,81	62,81	62,75	62,81
Deep Learning	66,11	66,28	67,88	64,91
Support Vector Machines	62,81	62,81	62,81	62,81

**Table 14. Performance of classifier-feature extraction methods
in the analysis of positive perception causes**

As seen in Table 14, the model with the highest performance in the analysis of positive perception causes is the Deep Learning classifier using term-based 2-Gram feature extraction method, which achieved an accuracy rate of 67.88%. The table below shows the prediction results of sentiment analysis performed using this model.

Number of predicted tweets: 12854		Accuracy: 68,48			
	Cause Title	Number of codes	Percentage	Rank	When neutrals are removed, the percentage is
Positive Attributes	Need for assistance / Being victims / Being oppressed	520	4	3	51,6
	Positive attributes of Syrians	259	2	4	25,7
	Commonalities	142	1,1	5	14,1
	Being beneficial	39	0,3	6	3,8
	No harm caused by Syrians	19	0,1	7	1,8
	Other	15	0,1	8	1,4
	Friendships with Syrians	12	0,1	9	1,1
	Negative Attributes	9928	77,2	1	
	Neutral	1920	14,9	2	
	Total		100		100

Table 15. Prediction Results of Positive Perception Cause Analysis

As seen in Table 15, the positive cause analysis was completed with a higher percentage of 68.48% compared to the test analysis. Among the tweets expressing positive reasons, the highest percentage of 51.6% belongs to the cause title “Need for assistance / Being victims / Being oppressed”. It is followed by 25.7% for “Positive attributes of Syrians” and 14.1% for “Commonalities” cause titles.

Conclusion

In recent years, one of the most significant topics on the agenda in both the world and Turkey is Syrian refugees. Numerous studies have been conducted in Turkey in this context, often focusing on the situation of Syrian refugees in Turkey. This research distinguishes itself by using social media platforms to reveal the opinions of the Turkish population regarding Syrian refugees.

Social media platforms allow individuals to freely express their views on social issues. The discourse expressed on social media is often taken seriously by society and can become part of the social reality. The Syrian conflict led to the migration of millions of people from Syria to Turkey. The prolonged duration of this wave of migration, which began in 2011, has increased the number of Syrian refugees in Turkey. The social, cultural, and economic effects of this situation have been widely discussed and debated in both traditional and digital media. Particularly, findings obtained from Twitter posts, where a significant portion of the population expresses their thoughts and opinions, were analyzed to reveal the perception of Syrian refugees.

The perception of Syrian refugees living in Turkey was measured through Twitter posts made in 2021. General, qualitative, and reason-based perception analyses revealed that at least 81.5% of the tweets made in 2021 expressing opinions on this topic were negative, while 18.5% were positive. The main reasons for the negative perception revealed by the analysis include the fact that refugees who initially lived in camps started living in cities as their numbers reached millions in subsequent years, leading to increased interaction with the Turkish population. Another significant factor contributing to the formation of a negative perception is the sheer number of refugees. More than half of the Syrian refugees who fled the country moved to Turkey, with the registered Syrian refugee population in Turkey surpassing 3.8 million, accounting for 4.4% of the Turkish population. The high population density of Syrian refugees, especially in cities located in the south of Turkey, is notable. The high fertility rate among Syrian refugees in Turkey, at 5.3, is about three times the fertility rate of Turkey's native population. As a result, reasons such as changes in the demographic structure and concerns about security can be cited as factors contributing to the negative perception of Syrian refugees. Despite lower crime rates proportionally, due to their high population density, a significant number of them, approximately 57,692, were involved in crimes in 2021, further reinforcing the negative perception.

Another significant factor contributing to the negative perception is the economic burden imposed by Syrian refugees on Turkey. As of 2019, the money spent by official authorities on education, health, and accommodation expenses for Syrian refugees exceeded 40 billion dollars. The media's coverage of this situation has played a role in fostering a negative perception among the public. Other reasons contributing to the negative perception include the free access of Syrian refugees to health and education services, their admission to universities without exams, and their role as a source of cheap labor in Turkey. The International Labour Organization (ILO) reports that more than 940,921 Syrian refugees work informally in Turkey.

Additionally, the politicization of the refugee issue has been another factor in the formation of a negative perception. Political parties incorporating this issue into their main campaign promises with negative rhetoric has fueled the debate about Syrian refugees on social media platforms, especially Twitter.

In the core context of the tweets on Twitter, it can be observed that a significant majority of the Turkish population is at least Twitter-uncomfortable with the presence of Syrian refugees. This contributes to the perception of Syrian refugees as a problem in the eyes of the society.

However, it is also possible to mention a positive perception regarding Syrian refugees. The fact that Syria and Turkey are neighboring countries, with historical and ongoing neighborly relations, plays a role in this positive perception. Common religious and humanitarian aspects are highlighted in this relationship. Another factor that highlights positive perception is the element of sexual preference, including marriages, mostly with Syrian refugee women. Finally, their status as individuals in need of humanitarian assistance also contributes to the positive perception.

In future studies, other social media platforms could be included, and surveys could be conducted to understand Turkish people's views on Syrian refugees. Comparing social media data with survey data would become possible. Finally, examining similar perceptions from the perspective of Syrian refugees regarding their views on Turkey could provide valuable insights for developing more informed policies.

References / Список литературы

- Acun, C., & ve Keskin, B. (2016). *PKK's Organization in Northern Syria PYD-YPG*. SETA Publications. (In Turkish).
- AFAD. (2017). *Field Study on the Demographic Profile, Living Conditions, and Future Expectations of Syrians in Turkey*. https://www.afad.gov.tr/kurumlar/afad.gov.tr/25337/xfiles/17a-Turkiye_deki_Suriyelilerin_Demografik_Gorunumu_Yasam_Kosullari_ve_Gelecek_Beklentilerine_Yonelik_Saha_Arastirmasi_2017.pdf

- Atilgan, K. Ö., & Yoğurtcu, H. (2021). Sentiment Analysis of Twitter Posts by Customers of a Courier Company. *Çağ Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 18(1), Article 1.
- Aykırı. (2022). Interior Minister Süleyman Soylu: "The crime rate of our own citizens in Turkey is 2.2%, while for Syrians, it's 1.3%, almost half of that." Twitter.
<https://twitter.com/aykiricomtr/status/1506019692263055360>
- Bulur, S. (2018). Crime rate involving Syrians dropped to 1.46 percent. Anadolu Ajansı.
<https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/suriyelilerin-karistigi-suc-orani-yuzde-1-46ya-dustu/1289461> (In Turkish)
- Burun, E. ve K., M. (2019, November 26). Fuat Oktay: Our expenditure for Syrian refugees has exceeded 40 billion dollars. *Hürriyet*. <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/son-dakika-cumhurbaskani-yardimcisi-oktaydan-guvenli-bolge-aciklamasi-41382767> (In Turkish)
- Caro, L. P. (2020). *Türkish Labor Market and Syrian Refugees*. ILO Turkey Office.
https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---ilo-ankara/documents/publication/wcms_739463.pdf
- CNN Türk. (2019). Minister Pekcan: "There are 15,159 Syrian-owned companies."
<https://www.cnnturk.com/ekonomi/bakan-pekan-15-bin-159-suriyeli-sirket-var>
- ÇSGB. (2020). Ministry of Labor and Social Security Work Permits for Foreigners 2020 Report.
<https://www.csqb.gov.tr/media/87487/yabanciizin2020.pdf>
- Değer, N. S. (2017). *Sentiment Analysis with Data Mining in Social Media Messages* [Unpublished Doctoral Dissertation]. Istanbul University. (In Turkish).
- Del Carpio, X. V., & Wagner, M. C. (2015). *The Impact of Syrian Refugees on the Turkish Labor Market* (SSRN Scholarly Paper 2650218). <https://papers.ssrn.com/abstract=2650218>
- DHA. (2022). Minister Soylu announced the number of Syrians deported. *Habertürk*.
<https://www.haberturk.com/son-dakika-bakan-soylu-sinir-disi-edilen-suriyeli-sayisini-acikladi-3407829>
- Ekim, H. E., & Inner, A. B. (2021). Literature Review On Sentiment Analysis And Opinion Mining Applications. *Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Mühendislik Bilimleri Dergisi*, 24(2), 93-114.
<https://doi.org/10.17780/ksujes.819367> (In Turkish)
- Erdoğan, M. M. (2019). *Syrian Refugees in Turkey*. Konrad Adenauer Stiftung. (In Turkish).
- Erdoğan, M. M. (2020). *Syrian Refugee Barometer 2019: The Framework of Living in Harmony with Syrians*. Orion Publications. (In Turkish).
- Gençler, A. (2020). The Socio-Economic Impact of Syrian Refugees in Turkey: A Perspective in terms of Cost-Benefit Analysis. *Journal of Social Policy Conferences*, 78, 111-145.
<https://doi.org/10.26650/jspc.2019.78.0036> (In Turkish)
- GİB. (2022a). *Residence Permit Statistics*. Republic of Turkey Ministry of Interior Directorate General of Migration Management. <https://www.goc.gov.tr/ikamet-izinleri>
- GİB. (2022b). *Temporary Protection Statistics*. Republic of Turkey Ministry of Interior Directorate General of Migration Management. <https://www.goc.gov.tr/gecici-koruma5638>
- HÜNEE. (2019). *Turkey Demographic and Health Survey*. Hacettepe University Institute of Population Studies, Presidency of the Republic of Turkey Strategy and Budget Directorate, and TÜBİTAK, Ankara. (In Turkish).
- İçişleri Bakanlığı. (2017). Ministry of Interior Press Release. <https://www.icisleri.gov.tr/basin-aciklamasi05072017>

- Karadağ, K. (2022). Interior Minister Soylu: "We have identified the perpetrators of the incidents in Bursa and Istanbul." Anadolu Agency. <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/icisleri-bakani-soylu-bursa-ve-istanbuldaki-olayin-faillerini-tespit-ettik/2570348>
- Kızılay. (2021). Turkish Red Crescent Syria Humanitarian Aid Operation September 2021 Report. <https://www.kizilay.org.tr/Upload/Dokuman/Dosya/9-eylul-2021-suriye-krizi-insani-yardim-operasyonu-raporu-03-11-2021-51443114.pdf>
- Kuş, O. (2019). The Role of Public Relations in the Social Integration of Syrian Refugees [Unpublished Doctoral Dissertation]. In *Unpublished Doctoral Dissertation*. Istanbul University. (In Turkish).
- Kuyumcu, M. İ., & Kösematoğlu, H. (2017). The Impacts Of The Syrian Refugees On Turkey's Economy (2011-2016). *Journal of Turkish Social Sciences Research*, 2(1), 77-93. (In Turkish).
- MEB. (2022). Statistics of Foreign National Students. Republic of Turkey Ministry of National Education, Directorate General for Lifelong Learning, Directorate for Education in Migration and Emergency Situations. https://hbogm.meb.gov.tr/meb_iys_dosyalar/2022_01/26165737_goc2022sunu.pdf
- Mujahid, M., Lee, E., Rustam, F., Washington, P. B., Ullah, S., Reshi, A. A., & Ashraf, I. (2021). Sentiment Analysis and Topic Modeling on Tweets about Online Education during COVID-19. *Applied Sciences*, 11(18), 8438.
- Oğuzlu, T. (2011). Arap Spring and Its Implications. *Middle East Analysis*, 3(36), 8-16.
- Orhan, O., & Gündoğar, S. S. (2015). *The Effects of Syrian Refugees on Turkey—Report No: 195*. ORSAM Publications. (In Turkish).
- Paulino, A. C., Guimaraes, L. N. F., & Shiguemori, E. H. (2019). Hybrid Adaptive Computational Intelligence-based Multisensor Data Fusion applied to real-time UAV autonomous navigation. *Inteligencia Artificial*, 22(63), 162-195.
- Rakipoğlu, Z., & Kara, M. (2022). Minister Koca: "Pursuing a common path for the healthcare needs of migrants without discrimination is the primary duty of all of us." Anadolu Agency. <https://www.aa.com.tr/tr/saglik/bakan-koca-ayrim-yapmaksizin-gocmenlerin-saglik-ihtiyacina-iliskin-ortak-bir-yol-izlemek-hepimizin-asli-gorevi-/2537978>
- Resmi Gazete. (2013, August 31). Decision on Determining the Contribution Fees and Tuition Fees to be Collected as Student Contributions for Current Service Costs in Higher Education Institutions for the 2013-2014 Academic Year. *Official Gazette*, 28751.
- Seker, S. E. (2010). Event Ordering for Turkish Natural Language Texts. *CSW-2010 1 St Computer Science Student Workshop*, 26.
- Seker, S. E. (2016). Sentimental Analysis. In *YBS Ansiklopedi* (Vol. 3, Issue 2). Istanbul. (In Turkish).
- SOHR. (2022). Syrian Revolution 11 years on—SOHR documents by names nearly 161,000 civilian deaths, including 40,500 children and women. <https://www.syriahr.com/en/243125/>
- TEPAV. (2019). Bulletin of Foreign-Owned Companies – Syrian-Owned Companies. https://www.tepav.org.tr/upload/files/1551075334-6.TEPAV_Suriye_Sermayeli_Sirketler_Bulteni_Aralik_2018.pdf
- TRT Haber. (2019). President Erdoğan: "While others remain inactive, Turkey is taking action." <https://www.trthaber.com/haber/gundem/cumhurbaskani-erdogan-baskalari-harekete-gecmezken-turkiye-adim-atiyor-435861.html>
- Türkiye İstatistik Kurumu. (2022). Address-Based Population Registration System Results, 2021. <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Adrese-Dayali-Nufus-Kayit-Sistemi-Sonuclari-2021->

[45500#:~:text=T%C3%9C%C4%B0K%20Kurumsal&text=T%C3%BCrkiye'de%20ikamet%20eden%20n%C3%BCfus,252%20bin%20172%20ki%C5%9Fi%20oldu.](#)

- Uçan, A., Akcapinar, S. E., Sever, H., & Akba, F. (2014). Assessment Of Feature Selection Metrics For Sentiment Analyses: Turkish Movie Reviews. In A. P. Abraham (Ed.), *Proceedings of the European Conference on Data Mining 2014 and International Conferences on Intelligent Systems and Agents 2014 and Theory and Practice in Modern Computing 2014: Lisbon, Portugal, July 15–17, 2014; [part of the Multi Conference on Computer Science and Information Systems 2014]* (pp. 180–184). IADIS Press.
- UNHCR. (2019). *Update: Durable Solutions for Syrian Refugees*. United Nations High Commissioner for Refugees. <https://data2.unhcr.org/en/documents/download/70892>
- UNHCR. (2020a). *Global Trends – Forced Displacement In 2020*. United Nations High Commissioner for Refugees. <https://www.unhcr.org/60b638e37.pdf>
- UNHCR. (2020b). *Syria 3 RP Regional Strategic Overview 2021-2022*. United Nations High Commissioner for Refugees. <https://reporting.unhcr.org/sites/default/files/SYRIA%203RP%20REGIONAL%20STRATEGIC%20OVERVIEW%202021-2022.pdf>
- UNHCR. (2022a). *Syria 3 RP Regional Strategic Overview 2022*. United Nations High Commissioner for Refugees. https://www.3rpsyriacrisis.org/wp-content/uploads/2022/05/RSO_8thMay2022.pdf
- UNHCR. (2022b). *UNHCR Turkey: Provincial Breakdown Syrian Refugees in Turkey–February 2022*. United Nations High Commissioner for Refugees. <https://data2.unhcr.org/en/documents/details/90912>
- We Are Social & Hootsuite. (2022). *Digital 2022 Global Overview Report*. <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/>
- YBYS. (2022). *Student Numbers by Nationality in Higher Education Information Management System*. <https://istatistik.yok.gov.tr/>
- YTB. (2016). *Support Scholarships for Syrian Students*. <https://www.ytb.gov.tr/duyurular/suriyeli-ogrenciler-icin-destek-burslari-2>

Raising Awareness in Public Health: A Study of Beijing Health Commission Weibo Communications during the 2022 COVID-19 Wave in Beijing

Lixiong Chen (a) & Nairui Xu¹ (b)

(a) Southern University of Science and Technology. Shenzhen, Guangdong, China.
Email: [lixiongchen0920\[at\]163.com](mailto:lixiongchen0920[at]163.com)

(b) School of Publishing, Beijing Institute of Graphic Communication. Beijing, China.
Email: [nairuixu\[at\]163.com](mailto:nairuixu[at]163.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5447-5082>

Received: 20 April 2023 | Revised: 21 August 2023 | Accepted: 28 August 2023

Abstract

The public demands of information will increase during the crisis and the social media accounts run by governmental sectors is one of the major sources where the public obtains information. This study focuses on the practices of Beijing health commission, an authoritative official outlet, in posting COVID-19 related information from a governmental stance. We explore the content of these social media posts and manner of posting during the COVID-19 crisis. Based on a data set of 1,422 Weibo posts related to the early 2022 COVID-19 wave in Beijing, we identified the theme of reports of confirmed cases and travel paths, and propagandistic objective as the most prominent. From analysed posts and the identified themes, the preliminary findings suggested that the government gave its priority to maintain its legitimacy during the crisis. Thus, by borrowing the concept of paternalism, we argued that arising the public's attention of crisis is what government applied to achieve its propaganda goal, which aims to practicing its paternalistic governance in China.

Keywords

Health Communication; Paternalistic Governance; COVID-19; Public Awareness; Weibo; Propaganda; Winter Olympic

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Corresponding Author

Повышение осведомленности в области общественного здравоохранения: исследование коммуникаций Пекинской комиссии здравоохранения Weibo во время волны COVID-19 2022 года в Пекине

Чень Лисюн (а), Сюй Найжуй¹ (b)

(a) Южный университет науки и технологии. Шэньчжэнь, Гуандун, Китай.
Email: [lixiongchen0920\[at\]163.com](mailto:lixiongchen0920[at]163.com)

(b) Пекинский институт графических коммуникаций. Пекин, Китай. Email: [nairuixu\[at\]163.com](mailto:nairuixu[at]163.com)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5447-5082>

Рукопись получена: 20 апреля 2023 | 21 августа 2023 | 28 августа 2023

Аннотация

Общественные потребности в информации возрастают во время кризиса, а аккаунты в социальных сетях, управляемые правительственными секторами, являются одним из основных источников, откуда общественность получает информацию. В данном исследовании основное внимание уделяется практике Пекинской комиссии здравоохранения, авторитетного официального органа, по размещению информации, связанной с COVID-19, с позиции правительства. Мы исследуем содержание этих публикаций в социальных сетях и способы их публикации во время кризиса COVID-19. На основе набора данных из 1422 постов Weibo, связанных с волной COVID-19 в начале 2022 года в Пекине, мы определили тему сообщений о подтвержденных случаях и маршрутах передвижения, а также пропагандистские цели как наиболее важные. Судя по проанализированным постам и выявленным темам, предварительные выводы свидетельствуют о том, что правительство отдало приоритет сохранению своей легитимности во время кризиса. Таким образом, используя концепцию патернализма, мы утверждаем, что привлечение внимания общественности к кризису — это то, что правительство применяет для достижения своей пропагандистской цели, направленной на практику патерналистского управления в Китае.

Ключевые слова

коммуникации в области здравоохранения; патерналистское управление; COVID-19; информирование общественности; Вейбо; пропаганда; зимние Олимпийские игры

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Корреспондирующий автор

Introduction

The pandemic that first emerged in China in late 2019 challenged the emergency response system for public health events in China (Zheng et al. 2021). Since then, in the name of “supremacy of the people and the supremacy of life”, the Chinese government has developed a number of epidemic prevention and control measures, and adjusted those measures in accordance with the epidemic’s various stages of development. As the first country in the world to have to contend with COVID-19, the Chinese public sectors have made ‘dynamic zero COVID’ its primary goal in ongoing prevention efforts since the disease outbreak in Wuhan in early 2020. Although the new confirmed COVID-19 cases within China have proved this goal of having a ‘zero’ unattainable in the short term, the Chinese public sectors, alongside the public at large, must make concerted efforts to safeguard people’s lives.

Apart from causing loss of life and livelihoods, the COVID-19 pandemic has been characterised as an ‘infodemic’, as the public’s demand for timely, accurate, and comprehensive information has become more urgent than in previous crises. As a country of 1.4 billion, China has witnessed an explosion in social media use in recent years: from 2015 to 2019, social media penetration in the country rose from 31% to 72% (Hootsuite and We are social, 2020). The average Chinese internet user has come to spend around 117 minutes a day consuming and interacting on social media (2020). Isolation at home has allowed people to spend more time obtaining information online on the COVID-19 pandemic and creating remote connections.

Public knowledge of the epidemic was enhanced by developing a communication dynamic centred on connection, dialogue, and information sharing between the public sector and the public (Huang et al., 2021; Chen & Xu, 2021). The microblogging platform Sina Weibo (hereafter referred to as Weibo) is the second most popular Chinese social network among the many in the country (DeGennaro, 2019), with up to 516 million monthly active users as of February 2020 (SinaTech, 2020). As a channel fostering dialogue between the Chinese public sectors and the public (Romenti et al., 2014), Weibo has been integrated into Chinese crisis communication since its operation. It has been widely used during many types of crises in the country, including natural disasters such as the 2010 Yushu earthquake (Qu et al., 2010) and human-caused disasters such as the 2015 Tianjin explosions (Zeng et al., 2017). Since it first emerged in China at the end of 2019, COVID-19 has disrupted medical systems and brought public health response mechanisms into question. Related online mis- and disinformation has caused massive confusion (Zheng et al., 2021), with the multiplicity of information sources and formats having perplexed the public as to who is credible during this crisis. Weibo, one of China’s domestic social media platforms, has played a significant role in the creation and

dissemination of information, promoting public policy throughout this three-year public health event (Yang & Vicari, 2021).

From early in the disease outbreak, the type of crisis information released by public sectors responsible for public health events plays a key role and affects the efficiency of government and public cooperation. In this process, public sectors have used their social media accounts as institutional channels to deliver COVID-19-related crisis information (COVID-19 information) in China. Various Weibo government user accounts (i.e. multiple levels of government departments and state media) have become active on Weibo to provide netizens with COVID-19 information and guidance on beating the pandemic. As laypeople often lack the capacity to deal with crises professionally, the government often assumes the role of credible information provider and caregiver to those affected (Liu et al., 2016). While the Chinese regime has made great effort to dispel rumours, related measures were also suspected to have been taken to control dissent towards its governance (Zou & Tang, 2021).

We employ the conceptual and theoretical framework of paternalistic governance in crisis communication to investigate the content of the Chinese government's social media posts and manner of posting during the COVID-19 crisis. Accordingly, our main questions concern 1) how the Chinese regime has raised the public's awareness while maintaining control over the narrative online, and 2) what themes have emerged from the content the Chinese regime has posted. To address these questions, the present study focuses on a data set of 1,422 Weibo posts related to the early 2022 COVID-19 wave in Beijing (15 January–15 February 2022), from 26 government user accounts under the management of the Beijing Health Commission during the public health crisis.

Via inductive thematic analysis, we identified five themes in this data set. Reports of confirmed cases and travel paths comprised the most prominent theme throughout the period analysed. A propagandistic objective was another major theme, especially in a period with such intense cultural, political, and general international influences on the narrative. We also report on the frequency of these themes' appearance during each of the major stages of the public health crisis in Beijing (i.e. outbreak, Chinese New Year, opening ceremony of the XXIV Olympic Winter Games, and post-peak). Significant decreases in the frequency of COVID-19-related posts by government user accounts appear to have been associated with specific time periods, with the aim of reducing the impact of negative publicity. Amid the Chinese government's communication strategy, response is directly related to perceived acceptance of responsibility (Coombs, 2007); the government's involvement in shaping the language of crisis communication has the potential to influence attitudes towards and evaluations of government accountability and legitimacy in a crisis (Zhang, 2022). Thus, the government's manner of framing the COVID-19-related content it posts on social media can influence its relationship with citizens and its image in dealing with public health events.

This study provides new insights into crisis communication and contributes to research related to the COVID-19 pandemic by addressing an important yet understudied topic in the literature: we empirically analyse how Beijing's health commission, the government department overseeing matters of public health, framed its COVID-19-related social media posts during a unique period interweaving cultural, political, and general international influences. Moreover, we suggest the strategies these government stakeholders could use to more effectively deliver COVID-19-related crisis information on social networks and inspire a better communicative dynamic with the public.

SCCT and the addition of social media

Proposed by Coombs (2007), the classic situational crisis communication theory (SCCT) posits that organisational crisis managers should select suitable crisis response strategies based on the situation at hand. Coombs realised that not only could stakeholders' attributions regarding a crisis impact the organisation's reputation, but they could also generate emotions, such as anger, towards organisations. SCCT divides crises into three clusters, illustrating the corresponding degree of impact on an organisation's reputation: 1) the victim cluster, such as cases of natural disasters or rumours, tends to represent minor reputational threat; 2) the accidental cluster, such as cases of equipment or product failure or accusations from external stakeholders, tends to represent a medium level of reputational threat; and 3) the intentional cluster, in which the organisation knowingly took an inappropriate action in risk response, tends to represent the emergence of public anger and a major reputational threat (Coombs & Holladay, 2012).

Coombs (2007) provides a limited set of primary crisis response strategies once the levels of crisis responsibility and reputational threat have been determined, including denial, diminishment, and rebuilding. In addition, Benoit (1995), whose study focuses on communication, maintains that organisations should not make silence a crisis response strategy, due to its being too passive and allowing for others to control the crisis (Coombs & Holladay, 2012).

However, SCCT is based on the traditional "one-to-many" communication model, which is not entirely applicable to situations in which organisations take social media as a channel for disaster response (González-Herrero & Smith, 2008). SCCT focuses on the perspective of organisations, using the general term 'stakeholders' to describe other crisis participant groups. Stephens and Malone (2010) remark that crisis response strategies tend to ignore other stakeholders' desires, which directly impacts crisis managers' decision-making.

The emergence of social media has enabled organisations to directly communicate with the public and disseminate crisis information in 'multi-line' rather than the traditional media's 'one-line' mode of communication.

Organisations conducting crisis communication over social media encounter both advantages and disadvantages. On the one hand, organisations can use social

media to interact with various stakeholders towards disseminating crisis information and managing disasters more effectively (Bennett & Iyengar, 2008). On the other hand, with the emergence and exchange of user-generated content, social media has created a breeding ground for the secondary spread of crises (Coombs, 2014). Faced with the large volume of information and social media users' opinions, crisis managers often find it difficult to provide credible information and meet the public's expectations (Hughes & Palen, 2012).

Schultz et al. (2012) examine the impact of media and crisis types on reputation, secondary crisis response, and secondary crisis communication, as well as highlighting the advantages of social media in organisational crisis communication. However, the interaction between disaster participants and organisational network dynamics should be further researched in the future (Schultz and Raupp, 2010; Schultz et al, 2012). SCCT has been identified as the most widely applied theory of crisis communication, thus warranting ongoing review in an era of media fragmentation, disinformation, and low public trust (Macnamara, 2021).

Innovative Chinese paternalistic governance in crisis communication

Amid the country's authoritarian tradition, Chinese culture emphasises paternalism in many aspects of governance (Wong et al., 2017). In practice, paternalism usually restricts individual freedoms in claiming both to promote individuals' happiness and to safeguard the happiness and safety of society (Jansen & Wall, 2009). In other words, paternalistic governance can be seen as a way of performing as a parent and doing things for children's own good, e.g. combining care with strict rules. Having created one of the most restrictive media environments in the world by producing the most sophisticated censorship regimes, the Chinese government has adapted to the information age, coming to rule through sophisticated information manipulation to expand its power (Rozenas & Stukal, 2019).

The authoritarian Chinese state's censorship of social media is more tangible than in democratic regimes, as the former has crafted an elaborate system of repression to tame its citizens. For many, the central government's censorship and regulation of their lives could remain virtual; for the few daring to push the boundaries, censorship and regulation could become more explicit and threatening, and it could also move from the virtual sphere to real-world interactions, such as in invitations to police stations for 'tea', interrogations, detention centres, or worse (Gallagher & Miller, 2021). As more members of the public share their views online, a critical challenge under authoritarianism has become how to go about adapting paternalistic governance to growing netizen participation and awareness of their own power, since this could influence relations between the government and the public to an unknown extent. Instead of implementing blanket measures to expand its power, the regime has had to learn to adopt measures suitable to the current situation.

Traditional definitions of paternalism generally refer to government interventions imposed without explicit public participation or consent, enacted on the grounds that imposition of such governmental care improves the welfare of citizens (Le Grand & New, 2015). Chinese governance has adopted paternalism, which has often been criticised, in many political and social aspects, ostensibly to protect and safeguard the broad masses' vital interests – for instance, by regulating social media (Anand, 2018). The paternalistic governance of social media has become a notorious feature of China's authoritarian regime: although the government has offered the public some degree of freedom of participation in recent years, its fundamental attitude is to regulate and control the establishment and maintenance of a favourable portrayal of the one-party state in the mediatic sphere (Wang, 2018). Political control is thus often the primary means of social governance in China.

However, compelling the public to obey paternalistic governance completely is not an easy task for the government, as the development of social media has allowed more liberal notions into the country and influenced public thought and online participation. The growth in such participation has promoted struggles between paternalistic risk governance and the public, since government decisions can limit the sovereignty of the people in networked crisis communication. At the heart of this struggle is the matter of control of information on social media platforms, which promotes a net-centric form of paternalistic risk governance in crisis communication. We argue that the Chinese regime is undergoing a complex transition, facing a dilemma over how to present its paternalistic governance in terms of risk management and social media regulation and censorship while preventing citizens from antagonising such governance.

The government's performance of paternalistic governance in Weibo-based networked crisis communication is a notable strategy, as it combines the regime's 'responsibility' and 'authority' into a parental figure online. From the perspective of 'responsibility', it can be said that the Chinese government demands a people-oriented policy, prioritising governmental solutions for Chinese citizens (Wang & Liu, 2018). Those affected by crises are often unprepared, helpless, and fearful, since crises tend to catch people by surprise, so they lack the capacity to manage crises professionally. In times of crisis, the Chinese public may demand that multiple levels of government provide deep care, carrying out their responsibilities towards the people and areas affected (Liu et al., 2016). As a responsible 'parent', the government is the main crisis manager and must fulfil the responsibilities of risk governance and protection from crises, address the public's needs, and mitigate or eliminate negative impacts on society and citizens (Renwick, 2017).

Governance itself is another dimension that ought to be highlighted here, since paternalistic risk governance involves multiple governance approaches in terms of public online participation (Braithwaite, Coglianese, & Levi-Faur, 2007). Not only has the tornado of social media adoption opened space for citizens' self-

expression, but, on platforms such as Weibo, it has also led to a massive influx of misinformation, rumours, and online crime (which can also include misinformation on crises, baseless rumours, or fraudulent appeals for financial aid). At the same time, the censorship of rumours and misinformation and the suppression of dissenting voices may threaten crisis managers' ability to handle official messaging effectively (Liu et al., 2012).

Moreover, as Büscher et al. (2017) have noted, social-network-based crisis communication has motivated public criticism of governmental responses and a struggle for control, leading the Chinese regime to beef up censorship, since public criticism could harm the authoritarian regime's stability. For Weibo-based networked crisis communication, however, the platform's large user base renders complete censorship of posts impracticable. Under paternalistic governance, netizens' participation has inspired a complex power dynamic between the state and the public, making the country's traditional mode of governance an unsuitable means to reinforce control online.

We choose the term 'authority' to label the other dimension of paternalistic governance in China, as it refers to the power of decision-making, the legitimacy of turning such decisions into law, and the ordering of its execution. In other words, this is perceived as governance achieved by leaders' decisions and guidance in regulating the participation of their subjects, who must obey, like they would a strict parent.

We conceptualised three research questions for this study, based on the literature reviewed above:

RQ1. What major themes comprise posts from the selected government user accounts?

RQ2. How do these governmental posts perform paternalistic governance and what are the related themes?

RQ3. How do these governmental posts promote public understandings of the pandemic?

Method

The choice of Beijing for the case study

On 15 January 2022, few confirmed cases were reported in Beijing. This news is specific to the current time and place. First, Beijing is the capital of China, and its important socio-geographical characteristics have triggered a high level of interest in it among the Chinese during the COVID-19 pandemic. Second, the 2022 public health crisis in Beijing coincided with the XXIV Olympic Winter Games, leading the government to strengthen controls and monitoring of the pandemic. Third, the new outbreak began two weeks before the Chinese New Year (1 February 2022), which is especially meaningful to the Chinese in terms of family reunion, representing a period of massive mobility. Hence, this city-level outbreak in early 2022 attracted nationwide attention.

Data Collection

Using Python, we retrieved data from 26 government user accounts posting on Weibo between 15 January 2022 and 30 February 2022. We selected accounts managed by departments of the Beijing Health Commission according to the national ranking¹ of the 100 most outstanding health commission accounts on Weibo. Since the sampled accounts' host institutions are located in Beijing, we based the keyword search method on the configuration 'Beijing (or) pandemic' to obtain related posts. Overall, we identified 22 topics and collected 1,422 posts.

Following guidance from Braun and Clarke (2006), we further generalised the themes via an inductive approach to obtain five broad thematic categories. The two authors carried out this process independently, reaching a consensus through iterative consultation.

To gauge the frequency of posting during the early 2022 COVID-19 wave in Beijing, we calculated the number of posts each day during the period studied. Dates within this period covered pivotal stages of the public health crisis: outbreak (15 January), Chinese New Year (1 February), opening ceremony of the XXIV Olympic Winter Games (4 February), and post-peak (15 February).

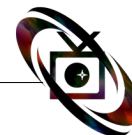
Findings

Main themes surrounding the 2022 COVID-19 wave in Beijing

In analysing the 1,422 posts collected, we classified five main themes based on 22 topics, each representing a perspective of the performative form of paternalistic governance deployed in responding to public health events. Table 1 details the definitions for each theme and topic. The most prominent theme was labelled 'report of 2022 Beijing pandemic' (n=568, 39.9%), the second most prominent as 'propaganda objective' (n=399, 28%), and the third as 'epidemic protection' (n=337, 23.6%), followed by 'convenient information for the outbreak' (n=111, 7.8%) and 'offences against national policy of epidemic prevention' (n=7, 0.4%).

Theme	Topics	Definition	Proportion (%)
Report of 2022 Beijing pandemic	Confirmed case report and itinerary	Information on confirmed cases and their itineraries	25.3
	Outbreak prevention and control policy	Outbreak Prevention and Control Policy issued by the central and local governments	11.8
	Official disinformation	Official disinformation issued by the government in response to rumours	0.07

1 Ranking rules are set by Weibo, including the ability of communication, interaction, service, and public recognition. See <https://gov.weibo.com/rank/rule/index?type=1>.

	Requirement of traceability	Requirement of Traceability for citizens to report trips that overlap with confirmed cases	0.4
	Outbreak press conference	Press conference on the outbreak held by the Beijing Municipal Government	1.6
	Number of vaccinations already given—call for vaccination	Report on the number of vaccinations given per day	0.6
Propaganda objective	Good deeds of health care workers	Good deeds of health care workers in the region	11.5
	Epidemic prevention work display	Description and display of the work done in the district	11.3
	Slogan of epidemic prevention work for Olympic winter game	The goal of strengthening epidemic prevention for the Olympic Games	4.5
	Epidemic technology display	New technologies for epidemic prevention	0.07
	Call for public responsibility for epidemic prevention	Inspire the public to strength the awareness of epidemic prevention for the country and Olympic	0.5
Epidemic protection	Knowledge of the epidemic	Knowledge of the epidemic, promoting public awareness of the virus	3.5
	Knowledge of epidemic protection	Introducing and guiding the public on how to protect themselves and their families during an epidemic	11.5
	Vaccine knowledge/risk -calls for vaccination	State the need for vaccination to promote vaccination in the public	8.6
Convenient information for the outbreak	Guidance of how to solve <i>Jiankangbao</i> ¹ pop-up problem	Guide the public on how to deal with the technical problems of <i>Jiankangbao</i>	2.3
	Notification of medical consultation	Inform the public of the opening hours of hospital medical services	1.4
	Knowledge on psychological support	Information to provide psychological support to the public during the epidemic	0.07
	Notification of nucleic acid infrastructure	Nucleic acid testing point and time information	2.9
	Information guide for	Provide information for the public	0.1

1 *Jiankangbao* – The Beijing Healthbot app is a convenient tool for individuals to check their health status in relation to epidemic prevention. The results can be used as a reference for individual's health status when return to work, go to public places, etc. The personal information will only be used for the prevention and control of the epidemic.

	help during the outbreak	to seek help during the outbreak	
	Notification of vaccination	Information on where and when vaccines are administered	0.8
Offences against national policy of epidemic prevention	Notification of offences against national policy and regulations of epidemic prevention	Notify individuals and companies who violate epidemic regulations	0.3
	Knowledge of violations of national policy and regulations of epidemic prevention	Introduce the behaviors that violate epidemic prevention regulations and warn the public not to break the law	0.1

Table 1. Themes during 2022 Beijing Pandemic from 26 governmental accounts on Weibo

Frequency of posting during the 2022 COVID-19 wave in Beijing

Figure 1 illustrates the trends and frequencies of the five themes during three stages of the 2022 COVID-19 wave in Beijing.

During Stage 1, the theme ‘report of 2022 Beijing pandemic’ was the most prominent (47.3%), as more of such information helps to increase public awareness and self-protection. The theme ‘epidemic protection’ was the second most prominent (26.9%), indicating a public sector focus on protecting the public against the disease outbreak; indeed, the 26 accounts of the Beijing Health Commission posted most frequently during this phase, at an average of 52.4 posts for all the accounts per day.

As for Stage 2, ‘propaganda objective’ accounted for the largest proportion of posts (65.1%), which may be related to its timing, comprising both the Chinese New Year and start of the Winter Olympics. The theme ‘report of 2022 Beijing pandemic’ was the second most prominent in this phase, although the overall number of posts decreased significantly in comparison to the first phase. The frequency of posting also decreased then, to an average of 51.6 posts for all the accounts per day. Hence, at a time when politics and culture were particularly intertwined, the public sector cut back on posts related to the disease outbreak, possibly in an attempt to weaken its impact in terms of image.

The distribution of topics in Stage 3 is found to have been similar to that of the second phase, having remained dominated by propaganda purposes (40.5%). The frequency of posts decreased even further, from 51.6 per day for all the accounts in the second phase to 34 posts per day for all the accounts in the third phase. The Chinese New Year and Olympic Games and their extended news coverage, celebratory traditions, and customs may have led the public sector to dilute the information flow of outbreak-related news. It is also possible that the public’s concern about COVID-19 has declined over time.

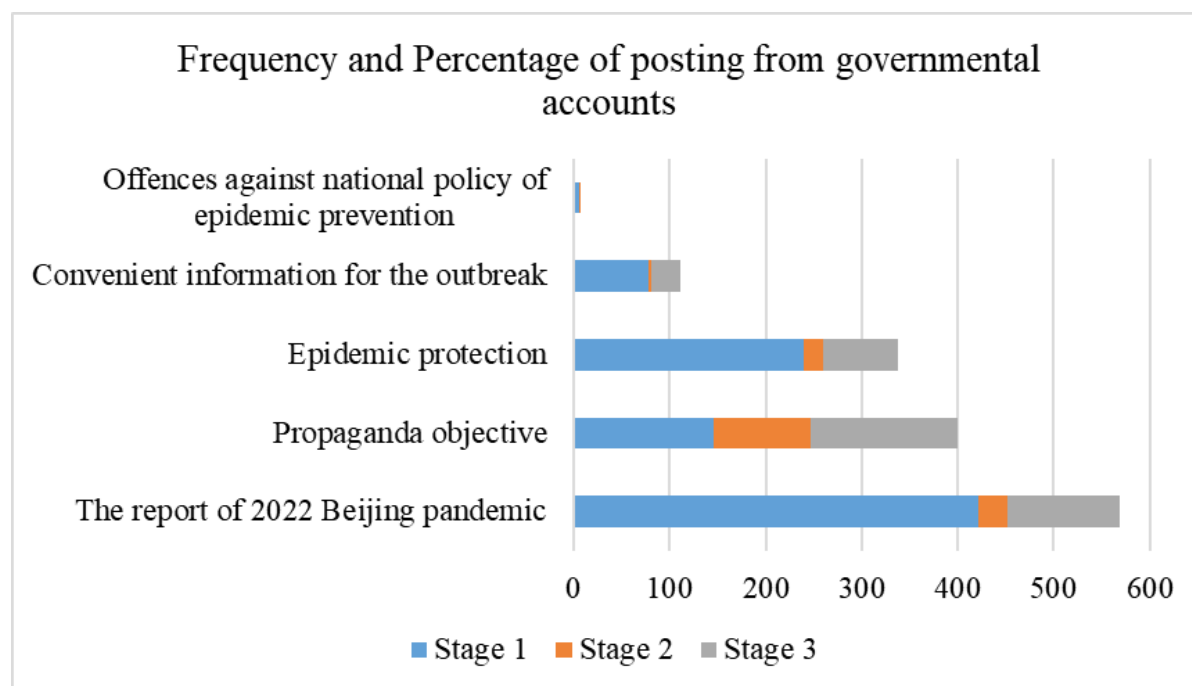
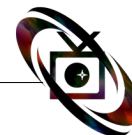

Figure 1. Frequency and Percentage of posting from governmental accounts of Beijing Health commission during the 2022 Beijing Pandemic

Discussion and conclusion

Our empirical findings show that during the early 2022 COVID-19 outbreak in Beijing (15 January–15 February), 26 accounts affiliated with the Beijing Health Commission worked to raise citizens' awareness of public health by posting under five major themes. In employing SCCT and paternalism theories, we contribute theoretical insights to crisis communication in public health.

Since the public sector is directly responsible for public health, not only did these accounts publish multiple types of information related to the new COVID-19 wave, but they also aligned their posting strategies with the cultural, political, and general international influences at hand. On the one hand, as a responsible 'parent', the public sector's extensive posting of related information and knowledge contributed to the public's understanding of the outbreak in the capital, to help achieve the goal of 'dynamic zero COVID' even it is hard to achieve in a short time. On the other hand, as an authoritative 'parent', its posting for publicity purposes, while creating an image of activism and performance, may have led to citizens' resentment and criticism, as the public would prefer to see a responsible public sector than one focused on performing in front of the public.

The notification of crimes against COVID-19 prevention further reinforces the power of the public sector in public health crisis communication. As Jia (2022) argued regarding science communication during crises, the public's participation in it has remained limited; although social media has become the main forum

for laypeople to voice their demands and for experts to voice their assessments, paternalistic governance (on the part of the government) still largely determines what contents can circulate online.

It should be noted, however, that the strategies these government user accounts applied were not always consistent. For instance, although a 'propaganda objective' appeared in all stages, the posts' corresponding narratives varied; what these accounts meant to highlight in the different stages of the outbreak can be gleaned from the content itself and the frequency of the posts. Indeed, the types of information governments use (statistics, experts' quotations, scientific reports) in their posts could generate different understandings for the public, deciding how they are aware of a situation (Lu, Chu & Ma, 2021).

Although Weibo has been integrated in crisis communication for over a decade, COVID-19 opens a new era of social media use which requires broader, faster, and more accurate crisis information. This, in turn, requires the public sector to communicate more closely with the public to win the battle against the pandemic. The regime's crisis communication strategy during public health events is therefore particularly important, as it affects citizens' perception of public health crises as well as their relationship with their government.

Based on our analyses, we propose the development of a set of criteria for crisis communication strategies, namely the thematisation of Weibo contents. The public sector ought to be able to refine and template crisis messages to deliver them directly to the public through text. It follows that crisis message thematisation is necessary to enable the public to quickly access information from the public sector on Weibo, where the information flow is massive. This would likely further inspire a better communicative dynamic between citizens and the public sector.

Despite the long-standing emphasis on paternalism in Chinese culture, in the current pandemic era, not only has the country's public sector adapted to digital-age crisis communication, but it has also evolved a performative form of paternalistic governance. These findings enhance our understanding of how the public sector is culturally differentiated in this era. The insights gained in this study can guide policy stakeholders, the public sector, researchers, and others in exploring how to construct content in future public health events towards promoting public awareness.

The findings of this study have implications for improving public sector responses to possible future health events, especially in terms of information production and dissemination. This study also serves to record how the general population in China responded to and remembered the first significant, protracted, high-impact health incident of the information age. This study contributes some new insights for the researchers and for the governmental sectors responsible for health events in the post-pandemic era by providing empirical findings of how the government sectors promote understanding of health events among citizens.

The study is based on the existing research of the relationship between social media and health events and draws lessons from the disciplines of crisis informatics, media and cultural studies, sociology, paternalistic governance. Additionally, we recommend that the aforementioned parties adopt a plan for disseminating COVID-19-related crisis information on digital platforms to improve communication between the governmental sectors and the citizenry.

Acknowledgments

National Office for Philosophy and Social Sciences, Grant/Award Number: 20&ZD152

References | Список литературы

- Anand, D. (2018). Colonization with Chinese characteristics: Politics of (in)security in Xinjiang and Tibet. *Central Asian Survey*, 38, 129–147. <https://doi.org/10.1080/02634937.2018.1534801>
- Bennett, W. L., & Iyengar, S. (2008). A New Era of Minimal Effects? The Changing Foundations of Political Communication. *Journal of Communication*, 58(4), 707–731. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2008.00410.x>
- Braithwaite, J., Coglianese, C., & Levi-Faur, D. (2007). Can regulation and governance make a difference? *Regulation and Governance*, 1(1), 1–7. <https://doi.org/10.1111/j.1748-5991.2007.00006.x>
- Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
- Büscher, M., Kerasidou, X., Petersen, K., & Oliphant, R. (2017). Networked urbanism and disaster. In M. Freudendal-Petersen & S. Kesselring (Eds.), *Networked Urban Mobilities* (pp. 59–79). Springer. <https://doi.org/10.4324/9781315201078-5>
- Coombs, W. T. (2007). Protecting organization reputations during a crisis: The development and application of Situational Crisis Communication Theory. *Corporate Reputation Review*, 10, 163–176. <https://doi.org/10.1057/palgrave.crr.1550049>
- Coombs, W. T. (2014). *Applied Crisis Communication and Crisis Management: Cases and Exercises*. Sage, Thousand Oaks, CA. <https://doi.org/10.4135/9781544308531>
- Coombs, W. T., & Holladay, S. J. (2002). Helping crisis managers protect reputational assets: Initial tests of the Situational Crisis Communication Theory. *Management Communication Quarterly*, 16, 165–186. <https://doi.org/10.1177/089331802237233>
- DeGennaro, T. (2019). *The 10 most popular social media sites in China 2019 update*. 1BC. <https://www.dragonsocial.net/blog/social-media-in-china/>
- González-Herrero, A., & Smith, S. (2008). Crisis communications management on the web: How Internet-based technologies are changing the way public relations professionals handle business crises. *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 16, 143–153. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5973.2008.00543.x>
- Hootsuite and We are Social. (2020). <https://bit.ly/2QTzvxx>

- Hughes, A. L., & Palen, L. (2012). The evolving role of the public information officer: An examination of social media in emergency management. *Journal of Homeland Security and Emergency Management*, 9(1), 1–20. <https://doi.org/10.1515/1547-7355.1976>
- Jia, H. (2022). More engagement but less participation: China's alternative approach to public communication of science and technology. *Public Understanding of Science*, 31(3), 331–339. <https://doi.org/10.1177/09636625221090729>
- Le Grand, J., & New, B. (2015). *Government paternalism: Nanny state or helpful friend*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691164373.001.0001>
- Liu, B. F., Fraustino, J. D., & Jin, Y. (2016). Social media use during disasters: How information form and source influence intended behavioral responses. *Communication Research*, 43(5), 626–646. <https://doi.org/10.1177/0093650214565917>
- Liu B.F., Jin Y., Austin L.L., & Janoske M. (2012). The social-mediated crisis communication model: Guidelines for effective crisis management in a changing media landscape. In S. C. Duhe (Ed.), *New media and public relations* (2nd ed.) (pp. 257–266). Peter Lang.
- Lu, H., Chu, H., & Ma, Y. (2021). Experience, experts, statistics, or just science? Predictors and consequences of reliance on different evidence types during the COVID-19 infodemic. *Public Understanding of Science*, 30(5), 515–534. <https://doi.org/10.1177/09636625211009685>
- Macnamara, J. (2021). New insights into crisis communication from an “inside” emic perspective during COVID-19. *Public Relations Inquiry*, 10(2), 237–262. <https://doi.org/10.1177/2046147X21999972>
- Qu, Y., Huang, C., Zhang, P., & Zhang, J. (2011). Microblogging after a major disaster in China: A case study of the 2010 Yushu earthquake. In *Proceedings of the ACM 2011 conference on computer supported cooperative work* (pp. 25–34). ACM Press. <https://doi.org/10.1145/1958824.1958830>
- Renwick, N. (2017). China's approach to disaster risk reduction: Human security challenges in a time of climate change. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 4(1), 26–49. <https://doi.org/10.1177/2347797016689207>
- Romenti, S., Murtarelli, G., & Valentini, C. (2014). Organizations' conversations in social media: Applying dialogue strategies in times of crises. *Corporate Communications an International Journal*, 19(1), 10–33. <https://doi.org/10.1108/CCIJ-05-2012-0041>
- Rozenas, A., & Stukal, D. (2019). How autocrats manipulate economic news: Evidence from Russia's state-controlled television. *The Journal of Politics*, 81(3), 982–996. <https://doi.org/10.1086/703208>
- Schultz, F., Kleinnijenhuis, J., Oegema, D., Utz, S., & van Atteveldt, W. (2012). Strategic framing in the BP crisis: A semantic network analysis of associative frames. *Public Relations Review*, 38, 97–107. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2011.08.003>
- Schultz, F., Utz, S., & Göritz, A. (2011). Is the medium the message? Perceptions of and reactions to crisis communication via twitter, blogs and traditional media. *Public Relations Review*, 37, 20–27. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2010.12.001>
- Schultz, F., Utz, S., & Göritz, A. (2012). *Crisis communication and social media. On the effects of medium, media credibility, crisis type and emotions*. Paper presented at the Etmaal conference Leuven, Belgium.
- SinaTech. (2020). 微博月活跃用户达 5.16 亿 竞争壁垒依旧稳固 [Weibo monthly active users reach 516 million, competition barriers remain stable]. SinaTech. <https://tech.sina.com.cn/i/2020-02-26/doc-iimxxstf4598954.shtml>

- Stephens, K. K., & Malone, P. C. (2009). If the Organizations Won't Give Us Information...: The Use of Multiple New Media for Crisis Technical Translation and Dialogue. *Journal of Public Relations Research*, 21(2), 229–239. <https://doi.org/10.1080/10627260802557605>
- Wang, Q. (2018). Does the Chinese government engage in online public debates? A case study of political communications around the building of an oil refinery in Kunming, China. *Global Media and China*, 3(3), 158–176. <https://doi.org/10.1177/2059436418804274>
- Wang, T., & Liu, H. (2018). An emerging Asian model of governance and transnational knowledge transfer: An introduction. *Journal of Asian Public Policy*, 11(2), 121–135. <https://doi.org/10.1080/17516234.2018.1477030>
- Zeng, J., Chan, C., & Fu, K. (2017). How social media construct 'truth' around crisis events: Weibo's rumour management strategies after the 2015 Tianjin blasts. *Policy and Internet*, 9(3), 297–320. <https://doi.org/10.1002/poi3.155>
- Zhang, Z. (2022). Contesting legitimacy in China's crisis communication: A framing analysis of reported social actors engaging in SARS and COVID-19. *Chinese Journal of Communication*, 15(2), 182–204. <https://doi.org/10.1080/17544750.2022.2049835>
- Zou, W., & Tang, L. (2021). What do we believe in? Rumors and processing strategies during the COVID-19 outbreak in China. *Public Understanding of Science*, 30(2), 153–168. <https://doi.org/10.1177/0963662520979459>

Online Communities as a Form of Organizing Narrative Content about SARS-CoV-2 Vaccination: Big Data Analysis

Anna Yu. Sarkisova¹ (a), Daria O. Dunaeva² (a), Evgeny Yu. Petrov³ (b), Aleksandr S. Voronov⁴ (a) & Mikhail G. Myagkov⁵ (a)

(a) Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

(b) National Research Tomsk State University. Tomsk, Russia

Received: 15 July 2023 | Revised: 13 October 2023 | Accepted: 20 October 2023

Abstract

Distrust of vaccines is one of the key problems of modern healthcare both in Russia and abroad. Mass vaccination against SARS-CoV-2 provoked a large number of social media narratives. Online communities play an important role in the formation and dissemination of narratives. The complex system of numerous online platforms for discussing the topic of vaccination on a social network deserves a special description.

The purpose of the study is to construct a typology of all significant communities of the popular Russian social network “VKontakte” that publish content on the topic of vaccination against COVID-19 (01/01/2020 – 03/01/2023) and describe it in terms of lobbied narratives. Big data collection and analysis methods were used, as well as narrative analysis. Of the 131,119 communities that published at least one vaccination message during the study period, 691 were selected based on self-positioning criteria (name, description) and/or the number of SARS-CoV-2 vaccination messages above the established threshold. 14 thematic categories of communities have been identified, the self-positioning of which allows reconstructing narratives about forced vaccination and the right to choose; health care and debate about the benefits/effectiveness of vaccination; conspiracy theories; beneficiaries and trust in the authorities; pseudoscience, vaccination myths and scientific knowledge; child-care and parental rights; contrasting medical science with religious beliefs.

Narratives formed by online communities signify a pronounced polarization of opinions in the digital society regarding SARS-CoV-2 vaccination. The “pro-vaxer” and “anti-vaxxer” narratives are reconstructed. Quantitatively “anti-vaxxer” communities significantly predominate over “pro-vaxer” ones.

Keywords

Online Community; Social Networks; Narrative; Big Data; Vaccination; SARS-CoV-2; Antivaxers; Information Background; Public Opinion; Opinion Polarization

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: sarkisova[at]data.tsu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5674-0962>

2 Email: ddo[at]data.tsu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6622-9882>

3 Email: petrov[at]data.tsu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7140-7882>

4 Email: mravonov[at]ya.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0058-9217>

5 Email: myagkov[at]skoltech.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8419-6404>

Онлайн-сообщества как форма организации нарративного контента о вакцинации от COVID-19: анализ больших данных

Саркисова Анна Юрьевна¹ (а), Дунаева Дарья Олеговна² (а),
Петров Евгений Юрьевич³ (б), Воронов Александр Сергеевич⁴ (а),
Мягков Михаил Георгиевич⁵ (а)

(а) Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия

(б) Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, Россия

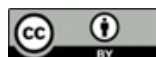
Рукопись получена: 15 июля 2023 | Пересмотрена: 13 октября 2023 | Принята: 20 октября 2023

Аннотация

Недоверие к вакцинам – одна из ключевых проблем современного здравоохранения как в России, так и за рубежом. Массовая вакцинация от COVID-19 спровоцировала большое количество нарративов в социальных сетях, с одной стороны, отражающих более широкую социально-политическую напряжённость, с другой стороны, способных вызывать серьёзные социально-экономические последствия. В формировании и распространении нарративов большую роль играют онлайн-сообщества. Сложная система многочисленных онлайн-площадок, созданная для обсуждения темы вакцинации в социальной сети, заслуживает специального описания. Цель исследования – построить типологию всех значимых сообществ популярной российской социальной сети «ВКонтакте», публикующих контент по тематике вакцинации от COVID-19 (01.01.2020 – 01.03.2023), и описать её в аспекте лоббируемых нарративов. Используются методы сбора и анализа больших данных: автоматизированное извлечение неструктурированных данных с помощью открытого API (метод GroupsgetById), построение модели машинного обучения на базе алгоритма случайного леса, ручная валидация данных, кластеризация, классификация, статистический и аналитический методы, а также нарративный анализ. Из 131 119 сообществ, опубликовавших в исследуемый период хотя бы одно сообщение о вакцинации, отобрано 691 по критериям самопозиционирования (название/name, описание/description) и/или количества сообщений о вакцинации от COVID-19 выше установленного порога. Выделено 14 тематических категорий сообществ, самопозиционирование которых позволяет реконструировать нарративы о принудительной вакцинации и праве на выбор; заботе о здоровье и спорах о пользе/эффективности вакцинации; теориях заговора; выгодоприобретателях и доверии к власти; псевдонауке, мифах о вакцинации и научном знании; заботе о детях и родительском праве; противопоставлении (медицинской) науки религиозным убеждениям. Формируемые онлайн-сообществами нарративы обозначают ярко выраженную поляризацию мнений в цифровом обществе относительно вакцинации от COVID-19. Реконструируются «проваксерский» и «антиваксерский» нарративы. Установлено, что количественно «антиваксерские» сообщества существенно преобладают над «проваксерскими».

Ключевые слова

онлайн-сообщество; социальные сети; нарратив; большие данные; вакцинация; COVID-19; антиваксеры; информационный фон; общественное мнение; поляризация мнений

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: sarkisova[at]data.tsu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5674-0962>

2 Email: ddo[at]data.tsu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6622-9882>

3 Email: petrov[at]data.tsu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7140-7882>

4 Email: mravonov[at]ya.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0058-9217>

5 Email: myagkov[at]skoltech.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8419-6404>

Введение

Настоящее исследование выполнено в рамках комплексного изучения нарративов о вакцинации от COVID-19, циркулирующих в российской социальной сети «ВКонтакте» в период пандемии, с привлечением технологий анализа больших данных.

В своей склонности к тем или иным оценкам, мнениям и решениям акторы склонны мыслить нарративами – упрощёнными «историями», отражающими субъективные интерпретации нарраторов относительно какого-либо события, отличающимися выраженной аксиологичностью и онтологичностью (нарратив формирует субъективную реальность индивидов и коллективных акторов). Фактуальная информация в нарративах искажается; возникают конкурирующие нарративы об одних и тех же событиях. Нарративы, таким образом, участвуют в смыслообразовании.

Влияние нарративов на экономические колебания, с особым вниманием к «нарративам, которые становятся вирусными, влияющими на экономику в эпоху нейровизуализации больших данных» (Шиллер, 2018, с. 64), неоднократно отмечалось в научном дискурсе и привело к возникновению понятия «нарративная экономика» (Akerlof & Snower, 2016; Shiller, 2017; Shiller, 2019). В рамках нарративной экономики сформировались «два магистральных подхода анализа нарративов: количественный (определений вирусности тех или иных нарративов) и качественный (выделение значимых идей и правил, которые влияют на экономическое поведение акторов)» (Вольчик, 2022, с. 35). В современном мире конкурентная борьба нарративов и определяет социально-политическую позицию населения, и влияет на решения в повседневной практике.

В распространении нарративов большую роль играют разного рода социальные сообщества. Нарративы способны «заражать». С одной стороны, сказывается стремление индивида соотносить себя с определённой группой, с другой стороны, индивид включается в текущую «культуру» сообщества, присваивает его социальную реальность. Признаётся, в частности, что «нарративы выступают индикатором социальной идентичности определённых групп населения и могут подтолкнуть индивида к определённой модели экономического поведения» (Грошева, Мыслякова & Неклюдова, 2022, с. 243). Если говорить о распространении нарративов в цифровом пространстве, то, исходя из данных факторов, пристального внимания заслуживает система онлайн-сообществ как коммуникативных площадок, сформированных по критериям тематики, целевой аудитории, настроений относительно общественно значимых вопросов.

В рамках разноаспектного исследования системы сформированных нарративов о вакцинации от COVID-19 с привлечением эмпирии больших данных авторами было извлечено из социальной сети «ВКонтакте»

4,5 миллиона уникальных (не дублирующихся) сообщений, посвящённых тематике вакцинации от COVID-19 за период с 01.01.2020 по 01.03.2023 (Саркисова, Петров & Дунаева, 2023).

Предмет данной статьи ограничен анализом системы онлайн-сообществ «ВКонтакте», на стенах которых (наряду со стенами отдельных пользователей, которые в данном случае не рассматриваются) оказались размещены искомые сообщения. Названия и декларируемые цели сообществ дают существенную информацию о продвигаемых в сети нарративах.

Цель исследования – построить типологию всех значимых сообществ популярной российской социальной сети «ВКонтакте», публикующих контент по тематике вакцинации от COVID-19 (01.01.2020 – 01.03.2023), и описать её в аспекте лоббируемых нарративов.

Ставятся следующие задачи:

1. Идентифицировать сообщества «ВКонтакте», публикующие контент по тематике вакцинации от COVID-19, сформировать их реестр, дать общую характеристику.
2. Построить типологию извлечённых сообществ по тематическому критерию на основе самопозиционирования сообщества: названия/name и описания/description.
3. Исходя из полученных результатов, определить, в каких контекстах оказывается актуальной вакцинация с точки зрения позиционирования сообществ, в аспекте соотнесения с формирующимися нарративами. Проанализировать, каким образом эксплицируются лоббируемые нарративы уже на уровне позиционирования сообщества (а не на уровне непосредственно контента) с учётом таких возможных факторов, как тема, декларируемая целевая аудитория, тональность (pro или contra), декларируемые ценности, обнаруженные речевые манипуляции и др.

Гипотеза исследования состоит в том, что коммуникативные площадки (сообщества) социальной сети, как правило, влияют на концентрацию проваксерских или антиваксерских нарративов своим типом и/или позиционированием.

Актуальность исследования определяется не только методологической трудностью извлечения нарративов из социальных сетей, но и поляризацией мнений о вакцинации как общественно значимой проблеме. Как отмечается в научной литературе, «социальные группы оказывают значительное давление на решения о вакцинации, создавая “местную культуру вакцинации”». Благодаря роли Интернета в современном мире взгляды, убеждения и опыт этой “местной культуры” могут быстро стать глобальными» (Kata, 2010, p. 1709). Установлено, например, что «родители, освобождающие детей от вакцинации, с большей вероятностью получили информацию из Интернета, чем родители, прививающие своих детей» (Kata, 2010, p. 1709). Ситуация в России не является

исключением: «Общественная дискуссия о вакцинации в России носит бурный и противоречивый характер, особенно в случае с COVID-19. В условиях широкого распространения мифов, ложной информации и риторики, противоречащей аргументации научного сообщества, социальные сети стали местом столкновения мнений о вакцинации» (Platonov, Svetlov & Saifulina, 2022, p. 1). Ситуация осложняется когнитивной особенностью людей охотнее воспринимать информацию, с которой они согласны (англ. confirmation bias / предвзятость подтверждения), отстраняясь от противоположных аргументов, что увеличивает роль влиятельных онлайн-сообществ: «Противодействие медицинской дезинформации в онлайн-системах – непростая задача. В то время как научная литература изобилует доказательствами, опровергающими <...> нарративы, люди <...> часто имеют сильное чувство идентичности в своей позиции в отношении вакцин. Люди склонны переосмысливать или игнорировать информацию, если она противоречит позиции, которую они твердо идентифицируют; эффект этот был продемонстрирован во многих контекстах, включая вакцинацию» (Mønsted & Lehmann, 2022, p. 2).

Применение современных информационных технологий к большим массивам данных социальных медиа позволяет реконструировать картину мнений по проблеме отношения к вакцинации от COVID-19, а также в перспективе изучить технологии манипуляции общественным мнением, формирования мифов и стереотипов, особенности их распространения в сети. В настоящее время остро стоит проблема недоверия населения к вакцинации, с одной стороны, и задача государства бороться с пандемией, с другой стороны. Выявление мифов и заблуждений может использоваться в информационных кампаниях и просветительской деятельности.

Материал и методы

Материалом исследования выбрана наиболее популярная российская социальная сеть «ВКонтакте» (<https://vk.com/>) по причине большого количества пользователей, а также открытого API, делающего доступным автоматизированный сбор данных в исходном виде.

Методика сбора и фильтрации данных (формирование реестра целевых сообществ)

Ставилась задача получить полный перечень сообществ социальной сети «ВКонтакте», представляющих собой более или менее значимые площадки обсуждения пользователями темы вакцинации от COVID-19 в период с 01.01.2020 по 01.03.2023.

Для этого на первом этапе из «ВКонтакте» с использованием API и лингвистических маркеров были извлечены 4,5 млн релевантных сообщений по искомой теме. Порядок и методы их извлечения подробно описаны в работе (Саркисова, Петров & Дунаева, 2023). Данные сообщения оказались размещены

на страницах 131 119 сообществ и на страницах 1 145 360 пользователей «ВКонтакте».

Таким образом, было зафиксировано, что 131 119 сообществ «ВКонтакте» имели за указанный период хотя бы одно сообщение на стене, посвящённое теме вакцинации от COVID-19. Ознакомительный просмотр данных сообществ обнаруживает их абсолютно разноплановую приоритетную тематику: сообщения о вакцинации от COVID-19 появляются в сообществах, посвящённых музыкальным группам, кулинарии, автомобилям, путешествиям и др. Это подтверждает уже зафиксированный авторами ранее (Дунаева & Басина, 2022) факт, что наличие и количество сообщений о вакцинации от COVID-19 слабо зависит от формальной темы сообщества: во время пандемии это была одна из волнующих людей проблем, которая возникала в самых разных контекстах и на самых разных площадках. Это обуславливает необходимость разработки критериев фильтрации.

Целевыми в данной работе будем считать сообщества, которые 1) позиционируют себя как посвящённые данной или тесно смежной тематике (позиционирование сообщества в социальной сети определяется по его названию и «описанию», то есть краткой аннотации, обычно имеющей место на странице сообщества), и/или 2) содержат большое количество сообщений о вакцинации – не менее установленного минимального порога.

По каждому из 131 119 сообществ были выгружены с помощью открытого API «ВКонтакте» (<https://dev.vk.com/reference>) название, описание и количество подписчиков. Для этого использовался метод `groupsgetById` (<https://dev.vk.com/method/groups.getById>), при котором на вход подаются идентификаторы (id) сообществ, после чего метод возвращает заданные поля, в данном случае название, описание и количество подписчиков сообщества (Рисунок 1).

id	name	description	members
193323478	ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ / Коронавирус	Честно и оперативно о текущей ситуации	2499
145064683	Deer Love	Статьи и посты по тематикам: отношения	10877
189803941	Лопата любители истории УрФО	Сообщество любителей истории Урала и	474
37252831	Колное Право (СамоУправление)	Победить можно только вместе! http://vk.com	1904
34130139	Против чипизации и форсайт проекта "Дет	БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ НАС ЖДЕТ"Иннова	1525
191227483	История Всего	ATTENTION! Наши шутки не стремятся ко	33137
201230495	ТРЕБУЕМ ИЗМЕНЕНИЯ КОЛОНИАЛЬНЫ	ДОЛОЙ ВНЕШНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ! ИСТОЧ	1

Рисунок 1. Структура профиля сообщества

Figure 1. Community profile structure

Далее в ручном режиме была размечена небольшая часть сообществ на две категории: релевантное (1 – посвящено теме вакцинации от COVID-19) и нерелевантное (0 – посвящено другим темам). Разметка производилась на основании названия и описания сообщества. Было размечено 159 релевантных и 200 нерелевантных сообществ.

На основе полученной выборки была применена модель машинного обучения. Модель построена на базе алгоритма случайного леса (англ. random forest). Случайный лес является универсальным алгоритмом машинного обучения, предполагающим использование ансамбля решающих деревьев. Само по себе решающее дерево предоставляет невысокое качество классификации, но из-за большого их количества результат значительно улучшается. Вследствие небольшого размера обучающей выборки качество модели составило 69,3 % точности, что, тем не менее, оказывается достаточным, так как в данном случае модель использовалась для фильтрации нерелевантных сообществ и уменьшения ручной работы.

Было получено 5842 сообщества. Они подверглись ручной валидации по двум заявленным выше основаниям: 1 – по наличию лингвистических маркеров в названии и/или описании (позиционирующие себя как посвящённые теме вакцинации и/или COVID-19); 2 – по большому количеству опубликованных по теме вакцинации от COVID-19 сообщений. Чтобы установить пороговое значение количества сообщений для фильтрации, были рассчитаны перцентили и на их основании построено распределение по количеству релевантных сообщений в исследуемых 5842 сообществах (Рисунок 2). В результате был установлен порог в 56 сообщений (0,95 перцентиль).

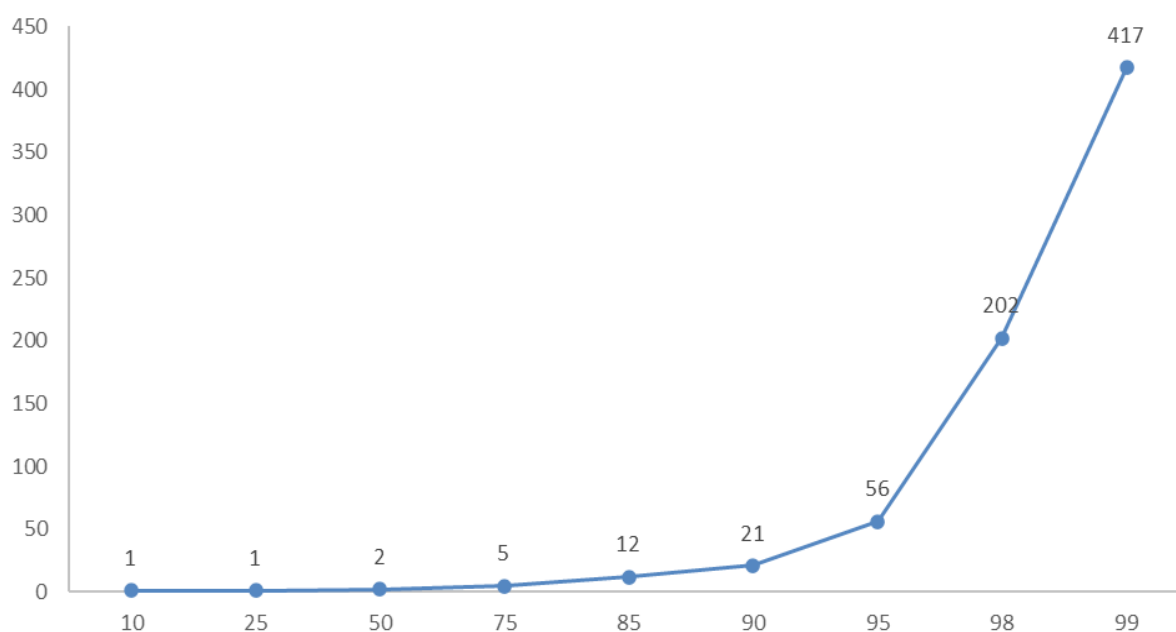

Рисунок 2. Распределение количества релевантных сообщений в сообществах по перцентильям

Figure 2. Distribution of the number of relevant messages in communities by percentiles

Таким образом, в реестр были добавлены все сообщества, опубликовавшие более 56 постов по тематике вакцинации за исследуемый период, даже

если их формальная тематика не имеет прямого отношения к вакцинации или COVID-19. Таких сообществ оказалось 298. Для формирования общего представления о том, в каких источниках наиболее активно обсуждается исследуемая тематика, сообщества были вручную классифицированы по тематическим категориям.

Сообщества, выделенные по критерию позиционирования, были объединены с соответствующей тематической категорией.

В итоговый реестр вошло 691 сообщество, которое либо позиционирует себя как сообщество о вакцинации или COVID-19, либо публикует большое количество сообщений по этой тематике.

Описанная методика отбора сообществ схематично представлена на Рисунке 3.

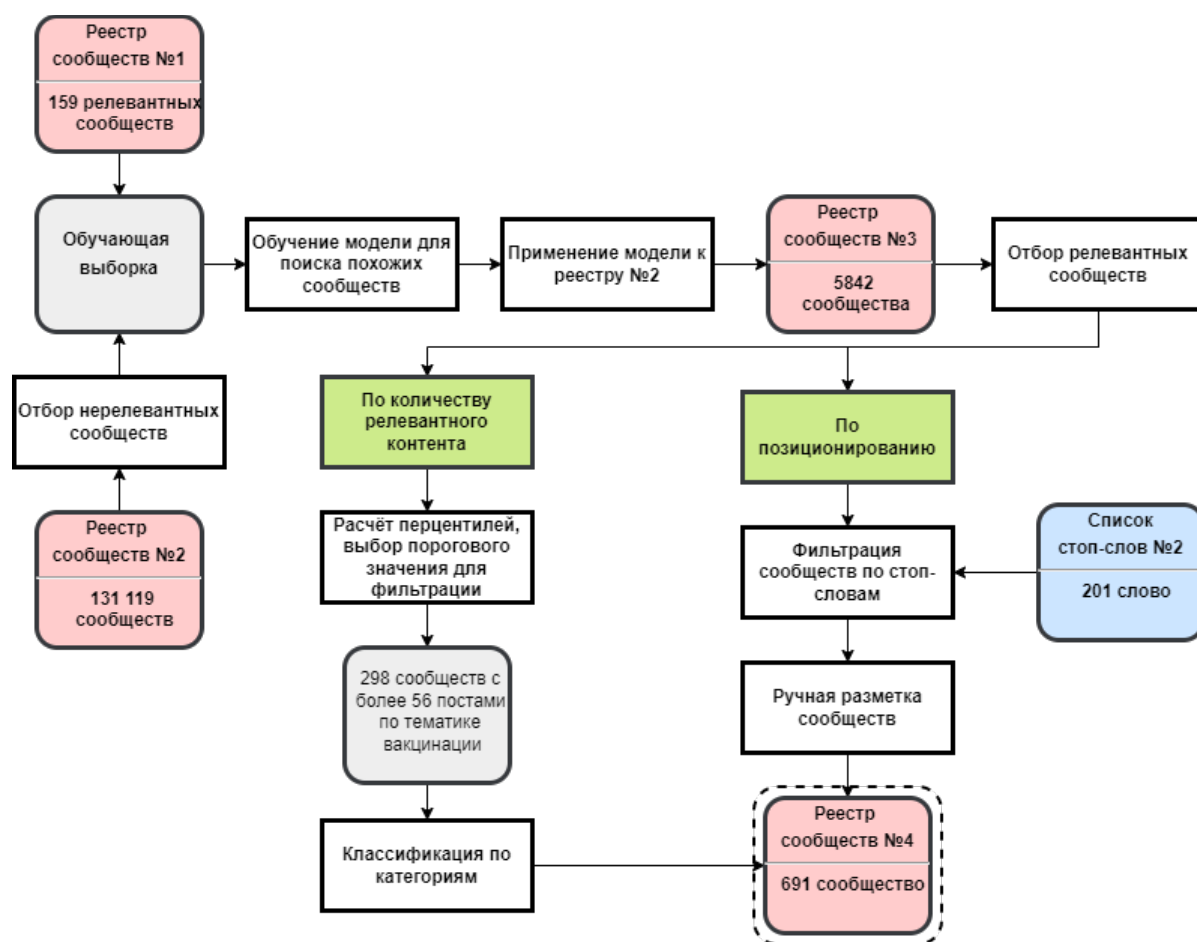

Рисунок 3. Методика отбора целевых сообществ «ВКонтакте»

Figure 3. Methodology for selecting target communities on “VK”

Методы анализа данных

Для анализа и интерпретации данных использованы статистический метод, аналитический, метод классификации, элементы лингвистического и нарративного анализа.

Методологической основой послужили работы в области специфики структуры и функционирования онлайн-сообществ в контексте проблематики распространения мнений И. В. Ксенофонтовой (2012); Н. ван Рэмдонка (2019); К. А. Платонова, Д. И. Юдиной (2019); Дж. Ши, П. Гасия, К. Сасахары (2022); Э. Варделла, Т. Вана, П. А. Томаса (2022); а также работы в области нарративного анализа в социальных науках Д.П. Полкингхорна (1988); Ж.-Ф. Лиотара (1998); И. В. Троцук (2004, 2005); П. Дея, К. Стейэрта (2010, 2012), В. В. Вольчика (2018), Б. Мёнстеда, С. Леманна (2022) и др.

В настоящем исследовании акцентировано понятие нарратива. Нарратив – многозначный междисциплинарный термин, содержание которого сегодня экстраполировано в научном дискурсе за пределы «сюжетности», «динамики», «последовательности» событий. Значимыми оказываются критерии «точки зрения», «субъективного опыта», «интерпретации», «реального фактического переживания», «аксиологичности», а также факта «рассказывания».

Современные информационные технологии, безусловно, способствовали краху гранд-нарратива, о котором писал Ж.-Ф. Лиотар, и появлению множества комплементарных или конкурирующих нарративов об одних и тех же фактах, процессах и событиях.

Востребованность понятия «нарратив» в современном междисциплинарном знании определяется тем, что нарратив представляет собой фундаментальную эпистемологическую структуру, которая помогает разобраться в хаотичном разнообразии и множественности данных и создать для них объяснительные модели. Как отмечает И. В. Троцук, «наиболее приемлемое «операциональное» определение нарратива – «формалистическое»: нарратив – серия единичных высказываний, в которой социолога интересует их обобщённое содержание» (2005, с. 10).

Результаты и обсуждение

Типология сообществ по позиционированию

Извлечённое 691 сообщество, публикующее контент по тематике вакцинации от COVID-19 было вручную размечено по тематическим категориям. Выделено 14 категорий (Таблица 1).

№	Категория сообщества по тематике	Количество сообществ	Суммированное количество подписчиков
1	Вакцинация от COVID-19	113	156 546
2	Вопросы вакцинации людей в целом (без конкретизации заболевания)	78	322 011
3	Вопросы COVID-19 в целом	184	810 040
4	Группы при медицинских и смежных с медициной организациях	41	397 192
5	Городские сообщества	56	2 683 447
6	Официальные группы СМИ (радио, журналы, телеканалы, Интернет-ресурсы)	36	6 951 632
7	Правовые, юридические	33	1 798 640
8	Родительские	28	2 691 846
9	Научно-просветительские	25	14 839 585
10	Политика	33	3 777 092
11	Общение, развлекательные, хобби, истории, творчество	26	11 438 814
12	Вопросы здоровья, медицины в целом, сообщества о других заболеваниях	20	799 904
13	Православные, в том числе нетрадиционные / неканонические	10	536 030
14	Другое	8	363 924

Таблица 1. Тематические категории сообществ, публикующих контент по тематике вакцинации от COVID-19

Table 1. Thematic categories of communities publishing content on the topic of vaccination against SARS-CoV-2

Тематически релевантными в данном списке можно считать первые три категории, они будут рассмотрены ниже отдельно.

По списку же в целом обращает на себя внимание тематический разброс сообществ, свидетельствующий об актуализации темы вакцинации в самых

разных проблемных аспектах. Уже по названиям сообществ можно спрогнозировать нарративы о принудительной вакцинации и праве на выбор; теориях заговора, выгодоприобретателях и доверии к власти; псевдонауке, мифах о вакцинации и научном знании; заботе о детях и ущемлённых родительских правах; противопоставлении (медицинской) науки религиозным убеждениям; заботе о здоровье и спорах о пользе вакцинации.

Проясняются некоторые категории «проваксерских» и «антиваксерских» площадок.

Например, значительное количество сообществ представляют собой **официальные группы, созданные при медицинских организациях**. В таких сообществах можно часто увидеть объявления о возможности сделать вакцинацию от COVID-19, медицинскую информацию и экспертные разъяснения о вакцинации, определённые рекомендации. Помимо непосредственно медицинских организаций, оказывающих диагностические и лечебные услуги (больницы, поликлиники, медицинские центры, медицинские кабинеты и др.), в данную группу были отнесены и профильные органы власти (Министерство здравоохранения, Роспотребнадзор), фармацевтические учреждения, социальные центры общественного здоровья, а также коммерческие компании, специализирующиеся на оздоровительных товарах.

В данных сообществах просматривается «проваксерская» установка. Сообщества транслируют прогосударственную и экспертную позицию. В ряде сообществ она зафиксирована в описании, например:

«В комментариях и личных сообщениях нашей группы запрещены мат и оскорбления других участников группы и Министерства, а также реклама и спам. Категорически запрещено размещение фейков о COVID-19 и вакцинации. Нарушение этих правил ведет к блокировке страницы нарушителя в данной группе» (Министерство здравоохранения Пермского края (https://vk.com/minzdrav_permkrai)).

Примеры сообществ, содержащих значительное количество сообщений о вакцинации от COVID-19: «Роспотребнадзор» (<https://vk.com/rospotrebnadzor.official>), «Министерство здравоохранения Самарской области» (https://vk.com/minzdrav_63), «ФармМедПром» (<https://vk.com/pharmmedprom>), «Больничная аптека | Аптека МО» (https://vk.com/pharm_hospital), «Городская больница № 2 г. Миасс» (<https://vk.com/zdravmiass>), «Нанолек – биофармацевтическая компания» (<https://vk.com/nanolek>) и др.

На функцию экспертизы, научный взгляд претендуют и большое количество сообществ, объединённых в группу научно-популярных, **научно-просветительских**. В них поддерживается взгляд на вакцинацию с позиции официальной (научной) медицины. Примеры сообществ: «Наука и Техника» (<https://vk.com/nayka>), «SciTopus – Наука и научпоп» (<https://vk.com/scitopus>), «Большие Технологии | Наука и Прогресс» (https://vk.com/big_tex) и др.

Названия некоторых сообществ предсказывают развенчание мифов о вакцинации на их стенах: «Мы против лженауки и клерикализации» (<https://vk.com/antimif>)

vk.com/versus_pseudoscience), «Σ Научный скептицизм – против псевдонауки» (<https://vk.com/skepticism1>) (статус: «Рационально – и точка. Паблик о когнитивных искажениях, и их влиянии на наше восприятие реальности») и т. п. Сообщество «АНТИ ПЛОСКАЯ ЗЕМЛЯ. NASA. gov» (https://vk.com/anti_flat_earth) имеет статус «Бесконечные только космос и плоскоземельная глупость». Один из ведущих нарративов проваксеров – осуждение невежества и развенчание мифов.

Можно бы было ожидать, что **официальные каналы СМИ** займут «проваксерскую» позицию, однако ряд их носит оппозиционный характер (особенно в случае Интернет-СМИ). Некоторые СМИ открыто заявляют негативную позицию относительно вакцинации в своём статусе или описании. Например, сообщество «Мировой Репортёр» (https://vk.com/world_reporter), представляющее Интернет-СМИ, имеющее 1668 подписчиков, содержит описание: «Выступающим ЗА принудительную вакцинацию, за введение QR-кодов и какие-либо ограничения для непривитых, за разделение привитых и непривитых в сообществе Мировой Репортер полагается БАН без разбана!».

Преобладание «антиваксерских» нарративов над «проваксерскими» проглядывается в **правовых, юридических** сообществах. Протест против принудительной вакцинации, ощущаемой как нарушение неприкосновенности, вмешательство в частную жизнь, спровоцировал нарратив «Моё тело – моё дело» и большую популярность правовых онлайн-сообществ. Сообщения по тематике вакцинации от COVID-19 появляются, например, в сообществах: «Медицинское право с B&O Barristers / Барристерс» (<https://vk.com/barristru>); «КПД – Комитет по защите персональных данных» (<https://vk.com/cifroskeptik>); «МОЕ ПРАВО: консультации юристов» (<https://vk.com/pravo1>); «Омбудсмен образования» (https://vk.com/perfect_lawyer) и др. В подобных сообществах часто можно видеть пафосные названия, например: «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ВАЖНЫ» (<https://vk.com/humanrightsmatter>), «#ЗаДобровольность» (<https://vk.com/zadobrovolnost>).

Отдельный блок правовых сообществ посвящён трудовому праву, часто это сообщества профсоюзов. Принудительная вакцинация в большом количестве случаев оказывается возможной из-за давления со стороны работодателя. Заметны профсоюзы, декларирующие защиту прав медицинских работников. Примеры сообществ с релевантным контентом: «Профсоюз «Действие» Саратов» (https://vk.com/action_sar) – группа профсоюза работников здравоохранения, «Профсоюз медработников «Действие»» (https://vk.com/medrabotnik_org), «Профсоюз ГБУЗ ТО «Областная больница №3»» (<https://vk.com/public192188577>).

Сообщества с заявленной социально-**политической** проблематикой часто отличаются поляризацией в позиционировании, то есть декларируют как оппозиционные, так и прогосударственные нарративы.

В оппозиционных сообществах предполагается антиваксерский нарратив. В литературе уже отмечалось, что ключевой нарратив антиваксеров – отсутствие доверия к государственной власти (Wawrzuta et al., 2021). Массовая вакцинация, проводимая государством, вызывает недоверие. Выдержки из описания сообщества: «Россия против электронного паспорта» (<https://vk.com/club93373898>):

«Россия против тотального контроля. Электронный паспорт, биометрия, а также закон Яровой – это нарушение прав и свободы человека. Это посягательство на личную жизнь человека. Нарушение Конституции России. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. <...> Мы против тоталитарных утопий: коммунизма/социализма, нацизма, фашизма. Против цифровой утопии. Цифровая экономика – это гибель России. Надо развивать реальную экономику, а не виртуальную (цифровую). Мы по прежнему живем в совдепии: Улицы, площади, города всё еще носят названия убийц, террористов. В центре Москвы всё еще лежит чучело. Вместо двуглавых орлов, в Кремле пентаграмма. И у юнармии также пентаграмма вместо орла. И наверху до сих пор сидят бывшие деятели КПСС, СС. И еще эти репрессивные указы. И как была однопартийная система, так она и осталась. Тотальная ложь и пропаганда с телеэкранов».

(Вакцинация очень часто оказывается в Интернет-дискурсе рядом с цифровизацией, что обычно отражено в названиях и описаниях сообществ).

Однако контент о вакцинации имеет место и в патриотических сообществах. Большое количество сообщений о вакцинации оказалось, например, в сообществах «Z. Политический патриотический паблик ППП» (https://vk.com/i_love_youdetka); «Россия и МВЛ» (https://vk.com/russia_bez_problem); РОССИЯ (https://vk.com/russia_country_love); «МОЯ РОССИЯ / История, наука, фото» (<https://vk.com/russiatoday>); «АНТИпысофоб» (<https://vk.com/blockukrop>) и др. Вектор доминирующего нарратива в подобных сообществах без ознакомления с контентом представляется неочевидным.

Поляризованными оказываются также **сообщества о здоровье, проблемах медицины в целом, других болезнях**. Среди них значительное количество сообществ заявлено как блоги/сообщества врачей: декларируется претензия на экспертность. Например, автор блога «Записки вирусолога» (<https://vk.com/club205655883>) указывает, что является доктором медицинских наук. Контент о вакцинации присутствует в большом объеме в сообществах типа «Консультации Врачей Онлайн» (<https://vk.com/doctor2020>).

В данной категории также обнаруживается значительная часть контента, посвященного правам медиков, в том числе относительно проблемы обязательной вакцинации.

Поляризованными мнения о вакцинации оказываются в **родительских** сообществах. Среди них много очень популярных сообществ, что связано и с наличием времени у женщин в отпуске по уходу за ребёнком, и с востребованностью обмена опытом, важностью для родителей проблемы прав и благополучия ребёнка. В сообществах наблюдается большая степень цифровой солидарности.

В отстаивании прав детей появляется много «антиваксерских» нарративов, связанных с недостаточным испытанием вакцин и неприемлемостью обязательной вакцинации (без учёта мнения родителей) в целом. В период пандемии смежной регулярно выступает тема дистанционного образования.

В названиях и описаниях сообществ часто эксплицирована готовность к активной оборонительной позиции, как правило, весьма пафосно, например: «Родительское движение. Калужская область» (<https://vk.com/rdko1>) (Из описания: «Объединение родителей Калужской области в борьбе с экспериментом ЦОС 2020 – 2022 гг, дистанционным образованием, защитой прав семей и не только...»); «Общественное движение «Родители Москвы»» (<https://vk.com/roditelimoskvi>) (из описания: «Наши цели : 1. Сохранение традиционной формы образования как основной, где сохраняется непосредственное взаимодействие в формате «ученик-ученик», «учитель-ученики» без использования дистанционных и электронных технологий. 2. Сохранение права родителей на выбор формы образования. 3. Сохранение здоровья детей и защита детей от проведения над ними экспериментов. 4. Защита интересов семьи и ребенка. Если Вы с нами, вместе Мы сила!»); «Против Ювенальной Юстиции! / Дети/ Семья/ Мама/» (<https://vk.com/club13847136>) (в описании осуждаются «ювеналы», которые добиваются «введения системы принудительной вакцинации и сексуального «просвещения»).

Сообщества, объединённые региональным критерием, обозначенные в типологии как «**городские**», собирают большое количество подписчиков, так как «местные» новости и события часто содержат «прикладную» информацию, поэтому бывают более интересны и полезны. Контент о вакцинации от COVID-19 включает, например, объявления о доступных пунктах вакцинации; местных административных нормах относительно QR-кодов, самоизоляции, ограничений в отношении невакцинированных и др. В работе (Platonov, Svetlov & Saifulina, 2022) авторы, отмечая, что в сети «ВКонтакте» среднее количество репостов было выше для тем «Вакцинация на местах» и «Формальная сторона вакцинации», видят причину в том, что эти тексты «чаще всего содержали информацию, которая могла быть полезна для обычных пользователей, что вызывало у людей желание ею поделиться» (с. 217). Тема «вакцинации в полевых условиях», согласно их выводам, «была больше сосредоточена на фактическом взаимодействии между медиком, пациентом и вакциной» (с. 217).

Более 1000 тематических сообщений о вакцинации от COVID-19 обнаружено в сообществах «Жесть Ярославль» (https://vk.com/ghest_po_yaroslavski), «Подслушано Воронеж» (https://vk.com/overhear_vrn), «Подслушано в Рыбинске» (https://vk.com/overhear_rybinsk), «Типичный Курск» (<https://vk.com/kurskkk>).

В целом, по реестру сообществ обнаруживается, что тема вакцинации вызывает, наряду с опасениями и переживаниями, **юмористическое отношение**. Часто в названии сообществ обозначен именно медицинский юмор, например: «МЕДИК ПОШУТИЛ» (<https://vk.com/public97066324>), «Доктор шутит» (<https://vk.com/public157730698>), «Чумовой доктор» (<https://vk.com/chumovoydoctor>) и др. Воспринимать даже драматическую информацию иронически – особенность российского менталитета. В психологических и психиатрических практиках, между тем, известно, что юмор и ирония являются действенными средствами отстранения, то есть способствуют более трезвому взгляду на вещи, освобождению от когнитивных искажений (см., например, (Ерофеева, 2020)). Отношение к ситуации с юмором в определённой степени противопоставлено нарративному мышлению.

Нарративы в сообществах о вакцинации и/или COVID-19 (уровень позиционирования)

Среди коммуникативных площадок, активно публикующих контент о вакцинации от COVID-19, найдено 374 сообщества, непосредственно заявляющих проблему вакцинации и/или COVID-19 в позиционировании. Они отражены в категориях 1–3 общей типологии и анализируются подробнее ниже. В таблице 2 представлены примеры данных сообществ, имеющие наибольшее количество подписчиков.

Название сообщества	Screen name	Количество подписчиков
СтопКоронавирус.РФ	https://vk.com/stopcoronavirusrf	518749
Прививки: «за» и «против»	https://vk.com/privivkazaiprotiv	52828
Ваша мама в секте	https://vk.com/anti_veganmama	40653
Прививка от мракобесия 18+	https://vk.com/privivka_mrac	37131
Не Корона Бро	https://vk.com/club201422696	32078
Я не ПРОТИВ ПРИВИВАНИЯ производителей вакцин	https://vk.com/privivkizlo	23440
Петербург против коронавируса	https://vk.com/spb_koronavirus	22676
Коронавирус Архангельская область	https://vk.com/new_29	22348
ИММУННЫЙ ОТВЕТ – Всероссийская акция	https://vk.com/immunotvet	20463
Обратная сторона COVID	https://vk.com/club199467941	18987
Коронавирус. Оперштаб Московской области	https://vk.com/coronavirus_mo	18621
Коронавирус. Оперштаб Белгородской	https://vk.com/covid19_bel	16680

области		
О прививках без истерик	https://vk.com/vaccinesnononsense	15055
Свободные люди Северо-Запада	https://vk.com/spblozasvobodu	13301
Тотальный контроль – Электронный концлагерь	https://vk.com/bopycsistem	13130
ЕВРОПЕЙСКИЙ ЦЕНТР ВАКЦИНАЦИИ	https://vk.com/privivkaspb	12865
Серьёзно о прививках и не только	https://vk.com/privivki	12318
Коронавирус. Оперштаб Воронежской области	https://vk.com/coronavirus36	12095
МЫ ПРОТИВ ГЕНОЦИДА РОССИИ!	https://vk.com/protivvseh2020	11082
КОРОНАВИРУС ПНЕВМОНИЯ АСТМА БРОНХИТ ГРИПП ОРВИ	https://vk.com/bronhi	11040
Коронавирус на Кубани	https://vk.com/koronakuban	10514
Центр иммунологии и вакцинации	https://vk.com/immunologperm	10222
Искажение вкуса и запаха после Covid-19	https://vk.com/zapahi_covid	10033
Платиновые Мысли Конспирологов ПМК	https://vk.com/pmkon	9693
Covivac КовиВак – третья вакцина от коронавируса	https://vk.com/covivac	8735
Специалисты о прививках	https://vk.com/yaprivit	8368
СТОП ОБМАН БАРАНОВЫРУС covid-19 КОРОНАВИРУС 2021	https://vk.com/vkcovid	7931
ПРОТИВ ЭЛЕКТРОННОГО КОНЦЛАГЕРЯ ЗА СВОБОДНЫЙ МИР*	https://vk.com/club201162578	7624
Народная взаимопомощь Антиковид	https://vk.com/anticovidvologda	7518
Против Принудительной Вакцинации	https://vk.com/club70433616	7459
Коронавирус. Синдром пост-ковид	https://vk.com/covidlongrussia	7406
Коронавирус	https://vk.com/club191282814	6904
Самый Центр ЦАО Москва	https://vk.com/best_tsao	6846
ИММУННЫЙ ОТВЕТ. R35	https://vk.com/immunn35	6782
Пермский центр иммунопрофилактики	https://vk.com/immunoperm	6663
Действовать будем МЫ	https://vk.com/club197777270	6277
химтрейлы коронавируса жидкий чип вакцинация	https://vk.com/stop_chemtrails	6253
Медицинское безумие	https://vk.com/club117920577	6042

Таблица 2. Сообщества о вакцинации и/или COVID-19 – лидеры по количеству подписчиков

Table 2. Communities about vaccination and/or SARS-CoV-2 are leaders in the number of subscribers

Во-первых, можно констатировать, что иногда среди 374 сообществ определяются уже названные выше типы сообществ: региональные, родительские, медицинские центры и др. Но при этом описание сообщества фиксирует его сконцентрированность на проблеме вакцинации от COVID-19.

Во-вторых, часто позиционирование сообщества выявляет его тональность: за вакцинацию, против, или информационно-нейтральный характер. Также очевидно, что «антиваксерских» сообществ намного больше, и они более склонны демонстративно декларировать свою позицию.

В-третьих, обнаруживается большое количество похожих сообществ. При блокировке какого-либо сообщества его подписчики могут легко переместиться в аналогичные. Сообщества взаимозаменяемы. Данный вывод подтверждается и результатами автоматизированной кластеризации сообществ по названиям (Рисунок 4).

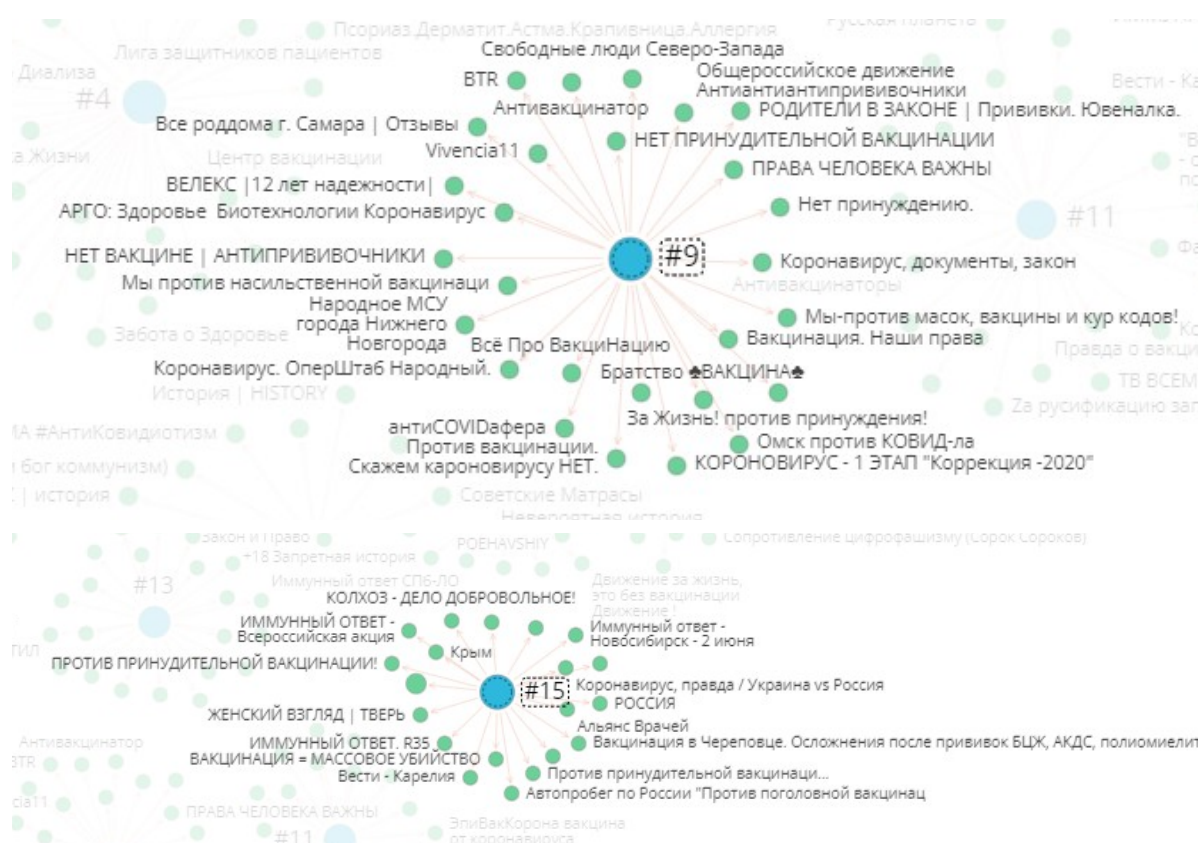

Рисунок 4. Примеры кластеров сообществ, полученных в результате автоматизированной кластеризации с помощью программной платформы PolyAnalyst

Figure 4. Examples of community clusters obtained as a result of automated clustering using the PolyAnalyst software platform

В позиционировании сообществ обнаруживается большое количество средств речевого воздействия, то есть манипулятивных приёмов: заглавные

буквы, эмоционально-оценочная лексика, сарказм, метонимии и выступления от обобщённого лица (например, «Россия» вместо «я и мои единомышленники»), слова высокого стиля (пафос), средства дискредитации оппонентов («истерика», «мракобесие» и др.), манипуляции на тщеславии («думающие родители» и др.), на страхе и т.д. Нет установки на нейтральное и строго фактографичное освещение событий, выявление «истины». Всё это свойственно нарративной коммуникации, лоббированию нарративно-коммуникативной стратегии.

В названиях сообществ обозначаются некоторые «проваксерские» (Таблица 3) и «антиваксерские» (Таблица 4) нарративы.

№	Нарратив	Пример сообщества	
		Название	Ссылка
1.	Вакцинация – лучшая и единственная надёжная защита от коронавируса.	Наш щит иммунитет	https://vk.com/public204641713
2.	Сомнения в безопасности и эффективности вакцинации не имеют научных обоснований, не оправданы.	Движение против дезинформации о вакцинации	https://vk.com/infocovid
		Правда о вакцинации. Мифы и разоблачения.	https://vk.com/club204132164
3.	Антиваксеры – невежественны и смешны.	Отдел научных ересей Св.Инквизиции. ГМО и т.д.	https://vk.com/club78394584
		Ваша мама в секте	https://vk.com/anti_veganmama
		Прививка от мракобесия 18+	https://vk.com/privivka_mrac
4.	Необходимо просвещать население, чтобы люди ставили прививку сознательно.	ПриVIVAйся	https://vk.com/club204298233
		За Вакцинацию от Ковид-Короны! Факты.	https://vk.com/public208993466
5.	Во время пандемии действуют свои законы, поэтому обязательная вакцинация оправдана.	АНО «Коллективный иммунитет»	https://vk.com/herdimmunity

Таблица 3. Отражение в названиях сообществ основных «проваксерских» нарративов

Table 3. Reflection in the names of the communities of the main “provaxer” narratives

Очевидно, что «проваксерские» нарративы достаточно однотипны и иногда трудноразделимы. Норма никогда не отличается разнообразием.

№	Нарратив	Пример сообщества	
		Название	Ссылка
1	Степень опасности коронавируса преувеличена / коронавируса нет.	Хроника жертв карантиноцида.	https://vk.com/public205924892
		Лжепандемия. Как нас хотят уничтожить.	https://vk.com/club197766912
2	Вакцинация опасна для здоровья.	Я не ПРОТИВ ПРИВИВАНИЯ производителей вакцин	https://vk.com/privivkizlo
		Эффективные субстанции	https://vk.com/club180261570
3	Вакцинация может вызывать осложнения.	ПВО – Поствакцинальные осложнения	https://vk.com/club190177448
4	«Моё тело – моё дело». Право на выбор.	Свободные люди Северо-Запада	https://vk.com/spblozasvobodu
		СТОП ПРИВИВОЧНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ. Юридич. помощь.	https://vk.com/stopukol
5	Теории заговора. Вакцинация выгодна власти.	ПланДемия и Новая «Нормальность»	https://vk.com/public199859959
6	Проводится некий медицинский эксперимент над людьми.	Движение «За правду о результатах эксперимента»	https://vk.com/ftar1984
7	Теории заговора. Мировые политические элиты преследуют свои цели.	Преступления ковид-фашистов мирового правит-ства	https://vk.com/public201975126
8	Теории заговора. Цели вакцинации связаны с фармацевтическим бизнесом.	Медицина – Big Pharma – геополитика	https://vk.com/club154272810
9	Теории заговора. Вакцина – это биологическое оружие.	Биобезопасность. Презумпция виновности.	https://vk.com/public171453726
10	Теории заговора. Цель массовой вакцинации – чипизация / биометризация / цифровизация.	химтрейлы короновирус жидкий чип вакцинация	https://vk.com/stop_chemtrails
		АФЁРА ВЕКА – covid-19, чипизация, убийства и пр.	https://vk.com/club195093864
		Соппротивление цифрофашизму (Сорок Сороков)	https://vk.com/anticifrofashizm

Таблица 4. Отражение в названиях сообществ основных «антиваксерских» нарративов

Table 4. Reflection in the names of the communities of the main “antivaxer” narratives

В целом преобладают различные конспирологические теории, нарратив о небезопасности вакцины, недоверие к власти и официальным институтам, а также нарратив о праве на выбор.

«Антиваксерские» сообщества представляют собой оппозиционные сообщества, поэтому их больше, чем «проваксерских». Известно, что «сети социальных связей всегда играли существенную роль в процессе привлечения интереса и вовлечения в протестные движения» (Platonov, Svetlov & Saifulina, 2022, p. 228), а также, что «коммуникация в протестных сообществах является довольно плотной, и насыщение этих виртуальных площадок новой информацией происходит постоянно и непрерывно. С одной стороны, активность стимулируют модераторы сообществ, постоянно представляющие новые информационные поводы, с другой – сами пользователи, очевидно, испытывают потребность и в самостоятельном обсуждении политических и околополитических тем» (Ксенофонтова, 2012, с. 116). Как представители протестного движения, «убеждённые антипрививочники – пользователи социальных сетей – как правило, образуют сплоченные кластеры, которые демонстрируют высокую степень внутригрупповой солидарности и в которых дезинформация может процветать беспрекословно» (Mønsted & Lehmann, 2022, p. 8).

Названия сообществ, безусловно, не отражают все нарративы. Многие из них могут быть выявлены только на уровне контента.

В позиционировании сообществ «ВКонтакте» не встретились, например, однозначно выраженные нарративы об альтернативной медицине, недостаточном испытании вакцин, недоверии к экспертному знанию, гражданской ответственности, историй смертельных вакцинаций, бесполезности прививки, врачах как выгодоприобретателях и др. Между тем, все эти нарративы широко циркулируют в сети Интернет.

Заключение

Установлено, что в социальной сети «ВКонтакте» рассредоточено большое количество сообществ, публикующих контент по тематике вакцинации от COVID-19. Названия сообществ часто задают поддерживаемые их создателями нарративы.

Проникновение нарративов о вакцинации в сообщества и непрофильных тематик свидетельствует о широком спектре социально значимых проблем, актуализируемых в связи с поводом массовой вакцинации.

Количественное доминирование «антиваксерских» сообществ в сети над «проваксерскими» подтверждает, что «противники вакцинации больше склонны к нарративному мышлению, чем сторонники вакцинации» (Shi, Ghasiya & Sasahara, 2022). Другие причины видятся в объяснимо большей активности оппозиционных акторов по сравнению со сторонниками поддерживаемого властью нарратива (выражение солидарности, потребность

в поддержке), а также с традиционным для социальных сетей фактором «вбросов»: за значительным количеством «антиваксерского» контента стоят одни и те же аккаунты.

Перспективы исследования связаны с осуществлением сетевого анализа (SNA) извлечённых сообществ: построением сети сообществ по критерию наличия общих подписчиков. Помимо упомянутых аккаунтов, он позволит выявить наличие/отсутствие эхо-камер – замкнутости подписчиков в сети однополярных сообществ, приводящих к невосприимчивости к противоположным источникам информации.

По мнению одного из наиболее цитируемых исследователей в области проблемы отношения к вакцинации Анны Каты, в XXI веке «возникла новая постмодернистская парадигма здравоохранения, в которой власть перешла от врачей к пациентам, легитимность науки подвергается сомнению, а опыт пересматривается. Вкупе это создало среду, в которой активисты, выступающие против вакцинации, могут эффективно распространять свои идеи» (Kata, 2012, p. 3778). Информационный фон в социальной сети становится реальным фактором уровня заболеваемости. Формируемые в сети нарративы могут провоцировать поляризацию мнений, которая, в свою очередь, может приводить к негативным последствиям, в частности социальным конфликтам.

Привлечение больших данных позволяет объективизировать цельную картину сформированных нарративов для оценки их возможной опасности, количественного оценивания объёма сторонников в цифровом обществе, подготовки профессиональных (медицинских, правовых) рецензий на популярные фейки и вбросы, научного анализа обусловленности / необусловленности основных поводов социальных опасений и причин социальной тревожности в связи с заявленной тематикой.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект 23-28-01025 «Исследование нарративов в социальных медиа с применением технологии анализа больших данных (на примере нарративов о вакцинации от COVID-19)».

The research was supported by RNF, project 23-28-01025 “Research of narratives in social media using big data analysis technology (on the example of COVID-19 vaccination narratives).”

Список литературы

- Akerlof, G. A., & Snower, D. J. (2016). Bread and Bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>

- Dey, P., & Steyaert, Ch. (2010). The Politics of Narrating Social Entrepreneurship. *Journal of Enterprising Communities People and Places in the Global Economy*, 4, 85–108. <https://doi.org/10.1108/17506201011029528>
- Dey, P., & Steyaert, Ch. (2012). The Critical Turn in Social Entrepreneurship Research. Toward an Ideology Critique of Social Entrepreneurship. *Economic and Social Research Council (ESRC) Seminar Series : Reconstructing Social Enterprise*. University of Northampton. <https://www.alexandria.unisg.ch/handle/20.500.14171/91818>
- Kata, A. (2010). A postmodern Pandora's Box: Anti-Vaccination Misinformation on the Internet. *Vaccine*, 28(7), 1709–1716. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2009.12.022>
- Kata, A. (2012). Anti-Vaccine Activists, Web 2.0, and the Postmodern Paradigm – An Overview of Tactics and Tropes Used Online by the Anti-Vaccination Movement. *Vaccine*, 30, 3778–3789. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2011.11.112>
- Mønsted, B., & Lehmann S. (2022). Characterizing Polarization in Online Vaccine Discourse – A Large-Scale Study. *PLoS ONE*, 17(2), e0263746. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263746>
- Platonov, K., Svetlov K., & Saifulina V. (2022). Discourse on Vaccination on Russian Social Media: Topics and Controversy. 2022 32nd Conference of Open Innovations Association (FRUCT), Tampere, Finland. <https://doi.org/10.23919/FRUCT56874.2022.9953888>
- Polkinghorne, D. P. (1988). *Narrative Knowing and the Human Sciences*. State University of New York Press. https://books.google.ru/books?id=co56EVxBV8YC&lr=&num=20&redir_esc=y
- Schiller, R. J. (2017). Narrative Economics. *American Economic Review*, 107 (4), 967–1004. <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>
- Schiller, R. J. (2019). *Narrative Economics. How stories go viral and drive major economic events*. Princeton. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
- Shi, J., Ghasiya, P., & Sasahara, K. (2022). Psycho-Linguistic Differences Among Competing Vaccination Communities on Social Media. *APSIPA Transactions on Signal and Information Processing*, 11, e15. <https://doi.org/10.1561/116.000000056>
- Van Raemdonck, N. (2019). The Echo Chamber of Anti-Vaccination Conspiracies: Mechanisms of Radicalization on Facebook and Reddit. *Institute for Policy, Advocacy and Governance (IPAG) Knowledge Series, Forthcoming*, Available at SSRN. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3510196
- Vardell, E., Wang, T., & Thomas P. A. (2022). “I Found What I Needed, Which Was a Supportive Community”: an Ethnographic Study of Shared Information Practices in an Online Cosplay Community. *Journal of Documentation*, 78(3), 564–579. <https://doi.org/10.1108/JD-02-2021-0034>
- Wawrzuta, D, Jaworski, M, Gotlib, J, & Panczyk, M. (2021). What Arguments against COVID-19 Vaccines Run on Facebook in Poland: Content Analysis of Comments. *Vaccines (Basel)*, 9(5), 481. <https://doi.org/10.3390/vaccines9050481>
- Вольчик, В. В. (2022). К вопросу о теории и методологии нарративной экономики. *Вопросы теоретической экономики*, 3(16), 31–46. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46
- Вольчик, В. В., & Маслюкова, Е. В. (2018). Нарративы, идеи, институты. *TERRA ECONOMICUS*, 16(2), 150–168. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168>

- Грошева, П. Ю., Мыслякова, Ю. Г., & Неклюдова, Н. П. (2022). Цифровые компетенции трансформации экономики в промышленных регионах: нарративный подход. *Экономика и управление*, 28 (3), 240–254. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-3-240-254>
- Дунаева, Д. О., & Басина, П. А. (2022). Методология анализа контента социальной сети «ВКонтакте»: тематика вакцинации от COVID-19. *Казанский социально-гуманитарный вестник*, 4, 22–28. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.4.22-28>
- Ерофеева, М. С. (2020). Юмор и способность к самодистанцированию по В. Франклу, практическое применение в логотерапевтическом консультировании. XXV Международный симпозиум «Психологические проблемы смысла жизни и акме» (Москва, 15–16 апреля 2020), 237–239. <https://doi.org/10.24411/9999-042A-2020-00066>
- Ксенофонтова, И. В. (2012). Роль Интернета в развитии протестного движения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(109), 114–116.
- Лиотар, Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. Институт экспериментальной социологии; Алетейя.
- Платонов, К. А., & Юдина, Д. И. (2019). Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте». *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 5, 226–249. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.11>
- Саркисова, А. Ю., Петров, Е. Ю., & Дунаева, Д. О. (2023). Разработка системы лингвистических маркеров для автоматизированной выгрузки тематических текстовых данных из социальной сети. *Государственное управление. Электронный вестник*, 97, 70–84. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-70-84>
- Троцук, И. В. (2004). Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 6–7, 56–74.
- Троцук, И. В. (2005). Нарративный анализ в социологии: возможности практического применения. [Автореферат диссертации]. Москва, 2005.
- Шиллер, Р. Дж. (2018). Нарративная экономика и нейроэкономика. *Финансы: теория и практика*, 22 (1), 64–91. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-1-64-91>

References

- Akerlof, G. A., & Snower, D. J. (2016). Bread and Bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
- Dey, P., & Steyaert, Ch. (2010). The Politics of Narrating Social Entrepreneurship. *Journal of Enterprising Communities People and Places in the Global Economy*, 4, 85–108. <https://doi.org/10.1108/17506201011029528>
- Dey, P., & Steyaert, Ch. (2012). The Critical Turn in Social Entrepreneurship Research. Toward an Ideology Critique of Social Entrepreneurship. *Economic and Social Research Council (ESRC) Seminar Series : Reconstructing Social Enterprise*. University of Northampton. <https://www.alexandria.unisg.ch/handle/20.500.14171/91818>
- Dunaeva, D. O., & Basina P. A. (2022). Methodology for Analyzing the Content of the Social Network “VKontakte”: the Topic of Vaccination against COVID-19. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*, 4, 22–28. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.4.22-28> (In Russian)

- Erofeeva, M. S. (2020). Humor and the Ability to Self-Distancing According to V. Frankl, Practical Application in Logotherapy Counseling. XXV International Symposium "Psychological Problems Of The Meaning Of Life And Acme" Moscow, April 15–16, 2020, 237–239. <https://doi.org/10.24411/9999-042A-2020-00066> (In Russian)
- Grosheva, P. Yu., Myslyakova, Yu. G., & Neklyudova, N. P. (2022). Digital Competencies of Economic Transformation in Industrial Regions: a Narrative Approach. *Economics and Management*, 28 (3), 240–254. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-3-240-254> (In Russian)
- Kata, A. (2010). A postmodern Pandora's Box: Anti-Vaccination Misinformation on the Internet. *Vaccine*, 28(7), 1709–1716. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2009.12.022>
- Kata, A. (2012). Anti-Vaccine Activists, Web 2.0, and the Postmodern Paradigm – An Overview of Tactics and Tropes Used Online by the Anti-Vaccination Movement. *Vaccine*, 30, 3778–3789. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2011.11.112>
- Ksenofontova, I.V. (2012). The Role of the Internet in the Development of the Protest Movement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3(109), 114–116. (In Russian)
- Lyotard, J.-F. (1998). *The Postmodern Condition*. Institute of Experiments Sociology; Aletheya. (In Russian)
- Mønsted, B., & Lehmann S. (2022). Characterizing Polarization in Online Vaccine Discourse – A Large-Scale Study. *PLoS ONE*, 17(2), e0263746. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263746>
- Platonov, K., Svetlov K., & Saifulina V. (2022). Discourse on Vaccination on Russian Social Media: Topics and Controversy. 2022 32nd Conference of Open Innovations Association (FRUCT), Tampere, Finland. <https://doi.org/10.23919/FRUCT56874.2022.9953888>
- Platonov, K. A., & Yudina, D. I. (2019). Agenda of Online Protest Communities of St. Petersburg on "Vkontakte". *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 226–249. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.11> (In Russian)
- Polkinghorne, D. P. (1988). *Narrative Knowing and the Human Sciences*. State University of New York Press. https://books.google.ru/books?id=co56EVxBV8YC&lr=&num=20&redir_esc=y
- Sarkisova, A. Yu., Petrov, E. Yu., & Dunaeva, D. O. (2023). Development of a System of Linguistic Markers for Automated Unloading of Thematic Text Data from a Social Network. *Public Administration. E-journal*, 97, 70–84. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-70-84> (In Russian)
- Schiller, R. J. (2017). Narrative Economics. *American Economic Review*, 107 (4), 967–1004. <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>
- Schiller, R. J. (2019). *Narrative Economics. How stories go viral and drive major economic events*. Princeton. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
- Schiller, R. J. (2018). Narrative Economics and Neuroeconomics. *Finance: Theory and Practice*, 22 (1), 64–91. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-1-64-91>
- Shi, J., Ghasiya, P., & Sasahara, K. (2022). Psycho-Linguistic Differences Among Competing Vaccination Communities on Social Media. *APSIPA Transactions on Signal and Information Processing*, 11, e15. <https://doi.org/10.1561/116.000000056>
- Trotsuk, I. V. (2004). Narrative as an Interdisciplinary Methodological Construct in Modern Social Sciences. *Vestnik RUDN University. Series: Sociology*, 6–7, 56–74. (In Russian)
- Trotsuk, I. V. (2005). *Narrative Analysis in Sociology: Possibilities for Practical Application*. [PhD Thesis]. Moscow, 2005.

- Van Raemdonck, N. (2019). The Echo Chamber of Anti-Vaccination Conspiracies: Mechanisms of Radicalization on Facebook and Reddit. *Institute for Policy, Advocacy and Governance (IPAG) Knowledge Series, Forthcoming*, Available at SSRN. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3510196
- Vardell, E., Wang, T., & Thomas P. A. (2022). "I Found What I Needed, Which Was a Supportive Community": an Ethnographic Study of Shared Information Practices in an Online Cosplay Community. *Journal of Documentation*, 78(3), 564–579. <https://doi.org/10.1108/JD-02-2021-0034>
- Volchik, V. V. (2022). To the Question of the Theory and Methodology of Narrative Economics. *Questions of Theoretical Economics*, 3(16), 31–46. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46 (In Russian)
- Volchik, V. V., & Maslyukova, E. V. (2018). Narratives, Ideas, Institutions. *TERRA ECONOMICUS*, 16(2), 150–168. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168> (In Russian)
- Wawrzuta, D, Jaworski, M, Gotlib, J, & Panczyk, M. (2021). What Arguments against COVID-19 Vaccines Run on Facebook in Poland: Content Analysis of Comments. *Vaccines (Basel)*, 9(5), 481. <https://doi.org/10.3390/vaccines9050481>

Polarization of Turkish Society and Technologies of “Network Revolutions”: The Experience of 2013, the military Coup of 2016 and a Look into the Future

Kirill I. Nagornyak¹, Natalia E. Demeshko², Olga A. Moskalenko³ & Aleksandr A. Irkhin⁴

Sevastopol State University. Sevastopol, Russia

Received: 7 September 2023 | Revised: 11 November 2023 | Accepted: 18 November 2023

Abstract

The authors of the article, basing on the structural-functional method of system approach, investigate the long-term confrontation in Turkey between the supporters of national independence (neo-Ottoman system) and integration into the liberal-democratic paradigm of the collective West (secular system). The Taksim-Gezi mass protests in 2013 and the attempted military coup on July 15, 2016 by supporters of Fethullah Gulen (“Feto”) are examined through the prism of the methodology of influencing the “pillars” of the political regime. The tools of mass communication, coordination, and mobilization of the population during the mentioned period are studied. The publication uses content analysis and behavioral analysis of user search queries in Google Trends.

The successful counteraction of the “neo-Ottoman” system to the challenges of the “secular” camp, internal opposition, as well as the role of R. T. Erdogan in maintaining the balance of power in the country is underlined.

In conclusion, the author highlights the possible risks to Turkey’s stability in the future, associated with changes in the political situation and the opposition, in case of a change of leadership in the country.

The study is aimed at developing a methodology for determining the cycles of protest activity and the involvement of the population in these events. This will make it possible to predict the level of stability of the political regime to “network revolutions” and coups d’état.

Keywords

Turkey; Taksim Gezi; Network Revolution; Feto; Fethullah Gülen; Nato; Neo-Ottomanism; R. T. Erdoğan; AKP; Coup D’état; Justice and Development Party; Turkish Elections 2023; Protests in Turkey 2013

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: kir.nagornyak[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0075-1405>

2 Email: natalidem93[at]mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>

3 Email: kerulen[at]bk.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>

4 Email: alex.irhin[at]mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>

Поляризация турецкого общества и технологии «сетевых революций»: опыт 2013, 2016 годов и взгляд в будущее

Нагорняк Кирилл Иванович¹, Демешко Наталья Эдуардовна²,
Москаленко Ольга Александровна³, Ирхин Александр Анатольевич⁴

Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия

Рукопись получена: 7 сентября 2023 | Пересмотрена: 11 ноября 2023 | Принята: 18 ноября 2023

Аннотация

Авторы статьи на основании структурно-функционального метода системного подхода исследуют долгосрочное противостояние в Турции между сторонниками нео-османской системы и интеграции в либерально-демократическую систему коллективного Запада (светской системы). Рассмотрены массовые протесты «Таксим-Гези» в 2013 г. и попытка военного переворота 15 июля 2016 г. сторонников Фетхуллага Гюлена («Хизмет») через призму методологии воздействия на «столпы» политического режима. Изучены инструменты массовой коммуникации, координации и мобилизации населения в указанный период. В публикации использованы результаты контент-анализа, а также метод анализа данных сервиса в Google Trends, который предоставляет доступ к выборке поисковых запросов пользователей на государственном уровне.

Отмечено успешное противодействие «нео-османской» системы вызовам «светского» лагеря, внутренней оппозиции, а также роль Р. Т. Эрдогана в удержании баланса сил в стране. В заключении авторы выделяют будущие возможные риски стабильности Турции, связанные с изменением политической ситуации и оппозицией, в случае смены руководства в стране.

Исследование направлено на разработку методики определения циклов активности протестов и вовлечения населения в указанные события. Это позволит прогнозировать уровень устойчивости политического режима к «сетевым революциям» и государственным переворотам.

Ключевые слова

Турция; Таксим-Гези; сетевая революция; ФЕТО; Фетхуллах Гюлен; НАТО; нео-османизм; Р. Т. Эрдоган; ПСР; государственный переворот; Партия справедливости и развития; выборы в Турции 2023; протесты в Турции 2013

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons "Attribution"](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: kir.nagornyak[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0075-1405>

2 Email: natalidem93[at]mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>

3 Email: kerulen[at]bk.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>

4 Email: alex.irhin[at]mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>

Введение

В Турции 14 мая 2023 года состоялись парламентские выборы и первый тур выборов президента. Дата начала избирательного процесса выбрана не случайно, именно 14 мая 1950 года турецкие граждане впервые в истории республики голосовали с использованием «тайного голосования» и открытой сортировки бюллетеней. За это время страна прошла путь от подражания Западу во внешней и внутренней политике до возвращения с 2002 года к своим историческим и цивилизационным корням. С указанной тенденцией связан выбор турецкой элиты в пользу имперского возрождения страны, что непосредственно обусловлено политикой партии Справедливости и развития (ПСР). Одним из ключевых достижений указанной партии стало максимальное ослабление модели зависимого развития Турции от США, сформированной после 1945 года. Она включала контроль Вашингтоном ключевых элементов турецкого общества: элиты, армии, экономики, а также внешней политики через вовлечение государства в проамериканские союзы (Ирхин, 2016). В то же время для коллективного Запада Турция – важный союзник в сфере Североатлантического альянса, в том числе по отношению к Специальной военной операции России на Украине. Анкара играет ведущую роль в расширении НАТО на восток, а также во взаимоотношениях великих держав, таких как США, Россия, Китай и Иран (Сагартая, 2023). Президентские выборы 2023 года показали, что турецкое общество поляризовано в пределах двух конкурирующих систем, регулирующих внутреннюю и внешнюю политику государства (Fransız uzmandan seçim analizi, 2023). Первое направление условно мы обозначим как «самостоятельное» или «нео-османское», включающее в себя три идеологических направления: «нео-османизм», «неопантюркизм» и «неоисламизм», которые опираются на духовные традиции Османской империи и направлены на интеграцию стран тюркского мира в единый союз. Система представлена партией Справедливости и развития. Во время второго тура президентских выборов 28 мая 2023 года ее лидер Р. Т. Эрдоган набрал 52,18% голосов избирателей, тем самым в третий раз подтвердив пост президента страны. Вторую систему мы условно назовем «светской», представленной Республиканской народной партией и направленной на интеграцию с ЕС и США, в рамках либерально-демократической системы коллективного Запада. Ее лидер К. Кылычдароглу 28 мая 2023 года набрал 47,82% голосов турецкого населения.

Различия данных кандидатов прослеживалась и в построении избирательных программ. Так, если Р. Т. Эрдоган делал акцент на свои внешнеполитические успехи и на построение «Новой Турции» («Yeni Türkiye»), то К. Кылычдароглу активно критиковал как внутреннюю, так и внешнюю политику действующего лидера страны и апеллировал к необходимости возвращения страны к истокам Турецкой Республики, которые были заложены в начале XX в. М. К. Ататюрком (Чобанян, 2023). Несмотря на предположения

экспертов “Economist Intelligence” относительно возможной политической нестабильности и «народного протеста» в случае победы Р. Т. Эрдогана и партии Справедливости и развития (Лое, 2023), в ночь на 28 мая 2023 года действующая власть массово мобилизовала своих сторонников на главных площадях и улицах городов, тем самым закрепляя свою победу и препятствуя оппозиции в организации акций протеста.

Чем обусловлен опыт, накопленный политическим режимом в борьбе с народными протестами? Дата второго раунда президентских выборов в Турции 28 мая 2023 года совпала с десятой годовщиной массовых уличных протестов, известных как «Таксим Гези», которая в статье рассматривается как попытка «сетевой революции» – принудительной смены политического режима через массовые уличные протесты, где ключевым инструментом коммуникации и мобилизации активистов выступает сеть Интернет. В Стамбуле на площади «Таксим» 27 мая 2013 года коммунальные службы начали вырубку деревьев в парке «Гези» для строительства торгового центра в стиле казарм времен Османской империи. Это вызвало протест со стороны экоактивистов, которые 28 мая 2013 года заблокировали строительные работы с помощью акций ненасильственного сопротивления. Массовым мобилизующим фактором населения стал разгон силовиками лагеря протестующих 31 мая 2013 года, после чего протестные акции приняли общегосударственный политический характер (Baban, 2015).

После подавления протестного движения партия ПСР получила ценный опыт в противодействии государственным переворотам подобного типа и приняла меры для усиления устойчивости политического режима.

Цель исследования – изучить особенности сценария, который был использован для оказания воздействия на «столпы» поддержки политического режима в Турции во время попытки «сетевой революции» 2013 года, а также неудачного военного переворота 15-16 июля 2016 года. Дополнительно исследование направлено на разработку методики определения циклов активности протестов и вовлечения населения в указанные события. Это позволит прогнозировать уровень устойчивости государства к переворотам подобного типа. Авторы статьи руководствуются логикой последовательного решения поставленных задач:

1. Определить сценарии «сетевой революции» в Турции летом 2013 года.
2. В рамках методологии «столпов» поддержки политического режима выявить ключевые системы поляризации турецкого общества в 2013 году.
3. Обозначить ведущие ресурсы коммуникации протестующих.
4. На основании поведенческого фактора турецких пользователей поисковой системы Google определить циклы активности протестов, а также степень вовлеченности населения в указанные процессы.

5. Изучить военный переворот 15-16 июля 2016 года с точки зрения методологии «столпов» поддержки политического режима.

Объект статьи – турецкое общество в период массовых протестов 2013 года, а также военного переворота 15-16 июля 2016 года. Предмет – способность «нео-османского» проекта ПСР к противодействию государственным переворотам.

Исследование протестов в Турции летом 2013 года проводилось на основании структурно-функционального метода системного подхода, который позволяет рассматривать комплекс указанных событий как технологию «сетевой революции». В ее основе лежит принцип изоляции «столпов» поддержки политического режима – последовательного перехвата органов защиты и управления государством. При этом «сетевая революция» рассматривается как эмерджентная система, действующая на основе подсистем, каждая из которых сама по себе не способна привести к смене политического режима. Связующим коммуникационным пространством «сетевой революции» выступает Интернет, в рамках которого происходит мобилизация, координация и коммуникация протестующих. Для точного определения влияния протестов «Таксим Гези» на турецкое общество в публикации использованы контент-анализ и поведенческий анализ поисковых запросов пользователей в Google Trends. Это позволило точно определить тенденции и политические тренды в Турции в указанный период.

В России работы по исследованию протестов в парке Гези представлены в публикациях А. И. Зубковой (2013), П. В. Шлыкова (2015), Д. Б. Малышевой (2014), А. А. Ирхина (2019), И. Г. Саетова (2021), которые в первую очередь рассматривают указанные события в аспекте внутренней борьбы двух систем – «нео-османистов», действующей партии Справедливости и развития, и «светской Турции», представленной оппозиционными партиями.

Массовые протесты «Таксим-Гези» наиболее хорошо изучены турецкими учеными. Так, сотрудники «Института стратегического мышления», государственного мозгового центра, расположенного в Анкаре, отметили факт высокой организации протестного движения и необычной лояльности международных СМИ к действиям активистов, что можно определить как международный заговор против действующей турецкой власти. Например, нападение на офис турецкого премьер-министра, резиденцию и штаб-квартиру действующей партии в Анкаре и офис Долмабахче в Стамбуле в западных СМИ позиционировали как действия «невинных детей», ставших жертвами насилия со стороны полиции (Taksim Gezi Parki eylemleri raporu, 2013, p.11). О международном влиянии на Анкару свидетельствуют многочасовые трансляции CNN с площади Таксим, а также попытка СМИ Евросоюза и Великобритании представить массовые протесты как продолжение «Арабской весны» в Турции (Taksim Gezi Parki eylemleri raporu, 2013, p. 22–23)

Турецкий исследователь Билал Самбур отметил, что протесты в парке «Таксим-Гези» – стратегический инструмент борьбы представителей бывшей политической элиты с целью вернуть себе единоличное владение Турцией. Несмотря на то, что протестующие утверждали, что ими движет забота о сохранении деревьев, масштаб обструкции увеличивался, и активисты требовали отставки правительства. Это свидетельствовало о том, что борьба оппозиции была нацелена на установление политической гегемонии. Исследователь подчеркнул, что указанные события представляют собой стратегический этап передового проекта социальной инженерии, разработанного для реализации цели – создать Турцию без Р. Т. Эрдогана (Sambur, 2013).

Коллектив исследователей Государственного университета Дидкле С. Алсан, О. Тайлан и Д. Бастуг рассмотрели протесты в парке «Гези» как попытку государственного переворота, который вырос из экологического движения. Они выделили три аспекта в действиях активистов – идеологический, социально-политический и экономический. В рамках первого направления протестующие стремились подорвать легитимность премьер-министра Р. Т. Эрдогана на национальном и международном уровнях. В пределах политического аспекта указанные протесты – попытка незаконного свержения правительства ПСР. После прихода к власти партии Р. Т. Эрдогана политический и социальный центр Турции сместился, вызвав недовольство элит старого режима, которые в 2013 году выразили протест через идеологические и социально-политические формы. В формате экономического измерения протесты «Таксим-Гези» – попытка втянуть Турцию в политическую нестабильность, в рамках глобальной экономической системы, которая позволяет манипулировать страной через финансовую зависимость (Aslan и др., 2016).

Среди научных исследований, посвященных попытке военного переворота в Турции 15-16 июля 2016 года, выделяются труды Жусубалиевой М. Т., Пименовой Е. А. (2023), Кудряшовой Ю. С. (2017), Дунаевой Е. В., Сажина В. И. (2016), Левановой К. А. (2016), Шлыкова П. В. (2017), Ирхина А. А. (2018) и Мамедова З.И. (2017). Особое занимают учёные Турции, которые изучили данные события на опыте предыдущих военных переворотов (Zeynep, 2016), оценивая их воздействие на гражданское общество и экономику (Kodal, 2018), (Belli & Aydin, 2018), (Karagöl, 2016) и рассматривая деструктивную роль организации Фетхуллаха Гюлена (Demir & Çağlar, 2017). Как российские, так и турецкие исследователи предпочитают комплексный подход, включающий геополитические, исторические и этнокультурные аспекты. При этом механика государственного переворота и влияние на «столпы» поддержки политического режима остаются недостаточно изученными направлениями.

Важный блок исследований составляют работы турецких ученых, где проанализирована роль государственных и международных СМИ в событиях лета 2016 года (Balci & Turan, 2017), (Zeynep, 2016), (Dalkılıç, 2020), (Alturk, 2020), а также изучен опыт использования коммуникационных технологий

(Devran & Özcan, 2016) и социальных сетей Facebook и Twitter в гражданском сопротивлении военному перевороту (Demirdiş, 2019). При этом внимание к поведенческим факторам пользователей турецкого сегмента Интернета остается недостаточным, что предоставляет возможности для дополнительных исследований в этой области.

На сегодняшний день не существует комплексного исследования, которое анализировало бы методологию воздействия на «столпы» поддержки политического режима, рассматривая массовые протесты в Турции в 2013 году, а также неудачный военный переворот 2016 года. Кроме этого, есть неопределенность относительно ведущих ресурсов коммуникации протестующих и их роли в формировании общественного мнения.

Сценарий «сетевой революции» в Турции летом 2013 года

27 мая 2013 года Турция столкнулась с неожиданным всплеском массовых протестов, начавшихся с акции экологов против вырубки деревьев в парке «Гези» в Стамбуле. Эти события, изначально связанные с экологическими вопросами, быстро приобрели политический характер, подчеркивая глубокую поляризацию общества в стране.

Хронологически выделяют три этапа событий «Таксим–Гези»:

Первый этап: с вечера 27 мая по 31 мая 2013 года – протесты носили экологический характер и были локализованы в центре Стамбула. Они получили слабое отражение в политической повестке Турции.

Второй этап: с 31 мая по 15 июня 2013 года – переход к антиправительственным демонстрациям, охватившим наиболее крупные регионы страны и направленным на свержение действующей власти.

Третий этап: с 15 июня 2013 года – разгон протестующих в парке Гези, переход к мирным акциям и децентрализации протестов.

Рассмотрим проблему с точки зрения «сетевой революции». Методология государственного переворота базируется на концепции изоляции «столпов поддержки» (pillars of supports) политического режима государства – институтов и социальных групп, обеспечивающих источники власти режима. Методолог «цветных революций» Р. Л. Хелви выделил следующие «столпы»: полицию, армию, чиновничий аппарат, СМИ, деловые сообщества, молодежь, рабочих, религиозные организации и неправительственные организации. Для разработки стратегии ненасильственного переворота необходимо выявить и изучить указанные институты. Системная изоляция «столпов» приводит к падению политического режима. Согласно методике сотрудников «Центра прикладных ненасильственных действий и стратегий» (CANVAS), «столпы поддержки» политического режима – это учреждения, создающие и выполняющие социальные функции. Для демонтажа политического режима необходимо выявить учреждения и организации, которые поддерживают существу-

ющую структуру власти, а затем системно взаимодействовать с ними (Нагорняк, 2017, с. 77-78).

Выделим такие «столпы поддержки»: базовые – «внутренней защиты», «внешней защиты», «бюрократический аппарат», «экономика»; «общей идентичности» – «медиа», «культура», «религия», «образование»; и «профессиональной» идентичности – «рабочие», «медики» и др.

Тип «столпа поддержки»	Название	В чем выражается
Базовый	Внутренняя защита	Органы внутренних дел; Службы безопасности; Судебная система; Аналитические центры по выявлению информационных рисков.
	Внешняя защита	Армия; Внешняя разведка;
	Бюрократический аппарат	Органы власти государства.
	Экономика	Финансовая система; Олигархи; Бизнес-сообщества; Государственные предприятия.
Общей идентичности	Медиа	Средства массовой информации; Средства коммуникации; Лидеры мнений, формирующие повестку дня в социальных сетях и мессенджерах.
	Культура	Кинематограф, литература, музыка, деятели культуры и искусства, формирующие государственную идентичность.
	Образование	Система институтов, прививающих общегосударственную идентичность гражданину в долгосрочной перспективе.
	Религия	Система институтов, формирующая общность на основании духовных предпочтений.
Профессиональной идентичности	Рабочие; Медики; Студенты; Футбольные фанаты; Программисты и др.	Самоопределение человека на основании профессионального развития.

Таблица 1. Определение «столпов поддержки» политического режима государства
Table 1. Definition of “pillars of support” for the political regime of the state

Базовые столпы обеспечивают физическое существование политического режима; перехват институтов и социальных групп приводит к государственному перевороту. К столпам «внутренней защиты» относят силовые и судебные органы, которые действуют для защиты граждан от внутренних врагов; «внешней защиты» – военные, обеспечивающие защиту государства от внешнего врага; «бюрократический аппарат» – органы власти, отвечающие за распределение ресурсов государственной системы; «экономика» – обеспечивает ресурсом все столпы политического режима. Захват власти происходит через блокирование и перехват управления «столпов» «внутренней защиты государства», «внешней защиты» и «бюрократического аппарата». Для этого организаторы «сетевой революции» в первую очередь стремятся остановить деятельность силового блока через увольнение руководящего состава; используется паралич работы правоохранителей, а также вывод подразделений специального назначения из правительственных кварталов, что позволяет беспрепятственно подчинить «бюрократический аппарат».

Особую роль в формировании кадрового потенциала протестующих играет столп «общей идентичности». В рамках указанного направления турецкое общество поляризовано на противоречиях центра и периферии, светского и духовного мировосприятия, а также курдской и турецкой идентичности (Erdogan, 2018). Турецкий исследователь О. Ташпиран выделил четыре системы поляризации идентичности турецкого общества, которые можно разделить на два направления: турецкая и курдская идентичности, а также исламская и светская идентичности (Taşpınar, 2012).

В указанной статье выделим «светскую» и «нео-османскую» идентичность турецкого общества. «Светская» идентичность Турции обеспечивается тремя направлениями: исторической традицией наследия М. К. Ататюрка, стремлением к интеграции с Европейским союзом и США, а также участием в военном блоке НАТО. Указанная система сдерживала турецкий «нео-османский» проект через влияние на столпы «внешняя защита» и «бюрократический аппарат». С 1952 года военная элита Турции интегрирована в структуру Североатлантического альянса НАТО (Türkiye's Relations, б. д.) и стала хранителем либерально-демократических ценностей Западной системы. В течение XX века имперская османская идентичность Турции регулярно ограничивалась военными переворотами или решениями Конституционного суда: основанная в 1970 году «Партия национального порядка» была запрещена Конституционным судом; в 1981 году «Партия национального спасения», основанная в 1972 году, объявлена вне закона после военного переворота 1980 года; «Партия благосостояния», основанная в 1983 году, запрещена Конституционным судом в 1998 году; «Партия добродетели», основанная в 1997 году, также была запрещена в 2001 году (Taşpınar, 2012). Партия Справедливости и развития, пришедшая к власти в 2002 году на основании ценностей «светской» системы, сумела к 2013 году взять под контроль столп «внешней защиты». С 2007 по 2013 годы Р. Т. Эрдоган окончательно ослабил власть военного блока

в стране, оставив ему исключительно функции внешней обороны Турции. В указанный период каждый пятый турецкий генерал, включая бывшего начальника Генерального штаба, получил тюремный срок. Под стражей по обвинению в подготовке госпереворота находилось более 400 действующих и отставных офицеров (Erdogan and his generals, 2013). Поэтому по состоянию на май 2013 года столп «внешней защиты» не играл ключевой роли в поддержке политического режима. К маю 2013 года в мире существовал действующий сценарий «сетевой революции» – технологии принудительной смены политического режима с привлечением социальных медиа для мобилизации и коммуникации протестующих – Молдавия (2009 год), Тунис (2010 год), Египет (2011 год). Попытки массовой мобилизации протестующих с помощью социальных сетей отмечены в Белоруссии (2010 год) и России (2011 год).

Для достижения смены политического режима в Турции организаторы «сетевой революции» направили усилия на изоляцию трех «столпов»: а) «внутренней защиты» – стремясь дискредитировать и парализовать работу правоохранителей, вывести силовиков из правительственного портала, осуществить переход полиции и спецслужб на сторону протестующих; б) «бюрократического аппарата» – дискредитировать премьер-министра Р. Т. Эрдогана, захватить административные здания органов власти в политическом центре, а также добиться перехода чиновников на сторону протестующих; в) «экономики» – устроить коллапс финансовой системы государства, остановить предприятия, добиться отказа рабочих выполнять свои функции на организациях и предприятиях.

В рамках воздействия на столпы «идентичности» ключевая задача «сетевой революции» – поляризовать общество по схеме «власть» – «народ», где в роли последнего выступали протестующие. Как отметил доктор Билал Самбур, в Турции организаторы «сетевой революции» стремились через медиа противопоставить личность Р. Т. Эрдогана деятельности ПСР, приписав первому все негативные качества. Во время «Таксим-Гези» одним из ключевых действий и связанных с ними медиа была попытка представить Р. Т. Эрдогана как объект общественного гнева и ненависти. Оппозиция пыталась ослабить и ликвидировать премьер-министра, чтобы обеспечить дальнейшую борьбу за власть. В общественное сознание внедрялось убеждение, что турецкий лидер является источником всех проблем, изгоем, оторванным от народа и, следовательно, Турции без Р. Т. Эрдогана было бы лучше во всех отношениях (Sambur, 2013). Часть протестующих боролась «против полицейского насилия и диктатуры». При этом диктатура была отождествлена с премьер-министром Р. Т. Эрдоганом. Его высказывания, одобряющие силовой разгон протестующих, были истолкованы как одобрение полицейского насилия (Canatan, 2014, p. 75).

Массовая мобилизация протестующих по всей стране началась 31 мая 2013 года после силового разгона палаточного городка экоактивистов в парке

Гези. Исследователи сходятся во мнении, что поводом к общегосударственному объединению протестующих стало непропорциональное применение силы полиции по отношению к ним (Arat, 2013, р. 2–3). Последующий опыт «Евромайдана» на Украине 2013 года также показал, что жесткий разгон протестующих вызывает волну негодования среди населения с последующей массовой мобилизацией активистов.

В Турции было сформировано два крупных очага протестов. Первый, «публичный-ненасильственный», находился в Стамбуле на площади Таксим и в парке Гези. С указанных мест оппозиционные и международные СМИ вели непрерывные трансляции о событиях в ненасильственном ключе. Активисты устраивали шествия, стояния, митинги, пикники и перформансы. Для привлечения внимания использовали: а) стук кастрюль и сковородок друг о друга; б) сигнал автомобилей; в) аплодисменты; г) включение и выключение электрического света на балконах многоквартирных домов; д) игру на пианино в месте массовых протестов; е) немного стояния. В то же время в Анкаре сформировался «силовой» очаг «сетевой революции», направленный на блокаду и дальнейший захват зданий органов управления государством, что означало бы потерю контроля над столпами «бюрократический аппарат» и «внутренняя защита». С 31 мая по 4 июня 2013 года в столице Республики было повреждено 280 рабочих мест, шесть общественных зданий, 103 полицейских автомобиля, 207 частных автомобилей, один жилой дом, один полицейский участок и 11 служебных зданий партии власти (MOBESE kameralarını eylemciler tahrip etti, 2013). По всей стране сформировались более мелкие очаги сопротивления. В оппозиционных и международных СМИ оказывали психологическое давление на силовой блок и представителей власти. Независимые профсоюзы запустили массовую забастовку с целью парализа жизнедеятельности и экономики страны. В конечном итоге совокупность факторов могла бы привести либо к отказу руководства от управления государством, либо к силовому захвату власти в стране.

Первый массовый сбор демонстрантов состоялся в парке Кугулу 31 мая 2013 года в 19.00. Особенность места заключается в том, что на север по бульвару Ататюрк в пределах двух километров находился правительственный квартал – Парламент, Министерство внутренних дел, а также посольства Европейских стран и США. В указанный вечер 5 тысяч активистов направились по бульвару Ататюрка на площадь Кызылай для захвата здания премьер-министра, однако были заблокированы сотрудниками правоохранительных органов (Gezi Parkı'na Kuğulu'da, 2013). 31 мая и 1 июня 2013 года полиция не давала протестующим проникнуть и закрепиться на указанной площади. 2 июня 2013 года правоохранители отступили к зданиям резиденции Премьер-министра, Генерального штаба и Парламента. Все попытки захвата административных объектов блокировались (Polisten bir günde, 2013). 3 июня 2013 г. протестующие требовали отставки Р. Т. Эрдогана и пытались захватить офис партии Справедливости и развития (Сокколу & Варкентин, 2013). В рамках

протестов «Таксим-Гези» 4-5 июня 2013 года профсоюзные организации Турции объединили усилия для двухдневной общегосударственной забастовки. Главной движущей силой стачечного движения стала «Конфедерация профсоюзов государственных служащих» (KESK) (ALP, 2013), которую поддержали «Конфедерация революционных профсоюзов» (DİSK), «Турецкая медицинская ассоциация» (TTB) и «Союз палат турецких инженеров и архитекторов» (ТММВ). Профсоюзные организации провели акции 5 июня 2013 года в Анкаре на площади Кызылай и в Измире на площади Гюндогду. В то же время на площади Таксим в Стамбуле собрались десятки тысяч демонстрантов. Профсоюзные акции состоялись в Анталье, Измире, Измите, Чанаккале, Бурсе и Килисе. Всего акция собрала около 850 000 участников. Члены профсоюзов сравнивали деятельность ПСР с фашизмом, противопоставляя ей либерально-демократические ценности (Kizilkoyun-Rıza, 2013). В Анкаре на площади Кызылай удалось мобилизовать от 40 до 50 тысяч протестующих. Массу активистов направили на захват правительственных учреждений; в результате полиция расчистила площадь с помощью водометов и слезоточивого газа. В Анкаре последняя масштабная акция протестов в поддержку парка Гези состоялась 8 июня 2013 года. Около пяти тысяч человек при поддержке группы футбольных фанатов «Бешикташ», прибывших из Стамбула, направились на площадь Кызылай к администрации Премьер-министра. Столкновения с силовиками продолжались в ночь с 8 по 9 июня 2013 года, после чего площадь была очищена (Kizilkoyun и др., 2013). По состоянию на 11 июня 2013 года акции сопротивления в Анкаре перешли в разряд уличных фестивалей. Активисты разделились на две группы в Гювенпарке или парке Кугулу, где с 12.00 до 17.00 выражали свою гражданскую позицию. По окончании рабочего дня протестующие объединялись и проводили совместные мероприятия. Полиция такой активности не противодействовала, так как протестующие не блокировали дороги и здания. Ближе к ночи старшие группы уходили домой, и на площадях Гювенпарк и Кугулупарк оставались молодежные группы 14-25-лет (Gürel, 2013). Все это свидетельствовало о том, что к 11 июня 2013 года протестная активность в Анкаре перешла в фазу, безопасную для политического режима.

Таким образом, хронология событий «Таксим Гези» свидетельствует, что, несмотря на масштабную мобилизацию протестующих и попытки захвата административных зданий в Анкаре в первые дни протеста, столп «внутренней защиты» и «бюрократический аппарат» продолжали функционировать, сохранив стабильность политического режима. Протесты постепенно перешли на уровень акций ненасильственного сопротивления и стихли.

Использование сети Интернет в коммуникации и координации протестующих «Таксим-Гези» 2013 года

В Турции в 2013 году при населении 77 млн. человек количество пользователей сети Интернет составляло около 36,5 млн. абонентов. Наибольшей популярностью пользовалась социальная сеть Facebook, которая насчитывала 32,4 млн. пользователей и охватывала 41,59% населения. Страна занимала четвертое место в мире по использованию Facebook и восьмое место в мире по Twitter – 11,3 млн. пользователей, или 31,1% (Search Engine, б. д.). В условиях, когда государственные СМИ не сумели передать напряженность событий или создать понятный нарратив, объясняющий действия протестующих, социальные сети заняли место классических медиа и предоставили населению механизм, с помощью которого можно было взаимодействовать и обмениваться информацией. Наряду с публикациями иностранной прессы, протестующие с помощью смартфонов транслировали новости о событиях непосредственно в сеть микроблогов Twitter (Tucker, 2013).

В период «Таксим-Гези» протестующие использовали Twitter как инструмент, удовлетворяющий потребность протестующих в быстром доступе к логистической информации. Активисты делились информацией о расположении полицейских сил, собирали коды Wi-fi с открытым доступом в районах, где происходил протест, получали информацию о безопасных местах, где можно спрятаться от столкновений с полицией, выясняли местонахождение лазаретов, созданных врачами-волонтерами (Naciyaakupoglu & Zhang, 2015, p. 457).

Первый хештег, связанный с протестами в парке Гези #geziparki был запущен протестующими 29 мая 2013 года. Самый популярный хештег #direngezipark вышел в топ турецкой повестки 30 мая 2013 года и уже на следующий день набрал миллионы просмотров. 31 мая события в парке Гези вышли в топ трендов Twitter, вовлечение аудитории составило 6,8 млн. пользователей; а 1 июня данные события вышли в мировую повестку, и вовлечение аудитории составило 15,8 млн. пользователей (Dahi, 2013). За сутки с 31 мая по 1 июня 2013 года в соцсети Twitter было опубликовано более 2 млн сообщений с хэштегами протестного характера, такими как #direngeziparki (950 000 сообщений), #occupygezi (170 000 сообщений) и #geziparki (50 000 сообщений). Особенность ситуации заключалась в том, что 90% всех сообщений с геолокацией были отправлены из Турции: 50% из Стамбула и 88% были на турецком языке, то есть протестующие использовали Twitter для распространения информации с места событий. Например, во время протестов в Египте только 30% сообщений были местного характера (Tucker, 2013). Далее наибольшее количество сообщений публиковали в Германии, Великобритании, Канаде и Нидерландах (Yumuşak, 2013).

Исследование сообщений Twitter о событиях Таксим Гези 2013 года показало, что социальные платформы, во-первых, стали пространством

для распространения информации о протестах как на государственном, так и на международном уровнях; во-вторых, соцсети использовались как канал коммуникации между протестующими и теми, кто сочувствовал движению, что привело к массовой мобилизации участников демонстраций по всей стране; в-третьих, социальные сети выступили коммуникационным пространством, объединившим сообщения о протестах не только в разных точках Турции, но и по всему миру.

Поведенческий анализ протестов в Турции 2013 года

В 2013 году 96,6% пользователей турецкого сегмента Интернет пользовались поисковой системой Google (Search Engine, б. д.). Сервис Google Trends позволяет использовать поведенческий фактор запросов пользователей поисковой системы для выявления наиболее значимых тем в обществе в заданный промежуток времени. Подобный опыт рассматривался в рамках белорусских протестов 2020 года (К. Нагорняк, 2021). Рассмотрим временной отрезок с 25 мая 2013 года по 17 июля 2013 года. Периодизация протестов подтверждается поведенческим анализом в Google Trends. Используем две темы: синим обозначена «Таксим Гези, парк в Турции», красным – «Волнения в Турции». График наглядно иллюстрирует взаимосвязь между указанными темами в запросах пользователей.

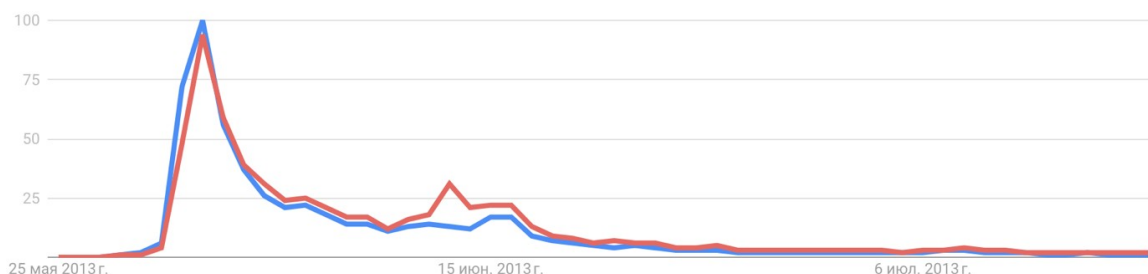

Рисунок 1. Корреляция тем «парк Таксим-Гези» и «Волнения в Турции» в поисковой системе Google во время летних протестов 2013 года.

Figure 1. Correlation between “Taksim Gezi Park” and “Turkey unrest” in Google search during the 2013 summer protests.

27 мая отмечается наименьший интерес турецких пользователей к указанным темам. В период с 27 по 30 мая происходит слабый рост интереса общества. Резкий скачок внимания зафиксирован с 31 мая в период непропорционального применения силы со стороны силовиков, где пик (100%) достиг 1 июня 2013 года. Наибольший интерес общества пришелся на 31 мая – 3 июня 2013 года; после этого происходит постепенный спад внимания пользователей. Небольшой всплеск темы «Протест» происходит 13 июня. После 16 июня интерес общества к темам «Протест» и «Парк Гези» снижается (Сравнение тем

Таксим-Гези, б. д.). Для сравнения: график протеста в Турции лета 2013 года схож с аналогичными событиями в Белоруссии лета 2020 года, где пик интереса белорусского общества пришелся на 10-11 августа 2020 года (Сравнение тем Протест, б. д.). Тема: Протест, Протесты в Беларуси 2020-2021.

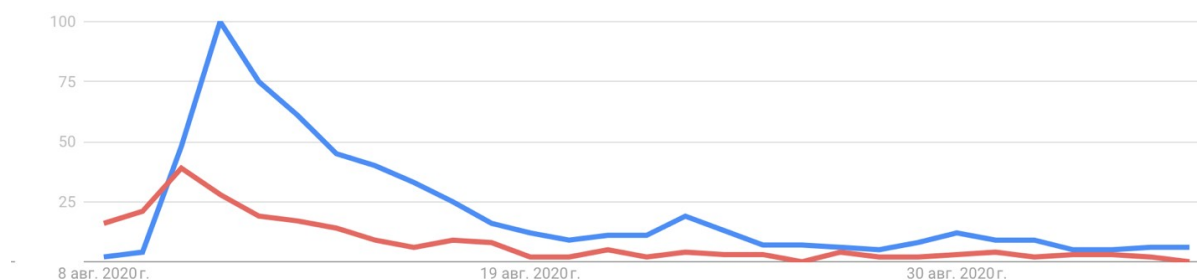

Рисунок 2. Корреляция тем «протест» и «протесты в Беларуси 2020-2021» в поисковой системе Google в Белоруссии летом 2020 года.

Figure 2. Correlation of the topics “protest” and “protests in Belarus 2020-2021” in the Google search engine in Belarus in the summer of 2020.

Между тем график массовых протестов, переходящих в государственный переворот, иллюстрирует украинский «Евромайдан» 2014 года. Схема наглядно иллюстрирует, что интерес общества растет пропорционально эскалации конфликта. Точками роста протеста становились провокации, – например, непропорциональное применение силы, работа «неизвестных снайперов», штурм правительственного квартала, – которые выводили массовые протесты на новый виток, где итогом стал государственный переворот (Сравнение тем Майдан независимости, б. д.). Тема «Майдан Независимости» – синий, «Евромайдан» – красный.

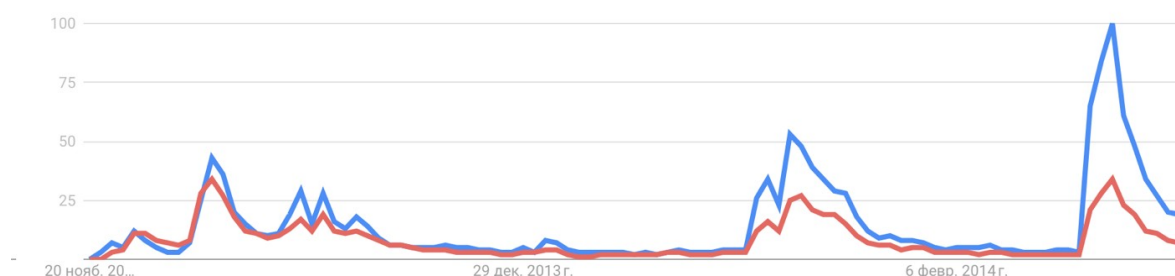

Рисунок 3. Корреляция тем «Майдан независимости» и «Евромайдан» в поисковой системе Google в Украине с ноября 2013 года по февраль 2014 года

Figure 3. Correlation of the topics “Maidan of Independence” and “Euromaidan” in the Google search engine in Ukraine in November 2013 – February 2014

Таким образом, поведенческий анализ Google Trends наглядно иллюстрирует, что максимальное вовлечение турецкого общества пришлось на период силового разгона в парке Гези и последующих массовых акций гражданского сопротивления. Однако пользователи быстро потеряли интерес к «Таксим-Гези». Уже 1 июня 2013 года топ-10 трендов и запросов турецкого сегмента Google состоял из запросов, ищущих ответ на вопрос ведущего телепрограммы «Как стать миллионером» (Анализ трендов за 1 июня 2013 г, б. д.). Все это свидетельствует о том, что для поддержания внимания общества к протестам организаторам «сетевой революции» необходимо постоянно повышать градус насилия, как это было в случае «Евромайдана» на Украине. В случае «Таксим-Гези» активность постоянно снижалась.

Далее рассмотрим интерес турецкого общества к средствам массовой коммуникации, освещавшим события «Таксим Гези». По состоянию на 27 мая 2013 года среди трендов поисковой системы Google первое место занимала социальная сеть Facebook, второе – YouTube и 17 – Twitter. Среди запросов пользователей в поисковой системе Google Facebook занимал первое место, YouTube – второе и Twitter – 12 (Анализ трендов за 27 мая 2013 г., б. д.). Уже к 1 июня среди лидеров тем поиска Google сеть микроблогов Twitter заняла шестое место, а среди лидеров запросов – пятое и шестое. Столь стремительный подъем означает масштабный интерес турецкого общества к социальной сети (Анализ трендов за 1 июня 2013 г., б. д.). Среди общегосударственных СМИ наибольший интерес турецкого общества получили телеканалы «Halk TV», а также «Ulusal Kanal», «TRT 1», «OdaTV», «NTV», газета «Sözcü». С 5 июня 2013 года пользователи искали в Google телеканалы «Halk TV», «Ulusal TV», «Сем TV» и «ЕМ TV» для получения информации о протестах. Среди международных СМИ турецкие пользователи искали сайты “CNN International” и “BBC”. 12 июня 2013 года «Высший совет по радио и телевидению» (RTÜK) оштрафовал телеканалы «Halk TV», «Ulusal TV», «Сем TV» и «ЕМ TV» за трансляцию протестов в парке Гези (Gezi Parkı cezası, 2013). Данная информация подтверждает поведенческий фактор Google Trends о значимости указанных СМИ во время «Таксим-Гези» 2013 года.

Попытка военного переворота 15 июля 2016 года как результат поляризации нео-османской системы в Турции после протестов «Таксим-Гези»

До 2016 года турецкое нео-османское направление состояло из двух крупных подсистем, действующих на основании общей идентичности мусульман-суннитов с единым видом исламского модернизма, продвижения идеи благочестивого общества и защиты его от политических врагов. Это партия Справедливости и развития Р. Т. Эрдогана и движение «Хизмет» Фетхуллаха Гюлена.

Общественная организация «Хизмет» зародилась в конце 60-х годов на основании религиозного движения «Нурджю», его лидером стал турецкий писатель Фетхуллах Гюлен. Структуру также называют «ФЕТО», а его участников – «фетхуллахистами» или «гюленистами». Религиозная организация сумела выстроить параллельные государственные структуры в Турции и за границей. В первую очередь создавались религиозные школы, где воспитывались будущие государственные кадры. В 1999 году Фетхуллах Гюлен проживает в США. С этого периода дискурс «Хизмет» изменился в сторону либерально-демократической системы, формируя образ умеренного ислама. В Турции сторонники учения постепенно заполняли органы власти. По состоянию на 2016 год совокупный капитал организации составил 150 миллиардов долларов (FETÖ'nün mali gücü 150 milyar dolar, 2016). В период с 2007 по 2013 годы в Турции сформировался альянс ПСР и «Хизмет», которые одержали победу над «светским» лагерем, в первую очередь военными и судебной бюрократией. В указанный период состоялись серии расследований и судебных процессов. В сентябре 2012 г. к длительным срокам тюремного заключения были приговорены 230 офицеров, в том числе 11 генералов. Все это привело к тому, что высшие круги армии заполнились последователями Гюлена (Uyar, 2020, p. 90).

С 2013 года после победы над «светской» системой, которая завершилась подавлением массовых протестов «Таксим Гези», в «нео-османском» лагере началась аппаратная борьба за власть. Президентские выборы 10 августа 2014 года и последующее избрание руководителя страны Р. Т. Эрдогана усилило кризис идентичности Турции. В стране нарушился устоявшийся баланс сил: сильная институциональная позиция Великого национального собрания отошла на вторую роль. Для оппозиции это означало дальнейшую концентрацию политической власти и авторитарный контроль над политической системой со стороны Р. Т. Эрдогана и партии власти. Традиционные политические субъекты, такие как Вооруженные Силы, Министерство иностранных дел и Совет национальной безопасности, постепенно потеряли свою центральную роль (Bulent, 2017, p. 4–5). Накал политической борьбы в «нео-османской» системе привел к тому, что 26 мая 2016 г. Совет национальной безопасности Турции признал движение «Хизмет» террористической организацией, зарегистрировав его как террористическую организацию «Фетхуллаха» («ФЕТО») (Country Policy and Information Note, б. д.). Подготовка к перевороту со стороны «Хизмет» началась после парламентских выборов 1 ноября 2015 года, где ПСР получила большинство депутатских кресел. Гражданские имамы «Хизмет», отвечающие за Вооруженные силы Турции, а также офицеры и солдаты фетхуллахисты проводили совместные совещания и командировки в США. Последнее совещание организаторов военного переворота в Турции состоялись в Соединенных штатах 11-12 июля 2016 года (Uzun и др., 2017, p. 42).

В ночь с 15 на 16 июля 2016 года часть офицеров и солдат генерального штаба вооруженных сил Турции, действуя на основе лояльности Фетхуллаху Гюлену, приступили к государственному перевороту.

Разберем указанный военный заговор с применением методологии воздействия на «столпы» поддержки политического режима. Военный переворот – попытка одного из базовых столпов «внешней защиты» подавить столпы «внутренней защиты» и «бюрократического аппарата», при этом столпы «экономики» и «идентичности» должны остаться в нейтральной позиции – для этого под контроль попадает столп «СМИ», где населению предоставляют новый нарратив, объясняющий причину изменения политического режима в пользу организаторов заговора.

Столп поддержки	Реализация	Время и место	Контрмеры
«Внешняя защита»:	Захват Генерального штаба ВС Турции, пленение главнокомандующего Генерального штаба генерала Хулуси Акара.	Анкара 15.07.2016 г. 22:00.	Силовое противодействие со стороны столпа «внутренняя защита».
	Захват 4-военно-воздушной базы Акынды, создание единого центра управления протестом.	Анкара 15.07.2016 г. 22:00.	Назначение исполняющего обязанности командующего Генеральным штабом 16.07.2016 г. 06:52
	Блокада мостов Босфор и Фатих Султан Мехмет.	Стамбул 15.07.2016 г. 22:00.	
Внутренняя защита	захват здания Главного командования жандармерии.	Анкара 15.07.2016 г. 22.00.	Силовое противодействие со стороны столпа «внутренняя защита».
	Бомбардировка центра обучения полиции специального назначения.	Анкара 15.07.2016 г. 23:24.	
	Бомбардировка здания Национального разведывательного управления.	Анкара 16. 07.2016 г. 00:09.	В течение нескольких часов: - заведены уголовные дела за попытку государственного переворота;
	Бомбардировка управления безопасности.	Анкара 16. 07.2016 г., 01:01.	- издано постановление об аресте судебных чиновников,

	Атака на здание Командования специальных операций.	Анкара 16. 07.2016 г., 02:30	имевших связи с террористической организацией ФЕТО и членов самопровозглашенного комитета «За мир в стране». -заведены уголовные дела по статье «измена Родине».
			Приказом Министерства внутренних дел уволены офицеры – участники движения «Фето».
«Бюрократический аппарат»	Обстрел резиденции Премьер-министра.	Анкара 16.07.2016 г. 01:30	создание координационного центра по противодействию военному перевоту в резиденции Премьер-министра в Анкаре 15.07.2016 в 22.30
	Попытка захвата Президентского дворца.	Анкара 16.07.2016 г. 02:35	
	Бомбардировка здания Великого национального собрания Турции, где проходило заседание депутатов.	Анкара 16.07.2016 г. 02:42-49	
	Попытка убить президента Р. Т. Эрдогана – с вертолета обстрелян отель, где по информации заговорщиков находился турецкий лидер.	Мармарис 16.07.2016 г. 04:42.	Открытие экстренного заседания Великого национального собрания Турции 16.07.2016, 01:39
	Бомбардировка Президентского дворца.	Анкара 16.07.2016 г., 06:43.	
Столп «СМИ»	Захват государственной телерадиокомпании (ТРТ) и объявлении декларации от «Совета дома мира».	Анкара, 15.07.2016 г. 22:00.	Блокировка трансляции ТРТ на уровне спутника ТУРКСАТ Силовое воздействие со стороны столпа «внутренняя защита».
	Повреждение здания пункта приема и передачи спутниковой связи ТУРКСАТ	Анкара, 15.07.2016 г., 00:57.	
	Использование чата в мессенджере WhatsApp под названием “Yurtta Peace” для координации военных по стране	Турция 15.07.2016 г.	

Анкара, 15.07.2016 г.,
23:05. Премьер-министр
Турции Б.
Йылдырым в
прямом эфире
телеканалов «НТВ»
и «А Хабер» заявил
о попытке
военного
переворота в
стране.

Анкара, 16.07.2016 г.,
00:26. Выступление
Р. Т. Эрдогана на
“CNN Turk”, где он
призвал население
выйти на улицы и
остановить
попытку
госпереворота.
Использование
сервиса FaceTime
для
распространения
видео в сети
Интернет.

Анкара, 16.07.2016 г.,
02.25. Заявление
премьер-министра
Бинали Йылдырм
по НТВ о
непропорциональн
ом применении
силы военными.
«Те, кто из
реактивных
самолетов
сбрасывают бомбы
и стреляет в
государственные
учреждения,
являются членами
террористически
организации».

Столп «Идентичность»

По указанию
руководителя
управления по
делам религии по
всей территории
Турции стали
звучать призывы с
мечетей, после
чего люди начали
выходить на улицы
и оказывать
сопротивление
восставшим

военнослужащим.

Выступление
 президента Р. Т.
 Эрдогана на фоне
 портрета М. К.
 Ататюрка –
 привлечение
 «светского» крыла
 Турции для борьбы
 с заговорщиками.

Паралич военной
 техники и бойцов
 заговорщиков с
 помощью акций
 ненасильственног
 о сопротивления.

Таблица 2. Разбор событий военного переворота в Турции 15 июля 2016 года и концепция воздействия на «столпы» политического режима

Table 2. Analysis of the events of the military coup in Turkey on July 15, 2016 and the concept of influencing the “pillars” supporting the political regime

В ночь с 15 на 16 июля 2016 года заговорщики не смогли парализовать и перехватить управление над столпами «внутренней защиты» и «бюрократического аппарата». Действующая власть в кратчайшие сроки сумела мобилизовать материальные и духовные ресурсы государства на подавление переворота. Ключевую роль в достижении победы сыграло обращение президента Р. Т. Эрдогана к населению с призывом выйти на улицу и противостоять военным. Кроме этого, непропорциональное применение силы со стороны военных – стрельба в толпу и бомбардировка гражданских объектов – привела к массовой мобилизации мирных граждан на защиту власти. Танки и бронетехника путчистов не смогли захватить ключевые объекты органов власти, так как были заблокированы ненасильственными действиями со стороны мирного населения. Все это привело к тому, что в течение 22 часов государственный переворот был подавлен. Действующая власть смогла предотвратить попытку переворота 15 июля 2016 года, благодаря такой динамике, как выход толпы на улицы¹, ошибки времени путчистов, поддержка СМИ гражданским правительством, сопротивление полиции и части армии, а также решительное сопротивление гражданской политики (Balci & Turan, 2017, p. 54). Кроме того, попытку государственного переворота 2016 г. можно рассматривать как элемент укрепления образа Р. Т. Эрдогана в качестве несомненного лидера нации. Примечательно, что данное событие было обозначено им как «подарок Аллаха», благодаря которому были выявлены «враги» Турецкой Республики,

¹ Религиозные круги страны сыграли одну из ключевых ролей в сопротивлении путчистам. Призывы «защитить демократию» и поддержать правящий режим звучали с многочисленных минаретов мечетей

внесены изменения в государственные структуры и значительно расширены полномочия президента.

Поведенческий анализ событий в Турции 15-16 июля 2016 года

В июле 2016 года 97,23% турецких интернет-пользователей предпочли использовать поисковую систему Google для обеспечения своей онлайн-активности (Search Engine Market Share Turkey 2016, б. д.). Этот высокий процент использования Google предоставляет исследователям возможность эффективно воспользоваться сервисом Google Trends для мониторинга актуальных тем на макрорегиональном уровне в заданный временной интервал.

Пики интереса турецкого общества к теме государственного переворота приходятся на дни с 15 по 17 июля 2016 года, что совпадает с событиями попытки военного переворота и антитеррористической операции в Турции. Пик внимания пользователей Google приходится на 15 июля 2016 года, при этом интерес к проблеме убывает к середине второй недели – 26 июля 2016 года (Анализ темы Государственный переворот, б. д.). Это свидетельствует о временной динамике восприятия кризисных событий обществом.

15 июля 2016 года 23 из 25 тем, попавших в топ Google Trends, были связаны с военным переворотом, а именно: «государственный переворот», «генеральный штаб Турецкой Республики», «генеральный штаб», «государственный переворот в Турции 1980 года», «Хулуси Акар», «штаб», «попытка военного переворота», «Босфорский мост», «Босфор», «комендантский час», «флаг Турции». Также пользователи активно искали информацию в СМИ, таких как Halk TV, TRT 1, CNN Turk, CNN, NTV, TRT Haber, N-TV, A Haber, BBC и BBC Online (Анализ трендов за 15 июля 2016 г., б. д.).

В период попытки военного переворота наиболее активно использовались социальная сеть Facebook и видеохостинг YouTube. Помимо этого, отмечается рост интереса пользователей к платформе Twitter; эта социальная сеть занимает 19 позицию среди лидеров поисковых запросов в Турции (Анализ трендов за 16 июля 2016 г., б. д.). Британский исследователь С. Демирдиш отметил ключевую роль сети-микроблогов в мобилизации населения против военного переворота. С 15 по 17 июля 2016 года, в ответ на публикацию Р. Т. Эрдогана, призывающего граждан выйти на улицы и защитить демократию, турецкие пользователи опубликовали и ретвитнули около 35 млн сообщений в поддержку президента Турции (Demirdiş, 2019, р. 46).

Анализ запросов на YouTube показывает, что турецкие пользователи искали информацию о телеканале TRT с запросами «trt darbe» (ТРТ переворот) и «trt spikeri» (ведущий ТРТ) (Анализ трендов с 15 на 16 июля 2016 г., б. д.). Это связано с тем, что телеканал был захвачен в первые часы военного переворота, и на нем транслировались заявления мятежников.

Таким образом, исследование взаимодействия турецкого общества с информацией в поисковой системе Google в июле 2016 года подчеркивает роль интернет-СМИ и социальных медиа в формировании общественного мнения и координации действий в период кризиса. Аналитика поведенческих трендов дает ценные результаты относительно динамики интересов пользователей и позволяет лучше понять реакцию общества на критические события.

Заключение

Турция – уникальный пример долгосрочного противостояния между сторонниками национальной самостоятельности («нео-османская» система) и сторонников интеграции в либерально-демократическую парадигму Запада («светская» система). С 2002 года в стране доминирует «нео-османская» система, которая представлена партией Справедливости и развития и сильным индивидуальным лидером Р. Т. Эрдоганом, который на протяжении 20 лет удерживает баланс сил в поляризованном государстве.

За последние десять лет действующий политический режим в Турции успешно справился с вызовом «светского» лагеря, а также внутренним расколом «нео-османской» системы. В мае 2013 года элементы «светской» системы попытались перехватить власть у «нео-османистов» через организацию «сетевой революции», известной как протесты «Таксим-Гези». В ходе этих событий сформировались два основных центра протеста: «ненасильственный» в Стамбуле на площади Таксим и «силовой» в Анкаре на площади Кызылай. В столице Турции были предприняты усилия для мобилизации критической массы протестующих с целью последующего захвата государственных институтов, что могло бы привести к парализации работы столпа «бюрократический аппарат». Однако все попытки захвата институтов оказались неудачными, поскольку внутренняя защита осталась лояльной к действующей власти.

Анализ Google Trends в контексте событий «Таксим-Гези» в Турции 2013 года подчеркивает, что максимальное вовлечение турецкого общества приходится на период массовых акций гражданского сопротивления, в частности, на силовой разгон в парке Гези. Однако заметно быстрое снижение интереса со стороны пользователей после этого события. Этот паттерн указывает на необходимость постоянного повышения степени насилия для поддержания внимания общества, аналогично опыту «Евромайдан» на Украине, где активность поддерживалась за счет усиления насильственных событий.

Что касается средств массовой коммуникации, – Facebook, YouTube и Twitter занимали ведущие позиции в интересе турецкого общества в начальный период событий. Социальные сети выступали инструментом мобилизации, коммуникации и координации протестующих.

Общегосударственные СМИ, такие как «Halk TV», «Ulusal Kanal», «TRT 1», «OdaTV», и газета «Sözcü», привлекли значительное внимание турецкого общества, демонстрируя их важную роль в информационном пространстве в период событий «Таксим-Гези». Штрафы, наложенные на определенные телеканалы за трансляцию протестов, отражают воздействие государственного контроля на информационные потоки, что дополняет поведенческий аспект, выделенный в анализе Google Trends.

С победой «нео-османской» системы осенью 2013 года началась внутренняя борьба за власть между ПСР и религиозным движением «Хизмет» Фетхуллага Гюлена. Нарастание политического кризиса привело к тому, что 26 мая 2016 года Совет национальной безопасности Турции объявил о признании движения «Хизмет» террористической организацией. В ночь с 15 на 16 июля 2016 года военные, преданные Ф. Гюлену, попытались устроить государственный переворот. Ключевую роль в противодействии военному перевороту сыграло обращение президента Р. Т. Эрдогана к народу с призывом выйти на улицы для сопротивления заговорщикам. В 2016 году действующая власть впервые применила методы ненасильственного сопротивления и уличных протестов населения против военного переворота.

Пики интереса турецкого общества в июле 2016 года сосредотачиваются вокруг событий военного переворота, демонстрируя, что кризисные моменты значительно влияют на информационный запрос общества. События 15 июля, согласно данным Google Trends, искали информацию о государственном перевороте, генеральном штабе, комендантском часе, перекрытии Босфорского моста и др.

Временная динамика восприятия событий также отражается в данных Google Trends, где пик интереса пользователей приходится на 15 июля 2016 года, с последующим спадом к 26 июля 2016 года. Это свидетельствует о краткосрочной природе внимания общества к критическим событиям.

В период попытки военного переворота выделяется активное использование социальных медиа, в частности Facebook и YouTube. Рост интереса к Twitter и другим платформам подчеркивает роль сети-микроблогов в мобилизации общества. Анализ запросов на YouTube демонстрирует поиск информации о захвате телеканала TRT в первые часы переворота, подчеркивая роль онлайн-платформ в доступе к критической информации.

Таким образом, исследование взаимодействия турецкого общества с информацией в поисковой системе Google в июле 2016 года выявляет важность интернет-СМИ и социальных медиа в формировании общественного мнения и координации действий в условиях кризиса. Аналитика поведенческих трендов предоставляет ценные данные о динамике интересов пользователей, что позволяет лучше понять их реакцию на критические события.

Партия Эрдогана обладает высокой скоростью ответной реакции на вызовы и способностью мобилизовать сторонников режима. Использование

методик уличных протестов против вооруженных военных свидетельствует о высокой обучаемости структуры и применении успешного опыта в экстремальных ситуациях. Однако замкнутость «нео-османской» системы на едином авторитарном руководителе Р. Т. Эрдогане создает опасения относительно стабильности страны в ближайшие 15 лет, так как естественный уход сильного лидера может привести к борьбе за власть между идеологическими полюсами с последующей хаотизацией макрорегиона. Кроме того, «нео-османское» направление также имеет сильную оппозицию среди запрещенной организации «Хизмет», поддерживаемую США. В случае изменения политической ситуации лагерь фетхуллахистов может быть реанимирован и заново запущен в стране как проект, альтернативный действующей партии власти.

Несмотря на то, что после неудавшегося военного переворота 2016 года столп «внешней защиты» был зачищен от сторонников террористической организации «Фето» и заполнен представителями ПСР, система остается интегрированной в Североатлантический альянс. Ее участники вместе с военным обучением получают либерально-демократическую идеологию коллективного Запада. Учитывая значительный опыт военных переворотов и историческую роль армии как гаранта «светской» идеологии, Турция сохраняет потенциал военного переворота при условии участия в военном договоре НАТО.

Состоявшиеся в мае 2023 г. президентские выборы в Турции могли вызвать очередную попытку смещения от власти умеренных исламистов. Однако этого не произошло. Для того чтобы удержать власть, действующему президенту нужно было не только набрать наибольшее количество голосов, но и выиграть у оппозиции «улицу». В этом плане Р. Т. Эрдоган очень правильно начал разыгрывать «цветную революцию наоборот». ПСР взяла под контроль площади и улицы в Анкаре и Стамбуле – двух крупнейших городах, где сторонники действующей власти вышли на многотысячные митинги, и оппозиции выходить было просто некуда. Р. Т. Эрдоган как бы предупредил возможные технологии по опротестованию легитимности итогов выборов, грамотно сыграв на опережение. Лишь в юго-восточной провинции Хаккари оппозиционные силы пытались устроить акции протеста, но полицейские оперативно подавили начавшиеся беспорядки.

Главной же задачей Р. Т. Эрдогана на новом президентском сроке будет решение внутривнутриполитических проблем, прежде всего, преодоление раскола в турецком обществе – эти выборы показали противостояние, которое еще может вылиться в различные выступления оппозиции. Почти 48% голосов за Кылычдароглу – это практически цивилизационный раскол мировосприятия будущего Турции, ее внутренней и внешней политики. Эрдогану предстоит проделать огромную работу. Нужно предложить этой второй, оппозиционной, Турции какой-то компромисс существования – общую картину будущего «для двух Турций».

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00917, <https://rscf.ru/project/23-28-00917/>

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00917, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/>)

Список литературы

- Alp, A. (2013, June 4). KESK'ten sonra DİSK üyeleri de iş bırakıyor [After KESK, DISK members also stop work]. Hurriyet. <https://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/keskten-sonra-disk-uyeleri-de-is-birakiyor-23433102> (In Turkish)
- Alturk, H. (2020). Arap Dünyasının Gözünden 15 Temmuz Darbe Girişimi [July 15 Coup Attempt from the Arab World's Perspective]. İctimaiyat [Social Sciences], 4(15 Temmuz Özel Sayısı). <https://doi.org/10.33709/ictimaiyat.706614> (In Turkish)
- Arat, Y. (2013). Gezi Parkı Direnişi: Demokrasi Açığı, Demokrasi Gücü [Gezi Park Resistance: Democracy Deficit, Democracy Power]. Bilim Akademisi Derneği-34 – 179/148. https://bilimakademisi.org/wp-content/uploads/2013/08/Gezi-Parki-Direnisi_Demokrasi-Acigi-Demokrasi-Gucu.pdf (In Turkish)
- Aslan, S., Taylan, Ö., & Baştuğ, D. (2016). Gezi Parkı Eylemlerinin Farklı Boyutlarıyla Bir Değerlendirmesi [An Evaluation of the Gezi Park Protests with Different Dimensions]. Birey ve Toplum Sosyal Bilimler Dergisi [Journal of Individual and Society Social Sciences], 6(12), 155-177. (In Turkish).
- Baban, E. (2015). Digital Activism and Social Movements: How the World perceives the Gezi Movement. *Digital Activism and Social Movements: How the World Perceives the Gezi Movement*, 5(1-2), 16-26.
- Balcı, A., & Turan, Y. (2017). Eleştirinin Sefaleti: Batı'dan 15 Temmuz Darbe Girişimini Okumak [The Misery of Criticism: Reading the July 15 Coup Attempt from the West]. *Avrasya'nın Siyasal İktisadi Özel Sayısı [Special Issue on the Political Economy of Eurasia]*, 83, 53-77. (In Turkish).
- Belli, A., & Aydın, A. (2018). Türkiye'deki Sivil Toplum Anlayışına 15 Temmuz Darbe Girişimi Üzerinden Bakış [A Perspective on the Understanding of Civil Society in Turkey through the July 15 Coup Attempt]. *Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi [Kahramanmaraş Sütçü İmam University Journal of Social Sciences]*, 15. (In Turkish).
- Bulent, A. (2017). 15 Temmuz Sonrası Türk dış Politikası [Turkish foreign policy after July 15]. İstanbul Politikalar Merkez. <https://docplayer.biz.tr/47622611-15-temmuz-sonrasi-turk-dis-politikasi-bulent-aras.html> (In Turkish)
- Cagaptay, S. (2023). Turkey's Pivotal 2023 Elections: Issues, Potential Outcomes, and What Comes After. The Washington Institute. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/turkeys-pivotal-2023-elections-issues-potential-outcomes-and-what-comes-after>
- Canatan, K. (2014). Gezi Eylemlerini ve Gençliğini Anlamak! [Understanding Gezi Protests and Youth!]. *Birey ve Toplum Sosyal Bilimler Dergisi [Journal of Individual and Society Social Sciences]*, 4(1), 59-74. <https://doi.org/10.20493/bt.36954> (In Turkish)

- Country policy and information note: Gülenist movement, Turkey, February 2022 (accessible version). (2022). GOV.UK. <https://www.gov.uk/government/publications/turkey-country-policy-and-information-notes/country-policy-and-information-note-gulenist-movement-turkey-february-2022-accessible-version> (In Turkish)
- Dahi, Y. (2013). Gezi Parkı Olayları ve Sosyal Medya (İnfografik) [Gezi Park Events and Social Media (Infographic)]. Aristolog. <http://web.archive.org/web/20130804115900/http://aristolog.com/gezi-parki-olaylari-ve-sosyal-medya-infografik> (In Turkish)
- Dalkılıç, M. (2020). Amerika Birleşik Devletleri Medyasında 15 Temmuz Darbe Girişimi [July 15 Coup Attempt in the United States Media]. n. p. (In Turkish).
- Demir, S. T., & Çağlar, İ. (2017). FETÖ'nün ve 15 Temmuz darbe girişiminin iletişim stratejisi (1. Baskı) [The communication strategy of FETÖ and the July 15 coup attempt (1st ed.)]. SETA, Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı [SETA, Foundation for Political, Economic and Social Research]. (In Turkish).
- Demirdi, S. (2019). The Role of Facebook and Twitter in Social Movements: A Study on the July 15 Coup Attempt in Turkey. *Türkiye İletişim Araştırmaları Dergisi*, 32, 32–49. <https://doi.org/10.17829/turcom.477180>
- Devran, Y., & Özcan, Ö. F. (2016). 15 Temmuz Darbe Girişimi: Gelenekselden Yeniye İletişim Teknolojilerinin Kullanımı [July 15 Coup Attempt: The Use of Communication Technologies from Traditional to New]. *AJIT-e Online Academic Journal of Information Technology*, 7(23), 71–92. <https://doi.org/10.5824/1309-1581.2016.4.004.x> (In Turkish)
- Erdogan and his generals. (2013). The Economist. <https://www.economist.com/europe/2013/02/02/erdogan-and-his-generals>
- Erdogan, E. (2018). Dimensions of Polarization in Turkey. German Marshall Fund of the United States. <https://www.gmfus.org/news/dimensions-polarization-turkey>
- FETÖ'nün mali gücü 150 milyar dolar [FETÖ's financial power is 150 billion dollars]. (2016). STAR. <https://www.star.com.tr/ekonomi/fetonun-mali-gucu-150-milyar-dolar-haber-1111648> (In Turkish)
- Fransız uzmandan seçim analizi: “Sandıktan tam bir kutuplaşma çıktı” [French expert analyzes the election: “A complete polarization emerged from the ballot box”]. (2023, May 15). VOA Türkçe. <https://www.voaturkce.com/a/fransiz-uzmandan-secim-analizi-sandiktan-tam-bir-kutuplasma-cikti/7093612.html> (In Turkish)
- Gezi Parkı cezası [Gezi Park punishment]. (2013). Dw.Com. <https://www.dw.com/tr/gezi-park-%C4%B1-cezas%C4%B1/a-16875369> (In Turkish)
- Gezi Parkı'na Kuğulu'da destek nöbeti [Vigil in support of Gezi Park in Kuğulu]. (2013). Hurriyet. <https://www.hurriyet.com.tr/yerel-haberler/ankara/gezi-parki-na-kuguluda-destek-nobeti-23407004> (In Turkish)
- Gürel, D. (2013). Taksim etkisinin düşündürdükleri [Implications of the Taksim effect]. Hurriyet. <https://www.hurriyet.com.tr/taksim-etkisinin-dusundurdukleri-23474550> (In Turkish)
- Hacıyakupoglu, G., & Zhang, W. (2015). Social Media and Trust during the Gezi Protests in Turkey. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 20(4), 450–466. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12121>
- Karagöl, E. T. (2016). 15 July Coup Attempt and Turkish Economy. *Adam Academy Journal of Social Sciences*, 6(2), 37–49. <https://doi.org/10.31679/adamakademi.285017>

- Kizilkoyun, F., Koç, M. G., & Baykuş, E. (2013). Kızılay'da gazlı ve TOMA'lı müdahale [Gas and TOMA intervention in Kızılay]. *Hurriyet*. <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/kizilayda-gazli-ve-toma-li-mudahale-23465549> (In Turkish)
- Kizilkoyun-Rıza, F. (2013, June 6). "Gezi" protestosu için sendikalar sivil toplum örgütleri iş bıraktı [Trade unions, civil society organizations stop work for "Gezi" protest]. *Bigpara*. <https://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/gezi-protestosu-icin-sendikalar-sivil-toplum-orgutleri-is-birakti-23437835> (In Turkish)
- Loe, C. (2023, May 11). Political instability likely to follow Turkish elections. Economist Intelligence Unit. <https://www.eiu.com/n/political-instability-likely-to-follow-turkish-elections>
- MOBESE kameralarını eylemciler tahrip etti [MOBESE cameras were vandalized by activists]. (2013). CNNTurk.Com. <https://web.archive.org/web/20130608131703/http://www.cnnturk.com/2013/turkiye/06/04/mobese.kameralarini.eylemciler.tahrip.etti/710571.0/index.html> (In Turkish)
- Polisten bir günde ikinci Gezi müdahalesi [Second Gezi intervention by police in a day]. (2013). *Hurriyet*. <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/polisten-bir-gunde-ikinci-gezi-mudahalesi-23405437>.
- Sambur, B. (2013). HEDEF: Erdoğan sız Türkiye [TARGET Turkey without Erdogan]. *Yeni Safak*. <https://www.yenisafak.com/dusunce-gunlugu/hedef-erdogansiz-turkiye-530434> (In Turkish)
- Search Engine Market Share Turkey. (n.d.). StatCounter Global Stats. <https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share/all/turkey/2013>
- Search Engine Market Share Turkey 2016. (n.d.). StatCounter Global Stats. <https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share/all/turkey>
- TahirKodal. (2018). 15 Temmuz Darbe Girişimi Ve Denizli [July 15 Coup Attempt and Denizli]. *Belgi Dergisi* [Belgi Magazine], 2(16), 790-819. (In Turkish).
- Taksim Gezi Parki eylemleri raporu: Gezi Parki etrafında yaşanan toplumsal olaylara ilişkin izleme ve değerlendirme [Report on Taksim Gezi Park protests: Monitoring and evaluation of the social events around Gezi Park]. (2013). <https://docplayer.biz.tr/4974505-Taksim-gezi-parki-eylemleri-raporu.htm> (In Turkish)
- Taşpınar, Ö. (2012). Turkey: The New Model? Brookings. <https://www.brookings.edu/articles/turkey-the-new-model>
- Tucker. (2013). A Breakout Role for Twitter? Extensive Use of Social Media in the Absence of Traditional Media by Turks in Turkish in Taksim Square Protests. *The Monkey Cage*. <https://themonkeycage.org/2013/06/a-breakout-role-for-twitter-extensive-use-of-social-media-in-the-absence-of-traditional-media-by-turks-in-turkish-in-taksim-square-protests>
- Türkiye's Relations with NATO. (n.d.). Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. <https://www.mfa.gov.tr/nato.en.mfa>
- Uyar, H. (2020). Türkiye'de Askeri Darbeler ve Nedenleri Üzerine Bir Analiz Denemesi [An Analysis of Military Coups in Turkey and Their Causes]. *Journal of Modern Turkish History Studies*, 20(15 Temmuz), 77-96. (In Turkish).
- Uzun, C. D., Akgün, M. H., & Yücel, H. (2017). İddianamelerde 15 Temmuz darbe girişimi ve FETÖ (1. Baskı) [The July 15 coup attempt and FETÖ in the indictments (1st edition)]. SETA. (In Turkish).

- Yumuşak, F. (2013). "Pardon, Şarj Aletiniz Var mı?" ["Excuse me, do you have a charger?"]. Tumblr. <https://dokuz8haber-blog.tumblr.com/post/87351547003/pardon-%C5%9Farj-aletiniz-var-m%C4%B1> (In Turkish)
- Zeynep, Y. (2016, August 24). 15 Temmuz 2016 Darbe Girişimi Uluslararası Basının Tutumu Raporu [July 15, 2016 Coup Attempt Report on the Attitude of the International Press]. <https://kadem.org.tr/15-temmuz-2016-darbe-girisimi-uluslararasi-basinin-tutumu-raporu> (In Turkish)
- Анализ трендов за 1 июня 2013 г. (б. д.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2013-06-01%202013-06-01&geo=TR>
- Анализ трендов за 15 июля 2016 г. (б. д.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2016-07-15%202016-07-15&geo=TR&hl=ru>
- Анализ трендов за 16 июля 2016 г. (б. д.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2016-07-16%202016-07-16&geo=TR&hl=ru>
- Анализ трендов за 27 мая 2013 г. (б. д.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2013-05-27%202013-05-27&geo=TR>
- Анализ трендов с 15 на 16 июля 2016 г. (б. д.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2016-07-15%202016-07-16&geo=TR&gprop=youtube&hl=ru>
- Дунаева, Е. В., & Сажин, В. И. (2016). Провал военного переворота в Турции (причины, последствия и влияние на обстановку в регионе и Иране). 29172. <http://www.iimes.ru/?p=29172>
- Жусубалиева, М. Т., & Пименова, Е. А. (2023). Движение «Фетхуллаха Гюлена» до и после попытки военного переворота в Турции 2016 г. Право, история, педагогика и современность. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Под редакцией А.В. Яшина, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. Пенза, 2023.
- Зубкова, А. И. (2013). «Везде Таксим, везде сопротивление»: Политический анализ протестов в Турции. Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Политология, 4, 66–75.
- Ирхин, А. А. (2018). Модели функционирования режима Черноморских проливов: 1783–2018 гг. и национальные интересы России. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология, 4(3), 70–80.
- Ирхин, А. А. (2019). Внешняя политика руководства партии Справедливости и развития Турции и геополитические интересы России. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология, 5(3), 51–62.
- Кудряшова, Ю. С. (2017). Годовщина попытки военного переворота в Турции 15–16 июля 2016 г. Эволюция политической системы. Международная аналитика, 2, 63–68. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-2-63-68>
- Леванова, К. А. (2016). Попытка военного переворота в Турции в июле 2016 г.: Причины и последствия. Система ценностей современного общества, 50, 91–95.
- Малышева, Д. Б. (2014). Политическое развитие Турции на современном этапе. Мировая экономика и международные отношения, 9, 84–91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-9-84-91>
- Мамедов, З. И. (2017). Турецкий путч глазами турецкого народа: Образ неудавшегося государственного переворота в оценках турецких СМИ в июле 2016 года. Studia Humanitatis, 2, 4.

- Нагорняк, К. И. (2017). «Pillars of Support»: Технологии воздействия на «столпы поддержки» власти во время «Евромайдана» на Украине. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология, 3(2), 75–85.
- Нагорняк, К. И. (2021). Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года. Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Политология, 23(1), 60–77. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-60-77>
- Саетов, И. Г. (2021). «Не суй нос в наши спальни!»: Протесты в парке Гези в 2013 г. И турецкий пост-исламизм. Вестник Института востоковедения РАН. Вестник Института востоковедения РАН, 4, 33–40. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-4-33-40>
- Сокколу, З., & Варкентин, А. (2013). Турки борются за право жить в светской стране. Deutsche Welle. <https://www.dw.com/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%B8-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8E%D1%82%D1%81%D1%8F-%D0%B7%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE-%D0%B6%D0%B8%D1%82%D1%8C-%D0%B2-%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5/a-16856132>
- Сравнение тем Майдан независимости и Евромайдан. (б. д.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2013-11-20%202014-02-26&geo=UA&q=%2Fm%2F05bss1.%2Fm%2F0zdr2nc>
- Сравнение тем Протест и Протесты в Беларуси 2020. (б. д.). Google Trends. https://trends.google.ru/trends/explore?date=2020-08-08%202020-09-05&geo=BY&q=%2Fm%2F01nd_n.%2Fg%2F1jb0chy_z&hl=ru
- Сравнение тем Таксим-Гези, волнения в Турции. (б. д.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2013-05-25%202013-07-17&geo=TR&q=%2Fm%2F0vsgmw5.%2Fm%2F0vxgqf4>
- Чобанян, Е. (2023). Выборы в Турции 2023: К чему стоит готовиться? РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/vybory-v-turtsii-2023-k-chemu-stoit-gotovitsya>
- Шлыков, П. В. (2015). Историческая динамика социальных протестов в Турции. Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение, 4, 34–55.
- Шлыков, П. В. (2017). Проблема консолидации власти в Турции: До и после попытки военного переворота в июле 2016 г. Труды Института востоковедения РАН, 5, 404–422.

References

- Alp, A. (2013, June 4). KESK'ten sonra DİSK üyeleri de iş bırakıyor [After KESK, DISK members also stop work]. Hurriyet. <https://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/keskten-sonra-disk-uyeleri-de-is-birakiyor-23433102> (In Turkish)
- Alturk, H. (2020). Arap Dünyasının Gözünden 15 Temmuz Darbe Girişimi [July 15 Coup Attempt from the Arab World's Perspective]. İçtimaiyat [Social Sciences], 4(15 Temmuz Özel Sayısı). <https://doi.org/10.33709/ictimaiyat.706614> (In Turkish)
- Arat, Y. (2013). Gezi Parkı Direnişi: Demokrasi Açığı, Demokrasi Gücü [Gezi Park Resistance: Democracy Deficit, Democracy Power]. Bilim Akademisi Derneği-34 – 179/148.

- https://bilimakademisi.org/wp-content/uploads/2013/08/Gezi-Parki-Direnisi_Demokrasi-Acigi-Demokrasi-Gucu.pdf (In Turkish)
- Aslan, S., Taylan, Ö., & Baştuğ, D. (2016). Gezi Parkı Eylemlerinin Farklı Boyutlarıyla Bir Değerlendirmesi [An Evaluation of the Gezi Park Protests with Different Dimensions]. *Birey ve Toplum Sosyal Bilimler Dergisi [Journal of Individual and Society Social Sciences]*, 6(12), 155-177. (In Turkish).
- Baban, E. (2015). Digital Activism and Social Movements: How the World perceives the Gezi Movement. *Digital Activism and Social Movements: How the World Perceives the Gezi Movement*, 5(1-2), 16-26.
- Balcı, A., & Turan, Y. (2017). Eleştirinin Sefaleti: Batı'dan 15 Temmuz Darbe Girişimini Okumak [The Misery of Criticism: Reading the July 15 Coup Attempt from the West]. *Avrasya'nın Siyasal İktisadi Özel Sayısı [Special Issue on the Political Economy of Eurasia]*, 83, 53-77. (In Turkish).
- Belli, A., & Aydın, A. (2018). Türkiye'deki Sivil Toplum Anlayışına 15 Temmuz Darbe Girişimi Üzerinden Bakış [A Perspective on the Understanding of Civil Society in Turkey through the July 15 Coup Attempt]. *Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi [Kahramanmaraş Sütçü İmam University Journal of Social Sciences]*, 15. (In Turkish).
- Bulent, A. (2017). 15 Temmuz Sonrası Türk Dis Politikası [Turkish foreign policy after July 15]. İstanbul Politikalar Merkez. <https://docplayer.biz.tr/47622611-15-temmuz-sonrasi-turk-dis-politikasi-bulent-aras.html> (In Turkish)
- Cagaptay, S. (2023). Turkey's Pivotal 2023 Elections: Issues, Potential Outcomes, and What Comes After. The Washington Institute. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/turkeys-pivotal-2023-elections-issues-potential-outcomes-and-what-comes-after>
- Canatan, K. (2014). Gezi Eylemlerini ve Gençliğini Anlamak! [Understanding Gezi Protests and Youth!]. *Birey ve Toplum Sosyal Bilimler Dergisi [Journal of Individual and Society Social Sciences]*, 4(1), 59-74. <https://doi.org/10.20493/bt.36954> (In Turkish)
- Chobanyan, E. (2023). Vybory v Turtsii 2023: K chemu stoit gotovit'sya? RSMD. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/vybory-v-turtsii-2023-k-chemu-stoit-gotovitsya> (In Russian).
- Country policy and information note: Gülenist movement, Turkey, February 2022 (accessible version). (2022). GOV.UK. <https://www.gov.uk/government/publications/turkey-country-policy-and-information-notes/country-policy-and-information-note-gulenist-movement-turkey-february-2022-accessible-version> (In Turkish)
- Dahi, Y. (2013). Gezi Parkı Olayları ve Sosyal Medya (İnfografik) [Gezi Park Events and Social Media (Infographic)]. Aristolog. <http://web.archive.org/web/20130804115900/http://aristolog.com/gezi-parki-olaylari-ve-sosyal-medya-infografik> (In Turkish)
- Dalkılıç, M. (2020). Amerika Birleşik Devletleri Medyasında 15 Temmuz Darbe Girişimi [July 15 Coup Attempt in the United States Media]. n. p. (In Turkish).
- Demir, S. T., & Çağlar, İ. (2017). FETÖ'nün ve 15 Temmuz darbe girişiminin iletişim stratejisi (1. Baskı) [The communication strategy of FETÖ and the July 15 coup attempt (1st ed.)]. SETA, Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı [SETA, Foundation for Political, Economic and Social Research]. (In Turkish).
- Demirdiş, S. (2019). The Role of Facebook and Twitter in Social Movements: A Study on the July 15 Coup Attempt in Turkey. *Türkiye İletişim Araştırmaları Dergisi*, 32, 32-49. <https://doi.org/10.17829/turcom.477180>

- Devran, Y., & Özcan, Ö. F. (2016). 15 Temmuz Darbe Girişimi: Gelenekselden Yeniye İletişim Teknolojilerinin Kullanımı [July 15 Coup Attempt: The Use of Communication Technologies from Traditional to New]. *AJIT-e Online Academic Journal of Information Technology*, 7(23), 71–92. <https://doi.org/10.5824/1309-1581.2016.4.004.x> (In Turkish)
- Dunaeva, E. V., & Sazhin, V. I. (2016). Proval voennogo perevorota v Turtsii (prichiny, posledstviya i vliyanie na obstanovku v regione i Irane). 29172. <http://www.iimes.ru/?p=29172> (In Russian).
- Erdogan and his generals. (2013). *The Economist*. <https://www.economist.com/europe/2013/02/02/erdogan-and-his-generals>
- Erdogan, E. (2018). *Dimensions of Polarization in Turkey*. German Marshall Fund of the United States. <https://www.gmfus.org/news/dimensions-polarization-turkey>
- FETÖ'nün mali gücü 150 milyar dolar [FETÖ's financial power is 150 billion dollars]. (2016). STAR. <https://www.star.com.tr/ekonomi/fetonun-mali-gucu-150-milyar-dolar-haber-1111648> (In Turkish)
- Fransız uzmandan seçim analizi: “Sandıktan tam bir kutuplaşma çıktı” [French expert analyzes the election: “A complete polarization emerged from the ballot box”]. (2023, May 15). VOA Türkçe. <https://www.voaturkce.com/a/fransiz-uzmandan-secim-analizi-sandiktan-tam-bir-kutuplasma-cikti/7093612.html> (In Turkish)
- Gezi Parkı cezası [Gezi Park punishment]. (2013). Dw.Com. <https://www.dw.com/tr/gezi-park-%C4%B1-cezas%C4%B1/a-16875369> (In Turkish)
- Gezi Parkı'na Kuğulu'da destek nöbeti [Vigil in support of Gezi Park in Kuğulu]. (2013). Hurriyet. <https://www.hurriyet.com.tr/yerel-haberler/ankara/gezi-parki-na-kuguluda-destek-nobeti-23407004> (In Turkish)
- Gürel, D. (2013). Taksim etkisinin düşündürdükleri [Implications of the Taksim effect]. Hurriyet. <https://www.hurriyet.com.tr/taksim-etkisinin-dusundurdukleri-23474550> (In Turkish)
- Hacıyakupoglu, G., & Zhang, W. (2015). Social Media and Trust during the Gezi Protests in Turkey. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 20(4), 450–466. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12121>
- Irkhin, A. A. (2018). The Regime of the Black Sea Straits in 1783–2018 and Russia's National Interests. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 4(3), 70–80. (In Russian).
- Irkhin, A. A. (2019). The External Policy of the Justice and Development Party of Turkey and Geopolitical Interests of Russia. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 5(3), 51–62. (In Russian).
- Karagöl, E. T. (2016). 15 July Coup Attempt and Turkish Economy. *Adam Academy Journal of Social Sciences*, 6(2), 37–49. <https://doi.org/10.31679/adamakademi.285017>
- Kizilkoyun-Rıza, F. (2013, June 6). “Gezi” protestosu için sendikalar sivil toplum örgütleri iş bıraktı [Trade unions, civil society organizations stop work for “Gezi” protest]. Bigpara. <https://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/gezi-protestosu-icin-sendikalar-sivil-toplum-orgutleri-is-birakti-23437835> (In Turkish)
- Kizilkoyun, F., Koç, M. G., & Baykuş, E. (2013). Kızılay'da gazlı ve TOMA'lı müdahale [Gas and TOMA intervention in Kızılay]. Hurriyet. <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/kizilayda-gazli-ve-toma-li-mudahale-23465549> (In Turkish)

- Kudryashova, Y. S. (2017). The anniversary of the military coup attempt in Turkey, July 15–16, 2016. The evolution of a political system. *Journal of International Analytics*, 2, 63–68. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-2-63-68> (In Russian).
- Levanova, K. A. (2016). Popytka voennogo perevorota v Turtsii v iyule 2016 g.: Prichiny i posledstviya. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*, 50, 91–95. (In Russian).
- Loe, C. (2023, May 11). Political instability likely to follow Turkish elections. Economist Intelligence Unit. <https://www.eiu.com/n/political-instability-likely-to-follow-turkish-elections>
- Malysheva, D. (2014). Political Development in Modern Turkey. *World Economy and International Relations*, 9, 84–91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-9-84-91> (In Russian).
- Mamedov, Z. I. O. (2017). Turkish Putsch through the Eyes of Turkish People: Image of the Failed Coup Estimated by Turkish Media in July 2016. *Studia Humanitatis*, 2, 4. (In Russian).
- MOBESE kameralarını eylemciler tahrip etti [MOBESE cameras were vandalized by activists]. (2013). CNNTurk.Com. <https://web.archive.org/web/20130608131703/http://www.cnnturk.com/2013/turkiye/06/04/mobese.kameralarini.eylemciler.tahrip.etti/710571.0/index.html> (In Turkish)
- Nagornyak, K. I. (2017). Technology of Influence on the “Pillars Of Support” of the Political Regime in Ukraine During the Euromaidan. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 3(2), 75–85. (In Russian).
- Nagornyak, K. I. (2021). Activity of Opposition Telegram Channels and Behavioral Factor of Google Users as a Research Method for Analyzing the Protests in Belarus in 2020. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 60–77. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-60-77> (In Russian).
- Polisten bir günde ikinci Gezi müdahalesi [Second Gezi intervention by police in a day]. (2013). *Hurriyet*. <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/polisten-bir-gunde-ikinci-gezi-mudahalesi-23405437>.
- Saetov, I. G. (2021). “Don’t Stick Your Nose in our Bedrooms!”: Protests in Gezi Park in 2013 and Turkish Post-Islamism. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, 4, 33–40. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-4-33-40> (In Russian).
- Sambur, B. (2013). HEDEF: Erdoğan sız Türkiye [TARGET Turkey without Erdogan]. *Yeni Safak*. <https://www.yenisafak.com/dusunce-gunlugu/hedef-erdogansiz-turkiye-530434> (In Turkish)
- Search Engine Market Share Turkey 2016. (n.d.). StatCounter Global Stats. <https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share/all/turkey>
- Search Engine Market Share Turkey. (n.d.). StatCounter Global Stats. <https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share/all/turkey/2013>
- Shlykov, P. V. (2015). Historical Dynamics of Social Protests in Turkey. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*, 4, 34–55. (In Russian).
- Shlykov, P. V. (2017). Problema konsolidatsii vlasti v Turtsii: Do i posle popytki voennogo perevorota v iyule 2016 g. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, 5, 404–422. (In Russian).
- Sokkolu, Z., & Varkentin, A. (2013). Turki boryutsya za pravo zhit' v svetskoy strane. *Deutsche Welle*. <https://www.dw.com/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%B8-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8E%D1%82%D1%81%D1%8F-%D0%B7%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE-%D0%B6%D0%B8%D1%82%D1%8C-%D0%B2-%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5/a-16856132> (In Russian).

- Sravnenie tem Maydan nezavisimosti i Evromaydan. (n. d.). Google Trends.
<https://trends.google.ru/trends/explore?date=2013-11-20%202014-02-26&geo=UA&q=%2Fm%2F05bss1,%2Fm%2F0zdr2nc> (In Russian).
- Sravnenie tem Protest i Protesty v Belarusi 2020. (n. d.). Google Trends.
https://trends.google.ru/trends/explore?date=2020-08-08%202020-09-05&geo=BY&q=%2Fm%2F01nd_n,%2Fg%2F11jb0chy_z&hl=ru (In Russian).
- Sravnenie tem Taksim-Gezi, volneniya v Turtsii. (n. d.). Google Trends.
<https://trends.google.ru/trends/explore?date=2013-05-25%202013-07-17&geo=TR&q=%2Fm%2F0vsgmw5,%2Fm%2F0vxgqf4> (In Russian).
- TahirKodal. (2018). 15 Temmuz Darbe Girişimi Ve Denizli [July 15 Coup Attempt and Denizli]. *Belgi Dergisi* [Belgi Magazine], 2(16), 790-819. (In Turkish).
- Taksim Gezi Parki eylemleri raporu: Gezi Parki etrafında yaşanan toplumsal olaylara ilişkin izleme ve değerlendirme [Report on Taksim Gezi Park protests: Monitoring and evaluation of the social events around Gezi Park]. (2013). <https://docplayer.biz.tr/4974505-Taksim-gezi-parki-eylemleri-raporu.htm> (In Turkish)
- Taşpınar, Ö. (2012). Turkey: The New Model? Brookings. <https://www.brookings.edu/articles/turkey-the-new-model>
- Trend analysis for July 16, 2016. (n. d.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2016-07-16%202016-07-16&geo=TR&hl=ru> (In Russian).
- Trend analysis for June 1, 2013. (n. d.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2013-06-01%202013-06-01&geo=TR> (In Russian).
- Trend analysis for June 15, 2016. (n. d.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2016-07-15%202016-07-15&geo=TR&hl=ru> (In Russian).
- Trend analysis for May 27, 2013. (n. d.). Google Trends. <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2013-05-27%202013-05-27&geo=TR> (In Russian).
- Trend analysis from July 15 to July 16, 2016. (n. d.). Google Trends.
<https://trends.google.ru/trends/explore?date=2016-07-15%202016-07-16&geo=TR&gprop=youtube&hl=ru> (In Russian).
- Tucker. (2013). A Breakout Role for Twitter? Extensive Use of Social Media in the Absence of Traditional Media by Turks in Turkish in Taksim Square Protests. *The Monkey Cage*.
<https://themonkeycage.org/2013/06/a-breakout-role-for-twitter-extensive-use-of-social-media-in-the-absence-of-traditional-media-by-turks-in-turkish-in-taksim-square-protests>
- Türkiye's Relations with NATO. (n.d.). Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs.
<https://www.mfa.gov.tr/nato.en.mfa>
- Uyar, H. (2020). Türkiye'de Askeri Darbeler ve Nedenleri Üzerine Bir Analiz Denemesi [An Analysis of Military Coups in Turkey and Their Causes]. *Journal of Modern Turkish History Studies*, 20(15 Temmuz), 77-96. (In Turkish).
- Uzun, C. D., Akgün, M. H., & Yücel, H. (2017). İddianamelerde 15 Temmuz darbe girişimi ve FETÖ (1. Baskı) [The July 15 coup attempt and FETÖ in the indictments (1st edition)]. SETA. (In Turkish).
- Yumuşak, F. (2013). "Pardon, Şarj Aletiniz Var mı?" ["Excuse me, do you have a charger?"]. Tumblr.
<https://dokuz8haber-blog.tumblr.com/post/87351547003/pardon-%C5%9Farj-aletiniz-var-m%C4%B1> (In Turkish)

- Zeynep, Y. (2016, August 24). 15 Temmuz 2016 Darbe Girişimi Uluslararası Basının Tutumu Raporu [July 15, 2016 Coup Attempt Report on the Attitude of the International Press]. <https://kadem.org.tr/15-temmuz-2016-darbe-girisimi-uluslararasi-basinin-tutumu-raporu> (In Turkish).
- Zhusubalieva, M. T., & Pimenova, E. A. (2023). The Movement of “Fethullah Gulen” before and after The Attempted Military Coup in Turkey in 2016. *Pravo, istoriya, pedagogika i sovmennost'.* Sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pod redaktsiey A.V. Yashina, A.A. Gracheva, N.I. Svechnikova. Penza, 2023. (In Russian).
- Zubkova, A. I. (2013). “Everywhere Taksim, Everywhere Resistance”: Political Analysis of the Protests in Turkey. *RUDN Journal of Political Science*, 4, 66–75. (In Russian).

“Tell Me What the Other Eats, and I Will Tell You What is Wrong with You”: A Webometric Analysis of Russian Perceptions on the Alimentary Aspect of the Other's Image in 2023

Olesya S. Yakushenkova¹ & Rastyam T. Aliev²

Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia

Received: 4 June 2023 | Revised: 21 August 2023 | Accepted: 28 August 2023

Abstract

This article addresses the pressing issue of perceiving other cultures and nationalities in the context of globalization and internet communications. The authors focus on a webometric study, employing data analysis methods for grouping and investigating markers that reflect the quantitative and qualitative characteristics of models representing the Other in the digital space. The study aims to identify current trends and reactions of internet users to the diversity of alimentary preferences of various ethnic groups, thereby providing a deeper understanding of the dynamics of public opinion and stereotypes.

The research extensively analyzes how perceptions of cultural alimentary features and traditions of different peoples are formed and transformed in the modern information space. It notes the significant influence of search queries and virtual interactions on the formation and alteration of the images of the Other in public consciousness. The authors discuss the implications of these trends for intercultural interaction and present conclusions that can be applied in further research related to the cultural and social aspects of perceiving ethnic groups. The findings of the study will be of interest not only to specialists in the field of intercultural communication, but also to a wider audience seeking to better understand the dynamics of how different cultures are perceived in today's information society.

Keywords

Webometric Analysis; Intercultural Interaction; the Other; Nationalities; Cultures; Digital Environment; Models of the Otherness; Alimentary Preferences; Markers

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [jestershadow\[at\]mail.ru](mailto:jestershadow[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4887-8571>

2 [rastaliev\[at\]gmail.com](mailto:rastaliev[at]gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2812-7655>

«Скажи мне, что ест Другой, и я скажу, что с тобой не так»: вебометрический анализ представлений россиян об алиментарном аспекте образа Чужого в 2023 году

Якушенкова Олеся Сергеевна¹, Алиев Растям Туктарович²

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия

Рукопись получена: 4 июня 2023 | Пересмотрена: 21 августа 2023 | Принята: 28 августа 2023

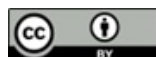
Аннотация

В данной статье освещается актуальная проблема восприятия других культур и национальностей в условиях глобализации и интернет-коммуникаций. Авторы фокусируются на вебометрическом исследовании, применяя методы анализа данных для группировки и исследования маркеров, отражающих количественные и качественные характеристики моделей представления о Чужом в цифровом пространстве. Исследование направлено на выявление текущих трендов и реакций пользователей интернета на разнообразие алиментарных пристрастий различных этнических групп, что позволяет понять динамику общественного мнения и стереотипов.

В исследовании подробно анализируется, как в современном информационном пространстве формируются и трансформируются представления о культурных алиментарных особенностях и традициях разных народов. Отмечается значительное влияние поисковых запросов и виртуального взаимодействия на формирование и изменение образов Чужого в общественном сознании. Авторы обсуждают последствия этих тенденций для межкультурного взаимодействия и представляют выводы, которые могут быть использованы в дальнейших изысканиях, связанных с культурными и социальными аспектами восприятия этнических групп. Результаты исследования представляют интерес не только для специалистов в области межкультурных коммуникаций, но и для широкого круга читателей, стремящихся глубже понять динамику восприятия различных культур в современном информационном обществе.

Ключевые слова

вебометрический анализ; межкультурное взаимодействие; Чужой; национальности; культуры; цифровая среда; модели инаковости; алиментарные пристрастия; маркеры

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons "Attribution"](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: [jestershadow\[at\]mail.ru](mailto:jestershadow[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4887-8571>

2 [rastaliev\[at\]gmail.com](mailto:rastaliev[at]gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2812-7655>

Введение

В современном мире технологические инновации значительно трансформируют основы пищевой индустрии, особенно в контексте производства продуктов питания. Проявлением этой тенденции может выступать 3D-печать продуктов, что представляет собой радикальное отступление от традиционных методов кулинарного производства. Этот процесс не только коренным образом меняет способы производства пищи, но также порождает новые культурные и этические дискуссии. Кроме того, крупные производители фаст-фуда, включая известные бренды, начали использовать искусственное мясо, что свидетельствует о переосмыслении традиционных взглядов на питание и культуру потребления вообще. Эти инновации поднимают важные вопросы о будущем алиментарной культуры и ее влиянии на общество, экологию, здоровье людей и этику. Современные технологические достижения в области пищевой индустрии не только изменяют производственные процессы, но и формируют новую культурную реальность, в которой традиционные представления о еде и питании подвергаются переосмыслению.

В тоже время в условиях глобализации и быстрых трансформаций в мире пищевых технологий, еда продолжает оставаться ключевым элементом в процессе самоидентификации и выделения Чужого. Несмотря на расширение границ пищевого разнообразия и доступности экзотических продуктов, традиционные кулинарные предпочтения и привычки остаются глубоко укорененными в культурной памяти и социальных нормах. Это проявляется в том, как различные сообщества продолжают определять себя через принадлежность к определенным пищевым традициям, подчеркивая этим свою уникальность и отличие от других. Кроме того, пищевые привычки (и стереотипы о них) используются для символического выделения Чужого, что часто отражает устоявшиеся представления о классе, этнической принадлежности и культурных нормах.

Еда является не просто средством удовлетворения биологических потребностей, но и мощным инструментом культурной идентификации и социального взаимодействия. Конечно же, и этот процесс подвергается влиянию глобализации, одновременно размывающей и укрепляющей традиционные кулинарные границы. С одной стороны, глобализация способствует интеграции кулинарных традиций Чужого, создавая новые пищевые гибриды¹. С другой, это же явление усиливает стремление к сохранению национальной и культурной уникальности через пищу, что проявляется в возрождении интереса к локальным традициям и рецептам. Следовательно, динамика трансформации пищевых предпочтений и привычек в современном мире отражает сложный процесс взаимодействия глобального и локального,

1 Здесь достаточно вспомнить ролл «селедка под шубой» или запечённые роллы.

а еда остается важным фактором построения культурной идентичности и выделения различий.

Алиментарное поведение не ограничивается исключительно аспектами выбора и потребления пищи, а представляет собой многоуровневое явление, охватывающее различные культурные и социальные практики. Оно включает в себя не только предпочтения в отношении определенных продуктов (т. е. Что именно считается потенциально съедобным в той или иной культуре), но и способы их приготовления¹, что отражает глубоко укорененные культурные традиции. Значительную роль играет выбор посуды и столовых приборов, который может быть обусловлен как функциональными, так и эстетическими, религиозными или социальными соображениями. Этот аспект алиментарного поведения свидетельствует о сложности культурных кодов, связанных с приемом пищи. Важным является и социальный контекст, в котором происходит потребление пищи: с кем и в какой обстановке люди предпочитают это делать, что может отражать определенные социальные связи, статус и т.п..

Различные элементы алиментарного поведения, включая выбор продуктов, способы их приготовления и контекст потребления, могут служить мощным инструментом социальной интеграции или исключения. Они функционируют как неявные механизмы, через которые происходит включение или исключение индивидов и групп из социальных коллективов. Так, определенные пищевые предпочтения или обычаи могут сигнализировать о принадлежности к определенной социальной, этнической или религиозной группе, тем самым укрепляя границы между «своими» и «чужими». Обратно, изменение или адаптация пищевых привычек может стать средством адаптации и интеграции, символизируя готовность к взаимопониманию или даже взаимопроникновению между культурами, а еда выступать важным элементом «мягкой силы». В этом контексте, алиментарное поведение выступает как тонкий, но мощный регулятор социальных отношений, определяя границы принадлежности и идентичности.

В таких условиях изучение устоявшихся представлений, связанных с алиментарной культурой, представляется критически важным. Данное исследование направлено на анализ статистики поисковых запросов в системе Yandex, которые касаются определенных этнических групп и связанных с ними стереотипов о пищевых привычках. Цель анализа – выявление того, как общественное восприятие и представления о пищевых традициях различных культур проявляются в цифровом пространстве. Мы задаемся вопросом, в какой степени поисковые запросы отражают культурные особенности,

1 Речь идет о бинарных оппозициях сырое / приготовленное, свежее / гнилое и т.д.. По словам Леви-Строса, «ось, которая соединяет сырое и приготовленное, представляет собой характеристику культуры, а та, что соединяет сырое и гнилое. — характеристику природы, поскольку обработка огнем осуществляет культурное превращение сырого, а гниение оказывается превращением естественным» (Леви-Строс, 1999, с. 140). Иными словами, для многих народов сырое противопоставляется приготовленному так же, как природное противопоставляется культурному.

а также насколько сильно они связаны со страхом перед Чужим. Особое внимание уделяется тому, как интерактивность цифровой среды влияет на формирование и распространение этих представлений. Результаты этого анализа могут предоставить уникальное понимание динамики культурных взаимодействий и восприятий в современном информационном обществе.

Накопленный нами массив поисковых запросов с 2017 года открывает перспективы для анализа данных как в синхронном, так и в диахронном контекстах. Это позволяет не только оценить текущее состояние представлений и взглядов россиян на алиментарное поведение различных этнических групп, но и проследить их эволюцию и изменения со временем. Это также дает возможность выявить динамику культурных и социальных процессов, отраженных в изменении поисковых запросов, а значит и выявить какие именно события влияют на активацию тех или иных настроений. Исследование этих данных в диахронном аспекте может раскрыть как постоянные, так и изменяющиеся тенденции в восприятии и отношении к пищевым традициям различных культур. Исследование также предусматривает анализ влияния пандемии COVID-19 на трансформацию образа Чужого в контексте алиментарного поведения. Этот период, характеризующийся глобальными изменениями в устоявшихся социокультурных практиках, предоставляет уникальную возможность для изучения влияния чрезвычайных обстоятельств на восприятие и интерпретацию культурных и этнических различий. Особое внимание уделяется и анализу того, как изменения в общественных настроениях и поведенческих практиках во время пандемии могли повлиять на представления о Чужом, особенно в аспекте пищевых привычек и традиций. Такой подход позволяет понять, как кризисные ситуации влияют на культурные динамики и социальные взаимодействия на межкультурном уровне.

В предшествующих исследованиях мы обращали внимание на то, как в период пандемии COVID-19 (2020-2021 гг.) (Алиев & Якушенкова, 2022a; 2022b) алиментарная составляющая образа Чужого приобрела особую актуальность. Это было связано с распространением слухов о причинах пандемии и связанных с этим синофобных настроений, которые, хотя и в незначительной степени, нашли отражение в анализируемых нами маркерах. Подобное явление свидетельствует о сложном взаимодействии между глобальными событиями и локальными культурными представлениями, влияющими на восприятие и интерпретацию образа Чужого. В этом контексте, пищевые привычки и предпочтения стали одним из ключевых элементов, через которые проявлялась идентификация Чужого, отражая более широкие социальные и культурные процессы. Пандемия COVID-19 стала катализатором для переосмысления и переформулирования культурных стереотипов, особенно в контексте алиментарного поведения.

Здесь мы бы хотели сразу отметить, что не стремимся к оценке или поддержке выявленных стереотипов, связанных с алиментарным поведением

анализируемых этнических групп. Наша основная задача заключается в фиксации и анализе поисковых запросов, а не в выражении согласия или несогласия с часто негативно окрашенными представлениями о пищевых привычках этих групп. Мы стремимся к нейтральному сопоставлению полученных данных с результатами предыдущих лет, чтобы выявить тенденции и изменения в общественных взглядах и представлениях.

Гипотеза исследования

Мы предполагаем, что анализ интернет-поисковых запросов может отражать уровень общественного интереса и страха перед алиментарным Чужим. Этот подход позволяет выявить не только поверхностные тенденции, но и более глубокие психосоциальные динамики, которые формируют отношение к пищевым привычкам других культур. Интерпретация этих данных может предоставить ценную информацию о том, как взаимодействие с неизвестными кулинарными традициями воспринимается и интерпретируется в современном обществе. Подобный анализ выявляет сложные взаимосвязи между знакомством с Чужим и ответными реакциями, будь то любопытство, интерес или опасение.

Анализ интернет-запросов представляет собой значимый инструмент для выявления моментов усиления межэтнической напряженности в обществе. Изучение динамики и содержания этих запросов открывает возможность для определения периодов, когда интерес к определенным этническим группам усиливается, что может потенциально сигнализировать о нарастающих социальных напряжениях. Этот подход позволяет наблюдать за изменениями в общественном дискурсе, особенно в отношении восприятия и оценки различий между культурами. Повышение частоты определенных запросов может указывать на нарастание стереотипных представлений или недопонимания, связанных с этническими меньшинствами.

Потенциал применения вебометрики

Вебометрика, включающая анализ поисковых запросов, представляет собой мощный инструмент для изучения общественных настроений и предпочтений, особенно в контексте глобальных событий, таких как пандемия COVID-19. Исследование Чеён Лим и коллег (Lim & Hswen, 2021) ярко иллюстрирует, как данные интернет-поиска могут быть использованы для прогнозирования социальных и экономических тенденций, в частности, в авиационной индустрии в период пандемии. Анализируя запросы в южнокорейском поисковике NAVER, исследователи смогли выявить связь между общественным восприятием риска заболевания COVID-19 и изменениями в пассажиропотоке на внутренних авиарейсах. Полученные результаты указывают на то, что вебометрический анализ может быть эффективным средством для оценки реакции населения на развитие пандемии, что в свою очередь может быть полезным

для планирования и принятия превентивных мер. Так, понимание связи между уровнем общественной тревоги и изменениями в поведенческих паттернах позволяет не только предвидеть экономические последствия, но и формировать более эффективные стратегии реагирования на угрозы здоровью и безопасности. Этот подход подчеркивает важность использования цифровых данных в современном мире для анализа и предсказания общественных реакций на кризисные ситуации.

До пандемии COVID-19 вебметрические методы уже активно использовались для мониторинга и прогнозирования различных социальных и эпидемиологических явлений. Примером такого подхода является работа Г. Э. Карнейро и Э. Милонакиса (Carneiro & Mylonakis, 2009), где авторы описывают использование алгоритмов Google Trends для раннего выявления региональных вспышек гриппа на 7-10 дней ранее, чем это возможно с помощью традиционных методов слежения. Это исследование демонстрирует, как данные интернет-поиска могут предоставлять ценную информацию там, где время реагирования на внешние угрозы особенно важно.

Другие исследователи, такие как Шарад Гоэл и Джейк М. Хофман, в своей работе (Goel et al., 2010) отмечают, что, несмотря на относительную скромную помощь данных поисковых запросов для профилактики массовых вспышек гриппа, они все же предоставляют возможности для прогнозирования будущих социальных и экономических событий. Примеры авторов включают прогнозирование выручки от проката кинофильмов, продаж видеоигр, и даже положения песен в чартах Billboard. Это указывает на то, что анализ веб-данных может быть мощным инструментом для понимания и предвидения широкого спектра социальных динамик.

Из примеров выше становится ясно, что вебметрика дает возможность анализировать влияние информации и коммуникационных процессов в онлайн-среде на формирование общественного мнения и принятие решений. В частности, исследование Л. Гранки (Granka, 2013) показывает, как вебметрика может предсказывать результаты голосований, отражая социально-политические настроения в обществе. Т. Юнг предложил методику, позволяющую оценивать уровень религиозности общества, опираясь на данные Google Trends, что открывает новые перспективы для изучения социальных и духовных тенденций (Yeung, 2019).

В области потребительского поведения исследование Нанды Кумара и коллег (Kumar et al., 2004) выявляет, как поисковые запросы в интернет-магазинах могут отражать потребительские предпочтения и решения. Такие данные предоставляют ценную информацию для изучения экономических и культурных аспектов потребительского поведения. Анализ Мелиссы С. Кирни и Филиппа Б. Левина, основанный на данных Google Trends, демонстрирует, как популярность телешоу «Беременна в 16» повлияла на увеличение интереса к контрацептивам и абортам, свидетельствуя о сильном влиянии медиа

на общественные взгляды и поведение (Kearney & Levine, 2015). Эти примеры исследований подчеркивают значимость вебометрики как инструмента для глубокого понимания множества социальных процессов: от религиозности и политических предпочтений до потребительского поведения и воздействия масс-медиа на общественное сознание.

Данные интернет-поисковиков, как показывает исследование Гузмана (Guzman, 2011), представляют собой ценный инструмент не только для предсказания будущих экономических тенденций, но также и для понимания мотивов миграционных процессов. Исследование Мигеля А. Висенс-Фелиберти и его коллеги (Vicéns-Feliberty & Ricketts, 2016) демонстрирует, как анализ поисковых запросов может выявлять интерес мигрантов к переезду в США, предоставляя уникальное понимание миграционных намерений. Это исследование подчеркивает, что анализ цифровых следов может раскрыть не только количественные, но и качественные аспекты миграционных потоков. Аврамеску и Вишняовски (Avramescu & Wiśniowski, 2021) расширяют эту тематику, применяя подобные методы для прогнозирования миграционных потоков между Румынией и Великобританией. Их работа иллюстрирует, как веб-данные могут быть использованы для оценки миграционных тенденций в краткосрочной перспективе. Это подход демонстрирует, как современные технологии и инструменты цифрового анализа могут служить важным дополнением к традиционным методам изучения социальных явлений. Данные поисковых запросов открывают новые горизонты для понимания глобальных социальных процессов, таких как миграция, позволяя исследователям глубже проникнуть в мотивы и предпочтения людей, что становится особенно актуально в условиях усиливающейся глобализации и социальных изменений.

В контексте изучения алиментарного поведения через призму вебометрики весьма заслуживает внимания исследование, посвященное анализу годовых вариаций поисковых запросов, связанных с диетами (Markey & Markey, 2013). Авторы статьи обнаружили, что интерес к теме диеты в интернет-поиске следует устойчивой линейной модели, достигая максимума в январе, что может быть связано с новогодними решениями о снижении веса, а затем постепенно уменьшается вплоть до следующего января. Интересно, что размер всплеска поисковых запросов по теме диет в декабре-январе, по мнению исследователей, может служить индикатором общественного уровня ожирения, а также смертности от диабета, сердечных заболеваний и инсультов. Это подчеркивает, что анализ поисковых запросов не просто отражает текущие тренды в алиментарных предпочтениях, но и может быть мощным инструментом в предсказании более глобальных общественных тенденций в области здоровья населения.

Суммируя обширные возможности вебометрики, становится очевидно, что она предоставляет уникальные инструменты для исследования влияния личностей и медиа на поведение и мнения пользователей, а также на общество

в целом. Этот метод позволяет не только отслеживать реакции на разнообразные социальные проблемы, но и помогает делать выводы о текущих обстоятельствах. Вебометрика дает инструментарий для прогноза тенденции, что раскрывает глубинные социальные и культурные трансформации. Она также позволяет отслеживать экономические, политические и миграционные тенденции в отдельных обществах и на глобальном уровне. Кроме того, она эффективна для выявления всплесков заболеваемости и других угроз здоровью и безопасности населения. Важно отметить, что вебометрика не просто фиксирует данные, но и позволяет анализировать сложные взаимосвязи между различными социальными явлениями и культурными практиками. Таким образом, вебометрика является инструментом, который способствует глубокому пониманию современного общества, его проблем, интересов и предпочтений. Она открывает новые перспективы для понимания того, как информация и коммуникация влияют на социокультурные процессы и практики.

Минусы вебометрического анализа

Вебометрический анализ, хотя и является мощным инструментом для изучения цифровых следов социальных процессов, содержит в себе и ряд значительных недостатков. Во-первых, это возможность получения недостоверной информации, что может быть обусловлено различными внешними факторами. Например, цензура или особенности алгоритмов поисковых систем искажают результаты запросов, в результате чего исследователи сталкиваются с несоответствием реальной ситуации и цифровыми данными. Это требует критического подхода к интерпретации данных, осознания их потенциальной предвзятости и ограничений. Необходимо учитывать, что поисковые запросы и активность в социальных сетях не всегда точно отражают реальные убеждения, предпочтения или поведение людей.

Для достижения полноты и точности в анализе поисковых запросов крайне важно учитывать контекст, в котором они формулируются. Поисковый запрос, взятый изолированно, часто не способен передать полную картину намерений и желаний пользователя, поскольку является лишь фрагментом мысли, которую пользователь выражает в самой упрощенной форме. Следовательно, без глубокого понимания контекста, в котором был сформулирован запрос, исследователи рискуют интерпретировать данные неполно или неверно. Это особенно актуально, когда речь идет о сложных социальных и культурных феноменах, где каждый запрос может нести в себе множество скрытых значений и подтекстов. Следовательно, глубина и качество анализа вебометрических данных в значительной мере зависят от способности исследователей разобраться в многослойности и многозначности поисковых запросов.

Анализируя поисковые запросы, мы часто сталкиваемся с неоднозначностью и многогранностью интерпретаций, что проявляется в различных комбинациях запросов. К примеру, в нашей работе вы не раз сталкивались с запросом «едят на камеру». Его вариации, включающие, например, «едят лапшу» или «едят кошек», несут в себе существенно различные эмоциональные окраски и могут отражать разнообразие восприятия и оценки поведения «Чужого». Такая многозначность и многовариантность указывает на сложность интерпретации поисковых запросов, ведь каждый из них может нести в себе глубокие культурные, социальные и эмоциональные подтексты. Формулировки пользователей могут отражать как нейтральное любопытство, так и более сложные эмоциональные и культурные отношения к определенным пищевым привычкам или образам жизни.

В процессе анализа поисковых запросов мы также сталкиваемся с дополнительным вызовом, обусловленным отходом пользователей от стандартных правил орфографии, грамматики и пунктуации. Это явление не только затрудняет интерпретацию запросов, но и вносит дополнительную сложность в понимание истинных намерений. Несоблюдение языковых норм может быть как случайным, так и преднамеренным, отражая разнообразие языковых практик и культурных особенностей в цифровом пространстве. Ошибки и неточности в запросах требуют от исследователей адаптации аналитических методов к этой неоднозначности.

При анализе данных поисковых также запросов необходимо осознавать их ограниченность, поскольку они представляют только часть широкого спектра пользовательской активности в Интернете. Кроме того, каждая поисковая система имеет свои уникальные алгоритмы и пользовательские базы, что затрудняет объединение и сравнение статистики между различными платформами. Эта разнообразность исходных данных влечет за собой сложности в создании универсальной и всесторонней картины общественных тенденций и предпочтений. Вследствие этого, результаты вебметрического анализа могут быть актуальными лишь в рамках определенных условий и контекстов, что требует аккуратности при обобщении выводов. Отсюда следует, что исследователи должны применять мультидисциплинарный подход, учитывая эти ограничения для получения более объективного результата.

Методы

В рамках нашего исследования мы использовали методы вебметрического анализа, что дало нам возможность собирать наиболее актуальную информацию из сети Интернет. Эти методы позволили нам выявить текущие тренды и изучить реакции пользователей на различные алиментарные пристрастия этнического Чужого, обеспечивая глубокое понимание динамики общественного мнения. Они также дали нам ключи к пониманию того,

как цифровые следы пользователей отражают их отношение к событиям, формируя новую картину современных культурных взаимодействий.

Вебометрический анализ предоставляет эффективные инструменты для изучения онлайн-поведения пользователей, позволяя глубже проникнуть в структуру и динамику общественных дискуссий. Он раскрывает сложные социокультурные процессы, происходящие в цифровой среде, и помогает понять, как информационные потоки и взаимодействия в сети влияют на формирование и развитие общественных настроений и мнений. Использование вебометрического анализа в исследованиях дает уникальную возможность для оценки и интерпретации культурных и социальных трансформаций, осуществляемых в рамках онлайн-взаимодействий.

В отличие от опросов, вебометрика раскрывает нефильтованное и несдержанное выражение отношений людей. В обычных обстоятельствах респонденты могут быть склонны к социально одобряемым ответам, анализ интернет-запросов же позволяет наблюдать более искренние проявления чувств, будь то страх, интерес или даже агрессия. Это особенно заметно в контексте изучения отношения к Чужому, где запросы в Интернете нередко принимают форму ксенофобских выражений, отражая социокультурные предубеждения. Вебометрика, таким образом, предоставляет уникальный взгляд на неявные, часто скрытые аспекты общественного мнения и культурных восприятий.

Нами применялись также статистические методы сбора данных из сети Интернет, что позволило составлять корреляционные матрицы для анализа связей между различными структурными маркерами. Путем расчета парной корреляции по Пирсону для каждого из маркеров, мы смогли выявить наиболее значимые корреляционные связи. Это позволило нам не только количественно, но и качественно оценить эти связи, предоставляя глубокое понимание взаимодействия между различными элементами данных. Визуализация этих корреляционных связей на плоскости стала ключевым инструментом для конструирования, структурирования и классификации моделей Воображаемого Чужого. Этот подход позволил нам не только определить количество этих моделей, но и дать им качественную характеристику, исследуя глубину и содержание каждой модели, основываясь на группировке и анализе маркеров. Благодаря этому, мы получили возможность более полно понять, как формируются и взаимодействуют различные представления о Чужом в цифровой среде. Такие методы анализа, совмещая статистическую точность и визуальную наглядность, обеспечивают глубокое понимание социальных и культурных динамик, заложенных в онлайн-поведении и взаимодействиях пользователей. Для более глубокого понимания примененных методов вебометрического анализа рекомендуется ознакомиться с нашими предыдущими исследованиями, где подробно описываются процедуры сбора и анализа

данных, а также используемые статистические методы (Алиев & Якушенкова, 2021, с. 168-170).

В прикладной части нашего исследования были использованы статистические методы для сбора больших объемов данных из сети Интернет, что позволило получить ценную информацию о пользовательских запросах. Специфически, мы анализировали данные, полученные с помощью сервисов <https://wordstat.yandex.ru/> и <https://trends.google.ru/>, которые предоставили уникальную возможность изучить динамику и объем поисковых запросов в Интернете. Эти инструменты дали нам возможность наблюдать за конкретными запросами пользователей в различные временные промежутки, а также классифицировать их в соответствии с географическими регионами. Использование этих сервисов стало ключевым в выявлении и анализе широкого спектра пользовательских интересов и поведения в онлайн-пространстве. Применение расчета корреляции по Пирсону к каждой паре структурных маркеров в нашем исследовании привело к выявлению значительных корреляционных связей между ними, что позволило глубже понять взаимосвязи внутри анализируемых данных. Для визуализации этих корреляционных связей между маркерами мы использовали метод графов, опираясь на семантические связи, с помощью программного обеспечения для сетевого анализа и визуализации данных Gephi. С помощью этой визуализации стало возможным идентифицировать ключевые модели, представляющие различные категории и темы, и их взаимное влияние друг на друга. Это дало нам возможность не только структурировать большие объемы данных, но и интерпретировать сложные социокультурные процессы, стоящие за поисковыми запросами и интернет-активностью. Применение метода графов обеспечило глубокое понимание взаимосвязей между различными маркерами, отражая сложную структуру онлайн-поведения и мнений. В результате, исследование пролило свет на скрытые узоры и тенденции, которые формируют онлайн-дискурс и взаимодействие пользователей в цифровой среде.

Данное исследование было тщательно структурировано и разделено на несколько этапов, начиная с выбора исследуемых объектов. В качестве основы были отобраны 15 крупных этнических групп, включая китайцев, японцев, корейцев, французов, немцев, англичан, американцев, казахов, армян, азербайджанцев, грузин, таджиков, итальянцев, узбеков и вьетнамцев. Этот выбор был обусловлен двумя основными критериями. Во-первых, внимание сосредоточено на представителях геополитических партнеров или конкурентов современной России, что позволяет изучить взаимодействие между различными культурами в контексте международных отношений. Во-вторых, акцент сделан на представителях стран бывшего СССР, что позволяет исследовать вопросы межэтнического взаимодействия и влияния общей истории на современные культурные и социальные процессы.

На втором этапе нашего исследования была проведена работа по определению формы поисковых запросов, которые могли бы эффективно выявить структурные маркеры, связанные с образом Чужого. Основываясь на предмете исследования и принимая во внимание, что наша методология строится на трехчленной структуре образа Чужого, мы разработали специфические шаблоны поисковых запросов. Эти шаблоны были сформулированы в форме «представители этноса» едят / пьют...», что позволило приступить к сбору данных, ориентированных на понимание культурных представлений о пищевых привычках различных этнических групп (см. Рисунок 1). Эта методика обеспечила сбор целенаправленных и релевантных данных, необходимых для дальнейшего анализа и формирования образа Чужого в различных культурных контекстах. Применение этих шаблонов запросов стало ключевым в определении специфических характеристик и восприятия разных этнических групп в контексте их пищевых традиций и обычаев.

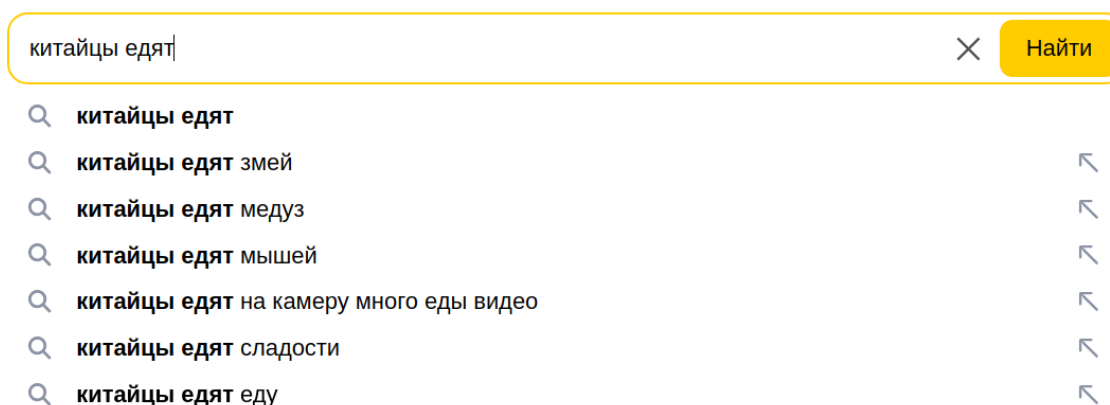

Рисунок 1. Пример формирования поисковых запросов в Яндексе

Figure 1. Example of search query generation in Yandex

Процесс сбора данных для нашего исследования включал в себя агрегацию информации с сервисов <https://wordstat.yandex.ru/> и <https://trends.google.ru/>, что позволило нам создать единую базу данных поисковых запросов россиян (см. Таблица 1). В процессе формирования этой базы данных мы сосредоточились на утвердительных формулировках запросов, таких как «китайцы едят рис», что обеспечило ясность и единообразие в выборке данных. Вопросительные формулировки типа «едят ли китайцы рис» и отрицательные высказывания, например, «не едят гречку», были исключены из основного массива данных и подверглись отдельному анализу. Это дало нам возможность сосредоточиться на определенных аспектах восприятия и представления различных этнических групп в контексте их пищевых привычек. Отделение этих категорий запросов обеспечило более

точное и целенаправленное исследование, позволяя нам углубленно исследовать специфику и особенности восприятия различных культурных групп.

На следующем этапе нашего исследования был выполнен расчет корреляции для каждой пары маркеров, которые были выявлены в предыдущих фазах работы. Этот процесс позволил нам определить степень взаимосвязи между различными маркерами, выражающими специфические аспекты восприятия и отношения к разным этническим группам (см. Рисунок 2). Результаты этих расчетов корреляции обеспечили глубокое понимание динамики и взаимных влияний разнообразных культурных и восприятий, находящихся отражение в поисковых запросах.

Запрос	китайцы	японцы	корейцы	французы	немцы	англичане	американцы	казахи	армяне	азербайджанцы	грузины	таджики	итальянцы	узбеки	вьетнамцы
на камеру	3156	135	1193	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
что	3284	1337	1749	890	925	692	963	352	465	127	157	221	447	0	111
много	2352	194	761	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
еду	1874	144	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
едят ли	1848	0	1867	333	0	0	0	0	1244	0	0	0	0	50	0
где	561	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
собак	663	57	2580	0	0	0	0	0	0	0	0	22	0	0	82
лапшу	335	0	181	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
палочкам и	249	253	93	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ребенка	326	20	33	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
кошек	164	10	75	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	16
острую	403	47	296	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
живых	208	23	77	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
сало	311	11	73	0	8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
сладости	145	0	51	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
много яиц	151	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
бесплатно	188	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
морепродукты	170	27	94	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
мясо	202	102	130	0	0	0	0	66	60	0	22	0	0	0	0
свинину	180	39	74	0	0	0	36	143	311	116	132	0	0	176	10
зачем	227	48	1023	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
снег	184	0	19	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 1. Пример части корреляционной таблицы

Table 1. Example of a part of correlation table

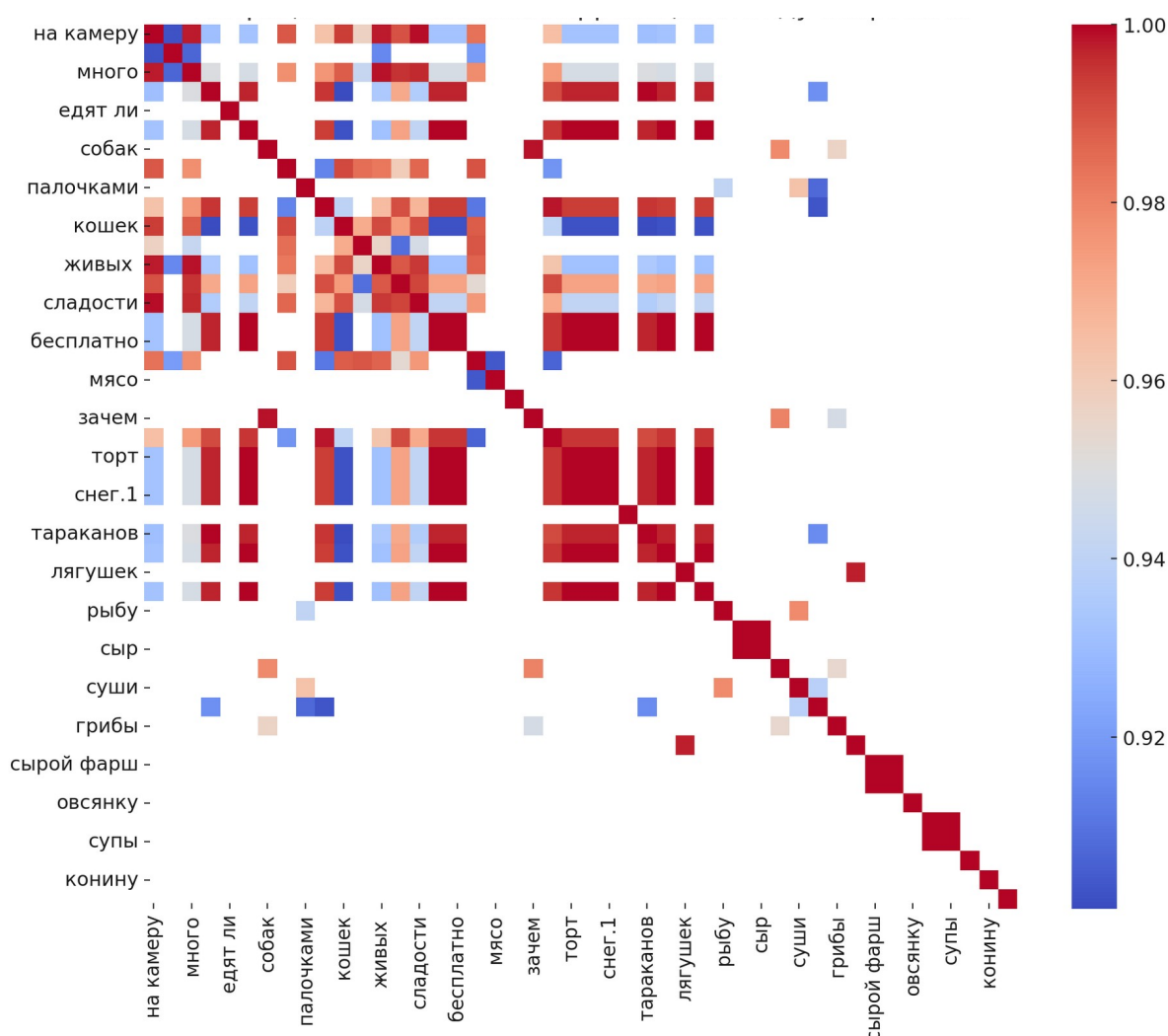

Рисунок 2. Пример корреляционной матрицы сильных связей между маркерами

Figure 2. Example of correlation matrix of strong correlations between markers

После выявления сильнейших корреляционных связей между структурными маркерами, мы использовали пакет программного обеспечения для сетевого анализа и визуализации данных Gephi для построения графа на плоскости (см. Рисунок 3). В этом графе маркеры были сгруппированы в отдельные кластеры, каждый из которых представлял собой уникальную структурную модель восприятия инаковости в отношении исследуемых нами этнических групп. Эти кластеры отражали разнообразие и сложность образов инаковости, демонстрируя, как различные культурные и социальные элементы взаимодействуют в формировании образа другого этноса. Через эту визуализацию мы смогли наглядно представить и анализировать, как различные аспекты восприятия складываются в единую структуру взглядов на каждую исследу-

Figure 3. Map of the structural markers of the otherness grouped together

В ходе нашего исследования были выявлены несколько моделей алиментарной инаковости, которые были визуализированы на карте графов, как это показано на Рисунке 3. Среди выявленных кластеров один выделяется своим размером, охватывая широкий спектр распространенных структурных маркеров, включая такие запросы, как «едят кошек, живых, на камеру, ребенка, много яиц, морепродукты, снег, людей, тараканов» и другие. Этот кластер демонстрирует высокую степень alertности и внимания со стороны российских пользователей интернета к необычным или экстраординарным алиментарным практикам. Интересно отметить, что подобные запросы отражают не только любопытство, но и глубоко укорененные представления и стереотипы о пищевых традициях и обычаях других культур. Эти маркеры иллюстри-

руют сложность и многообразие восприятия культурных различий, особенно в контексте алиментарных практик. Наблюдаемая в кластерах тенденция к фокусировке на экстремальных или необычных аспектах пищевого поведения других культур свидетельствует о глубоких культурных кодах, определяющих отношение к «инаковости».

Среди разнообразных этнических групп, изучаемых в рамках нашего исследования, особое внимание привлекают китайцы¹, японцы и вьетнамцы (отчасти здесь встречаются маркеры для обозначения алиментарной инаковости корейцев), которые ассоциируются с упомянутой моделью инаковости. В рамках этой модели интересно наблюдать, что такие маркеры как «едят палочками, суши, рыбу» также принадлежат этому кластеру, но по своей корреляционной связи они располагаются на некотором удалении от более экстремальных практик. Это расположение маркеров поднимает вопросы о восприятии и интерпретации культурных различий в алиментарных традициях. Подобное распределение маркеров может указывать на сложное взаимодействие между обыденным и экзотическим в восприятии чужой культуры. Маркеры, связанные с более обычными или признанными аспектами пищевых традиций, такими как употребление суши или использование палочек для еды, могут быть восприняты как более доступные и менее чуждые, в отличие от экстремальных практик. Такое разделение в восприятии отражает сложные слои взаимодействия между собственной культурной идентичностью и восприятием «инаковости» других культур. Возможно, это также указывает на различия в степени привычности или акцент на экзотичность в представлениях о пищевых обычаях этих народов. В целом, это явление представляет собой пример влияния стереотипов на образ Чужого.

Интересно отметить, что в рамках модели алиментарной инаковости корейцы лишь частично вписываются в общую структуру, обнаруженную для других азиатских культур. Основные маркеры, ассоциируемые с корейской кухней, такие как «едят рис, собак, грибы», располагаются в значительном удалении от основной группы маркеров, выявленных для других этнических групп. Это разделение может быть интерпретировано как отражение уникальности корейской культуры восприятия пищи, которая включает в себя элементы, одновременно воспринимаемые как традиционные и экзотические. Разнообразие маркеров, связанных с корейской кухней, подчеркивает, как внутри одного культурного пространства могут сосуществовать различные пищевые практики, воспринимаемые по-разному внешним наблюдателем. Возможно, это указывает на сложные взаимосвязи между глобальным восприятием и местными традициями, где некоторые аспекты культуры воспринима-

1 В целом, эта модель демонстрирует максимальное разнообразие связанных с ней запросов, а значит и максимальный интерес. Запросы, имеющие отношение к Чужому-китайцу, японцу, корейцу можно условно поделить на 5 типов: реальные кулинарные факты («едят рис»), интерес к поведению Чужого («едят ли» или «каких едят»), алертное отношение, поедание Чужим «нашей» еды и максимальный страх перед Чужим (сюда мы включаем канибалистические маркеры).

ются как более знакомые или традиционные, в то время как другие – как экзотические или даже провокационные. Такое явление подчеркивает, что культурные представления и пищевые традиции не являются монолитными, а скорее представляют собой мозаику разнообразных элементов, которые воспринимаются и интерпретируются по-разному в зависимости от культурного контекста наблюдателя.

Остальные этносы представлены здесь весьма фрагментарно, распределенные как в основном кластере экстремальных маркеров, так и в различных микрогруппах моделей инаковости, включающих традиционные маркеры, характерные для их культур. Например, для американцев характерными традиционными маркерами являются «едят супы и бургеры», в то время как новые экстремальные маркеры, такие как «едят людей», также присутствуют в этом кластере, хотя их присутствие в предыдущих исследованиях не отмечалось. У французов в список традиционных маркеров входят «едят лягушек, улиток», но стоит отметить, что подобные маркеры встречаются и среди китайцев. Аналогично, для немцев характерны маркеры, такие как «едят сырой фарш, сюрстреминг». Это разнообразие маркеров и их распределение по разным культурным группам подчеркивает сложность и многогранность культурных представлений и восприятий.

Также мы столкнулись с интересным явлением размывания границ между этническими группами в алиментарной заинтересованности россиян. Например, народы бывшего СССР, которые ранее в наших исследованиях выступали как четко выраженные отдельные модели инаковости, теперь практически не выделяются в этом контексте. Это может быть обусловлено рядом причин, включая геополитические события последних лет, которые могли повлиять на восприятие и оценку этих этнических групп в общественном сознании. Можно предположить, что изменения в международных отношениях и политические процессы оказали влияние на образ этих народов в глазах россиян, приводя к переосмыслению и изменению стереотипов и представлений. Возможно также, что процессы интеграции и культурного обмена, происходящие после распада СССР, способствовали более глубокому пониманию и признанию общих культурных особенностей. Это, в свою очередь, могло привести к снижению акцента на различиях и усилению восприятия общности культурных и пищевых традиций. Также стоит учитывать, что динамика восприятия культурных групп может изменяться со временем, отражая как внешние, так и внутренние социальные и культурные процессы. Это подчеркивает изменчивость и многослойность культурных отношений и восприятий, которые могут значительно колебаться в зависимости от текущего социально-политического контекста.

Выводы

Вебометрический анализ, направленный на изучение восприятия россиянами алиментарной инаковости других народов и этносов, выявил значительный интерес общества к этой категории. Особенно примечательно большое количество запросов, связанных с экстремальными аспектами алиментарного поведения Чужого, варьирующихся от «едят тараканов» до «едят людей, живых, ребенка». Эти запросы традиционно ассоциировались с культурами азиатского региона, такими как китайцы, японцы и корейцы. Однако в нашем исследовании мы обнаружили, что к этому списку добавились также американцы, что может быть отражением влияния последних геополитических событий на общественное сознание. Такое расширение восприятия алиментарной инаковости указывает на динамичность культурных представлений и их зависимость от текущих международных отношений и мировых событий. Эти экстремальные маркеры, возможно, отражают не только любопытство, но и подчеркивают глубоко укорененные стереотипы и предубеждения, которые формируются и изменяются под влиянием мировой политической обстановки. Также этот феномен может указывать на обострение восприятия «инаковости» в условиях усиленной глобализации и информационного потока, который акцентирует внимание на необычных или экстремальных аспектах культурных практик. Это открытие подчеркивает необходимость глубокого понимания и интерпретации культурных и социальных процессов, которые стоят за поисковыми запросами и восприятием различий. Оно также иллюстрирует, как изменения на международной арене и общественных настроениях могут влиять на образы и стереотипы, связанные с различными культурами и народами.

В процессе анализа алиментарного аспекта в формировании образа Воображаемого Чужого, наблюдаются значительные изменения. Традиционные алиментарные маркеры, ранее имевшие явную этническую привязку, теперь начинают размытаться в экстремальных маркерах. Это указывает на то, что хотя традиционные маркеры все еще сохраняются как стереотипные представления о пищевых привычках определенных этносов или народов, интерес российского общества смещается с них в сторону более экстремальных маркеров. Этот феномен свидетельствует о том, что в современном мире происходит переосмысление и переформулирование культурных идентичностей. В мире, где глобализация и информационные потоки стирают традиционные границы, восприятие культурных различий становится менее связанным с конкретными этническими и культурными особенностями, а больше – с выдающимися, иногда экстремальными характеристиками. Это может указывать на то, что в условиях информационного перенасыщения общество склонно обращать внимание на более яркие и необычные аспекты культуры, игнорируя более тонкие и глубокие ее элементы.

Данное исследование ясно указывает на растущую заинтересованность россиян в алертных и экстремальных алиментарных маркерах, особенно в контексте азиатских народов. Однако заметно, что такие экстремальные маркеры начинают приписываться и тем народам, которые ранее не ассоциировались с подобными практиками в предыдущих периодах подобных исследований. Это указывает на изменения в культурном восприятии и стереотипах, которые могут быть обусловлены различными факторами, включая мировые информационные потоки, пандемию и глобализацию. Наблюдаемое расширение списка народов, ассоциируемых с экстремальными алиментарными маркерами, отражает динамичность культурных представлений в современном мире. Это может свидетельствовать о том, что традиционные границы и представления о различных культурах становятся более проницаемыми и подвержены изменениям под влиянием глобальных коммуникационных процессов. Такие изменения в восприятии культурных групп могут также быть результатом эволюции общественных настроений и отношений, формируемых в условиях быстро меняющегося международного контекста.

Список литературы

- Avramescu, A., & Wiśniewski, A. (2021). Now-casting Romanian migration into the United Kingdom by using Google Search engine data. *Demographic Research*, 45, 1219–1254.
- Carneiro, H. A., & Mylonakis, E. (2009). Google Trends: A Web-Based Tool for Real-Time Surveillance of Disease Outbreaks. *Clinical Infectious Diseases*, 49(10), 1557–1564. <https://doi.org/10.1086/630200>
- Goel, S., Hofman, J. M., Lahaie, S., Pennock, D. M., & Watts, D. J. (2010). Predicting consumer behavior with Web search. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(41), 17486–17490. <https://doi.org/10.1073/pnas.1005962107>
- Granka, L. (2013). Using Online Search Traffic to Predict US Presidential Elections. *PS: Political Science & Politics*, 46(02), 271–279. <https://doi.org/10.1017/S1049096513000292>
- Guzman, G. (2011). *Internet Search Behavior as an Economic Forecasting Tool: The Case of Inflation Expectations* (SSRN Scholarly Paper 2004598). <https://papers.ssrn.com/abstract=2004598>
- Kearney, M. S., & Levine, P. B. (2015). Media Influences on Social Outcomes: The Impact of MTV's 16 and Pregnant on Teen Childbearing. *American Economic Review*, 105(12), 3597–3632. <https://doi.org/10.1257/aer.20140012>
- Kumar, N., Lang, K. R., & Peng, Q. (2004). Consumer Search Behavior in Online Shopping Environments. *e-Service Journal*, 3(3), 87. <https://doi.org/10.2979/esj.2004.3.3.87>
- Lim, C., & Hsuen, Y. (2021). Using Internet Search Queries on the Public Health Perception of Risk Towards COVID-19 to Predict Domestic Air-Travel Volume in South Korea. *HPHR*, 26.
- Markey, P. M., & Markey, C. N. (2013). Annual variation in Internet keyword searches: Linking dieting interest to obesity and negative health outcomes. *Journal of Health Psychology*, 18(7), 875–886. <https://doi.org/10.1177/1359105312445080>

- Vicéns-Feliberty, M. A., & Ricketts, C. F. (2016). An Analysis of Puerto Rican Interest to Migrate to the United States Using Google Trends. *The Journal of Developing Areas*, 50(2), 411–430.
- Yeung, T. Y.-C. (2019). Measuring Christian Religiosity by Google Trends. *Review of Religious Research*, 61(3), 235–257. <https://doi.org/10.1007/s13644-019-00379-w>
- Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2021). Образ Чужого в (пост)ковидный период: Анализ русскоязычных интернет-запросов. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(4), 163–190. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.237>
- Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2022a). Компаративистский анализ трансформации алиментарного аспекта образа Чужого: 2018–2022 гг. *Журнал Фронтирных Исследований*, 7(3), 283–303. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436>
- Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2022b). Сравнительный анализ трансформации образа Чужого: 2018–2022 гг. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(4), 47–62. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.347>
- Леви-Стросс, К. (1999). Мифологии. В 4-х томах: Т. 1. Сырое и приготовленное. Университетская книга.

References

- Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2021). The Image of the Other in the (post-)Covid Period: Analysis of Russian-language Internet Queries. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(4), 163–190. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.237> (In Russian).
- Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2022a). A Comparativistic Analysis of the Transformation of Alimentary Aspect of the Other's Image: 2018–2022. *Journal of Frontier Studies*, 7(3), 283–303. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436> (In Russian).
- Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2022b). A Comparative Analysis of the Transformation of the Other's Image: 2018–2022. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(4), 47–62. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.347> (In Russian).
- Avramescu, A., & Wiśniowski, A. (2021). Now-casting Romanian migration into the United Kingdom by using Google Search engine data. *Demographic Research*, 45, 1219–1254.
- Carneiro, H. A., & Mylonakis, E. (2009). Google Trends: A Web-Based Tool for Real-Time Surveillance of Disease Outbreaks. *Clinical Infectious Diseases*, 49(10), 1557–1564. <https://doi.org/10.1086/630200>
- Goel, S., Hofman, J. M., Lahaie, S., Pennock, D. M., & Watts, D. J. (2010). Predicting consumer behavior with Web search. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(41), 17486–17490. <https://doi.org/10.1073/pnas.1005962107>
- Granka, L. (2013). Using Online Search Traffic to Predict US Presidential Elections. *PS: Political Science & Politics*, 46(02), 271–279. <https://doi.org/10.1017/S1049096513000292>
- Guzman, G. (2011). Internet Search Behavior as an Economic Forecasting Tool: The Case of Inflation Expectations (SSRN Scholarly Paper 2004598). <https://papers.ssrn.com/abstract=2004598>
- Kearney, M. S., & Levine, P. B. (2015). Media Influences on Social Outcomes: The Impact of MTV's 16 and Pregnant on Teen Childbearing. *American Economic Review*, 105(12), 3597–3632. <https://doi.org/10.1257/aer.20140012>

- Kumar, N., Lang, K. R., & Peng, Q. (2004). Consumer Search Behavior in Online Shopping Environments. *e-Service Journal*, 3(3), 87. <https://doi.org/10.2979/esj.2004.3.3.87>
- Lévi-Strauss, K. (1999). *Mythologiques: Vol. 1. The Raw and the Cooked*. University Book. (In Russian).
- Lim, C., & Hswen, Y. (2021). Using Internet Search Queries on the Public Health Perception of Risk Towards COVID-19 to Predict Domestic Air-Travel Volume in South Korea. *HPHR*, 26.
- Markey, P. M., & Markey, C. N. (2013). Annual variation in Internet keyword searches: Linking dieting interest to obesity and negative health outcomes. *Journal of Health Psychology*, 18(7), 875–886. <https://doi.org/10.1177/1359105312445080>
- Vicéns-Feliberty, M. A., & Ricketts, C. F. (2016). An Analysis of Puerto Rican Interest to Migrate to the United States Using Google Trends. *The Journal of Developing Areas*, 50(2), 411–430.
- Yeung, T. Y.-C. (2019). Measuring Christian Religiosity by Google Trends. *Review of Religious Research*, 61(3), 235–257. <https://doi.org/10.1007/s13644-019-00379-w>

Word Play in Modern Russian Network Discourse

Alla V. Kornienko

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.
Saint Petersburg, Russia. Email: [av.kornienko\[at\]mail.ru](mailto:av.kornienko[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0532-3760>

Received: 7 July 2023 | Revised: 6 October 2023 | Accepted: 17 October 2023

Abstract

The phenomenon of the word play is studied in this work on the basis of the network discourse reflected in the materials of the Russian competition “Word of the Year” for 2007-2021. The participants of this contest were subject to sociolinguistic analysis – words, expressions, and phrases that are products of a word play. All of them, as it turned out, were included in the nomination “Neologism of the Year”. The empirical analysis was subordinated to the goal of determining their functionality and identifying the underlying word-formation models and techniques of lexical implementation of the latter. The results of the study indicate the active appeal of users of social networks to the word play in two situations. Firstly, when a communicator wants to express one’s disagreement, a critical attitude towards real events. Then s/he usually resorts to ridicule as a form of word play, functionally aimed at lowering evaluative meanings (a case of “corrective humor”). Secondly, in a situation of counteracting psychological tension and stress caused by a traumatic event, when using a joke, the communicator seeks to reduce emotional tension—his/her own and / or the audience (a case of “benevolent humor”). In both situations, as the analysis showed, the same set of word-formation models of the Russian language and word play techniques are used. To create new lexical units, paronymic attraction and contamination are most widely used. These models are adjoined by prefixation, suffixation, their combination, as well as other traditional Russian language models for generating lexical units. Among the techniques of the word play that provide a laughing reaction, deceived expectation, logical inconsistency and playing with set expressions stand out. In general, the results of the study indicate that the word play remains a popular means of achieving the comic effect desired by the communicator, not only by journalists, as noted by analysts of modern Russian public discourse, but also by ordinary users of social networks in their everyday speech communication.

Keywords

Network Discourse; Competition “Word of The Year”; Word Play and its Functions; “Corrective Humor”; “Benevolent Humor”; Word-Formation Models; Techniques of Word Play

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Языковые игры в современном российском сетевом дискурсе

Корниенко Алла Владимировна

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия. Email: av.kornienko@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0532-3760>

Рукопись получена: 7 июля 2023 | Пересмотрена: 6 октября 2023 | Принята: 17 октября 2023

Аннотация

Феномен языковой игры исследуется в данной работе на базе сетевого дискурса, отраженного в материалах российского конкурса «Слово года» за 2007–2021 гг. Социолингвистическому анализу подлежали участники этого конкурса – слова, выражения и фразы, являющиеся продуктами языковой игры. Все они, как выяснилось, входили в номинацию «Неологизм года». Эмпирический анализ подчинялся цели определить их функциональную нагрузку и выявить лежащие в их основе словообразовательные модели и приемы лексической реализации последних. Результаты проведенного исследования говорят об активном обращении сетевой публики к языковой игре в двух ситуациях. Во-первых, когда коммуникатор хочет выразить свое несогласие, критическое отношение к реальным событиям. Тогда он/а обычно прибегает к насмешке как форме языковой игры, функционально направленной на понижение оценочных смыслов (случай «корректирующего юмора»). Во-вторых, в ситуации противодействия психологическому напряжению и стрессу, вызванному травмирующими событиями, когда с помощью шутки коммуникатор стремится снизить эмоциональное напряжение – свое и/или аудитории (случай «доброжелательного юмора»). В обоих случаях, как показал анализ, в ходу один и тот же набор словообразовательных моделей русского языка и приемов языковой игры. Для создания новых лексических единиц наиболее широко используется паронимическая аттракция и контаминация. К указанным моделям примыкает префиксация, суффиксация, их сочетание, а также другие традиционные для русского языка модели порождения лексических единиц. Среди приемов языковой игры, обеспечивающих смеховую реакцию, особо выделяется обманутое ожидание, логическое несоответствие и обыгрывание устойчивых выражений. В целом, результаты исследования свидетельствуют: языковая игра остается популярным средством достижения желаемого коммуникатором комического эффекта не только журналистами, что отмечают аналитики современного российского публичного дискурса, но и рядовыми пользователями социальных сетей в их повседневном речевом общении.

Ключевые слова

сетевой дискурс; конкурс «Слово года»; языковая игра и ее функции; «корректирующий юмор»; «доброжелательный юмор»; словообразовательные модели; приемы языковой игры

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Понятие игры – одно из центральных для культуры первопонятий, являющихся общечеловеческими универсалиями. Как отмечают философы, в европейской традиции оно берет начало в рассуждениях Платона об идеальном государстве (Эпштейн, 2022). Наука знает множество концепций игры: философских, эстетических, социологических, среди которых в XX веке главенствующими признаны две: Йохана Хейзинги и М.М. Бахтина (Эпштейн, 2019). Чрезвычайно плодотворным оказалось и проведенное в истекшем столетии Л. Витгенштейном изыскание в области категории игр, которое серьезно подорвало незыблемость классической, идущей от Аристотеля, теории категоризации и привело к выработке радикально новых представлений об организации человеческого мышления, опирающихся на понятия прототипов и структур базового уровня (Лакофф, 2004). Исследователями феномена игры выделены две базовые ее разновидности, означенные в английском языке двумя разными словами “play” и “game”. Первое мыслится как игра импровизированная, свободная, не связанная никакими условиями и правилами; второе, напротив, подразумевает игру организованную, подчиняющуюся строгим правилам и множеству запретов на способы поведения (Эпштейн, 2019, с. 330-331). Когда в середине прошлого века произошел переход от индустриального общества к постиндустриальному и от модерна к постмодерну, установка на игру стала основополагающей приметой последнего (Десятерик, 2005). С течением времени подобная установка усилила свое присутствие и в гуманитарных, и в социальных, и в точных науках. Культура в целом начала привычно восприниматься как бесконечное поле игры. Литература трактовала художественный текст как игру с читателем. Язык рассматривался как средство игры коммуникатора с аудиторией. Само словосочетание «язык как игра» приобрело характер речевого клише. А один из продуктов языковой игры – ирония – была названа отличительной чертой всего двадцатого века. По убеждению специалистов, именно ирония оказалась тем спасительным средством, которое помогло людям совладать со сверхчеловеческим напряжением и страхами, вызванными ужасами ушедшего столетия (Иссерс, 2020; Ruch, 2008).

Сегодня интертекстуальность, языковую игру и тесно сопряженную с ней иронию называют ведущими признаками языка отечественной публицистики наших дней и языка современных российских СМИ (Клушина, 2004; Ляпун, 2009; Руженцева, 2015). Как утверждают исследователи, в настоящее время языковые игры активно используются и журналистами в их профессиональной деятельности, и рядовыми пользователями социальных сетей в их обыденном повседневном сетевом общении (Руженцева, & Кошкарлова, 2021; Русский язык и новые технологии, 2014).

Исследование феномена языковой игры. Методология формирования эмпирической базы

Как и многие другие научные термины, термин *языковая игра* не имеет однозначного толкования. В широком смысле языковая игра трактуется как преднамеренное нарушение языковой нормы, игра с формой речи для усиления ее выразительности (Земская, 1983, с. 172-173). При этом одно из центральных лингвистических понятий – понятие языковой нормы – мыслится как результат кодификации языка, т.е. целенаправленного упорядочения всего, что касается языка и его применения, упорядочения, опирающегося на традицию существования языка в некотором обществе, на какие-то неписанные, но общепринятые способы использования языковых средств (Крысин, 2005). В указанном случае использование коммуникатором языковой игры являет собой эффективный способ привлечения внимания реципиентов к сказанному, втягивания их в обсуждение интересующей коммуникатора проблематики и получения от них обратной связи (Руженцева, & Кошкова, 2021).

В более узком смысле языковая игра определяется как оперирование формой речи для создания комического эффекта (Санников, 1999, с. 15). Именно данная дефиниция стала отправным пунктом проведенного нами социолингвистического исследования, сфокусированного на феномене языковой игры. Наша цель заключалась в том, чтобы проанализировать феномен языковой игры, игры-play, на материалах проводимого в России в течение 15 лет (2007-2021) ежегодного конкурса «Слово года». В задачи исследования входило выявление сегмента материалов упомянутого конкурса, представляющих собой продукты языковой игры, и изучение означенных материалов с точки зрения их функциональности, а также лежащих в их основе словообразовательных моделей и приемов в их конкретной лексической реализации.

Конкурс «Слово года» имеет международный статус и нацелен на выявление в сетевом дискурсе тех лексических единиц (слов, выражений и фраз), которые приобрели в текущем году отчетливое общественное звучание и получили внятный общественный резонанс. Именуемые победителями или призерами конкурса, эти лексические единицы очерчивают своеобразный вербальный портрет минувшего года, означивают его кратчайший итог – то, каким он останется в памяти сетевой публики (Эпштейн, 2013). Российский конкурс «Слово года» развернут на базе дискурса социальной сети Фейсбук¹. В конкурсе четыре номинации, три из которых – «Слово года», «Выражение, фраза года» и «Антязык» – аккумулируют уже укоренившиеся в языковом узусе лексические единицы, привычно бытующие в публичном дискурсе.

1 В настоящее время Фейсбук принадлежит компании “Meta Platforms”, признанной экстремистской организацией и запрещенной в Российской Федерации.

Четвертая номинация «Неологизм года» охватывает появившиеся в текущем году новые слова, выражения и фразы. В сборе материалов конкурса участвует свыше трех с половиной тысяч пользователей названной социальной сети, объединенных в две группы: «Слово года» и «Неологизм года». Собранные ими массивы эмпирических данных анализируются Экспертным советом, включающим 17 специалистов социо-гуманитарного направления. Ими же по специально разработанной формализованной процедуре тайным голосованием определяются победители конкурса в каждой номинации.

Выбор призеров опирается на концепцию ключевых слов текущего момента, разработанную Т. В. Шмелевой (Шмелева, 1993), согласно которой важнейшим признаком лексической единицы, претендующей на статус ключевого слова, является ее частотность употребления в публичном дискурсе. Как констатирует автор концепции, частотность – «одна из первых, видимых «невооруженным глазом» ощущаемая практически всеми носителями языка характеристик» (Шмелева, 1993, с. 34). Иные фигурирующие в концепции признаки ключевых слов – грамматический потенциал слова (наличие у него дериватов); его синтагматика (формирование сочетаемостных «привычек» слова, устойчивых выражений с ним); его парадигматика («обрастание» слова синонимами и антонимами); его вовлеченность в языковую игру. Перечисленные лингвистические характеристики, играющие главную роль в выборе победителей конкурса, дополняются еще одним чрезвычайно важным экстралингвистическим признаком: лексические единицы-призеры обозначают общественнозначимые социально-политические реалии и события, вызвавшие массовый отклик.

Объектами анализа в нашем исследовании были выбраны слова, выражения и фразы-продукты языковой игры, признанные Экспертным советом в разные годы призерами конкурса. Это те лексические единицы, которые заняли три ведущих позиции в общем ранжированном по частоте встречаемости списке участников конкурса. Вместе с тем анализу подвергались и так называемые лидеры конкурса – лексические единицы, которые участвовали в нем, победы не добились, но были близки к ней (позиции четыре-десять в упомянутом списке).

Результаты исследования

Предварительная работа с общим массивом эмпирических данных позволила установить несколько его особенностей. Во-первых, преобладающая часть призеров конкурса являет собой реакции сетевой публики на текущие социально-политические события, происходящие в стране. Так, призовое место в 2018 г. завоевало выражение *пенсионная реформа*, на которое пользователи сети откликнулись неологизмом *пенсиянин*, обозначившим того россиянина, которому волею судеб удалось дожить до поднятой по срокам пенсии. В 2013 г. на авансцену вышло выражение *проФАНация науки*, в котором легко

распознается отсылка к ФАНО (Федеральному агентству научных организаций) – новообразованной структуре, получившей полномочия управления институтами Российской академии наук. Естественно, есть и другие победители конкурса, далекие от политической проблематики. К примеру, *покемоны*, пришедшие к нам вместе с широко распространившейся по миру в 2016 г. компьютерной игрой, или *банный день* (2014) как название того самого дня, когда пользователи социальных сетей проводят «чистку» рядов и банят тех, с кем прекращают общение в интернете. Показательно, что и на старте конкурса, состоявшемся в 2007 году, в число его победителей вошли не связанные с политикой слова *гламур*, *блог* и *нано-* (в качестве приставки). Однако со следующего года и далее очевиден процесс политизации призеров и лидеров конкурса.

Вторая особенность массива эмпирических данных – их заряженность преимущественно негативными оценочными коннотациями. При этом последние не привносятся в анализируемые лексические единицы контекстом их употребления; они негативны сами по себе, в силу своего общеязыкового сдвоенного («предметно»-оценочного) значения, складывающегося из содержательной и оценочной компоненты. Слова-призеры *пандемия*, *коронавирус*, *беженцы*, *токсичный* и многие другие несут в себе сильный отрицательный заряд изначально, а правый и/или левый контекст их употребления в дискурсе способен лишь несколько ослабить мощь этого заряда, но никак не уничтожить его. Подобные слова со сдвоенным значением, именуемые в лингвистике прагмемами, широко циркулируют в публичном дискурсе, перетекая из речей политической власти в журналистское творчество и сетевую коммуникацию. Они не могут не волновать аудиторию, вызывают бурные общественные дискуссии и вполне естественно становятся словами года.

Наконец, еще одна важная особенность, тесно сопряженная с проблематикой языковой игры, заключается в том, что заметная часть анализируемого массива призеров и лидеров конкурса отмечена насмешкой. Прежде всего она бытует в неологизмах года – тех словах, выражениях и фразах, которые возникли в контрольный период как ответная вербальная реакция на текущие социально-политические события. Термином «насмешка» в русском языке обозначается «обидная шутка по поводу кого-, чего-либо» (Кузнецов, 1998, с. 600). В семантическую формулу рассматриваемого термина лингвисты включают, как минимум, три элемента: а) – шутка, б) – причиняющая обиду, в) – свидетельствующая о несерьезном отношении к объекту (Карасик, 2013, с. 117). Специалисты подчеркивают преднамеренный характер насмешки и ее предназначенность выражать некую оппозиционность коммуникатора по отношению к реципиенту или референту. С функциональной точки зрения насмешка мыслится как коммуникативное действие, состоящее в понижении значимости объекта оценки (там же).

Призерами конкурса «Слово года» систематически становились насмешливые лексические новообразования с игровым началом, созданные посредством умышленного нарушения языковой нормы для усиления их выразительности. Все эти неологизмы, сознательно рассчитанные на комический эффект, представляют собой продукты языковой игры (игры-play), направленной на понижение оценочных смыслов. Такими неологизмами выступает вышеупомянутое *пенсиянин* в его контекстном оформлении фразой *когда я стану пенсиянин, сосед мой будет марсианин* и лексема *наукопомрачение*, соседствовавшая в ряду победителей 2013 года с выражением *проФАНация науки*, о котором говорилось ранее. На заявленную оптимизацию системы здравоохранения сетевое сообщество отреагировало неологизмом *здвоухоронение*; призывы к позитивному мышлению привели к появлению лексемы *позитифчик*. Факты присвоения бюджетных средств трансформировались в *распилократию*, а также *пилинг* и *откатинг*; *выборрариумом* был поименован избирательный участок с явным намеком на грязную избирательную кампанию.

Пропитаны насмешкой и лексические единицы-лидеры конкурса. Среди них обнаруживаются такие слова и выражения, как *инополитянин* в значении «политик, который смотрит на жизнь словно с другой планеты, действия которого идут вразрез со здравым смыслом», *сердечно-засудистая система*, отсылающая к судебной системе с обвинительным уклоном, *настоящее*, указывающее на настоящее, которое томит и угнетает, и многие другие.

Итак, как показал эмпирический анализ, лексические новообразования, запечатлевающие атмосферу наших дней и создающие вербальный портрет каждого года, проникнуты духом насмешки, свидетельствующей о критическом отношении пользователей анализируемой социальной сети к происходящим событиям. Оно выражается с помощью насмешки – одной из форм языковой игры с присущим ей преднамеренным выходом за границы языковой нормы с целью понижения оценочных смыслов. Подобное поведение вполне отвечает теории несоответствия (the Incongruity Theory), согласно которой человек обращается к юмору, когда становится свидетелем негативно оцениваемых им явлений, наблюдает несоответствие канонического или желаемого образа и реального факта. Помимо подчеркивания существующего расхождения между желаемым и действительным, с которым человек сталкивается в жизни, и выражения несогласия с происходящим, юмор помогает справляться с реальностью (Ruch, & Proyer, 2015).

Насмешка, как констатируют специалисты, может вызываться совершенно разными внутренними эмоциональными побуждениями пишущего или говорящего субъекта. Она может быть проявлением его пассивности: вялого согласия, усталости, апатии, неверия в возможность позитивных изменений (Эпштейн, 2016). Насмешка может служить средством самоутверждения или орудием вытеснения страха, а значит улучшения психологического состояния коммуникатора (Ruch, 2008). К ней порою прибегают как к противодействию

излишнему пафосу, чрезмерной патетичности чьих-либо высказываний (Карасик, 2013). Насмешка – всегдашний помощник в формировании негативного отношения к ее объекту и может использоваться коммуникатором, в частности, в его намерении активизировать критическое мышление адресата (Руженцева, & Кошкарлова, 2021).

Вместе с тем в насмешке усматривается и проявление речевой агрессии (Басовская, 2004, с. 257). Как одна из форм реализации названного психолингвистического феномена насмешка воспринимается не только академическим сообществом. Таковой, как выяснилось по результатам проведенного Л. М. Закоян свободного ассоциативного эксперимента по исследованию концепта «речевая агрессия» в языковом сознании россиян, она фиксируется обыденным сознанием (Закоян, 2008). Но, невзирая на множественность побудительных мотивов, насмешка всегда остается функционально однородной и действует одинаково, неизменно понижая оценку сообщаемого.

Попутно отметим, что не только в призерах и лидерах конкурса, составляющих несколько сотен единиц анализа, но и в его участниках, насчитывающих более тысячи слов, выражений и фраз, почти не обнаруживается ирония. И это удивляет, поскольку ирония и насмешка – очень близкие понятия и первое во многих словарных изданиях определяется через второе. Так, в Толковом онлайн-словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой читаем: «Ирония. 1. ж. Тонкая насмешка, прикрытая серьезной формой выражения или внешне положительной оценкой» (Ефремова, 2000). В Энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» находим: ирония – вид комического; «выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» (Иванов, Сквородников, & Ширяев, 2003, с. 227). Таким образом, насмешка встроена в иронию, однако обратное утверждение неверно, ибо насмешка не сопряжена с оценочной инверсией – тем оценочным перевертышем, который обязателен для иронии. В насмешке нет «несовпадения мыслимого и созерцаемого» (А. Шопенгауэр) как источника комического. И хотя дискурс-аналитики усматривают в иронии отчетливую примету языка публицистики и языка газет наших дней (Клушина, 2004; Руженцева, 2015), пользователи анализируемой социальной сети, как выяснилось, предпочитают не скрывать передаваемые ими смыслы за несоответствующей им формой, а называть вещи своими именами напрямую, одновременно понижая их значимость.

Модели и приемы образования игровых неологизмов

Переходя к слово- и смыслообразовательным моделям, применяемым в эмпирическом материале для создания игровых неологизмов, отметим, что они чрезвычайно многообразны. В результате их применения возникают окказиональные лексические единицы – слова, выражения и фразы,

не принадлежащие системе языка, а используемые только в условиях данного контекста с теми или иными прагматическими целями. Две самых частых модели, употребляемых в анализируемом материале – паронимическая аттракция и контаминация. Первая модель опирается на сходство в звучании отдельных компонентов двух «сближаемых» слов. О. С. Иссерс, пристально изучавшая публичные дискуссии недавнего прошлого – 90-х годов ушедшего века – ярко высветила оказавшиеся на пике общественных настроений того времени слова *демокрады*, *прихватизация* и *прихватизаторы*, образованные по первой модели (Иссерс, 2014, с. 50). С тех пор ее популярность несколько не снизилась. В нашем случае она отчетливо просматривается в целой массе не только призеров и лидеров конкурса, но и лексических единиц, попавших в общий список его участников. Так, в группе призеров обнаруживаются слова и выражения *извирательная кампания* (2011), *пармезанское движение* (2015), *ГАСАНта-Барбара* (2019), *хамостийность* (2021) и *занудаленка* (2021). Едва начавшаяся избирательная кампания 2011 г. тут же каламбурно переименовывается в *извирательную*. Искусственно порождённая волна «народного возмущения», перерастающая в оргвыводы с вовлечением крупных научных, учебных заведений и общественных институтов, нарекается *ГАСАНта-Барбарой*. Проявляемая публичными лицами независимость от общественного мнения вкупе с приверженностью принципу «хамить всегда, хамить везде» означает в сети лексемой *хамостийность*, а вызванная коронавирусом ограничениями монотонная удалённая работа из дома без смены окружающей обстановки получает тоскливое название *занудаленка*.

Немного не дотянули до победы лексические новообразования *мобшенничество*, *униктожить*, *депардировать*, пополнившие группу лидеров. Мобшенничеством именуется обман по мобильному телефону (обычно с целью банковской аферы). Под глаголом *униктожить* усматриваются действия, направленные против свободной и мыслящей личности, превращающие ее из некто в никто. *Депардировать*, созвучное с глаголом «депортировать» и произведенное от фамилии знаменитого французского актера, – насмешка-каламбур. Он подразумевает лишение гражданства таким удачным образом, что лишенный его субъект приобретает налоговые льготы и окружается почетом и роскошью в той стране, куда он «депардируется». Добавим к приведенным примерам неологизмов из короткого списка призеров и лидеров входящие в него вышеупомянутые лексемы *наукопомрачение*, *здороворонение*, *настоящее*, *сердечно-засудистая система*. Вместе с тем за пределами упомянутого списка остался еще целый ряд игровых насмешливых слов типа *Осколково* или *медсансчастье*, дополнительно свидетельствующих о популярности рассматриваемой модели паронимической аттракции.

Вторая из наиболее часто употребляемых словообразовательных моделей – контаминация – основана на совмещении в лексической единице «признаков двух (или более) языковых или речевых единиц, близких друг другу структурно,

функционально или ассоциативно» (Иванов, Сковородников, & Ширяев, 2003, с. 269). Контаминация являет собой некий словообразовательный коллаж, который порождается «междусловным наложением» и служит инструментом порождения лексем-гибридов (там же, с. 272). Среди призеров конкурса легко отыскиваются производные от данной модели неологизмы *кривосудие*, *выбор-рариум*, *религархия*, *зломенитый*, а также *зловцо* – победившее в 2016 г. обозначение той экспрессии злобы, которая, по мнению пользователей сети, господствует в российском публичном дискурсе. Подобно паронимической аттракции, контаминация очень характерна и для не вышедших в победители лексических единиц, примеры которых – новообразования *хамодержавие*, *телененавидение*, *детоприношение*, *медююка*, *Иуда-сыскпатриот*.

Среди прочих словообразовательных моделей, реализованных в анализируемом эмпирическом материале, обращают на себя внимание префиксация, задеймованная, к примеру, в неологизмах *Осколково*, *отпобедать*, и суффиксация, породившая новообразования *пенсиянин*, *выступарить* (от глагола «выступать»), *позитиффчик* и другие. В активном ходу и смешанный вариант, сочетающий префиксацию с суффиксацией, как это наблюдается в насмешливом слове *скуинджить* в значении присвоить, украсть на глазах у всех. Не забыты сложносокращенные слова: так в группе призеров-2013 числится лексема *креакл*, производная от выражения «креативный класс», сменившая позитивную оценку, заключенную в исходном словосочетании, на противоположную, сдобренную насмешкой. Имеется и некоторое количество сложных слов, полученных путем слияния нескольких лексических единиц в одну типа *золотопогоноготота*, адресованную генералитету, служащему не по закону и уставу, а по «понятиям».

Помимо представленных словообразовательных моделей эмпирический материал демонстрирует разнообразный ряд приемов языковой игры, которые задействованы сетевой публикой для создания комического эффекта. Среди них выделяется прием обманутого ожидания, использованный в уже упомянутых неологизмах *здравохоронение*, *наукопомрачение*, *сердечно-засудистая система*, к которым примыкает и выражение *Солсбермудский треугольник*, означившее территорию, на которой происходят непонятные действия шпионского характера, переходящие в фарс, а также сами эти действия. Другой прием – логическое несоответствие – являет себя во фразах-победителях *вперед в темное прошлое* и *отродясь такого не было, и вот – опять!* Немало лексических новообразований-участников конкурса, причастны к обыгрыванию устойчивых выражений. Так усилиями сетевых авторов привычное «почивать на лаврах» трансформируется в *бомжевать на лаврах* в значении «раз добившись чего-то, оставаться в том же состоянии, в котором случайно был увенчан лаврами, в результате чего постепенно утрачивается интерес к данной персоне». От выражения «ни при чем» произошли *нипричемши* – скучные, тихие люди, исповедующие принцип «моя хата с краю»,

которые всегда вдали от любых волнений, вечно ни при чём. Но безусловное первенство здесь принадлежит фразе *хотели как лучше, а получилось навсегда*, переиначившей в пессимистическом ключе самое знаменитое высказывание В. С. Черномырдина. Весьма заметна антропонимическая игра с именами собственными, главным образом с фамилиями политиков и других известных лиц. К прокомментированному выше неологизму *депардировать* здесь можно добавить *кадыринг* как языковую фиксацию политического усиления одной фамилии или *пригожинских троллей*. Здесь же место и для слова *собянинки*, именующего столичные дома и квартиры после реновации. Свободное от насмешки, оно стало одним из немногочисленных исключений из общей массы критически заряженных новообразований сетевых авторов, обращавшихся к языковой игре.

Подытоживая сказанное о словообразовательных моделях и игровых приемах, присущих анализируемому сетевому дискурсу, заметим, что общим признаком рожденных с их помощью лексических новообразований является их «русскость». Сегодня многих тревожит мощная волна заимствований, влившихся в наш язык, что вызвало расхожее мнение о «порче» русского языка и необходимости оградить его от иноязычных вливаний. Проведенный нами эмпирический анализ установил: абсолютное большинство неологизмов с игровым началом создано на русской словообразовательной базе, с использованием нормативно закрепленных в русском языке словообразовательных моделей.

Итак, исследование показало: языковая игра в материалах конкурса «Слово года» обеспечивает пользователям социальной сети объективацию критической реакции на текущие социально-политические события. Инструментом выражения критического отношения к реальности избирается насмешка – та разновидность языковой игры, которая функционально направлена на снижение и переворачивание оценочных смыслов. Порождая новые лексические единицы, несущие в себе насмешку, т. е. намеренно понижая значимость объекта оценивания, сетевые авторы заявляют о своем несогласии с существующим положением дел и манифестируют свое критическое отношение к реальному и/или потенциальному референту. Добавим, что подобная языковая игра полностью отвечает выявленным лингвистами и культурологами ключевым особенностям современных российских речевых практик с их сверхвысоким эмоциональным накалом (Кронгауз, 2005; Скоркин, 2014) и тягой к оценочным перевертышам, порождаемой принципиальным дуализмом ценностных установок русской культуры в целом (Лотман, & Успенский, 1996).

Языковая игра как средство психологической помощи

Теоретиками комического разработано несколько концепций юмора. Одна из них – теория несоответствия – служила опорной точкой уже представленного нами исследования, к другой, именуемой теорией рельефа (the Relief

Theory) или теорией утешения, мы обратились при изучении того, как русский язык откликнулся на пандемию. Согласно избранной концепции, являющейся логическим продолжением теории несоответствия, обращение к юмору есть естественная физиологическая реакция организма на нервное напряжение, поскольку юмор помогает снизить последнее (Ruch, 2008). Подобную смеховую реакцию, сопряженную с языковой игрой, мы сделали предметом анализа, проведенного также на материалах конкурса «Слово года», относящихся к 2020–2021 гг. – периоду разгара и наиболее тяжелого протекания пандемии. Кроме того нами исследовались лексические единицы, включенные в лексико-семантическое поле «Коронавирус», зафиксированное как составная часть разрабатываемого в наши дни «Интерактивного Медиясловаря ключевых слов текущего момента» (проект DataSlov, Прокофьева, & Щеглова, 2020).

Отметим, что пандемия вызвала к жизни целый словарь новых слов и выражений, означивших продиктованные ею явления. Как показал конкурс-2020, число появившихся в том году лексических новообразований, обусловленных ею, превзошло количество неологизмов, возникших в предшествующие несколько лет. Их оказалось так много, что повсеместно начались активные разговоры о переходе в другую цивилизацию, связанную с масштабной виртуализацией жизни. В социальных сетях тут же родилось шутовское предложение: бытующее в дискурсе сокращение «до н. э.» считать равнозначным выражению *до начала эпидемии*. Возникший словарь пандемии, как показал его анализ, отражает различные психологические состояния людей, застигнутых ею: от страха и паники до невозмутимого спокойствия и даже неверия в реальность вирусной опасности. Обширный пласт новых слов и выражений являет собой продукты нацеленной на комический эффект языковой игры. Таковые обозначения объектов, действий, процессов, состояний, мгновенно разлетевшиеся по социальным сетям, свидетельствуют о позитивной, смеховой реакции части их пользователей на создавшуюся угрозу. Эти слова принадлежат к разряду шуток – речевому жанру, коммуникативное предназначение которого заключается в достижении особого эффекта – речевого комизма с целью подбодрить, развеселить, развлечь (Иванов, Сковородников, & Ширяев, 2003, с. 735).

Ни одно из придуманных шутовских неологизмов не вышло в победители конкурса. В 2020 г. его призерами стали лексемы *коронавирус*, *ковид*, *самоизоляция*, выражения *масочный режим* и *социальное дистанцирование*. Все они были рождены или актуализированы пандемией, которая получила всемирное распространение и привела к выбору призерами аналогичного конкурса в других странах также не игровые, а первородные языковые единицы, причастные к настигшей человечество беде. Так в Великобритании словом-победителем был объявлен *локдаун* (Главное слово 2020 года объявлено, 2020), в Германии – *коронапандемия* (Die Welt : в Германии выбрали слово года, 2020), в Испании – *карантин* (Слово 2020 года в Испании, 2020), в Китае – иероглифы

со значением «эпидемия» и «народ» (Народ и эпидемия, 2020). На следующий год коронавирусная проблематика снова одержала верх, и в победители российского конкурса выдвинулись лексемы *вакцина*, *QR-код* и *антиваксеры*. Наряду с ними сетевой дискурс наполнился словами *карантин*, *антитела*, *вакцина* и многими другими, которые уже давно были частью активного словника русского языка, однако получили, в связи с ковидом, дополнительное массовое хождение. Они перемежались с теми лексическими новообразованиями, которые возникали по ходу проживания пандемии. Среди них неологизмы *вирусобоя*, *коронафобия*, *коронабесие*, *маскобесие*, *коронапсихоз*, маркировавшие один полюс отношения населения к происходящему, сводящегося к устойчивому страху и сверхтревожности по поводу возможного заражения грозной инфекцией. Создатели перечисленных и семантически близких им слов – та часть сетевой публики, которая считала подобное отношение помешательством на почве ношения масок и крайне негативно воспринимала сообщения СМИ о быстром и повсеместном распространении тяжелого заболевания. С другой стороны, в сетях замелькали неологизмы *коронаскептики*, *коронавирусный нигилизм*, зафиксировавшие существование другого полюса. На старте пандемии, в марте 2020 года, многим еще плохо верилось в серьезность ситуации и ее долговременность. Пугающую информацию СМИ нередко принимали за фальшивые сведения; их тиражирование получило название *инфодемия*, означавшее вирусное распространение фейков (Кирия, 2020).

На этом фоне социальные сети вступили в вербальную борьбу с устрашающей информацией во избежание парализующей людей паники посредством шуточных лексических новообразований, рассчитанных на смеховую реакцию аудитории. Очень быстро возникли выражения *базовый набор паникера*, подразумевавший моментально исчезающие с прилавков супермаркетов гречу, макароны, туалетную бумагу, и *тележки апокалипсиса* – специальные продуктовые тележки крупных сетевых магазинов, переполненные указанными товарами. В анализируемый дискурс проникло выражение *удаленушка и братец-диванушка*, с дважды встроенным в него уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ушк-*, придавшим описываемой этим выражением ситуации – привычному во время локдауна лежанию дома на диване – комический оттенок. В списке лексических единиц-участников конкурса «Слово года-2020», находим, к примеру, такие замечательные придумки как *выгулятор* – дериват от глагола *выгулять* со значением «вывести на прогулку, на открытый воздух», представляющий собой шуточное название домашних питомцев, выгуливавших своих хозяев во время строгих запретов на выходы из дома. Другие примеры – *карантье* – неологизм, полученный слиянием слов *карантин* и *рантье*, придуманный для хозяина собачки, сдававшего ее в аренду для прогулок; *наруженосец* – производное от выражения *нос снаружи*, остроумно именуемое того, кто ходит в маске, не прикрыв ею нос.

Замечательны слова *погуляницы* и *сидидомцы* – новые номинации для тех, кто выходил в «наружу» или, напротив, строго соблюдал самоизоляцию. Первая лексема отсылала к глаголу *погулять* в значении «совершать прогулку пешком, проводить время на свежем воздухе». Вторая была игровой трансформацией словосочетания *сидеть дома*. Очень выразительно появившееся шутливое словцо *зумби*, обращенное к любителям вне всякой меры сидеть в Zoom'e. Фонетически сходное с лексемой *зомби*, оно притягивало к себе его семантику одержимости и тотальной увлеченности, внедряя присущие им смыслы в сферу новых компьютерных технологий. А счастливый глагол *расковидеться*, напоминающий носителям русского языка глагол *разговориться*, стал обещанием долгожданной счастливой встречи с близкими людьми после снятия карантина. Вместе взятые, приведенные лексические новообразования свидетельствуют о неутраченной, даже в такую непростую пору как пандемия, способности людей к креативному игровому словотворчеству, облегчающему переживание трудных времен. К тому же языковые игры по определению оценочно противостоят речевой агрессии, так широко распространившейся в публичном дискурсе нашего времени.

Используемые же творцами новых шуточных пандемических наименований словообразовательные модели все те же: паронимическая аттракция (*наруженосец*, *зумби*), контаминация (*карантье*, *карантикулы*, *карантини*), префиксация и суффиксация (*расковидеться*, *погуляницы*), слияние слов (*сидидомцы*). Повторяются и присущие неологизмам игровые приемы: обманутое ожидание (*базовый набор паникера*, *тележка апокалипсиса*), обыгрывание устойчивых выражений (*удаленушка* и *братец-диванушка*, вторящее названию русской сказки) и др.

Конечно, далеко не все рожденные переживанием опасности лингвистические игровые новообразования войдут в активный словарь русского языка. Большая их часть, заполонившая социальные сети в период пандемии, предстанет как характерная его примета, запомнится как своеобразный вербальный игровой портрет вполне определенного отрезка времени. Портрет, запечатлевший позитивную, смеховую реакцию пользователей сети на возникшую угрозу, что очень ценно само по себе. Ибо смех, шутка – это то, что помогает человеку пережить трудности и не прогнуться под их тяжестью.

Выводы

Подведем общий итог. Результаты проведенного социолингвистического исследования сетевого дискурса, отраженного в материалах 15 конкурсов «Слово года» (2007-2021гг.), убеждают в том, что языковая игра в наши дни продолжает быть действенным инструментом в руках пользователей анализируемой социальной сети, к которому охотно обращаются в разных ситуациях. Во-первых, когда коммуникатор, находясь в дискомфортном психологическом состоянии, активном либо пассивном, прибегает к языковой игре, порождая

ющей комический эффект, для выражения своего несогласия, критического отношения к реальным событиям. В подобных случаях выбор сетевых авторов падает, как правило, не на беззубую шутку, являющую собой базовую словесную форму комического, а на производную от нее насмешку, функционирующую как механизм снижения и переворачивания оценочных смыслов. И здесь мы сталкиваемся с «корректирующим юмором» (термин В. Руха) как способом реакции коммуникатора на не устраивающее его существующее положение дел, создавшееся в силу тех или иных управленческих решений. Другая ситуация, также описанная Виллибальдом Рухом, – когда в дело идет «доброжелательный юмор» и пишущий пользователь сети намеренно шутит, дабы снизить психологическое напряжение у аудитории, созданное травмирующим событием. Комическая направленность шутки, языковая игра, воплощенная в ней, служит при этом отличным противовесом не только стрессам, но и в целом той эмоциональной агрессии, которая так мощно представлена в российском публичном дискурсе нашего времени. Ведь юмор – не только действенный инструмент борьбы со страхами, он еще и универсальное противоядие от ненависти и вражды.

Список литературы

- Ruch, W. (2008). Psychology of humor. In V. Raskin (Ed.), *The Primer of Humor Research* (pp. 17–100). Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110198492.17>
- Ruch, W., & Proyer, R. T. (2015). Mapping strengths into virtues: The relation of the 24 VIA-strengths to six ubiquitous virtues. *Frontiers in Psychology*, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00460>
- Die Welt: В Германии выбрали слово года. (2020). ИноСМИ.Россия. <https://inosmi.ru/news/20201201/248653462.html>
- Басовская, Е. Н. (2004). Творцы черно-белой реальности: О вербальной агрессии в средствах массовой информации. *Критика и Семантика*, 7, 257–263.
- Главное слово 2020 года объявлено. И это не «коронавирус». (2020). BBC NEWS Русская Служба. <https://www.bbc.com/russian/news-54887920>
- Десятерик, Д. (2005). Игра. В *Альтернативная культура: Энциклопедия. Ультра. Культура*. <https://info.wikireading.ru/104383>
- Ефремова, Т. Ф. (2000). Новый словарь русского языка. Толково- словообразовательный. Русский язык. ЛГΩ.Толковые Словари. <https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F>
- Закоян, Л. М. (2008). Речевая агрессия в языковом сознании представителей русской лингво-культуры. <https://docplayer.ru/27986076-Zakoyan-l-m-rechevaya-agressiya-v-yazykovom-soznanii-predstaviteley-russkoy-lingvokultury-abstract.html>
- Земская, Е. А. (Ред.). (1983). *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Наука.

- Иванов, Л. Ю., Сковородников, А. П., & Ширяев, Е. Н. (Ред.). (2003). *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*. Флинта: Наука.
- Иссерс, О. С. (2014). В поисках общего словаря: Дискурсивные практики новейшего времени сквозь призму проектов «Слово года». *Политическая Лингвистика*, 4–48.
- Иссерс, О. С. (2020). Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации. *Вестник НГУ. Серия: История, Филология*, 19(6), 216–227. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227>
- Карасик, В. И. (2013). *Языковая матрица культуры*. Гнозис.
- Кирия, И. В. (2020). Мир накрыла невиданная прежде инфодемия. *Ведомости*. https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/04/15/828157-infodemiya?utm_campaign=glavnoezaden17042020&utm_content=828157-infodemiya&utm_medium=email&utm_source=newsletter
- Клушина, Н. И. (2004). Язык публицистики: Константы и перемены. *Русская Речь*, 3, 51–54.
- Кронгауз, М. А. (2005). Заметки рассерженного обывателя. *Отечественные Записки*, 2, 8–17.
- Крысин, Л. П. (2005). Языковая норма и речевая практика. *Отечественные Записки*, 2, 36–46.
- Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. «Норинт».
- Лакофф, Дж. (2004). Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. В И. Б. Шатуновский (Пер.), *Языки славянской культуры*. Языки славянской культуры.
- Лотман, Ю. М., & Успенский, Б. А. (1996). Роль дуальных моделей в динамике русской культуры. В Б. А. Успенский, *Избранные труды: Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры* (сс. 338–380). Школа «Языки русской культуры».
- Ляпун, С. В. (2009). Ирония в газетной публицистике конца XX – начала XXI веков: Стилистический прием и стилевая тенденция. *Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 2: Филология И Искусствоведение*, 1, 115–120.
- Народ и эпидемия. В Китае выбрали два иероглифа 2020 года. (2020). Strana.Ua. <https://yandex.ru/turbo/strana.ua/s/news/307853-ierohlify-2020-hoda-vybrali-v-kitae-narod-i-epidemija.html>
- Прокофьева, Н. А., & Щеглова, Е. А. (2020). Медиясловарь ключевых слов текущего момента: Лексико-семантическое поле «коронавирус». В Н. В. Козловская (Ред.), *Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей*. Институт лингвистических исследований.
- Руженцева, Н. Б. (2015). Лики автора в российском политическом дискурсе. *Политическая лингвистика*, 4, 46–53.
- Руженцева, Н. Б., & Кошкарлова, Н. Н. (2021). Фидбэки в дискурсе печатных СМИ. *Политическая Лингвистика*, 1, 10–20. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_01
- Русский язык и новые технологии. Коллективная монография. (2014). *Новое литературное обозрение*.
- Санников, В. З. (1999). *Русский язык в зеркале языковой игры*. Языки русской культуры.
- Скоркин, К. (2014). Общий язык ненависти. *Отечественные Записки*, 6. <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/obshhij-yazyk-nenavisti.html>

- Слово 2020 года в Испании: “Confinamiento”–Карантин. (2020). Allspain.Info.
<https://allspain.info/novosti-ispanii/slovo-2020-goda-v-ispanii-confinamiento-karantin.html>
- Шмелева, Т. В. (1993). Ключевые слова текущего момента. *Collegium*, 1, 33–41.
- Эпштейн, М. (2019). Постмодернизм в России. Азбука, Азбука-Аттикус.
- Эпштейн, М. (2022). Первопонятия: Ключи к культурному коду. КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Эпштейн, М. (2013). Язык–Не зеркало общества. Вербальные итоги 2013. Сноб.
http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70175#comment_681703
- Эпштейн, М. (2016). Куда движется язык? Слова и лейтмотивы 2016 года.
http://www.chaskor.ru/article/kuda_dvizhetsya_yazyk_41236

References

- Basovskaya, E. N. (2004). Tvortsy cherno-beloy real'nosti: O verbal'noy agressii v sredstvakh massovoy informatsii. *Kritika i Semiotika*, 7, 257–263. (In Russian).
- Desyaterik, D. (2005). Igra. In *Al'ternativnaya kul'tura: Entsiklopediya. Ul'tra. Kul'tura*.
<https://info.wikireading.ru/104383> (In Russian).
- Die Welt: V Germanii vybrali slovo goda. (2020). InoSMI.Rossija.
<https://inosmi.ru/news/20201201/248653462.html> (In Russian).
- Efremova, T. F. (2000). Novyy slovar' russkogo yazyka. *Tolkovo- slovoobrazovatel'nyy. Russkiy yazyk*. ЛГΩ.Tolkovye Slovari. <https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (In Russian).
- Epshteyn, M. (2013). Yazyk–Ne zerkalo obshchestva. Verbal'nye itogi 2013. Snob.
http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70175#comment_681703 (In Russian).
- Epshteyn, M. (2016). Kuda dvizhetsya yazyk? Slova i leytmotivy 2016 goda.
http://www.chaskor.ru/article/kuda_dvizhetsya_yazyk_41236 (In Russian).
- Epshteyn, M. (2019). Postmodernizm v Rossii. Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian).
- Epshteyn, M. (2022). Pervoponyatiya: Klyuchi k kul'turnomu kodu. KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russian).
- Glavnoe slovo 2020 goda ob'yavleno. I eto ne «koronavirus». (2020). BBC NEWS Russkaya Sluzhba.
<https://www.bbc.com/russian/news-54887920> (In Russian).
- Issers, O. S. (2014). In Search of Common Vocabulary: Contemporary Discursive Practices through the Prism of Projects “Word Of The Year”. *Political Linguistics*, 4–48. (In Russian).
- Issers, O. S. (2020). Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 19(6), 216–227. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227> (In Russian).
- Ivanov, L. Yu., Skovorodnikov, A. P., & Shiryaev, E. N. (Ed). (2003). *Kul'tura russkoy rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik*. Flinta: Nauka. (In Russian).
- Karasik, V. I. (2013). *Yazykovaya matritsa kul'tury*. Gnozis. (In Russian).
- Kiriya, I. V. (2020). Mir nakryla nevidannaya prezhde infodemiya. *Vedomosti*.
<https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/04/15/828157-infodemiya?>

- [utm_campaign=glavnoezaden17042020&utm_content=828157-infodemiya&utm_medium=email&utm_source=newsletter](#) (In Russian).
- Klushina, N. I. (2004). Yazyk publitsistiki: Konstanty i peremeny. *Russkaya Rech'*, 3, 51–54. (In Russian).
- Krongauz, M. A. (2005). Zametki rasserzhennogo obyvatelya. *Otechestvennye Zapiski*, 2, 8–17. (In Russian).
- Krysin, L. P. (2005). Yazykovaya norma i rechevaya praktika. *Otechestvennye Zapiski*, 2, 36–46. (In Russian).
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. «Norint». (In Russian).
- Lakoff, Dzh. (2004). Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. In I. B. Shatunovskiy (Trans.), *Yazyki slavyanskoy kul'tury*. Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).
- Lotman, Yu. M., & Uspenskiy, B. A. (1996). Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury. In B. A. Uspenskiy, *Izbrannye trudy: Vol. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* (pp. 338–380). Shkola «Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian).
- Lyapun, S. V. (2009). Ironiya v gazetnoy publitsistike kontsa KhKh – nachala KhKhI vekov: Stilisticheskii priem i stilevaya tendentsiya. *Vestnik Adygeyskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2: Filologiya I Iskuststvedenie*, 1, 115–120. (In Russian).
- Narod i epidemiya. V Kitae vybrali dva ieroglifa 2020 goda. (2020). Strana.Ua. <https://yandex.ru/turbo/strana.ua/s/news/307853-ierohlify-2020-hoda-vybrali-v-kitae-narod-i-epidemija.html> (In Russian).
- Prokof'eva, N. A., & Shcheglova, E. A. (2020). Mediaslovar' klyuchevykh slov tekushchego momenta: Leksiko-semanticheskoe pole «koronavirus». In N. V. Kozlovskaya (Ed.), *Novye slova i slovari novykh slov. 2020: Sbornik nauchnykh statey*. Institut lingvisticheskikh issledovaniy. (In Russian).
- Ruch, W. (2008). Psychology of humor. In V. Raskin (Ed.), *The Primer of Humor Research* (pp. 17–100). Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110198492.17>
- Ruch, W., & Proyer, R. T. (2015). Mapping strengths into virtues: The relation of the 24 VIA-strengths to six ubiquitous virtues. *Frontiers in Psychology*, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00460>
- Russkiy yazyk i novye tekhnologii. Kollektivnaya monografiya. (2014). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Ruzhentseva, N. B. (2015). Author's Image in the Russian Political Discourse. *Political Linguistics*, 4, 46–53. (In Russian).
- Ruzhentseva, N. B., & Koshkarova, N. N. (2021). Feedbacks in Print Media Discourse. *Political Linguistics*, 1, 10–20. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_01 (In Russian).
- Sannikov, V. Z. (1999). Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry. Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (1993). Klyuchevye slova tekushchego momenta. *Collegium*, 1, 33–41. (In Russian).
- Skorkin, K. (2014). Obshchiy yazyk nenavisti. *Otechestvennye Zapiski*, 6. <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/obshhiy-yazyk-nenavisti.html> (In Russian).
- Slovo 2020 goda v Ispanii: “Confinamiento”—Karantin. (2020). Allspain.Info. <https://allspain.info/novosti-ispainii/slovo-2020-goda-v-ispainii-confinamiento-karantin.html> (In Russian).

Zakoyan, L. M. (2008). *Rechevaya agressiya v yazykovom soznanii predstaviteley russkoy lingvokul'tury*. <https://docplayer.ru/27986076-Zakoyan-l-m-rechevaya-agressiya-v-yazykovom-soznanii-predstaviteley-russkoy-lingvokul'tury-abstract.html> (In Russian).

Zemskaya, E. A. (Ed.). (1983). *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika*. Zhest. Nauka. (In Russian).

British Political Rhetoric in the Perspective of Cultural Specificity

Ekaterina Yu. Aleshina¹ & Daria D. Golova²

Penza State University, Penza, Russia

Received: 18 August 2023 | Revised: 19 October 2023 | Accepted: 28 October 2023

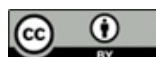
Abstract

Existing research in the field of political communication and rhetoric often focuses on general principles and strategies of the speech, leaving aside cultural-specific considerations. This study is aimed at analyzing the discursive characteristics of British public political rhetoric, which will fill this gap and expand knowledge about the relationship between language, culture, and politics. The work aims to identify the discursive features of the British public political speech from the perspective of its cultural specificity. The results of the study show that, despite the universal nature of the public political rhetoric, British public political speeches differ in certain specifics. The speeches of British politicians are marked by features characteristic of each type in the structure of the text, the use of vivid rhetorical techniques, strict adherence to the protocol, emphasis on the sense of national pride, as well as some unique attributes. This study provides a deeper understanding of the role of language and cultural factors in political communication, and it is also able to expand the theoretical foundations in the field of linguistics and political science.

The article is intended for researchers and specialists in the field of linguistics, rhetoric, and political communication. It can also serve as a useful resource for students, postgraduates, and teachers interested in a detailed analysis of the discursive characteristics of British political rhetoric.

Keywords

Discourse; Public Speaking; British Political Discourse; Cultural Specificity; Discursive Features; Rhetoric; British Monarchy; Political Communication; Culturally Specific Types of Speeches; Anglo-Saxon Rhetorical Tradition

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [alcatherine\[at\]yandex.ru](mailto:alcatherine[at]yandex.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0916-1014>

2 Email: [chudaria74\[at\]gmail.com](mailto:chudaria74[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7771-7677>

Британская политическая риторика в ракурсе культуроспецифичности

Алёшина Екатерина Юрьевна¹, Голова Дарья Дмитриевна²

Пензенский государственный университет. Пенза, Россия

Рукопись получена: 18 августа 2023 | Пересмотрена: 19 октября 2023 | Принята: 28 октября 2023

Аннотация

Существующие исследования в области политической коммуникации и риторики часто фокусируются на общих принципах и стратегиях выступления, оставляя в стороне культурно-специфические особенности. Данное исследование направлено на анализ дискурсивных характеристик британского публичного политического выступления, что позволит заполнить эту лакуну и расширить знания о взаимосвязи языка, культуры и политики. Целью работы является выявление дискурсивных особенностей британского публичного политического выступления в ракурсе его культуроспецифичности. Результаты исследования показывают, что, несмотря на универсальный характер публичной политической речи, британские публичные политические выступления отличаются определенной спецификой. Речам британских политиков свойственны характерные для каждого вида особенности в структуре речи, использование ярких риторических приемов, строгое следование речевому и структурному протоколу, акцент на чувстве национальной гордости, а также уникальная атрибутика выступлений. Данное исследование позволяет глубже понять роль языка и культурных факторов в политической коммуникации, а также расширить теоретические основы в области лингвистики и политической науки.

Статья предназначена для исследователей и специалистов в области лингвистики, риторики и политической коммуникации. Она также может служить полезным ресурсом для студентов, аспирантов и преподавателей, интересующихся анализом дискурсивных характеристик британских политических выступлений.

Ключевые слова

дискурс; публичное выступление; британский политический дискурс; культуроспецифичность; дискурсивные особенности; риторика; британская монархия; политическая коммуникация; культурно-специфичные типы выступлений; англо-саксонская риторическая традиция

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons "Attribution"](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция»)4.0 [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [alcatherine\[at\]yandex.ru](mailto:alcatherine[at]yandex.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0916-1014>

2 Email: [chudaria74\[at\]gmail.com](mailto:chudaria74[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7771-7677>

Введение

Современное публичное политическое выступление является существенным элементом политической коммуникации. Традиционный анализ дискурсивных аспектов публичных политических выступлений обусловлен преобладающей ориентацией исследований на общие стратегии риторики, оставляя в тени культурно-специфические особенности. Однако сейчас, когда информационные технологии и медийная инфраструктура пронизывают общество, особенно важно анализировать дискурсивные характеристики публичного политического выступления в контексте сочетания традиционной культуры с современной, что обогатит понимание связи между языком, культурой и политикой. Подчеркнем, что современные политики-ораторы не просто адаптируются к меняющемуся медийному пейзажу, но и активно используют современные медиатехнологии для обогащения своей коммуникации и взаимодействия с аудиторией.

В рамках дискурсивного подхода публичное выступление рассматривается как часть более широкого контекста, который создается в определенной коммуникативной ситуации. Дискурсивный подход рассматривает язык как социальное явление, а публичное выступление как процесс коммуникации, в котором оратор и аудитория взаимодействуют, используя языковые и неязыковые средства для достижения определенных целей.

Изучение дискурсивных особенностей публичного выступления предполагает обращение к речевой ситуации (ситуации общения). В современной лингвистике речевая ситуация определяется как социальный контекст взаимодействия. В ситуации политического общения осуществляется коммуникация субъектов политики и раскрываются особенности их отношений в процессе распределения властных ресурсов (Алёшина, 2015, с. 20). Политическая коммуникация – это интерактивный процесс, касающийся передачи информации между политиками, средствами массовой информации и общественностью.

Таким образом, публичные политические выступления играют особую роль в ситуации политического общения, в которой они являются средством воздействия на общественное мнение. Более того, публичные политические выступления могут иметь значительное влияние на процессы принятия решений в политических организациях и государственных структурах.

Методология и методы исследования

В центре методологии исследования дискурсивных характеристик британских публичных выступлений – дискурсивный анализ корпуса текстов в сочетании с качественным анализом мультимедийных материалов.

Для проведения качественного анализа содержания был создан корпус британских публичных выступлений. В процессе анализа были выявлены типы британских публичных политических речей, обусловленных культурными

особенностями. Для анализа были отобраны наиболее ритуализированные выступления британских политиков, в которых были рассмотрены риторические приемы, лексические особенности и структура речи, а также акцент оратора, который был определен посредством аудио- и видеозаписей.

Англосаксонская политическая риторика

Рассматривая публичный политический дискурс как средство воздействия и коммуникации, а публичное политическое выступление как специфический вид дискурса, в своей работе мы ориентировались на детальное исследование культурно-специфичного компонента дискурсивных особенностей британских политических публичных выступлений. Под дискурсивными особенностями мы понимаем совокупность лингвистических и экстралингвистических характеристик речи, в соответствии с данным М. Я. Блохом определением дискурса, где дискурс – это тематически определенный текст, задуманный и предполагаемый как целый и завершённый, но рассмотренный в ситуации общения, в которой он разворачивается (Блох, 2013, с. 5–11). М. Я. Блох считает дискурс частным, но важнейшим лингвистическим понятием относительно текста, взятого в целом и помещенного в речевую ситуацию с ее говорящим, слушающим и обстоятельствами общения.

Публичное политическое выступление мы рассматриваем как политический дискурс, т.е. как текст, отмеченный тематикой утверждения и выражения интересов субъектов политики в процессе их деятельности, борьбы за политическую власть (Алёшина, 2020, с. 32–33). Публичное политическое выступление, произнесенное в значимой исторической ситуации, как правило, остается в истории политической риторики и, в свою очередь, формирует историю, которая представлена дискурсом.

Современная геополитическая ситуация отмечена глобальными конфликтами, а также перестройкой в отношениях стран в структуре мирового порядка. Вместе с тем англосаксонские традиции продолжают вызывать живой интерес, обусловленный политической, а также исследовательской мотивацией. Изучение культуроспецифичности британского публичного политического выступления имеет большое значение для понимания культурных и политических ценностей Великобритании, поскольку язык и стиль выступления отражают социокультурные и политические аспекты общества.

Англосаксонская политическая риторика имеет свои традиции. Обращаясь к более ранним британским политикам, следует отметить известную речь королевы Елизаветы I, обращенную к войскам в Тилбери в 1588 г. (“Tilbury Speech”), выступление короля Карла I Стюарта, произнесенное перед публичной казнью в 1649 г. (“I go from a corruptible to an uncorruptible crown”), а также выступление Оливера Кромвеля, произнесенное при роспуске «Охвостья» английского Парламента в 1653 г. (“In the Name of God, Go!”). Особую историческую значимость приобретают

публичные выступления, звучащие в кризисных, конфликтных ситуациях, в поворотные моменты развития государства и мира в целом. Большую известность получили выступления признанного оратора У. Черчилля, произнесенные во время Второй мировой войны (“I Have Nothing to Offer but Blood, Toil, Tears and Sweat”, “We shall Fight on the Beaches” и др.). Обращения и речи британского премьер-министра и королевы являются неотъемлемой частью британского политического ритуала.

Существующие типологии речей, в основном, сфокусированы на особенностях разных коммуникативных ситуаций. Например, А. Д. Швейцер классифицирует речи как официальные, научные, публицистические и художественные (2012).

Речи могут быть категорированы в контексте конфликтных ситуаций: речь-декларация, речь-прокламация, речь-ультиматум (Алёшина, 2020). Ключевым аспектом данного исследования является определение культурно-специфичных типов публичных выступлений, которые отражают нормы, традиции, ценности, убеждения, образ жизни и другие аспекты социума, которые влияют на языковую и речевую практику и могут варьироваться в зависимости от региона, национальности и социального класса.

Для того, чтобы определить культурно-специфичные типы политических речей Великобритании стоит, в первую очередь, обратить особое внимание на политическую систему страны. Основной формой правления в Великобритании является парламентская монархия, где король или королева являются формальными главами государства, но реальная власть лежит в руках Парламента. В Великобритании используется система мажоритарных выборов, где побеждает кандидат, получивший наибольшее количество голосов в избирательном округе. В отношении структуры законодательной власти, — в Великобритании есть две палаты Парламента: Палата общин и Палата лордов. В религиозном плане в Великобритании доминирует англиканская церковь. Глава англиканской церкви, архиепископ Кентерберийский, является духовным главой Великобритании и Содружества наций. Однако Великобритания также признает свободу вероисповедания, что выражено в законах о свободе вероисповедания и веротерпимости.

В Великобритании применяется общее право, которое основано на прецедентах и судебной практике. В отношении системы политических партий, — в Великобритании существуют три главных политических партии: консервативная партия, лейбористская партия и либерально-демократическая партия. В Великобритании нет федерализации, и все власти принадлежат центральному правительству. Большинство выступлений британских политиков можно отнести к парламентским речам – это речи, произносимые членами парламента в палатах парламента: либо в Палате общин, либо в Палате лордов. Эти выступления могут касаться широкого спектра тем, от законодательных предложений до текущих событий и вопросов государственной важности.

Палата лордов является верхней палатой парламента и состоит из членов, которые заседают в ней по наследству, назначению или избранию. Речи в Палате лордов обычно имеют скорее академический или экспертный характер, и члены Палаты лордов могут использовать свои выступления для представления собственных научных исследований, анализа важных событий или выражения мнения по социальным и культурным вопросам.

Палата общин является нижней палатой парламента и состоит из выбранных народом членов, которые представляют различные избирательные округа. Речи в Палате общин обычно имеют более политизированный характер и могут использоваться для представления законопроектов, критики действий правительства или других политических партий, а также для выступления в защиту интересов своих избирателей (Atkins et al., 2014, p. 51-55).

Исходя из упомянутых особенностей британской политической системы, предлагаем выделить следующие культурно-специфичные типы британских публичных выступлений.

I. Речь монарха. Монарх Великобритании является символом единства и стабильности в стране, его речи часто обращены к народу и освещают важные события, например, национальные праздники или крупные катастрофы.

– Речи на мероприятиях. Монарх может выступить с речью на различных торжественных мероприятиях, таких как коронация, юбилеи, праздники, особые события. В этих речах монарх обращается к народу и выражает свои мысли по поводу важных событий, происходящих в стране и в мире, в том числе международного характера.

– Королевское послание (“Queen’s Speech” или “King’s Speech”). Это ежегодные выступления королевы или короля перед парламентом и народом, а которых они представляют программу правительства на предстоящий парламентский год. Речи монарха являются традиционным событием в Британии; их произносят в Вестминстерском дворце и транслируются по всей стране.

II. Речь премьер-министра – это выступление главы правительства перед Палатой общин или на других официальных мероприятиях, на которых присутствуют высокопоставленные чиновники и представители общества. Речь премьер-министра обычно имеет политический характер и предназначена для обсуждения национальных вопросов, рассказа о работе правительства, его планах и достижениях, а также для поднятия важных проблем и обращения к общественности с определенными призывами или предложениями.

– Первая речь в должности премьер-министра. В своей речи новый премьер-министр обычно представляет себя общественности и излагает свое видение страны и приоритеты правительства. В речи также могут быть затронуты проблемы, с которыми сталкивается страна в данный момент, и подчер-

киваться приверженность премьер-министра служению интересам британского народа.

- Речь на партийной конференции. На конференциях партии премьер-министр может выступать с речью, обращаясь к членам партии и обсуждая вопросы, связанные с ее программой и планами на будущее.

- Речь на международном мероприятии. Премьер-министр может выступать с речью на международных мероприятиях, таких как Генеральная Ассамблея ООН или международные саммиты, чтобы обсудить важные вопросы международной политики.

- Речь об отставке является возможностью для уходящего премьер-министра высказать мысли о своем пребывании на посту, подчеркнуть свои достижения и дать объяснение своему решению уйти в отставку. В данной речи премьер-министр может также затронуть насущные вопросы, стоящие перед страной, и заверить слушателей в том, что передача власти произойдет плавно.

III. Речь канцлера. В Великобритании канцлер является вторым лицом правительства и отвечает за экономические вопросы страны. Речи канцлера могут быть связаны с налоговой политикой, бюджетом или другими экономическими вопросами.

- «Бюджетная речь» канцлера (“Budget speech”) или «Речь канцлера на мешке с шерстью» – это традиционная речь, которую произносит канцлер казначейства Великобритании при представлении бюджета в Палате общин. Традиционно канцлер казначейства приносит с собой мешок с шерстью, который символизирует бюджетную ответственность правительства перед народом. В процессе речи канцлер обычно представляет бюджетное предложение правительства на следующий год и анализирует экономическую ситуацию в стране. Важность этой речи заключается в том, что она представляет ключевые экономические планы и стратегии правительства на следующий год и может оказать значительное влияние на экономику Великобритании и мировую экономику в целом.

- Речь в Мэншн-Хаусе (“The Mansion House speech”) – ежегодная речь, произносимая канцлером казначейства Соединенного Королевства в официальной резиденции Лорд-мэра Лондона. Традиция произносить речи в особняке восходит к XVIII веку, когда Лорд-мэр начал приглашать высокопоставленных политиков выступить перед ведущими гражданами города. Речь, как правило, посвящена экономической и финансовой политике страны. В речи канцлер излагает экономическую политику правительства и цели на предстоящий год. Помимо рассмотрения внутренних проблем страны, речь может также касаться глобальных экономических тенденций и их потенциального влияния на экономику Великобритании.

Результаты анализа

I. Для каждого типа публичного выступления монарха характерны определенные особенности в структуре речи. Рождественское послание королевы состоит из вступления, в котором монарх использует обращенные к аудитории метафорические высказывания, смысл которых раскрывается в последующих абзацах, плавно переходя к основной части повествования. В основной части королева излагает главные события за прошедший год, выражает благодарность, часто использует призывы к народу. В заключении королева обращается к слушателям с пожеланиями счастливого Рождества (Queen Elizabeth II The Christmas broadcast..., 1957), (Queen Elizabeth II The Christmas broadcast..., 1987), (Queen Elizabeth II The Christmas broadcast..., 2021). Речь королевы на открытии государственного парламента также включает в себя вступление, в котором произносится приветствие перед обеими палатами парламента. В основной части текста излагается повестка правительства. В заключении королева благодарит членов парламента и желает успехов в работе (Queen Elizabeth II Queen's speech..., 1994), (Queen Elizabeth II State opening of Parliament speech..., 2021). Коронационная речь/клятва монарха соответствует строгому протоколу. Клятва при коронации традиционно состоит из трех вопросов, задаваемых архиепископом, на которые монарх должен ответить фразой «Я торжественно обещаю так поступить» (“I solemnly promise so to do”) или «Все это я обещаю сделать» (“All this I promise to do”). Первый вопрос заключается в том, будет ли монарх править в соответствии с законами и обычаями стран и территорий, находящихся под его властью. Второй вопрос заключается в том, будет ли монарх следить за тем, чтобы закон и правосудие исполнялись с милосердием. Третий вопрос заключается в согласии монарха соблюдать законы Божьи, поддерживать протестантскую реформатскую религию и Англиканскую церковь в том виде, в каком они установлены законом (Queen Elizabeth II Coronation Oath..., 1953a), (King Charles III Coronation Oath..., 2023). В заключение монарх приносит клятву на Святом Евангелии и подписывает ее.

Неотъемлемой частью выступления монарха является использование риторических приемов, таких как метафора (например, метафора “I welcome you to the piece of my own home”, которая помогает слушателям почувствовать близкую связь с монархом и его посланием (Queen Elizabeth II The Christmas..., 1957) или повтор (например, повтор фразы “My government will” служит для того, чтобы подчеркнуть авторитет правительства, поскольку именно правительство королевы несет ответственность за реализацию политики и инициатив: “My Government will play an active part in tackling drug misuse, drug trafficking and organised crime at home and abroad. <...> My Government will continue to work for the long-term stability and prosperity of Hong Kong” (Queen Elizabeth II Queen's speech..., 1994), (Queen Elizabeth II State opening of Parliament speech..., 2021).

Каждая речь монарха содержит в себе особенности протокола. В речи монарха финальным изречением бессменно служат добрые пожелания в счастливый праздник Рождества (“And so, I wish you all, young and old, wherever you may be all the fun and enjoyment and the peace of a very happy Christmas”, “Happy Christmas to you all”, “I wish you all a very happy Christmas”) (Queen Elizabeth II The Christmas..., 1957), (Queen Elizabeth II The Christmas..., 1987), (Queen Elizabeth II The Christmas..., 2021). Речь монарха на открытии государственного парламента начинается с традиционного обращения к членам обеих партий парламента (палате Лордов и палате Общин): “My Lords and Members of the House of Commons”. При изложении планов британского правительства на предстоящий год и предшествующая королева Елизавета II, и король Карл III используют фразу “My government”. При использовании данной фразы в своих речах монарх имеет в виду исполнительную ветвь правительства Соединенного Королевства, которую возглавляет премьер-министр и которая отвечает за повседневное управление страной. Эта фраза подчеркивает конституционный принцип, согласно которому монарх царствует, но не правит. Заканчивается речь традиционной фразой “My Lords and Members of the House of Commons, I pray that the blessing of Almighty God may rest upon your counsels” (Queen Elizabeth II Queen’s speech..., 1994), (Queen Elizabeth II State opening of Parliament speech..., 2021), (King Charles First Speech..., 2023).

В заключении рождественских речей королева часто использует цитирование строк из рождественских книг и песен: “As the carol says, “The hopes and fears of all the years are met in thee tonight” (Queen Elizabeth II The Christmas broadcast..., 2021). Неизменными атрибутами трансляции рождественской речи являются массивный стол, за которым сидит королева, новогодние декорации, цветы и семейные фотокарточки, что вызывает чувство единства народа со своим монархом.

Важно отметить, что речи монархов свойственны выраженная дикция, четкое произнесение звуков и слов с характерным для правящей аристократии британским нормативным произношением.

Особый интерес общественности вызывает церемония коронации, которая традиционно состоит из пяти этапов: признание и клятва, помазание, посвящение и коронация, преклонение, шествие. Изучение обеих коронаций, королевы Елизаветы II и новоиспеченного короля Карла III, выявляет высокую степень схожести, обусловленную строгим протоколом, характеризующим данную церемонию (Queen Elizabeth II Coronation Oath..., 1953a), (King Charles III Coronation Oath..., 2023).

В коронационной речи акцентируется внимание на вере британцев в важность демократии и защиты прав личности: “Parliamentary institutions, with their free speech and respect for the rights of minorities, and the inspiration of a broad tolerance in thought and expression – all this we conceive to be a precious part of our way of life and outlook”. Королева подчеркивает важность монархии и

ее роль в поддержании британских ценностей и традиций: “It gives expression, as I pray it always will, to living principles, as sacred to the Crown and Monarchy as to its many Parliaments and Peoples” (Queen Elizabeth II Coronation..., 1953b).

II. В структуре речей британских премьер-министров имеются свои особенности. Введение первой речи в должности премьер-министра начинается с признания своего назначения монархом и благодарности своему предшественнику за службу. В основной части речи политик обрисовывает текущее состояние страны и проблемы, с которыми они могут столкнуться, например, внутренние или международные вопросы, экономические или социальные проблемы; далее премьер-министр обозначает приоритеты на время своего пребывания в должности; затем премьер-министр подчеркивает важность единства и лидерства, акцентируя внимание на своей приверженности служению всем людям страны, независимо от их политической принадлежности или происхождения. В заключении содержится выражение благодарности за предоставленную возможность служения и призыв к действию для общественности (Speech outside 10 Downing Street as Prime Minister..., 2010), (First speech as prime minister..., 2016), (First speech as Prime Minister..., 2022).

Введение речи на Генеральной Ассамблее ООН содержит основные темы и приоритеты выступления. Основная часть посвящена освещению глобальных проблем, таких, например, как терроризм, распространение ядерного оружия, изменение климата и сокращение бедности; затем описывается конкретный вклад Великобритании в решение данных проблем; премьер-министр также может использовать речь, чтобы обозначить цели внешней политики Великобритании и выразить поддержку ООН в содействии международному сотрудничеству и разрешению конфликтов (Speech to United Nations General Assembly..., 1995).

Вступление речи на партийной конференции содержит в себе приветствие собравшихся и благодарность за их поддержку. В основной части премьер-министр может представить обзор достижений правительства со времени последней партийной конференции; обсудить текущие вызовы, стоящие перед страной; представить новые политические предложения и решения насущных проблем; критиковать оппозиционную партию и ее политику; выступить с посланием, подчеркнув важность объединения как партии, так и страны. В заключении оратор выражает благодарность аудитории и подчеркивает приверженность правительства своей политике (Speech to Conservative Party Conference..., 1980), (Conservative conference speech..., 2017).

Во вступлении речи об отставке премьер-министр объявляет о своем решении уйти в отставку и причинах, лежащих в его основе. В основной части политик размышляет о своем пребывании на посту премьер-министра, освещает свои достижения и выражает благодарность тем, кто поддерживал поли-

тиков на их пути; обозначает проблемы, с которыми столкнулись политики во время пребывания в должности; выражает поддержку и уверенность в способности руководить страной преемнику. В заключении выражается благодарность за предоставленную возможность служить народу (Remarks departing Downing Street..., 1990), (Farewell speech..., 2007), (Resignation speech..., 2019).

К риторическим приемам, используемым британскими премьер-министрами, можно отнести историческую отсылку: “One of the tasks that we clearly have is to rebuild trust in our political system” (Speech outside 10 Downing Street..., 2010); реминисценцию: “And I admired her restlessness to create change. But some mistakes were made. Not borne of ill will or bad intentions. Quite the opposite, in fact. But mistakes nonetheless” (First speech as Prime Minister..., 2022); аллюзию: “The General Assembly first met amid the rubble and gloom of war-damaged London” (Speech to United Nations General..., 1995). Данная аллюзия отсылает слушателя к историческому событию, первому заседанию Генеральной Ассамблеи, что вызывает чувство ностальгии и напоминает слушателям о происхождении Организации Объединенных Наций). В речах премьер-министров часто подчеркивается важность Лондонского Сити (the City of London) как финансового центра и необходимости поддержания конкурентоспособности города в мировой экономике: “And Lord Mayor, on behalf of your guests, I thank you and the City of London for your wonderful hospitality tonight. <...> In the City of London, you provide Britain with a great global asset. <...> And I can tell you tonight that Santander has chosen London as the base of its worldwide investment management business” (Mansion House speech..., 2021a). Политики-ораторы также часто делают акцент на роли Великобритании как глобального лидера и ее приверженности продвижению демократии и верховенства закона. Они склонны подчеркивать исторические связи страны с ООН и ее неизменную приверженность поддержке целей и принципов организации: “And when we look with revulsion, as we should, at the misery of the millions who die in Africa and elsewhere through preventable famine, disease and conflict, the urgency to act is driven not just by conscience but by an inner sense that one day, if we refuse to act, we will reap a dire reward from our refusal. <...> What must now be clear is that the UN can be the instrument of achieving the global will of the people” (Speech to the General Assembly..., 2005).

Премьер-министр нередко использует анекдоты или истории из личной жизни для установления контакта и взаимопонимания с аудиторией. Например, Т. Мэй делилась своей личной историей вступления в Консервативную партию в маленькой деревне в Оксфордшире. Она рассказывала о том, как идеи партии согласуются с ценностями и устремлениями народа, и как они верят в британскую мечту: “A little over forty years ago in a small village in Oxfordshire, I signed up to be a member of the Conservative Party. I did it because it was the party that had the ideas to build a better Britain. <...> That each generation should live the British Dream. And that dream is what I believe in”

(Conservative conference speech..., 2017). В речах британских политиков прослеживается яркое выражение чувства национальной гордости: “Actually, I’ve been very lucky and very blessed and this country is a blessed nation. The British are special. The world knows it. In our innermost thoughts we know it. This is the greatest nation on earth. So, it has been an honour to serve it. I give my thanks to you, the British people, for the times that I’ve succeeded and my apologies to you for the times I’ve fallen short. But good luck”... “Because this country is a Union. Not just a family of four nations. But a union of people – all of us. Whatever our background, the color of our skin, or who we love. We stand together. And together we have a great future” (Farewell speech..., 2007).

В первой речи в должности премьер-министра к особенностям протокола можно отнести тот факт, что речь премьер-министра традиционно начинается с признания монарха и принятия его приглашения сформировать новое правительство, что является символическим актом, который означает признание премьер-министром конституционной монархии и его авторитета как главы государства: “Her Majesty the Queen has asked me to form a new government and I have accepted” (Speech outside 10 Downing Street..., 2010); или “I have just been to Buckingham Palace where Her Majesty the Queen has asked me to form a new government, and I accepted” (First speech as prime minister..., 2016). В речи на Генеральной Ассамблее ООН обращение к ассамблее происходит посредством использования официальной формулировки “Mr. President/Madam President”: “Mr. President, that is a demanding agenda”, “Mr. President, I ask these questions because they need answers” (Speech to United Nations General Assembly..., 1995), (Speech to the General Assembly..., 2005). В речи на партийной конференции премьер-министр в традиционной форме обращается к председателю и выражает благодарность своим коллегам по кабинету министров, заместителя и других членов партии: “Mr. Chairman, ladies and gentlemen, most of my Cabinet colleagues have started their speeches of reply by paying very well-deserved tributes to their junior Ministers” (Speech to Conservative Party Conference..., 1980).

Первая речь нового премьер-министра Великобритании традиционно произносится на Даунинг-стрит, 10, в официальной резиденции премьер-министра, вскоре после встречи с монархом и принятия приглашения сформировать правительство. Речь об отставке, как и первая речь в должности премьер-министра, произносится на Даунинг-стрит, 10, в официальной резиденции и офисе премьер-министра. Существует традиция, согласно которой уходящий премьер-министр оставляет письмо для нового премьер-министра. Письмо обычно остается на столе в кабинете министров или в личном кабинете премьер-министра на Даунинг-стрит, 10. Содержание письма носит личный и конфиденциальный характер и не передается огласке. Эта традиция рассматривается как символ мирной передачи власти и преемственности британского правительства, что также служит напоминанием о весомых

обязанностях канцелярии и важности роли премьер-министра в руководстве страной.

III. Структура речи канцлера в Мэншн-Хаусе соответствует определенной последовательности. Во введении канцлер обрисовывает текущее состояние экономики. В основной части выступления излагаются приоритеты правительства в области финансовых услуг, где присутствует акцент на открытых рынках, конкурентоспособности, технологиях и инновациях, а также устойчивом развитии. После этого излагается подробный план или дорожная карта для достижения упомянутых приоритетов, что включает в себя конкретные политические меры и законодательные предложения. В заключении обсуждается видение будущего страны относительно финансовой политики (The Chancellor's annual Mansion House..., 2013), (Mansion House speech..., 2021a). Во вступлении Бюджетной речи канцлера казначейства Великобритании раскрывается информация об изменениях в экономике. Канцлер казначейства начинает с представления основных тем бюджета, излагая текущее состояние экономики и проблемы, с которыми сталкивается страна. Затем канцлер представляет обновленную информацию об экономических показателях страны и последних экономических прогнозах Управления по бюджетной ответственности (Office for Budget Responsibility). После этого канцлер делает политические заявления, охватывающие целый ряд тем – от налогов и расходов до государственных услуг и экономического роста. В заключении канцлер резюмирует ключевые моменты бюджетной речи и благодарит членов парламента за внимание (Chancellor of the Exchequer's Budget Statement..., 2007), (The Autumn Statement 2022 speech..., 2022).

К риторическим приемам, используемым канцлерами Великобритании, можно отнести аллюзию. Например, аллюзия на крикет во фразе “the left arm opening bowler” создает ощущение товарищества, будто оратор и аудитория – часть одной команды, что помогает установить взаимопонимание и создает позитивный тон речи: “You had to play on, but you leave with our economy now emerging from the Ashes. <...> And as you already know, the Chief Secretary, or as you call him, the left arm opening bowler on the Governor's Eleven, has already confirmed that the Government will support your charity Chance to Shine” (The Chancellor's annual Mansion House..., 2013). Примером реминисценции служит фраза “the old boom and bust”, которая намекает на экономические проблемы, возникшие у страны под руководством предыдущих премьер-министров, и подразумевает, что у нынешнего правительства дела идут лучше: “And we will never return to the old boom and bust” (Chancellor of the Exchequer's Budget Statement..., 2007). Канцлер часто ссылается на исторические события, чтобы подчеркнуть традиции Великобритании в области инноваций и позиционировать страну как лидера в области технологий и финансов: “Now, just as the UK pioneered paper banknotes in the 17th century, the first regulated stock exchange in the 19th, and the first ATM in the 20th, the third part of our vision puts

the UK at the forefront of technology and innovation in the 21st century” (Mansion House speech..., 2021a).

К особенностям протокола речи канцлера в Мэншн-Хаусе можно отнести традиционное начало речи неизменным обращением к Лорд-мэру, губернатору и присутствующим слушателям: “Lord Mayor, Governor, Ladies and Gentlemen” (Mansion House speech..., 2021a). Бюджетная речь канцлера казначейства заканчивается традиционной фразой “I commend this Budget to the House”, что является официальным обращением к членам Палаты общин в целях обсуждения и голосования по представленным предложениям (Chancellor of the Exchequer’s Budget Statement..., 2007), (The Autumn Statement 2022 speech..., 2022). Используя эту фразу, канцлер проявляет уважение к Палате общин и ее членам, признавая их полномочия в утверждении или отклонении бюджета. Это также служит напоминанием о том, что бюджет в конечном счете подлежит парламентскому контролю и что канцлер подотчетен избранным представителям народа.

Отличительными культурно-специфическими особенностями является то, что по традиции канцлер приносит текст своей Бюджетной речи, которую он должен произнести перед Палатой общин, в особенном красном портфеле. Красный портфель канцлера идентичен портфелям, используемым другими министрами для переноски официальных бумаг, но обладает большей известностью под названием «Бюджетный портфель» (Budget Box), так как обычно Канцлер демонстрирует свой портфель с бюджетной речью прессе, утром, перед произнесением самой речи в парламенте. А присутствующий на мероприятии Лорд-канцлер, с 2005 года – Лорд-спикер в Палате лордов, сидит на мешке с шерстью (the Woolsack). Этот обычай происходит из Средних веков, когда Англия была главным экспортером шерсти и шерстяных изделий в Западную Европу и считалась ведущим производителем как по качеству, так и по количеству материала. Единственное изменение традиции теперь состоит в том, что мешок набивают шерстью не только производства Великобритании, но и других стран Содружества, что символизирует их единство.

Стоит отметить: несмотря на то, что в современном обществе многие британцы говорят на различных диалектах и с акцентами, важной особенностью является стремление избранных представителей власти Великобритании использовать британское нормативное произношение, известное как “Received Pronunciation” (RP) или “BBC English”. Политические лидеры могут стремиться к использованию RP по нескольким причинам. В прошлом RP считалось престижным и традиционным образцом произношения, что может быть важно для почитания традиций Великобритании. Использование RP может создавать более профессиональный и привлекательный образ в глазах определенной аудитории, особенно в теле- и радиовещании. Применение RP помогает избежать лингвистических барьеров и препятствий в общении с разными слоями общества. Однако в современном обществе Великобритании требование

использовать RP не так сильно, как в прошлом, и многие политические лидеры могут сохранять свой естественный акцент или диалект, поскольку это может создать более тесный контакт с избирателями. Исходя из этого, стремление к использованию стандартного произношения может варьироваться в зависимости от индивидуальных предпочтений и политических стратегий конкретного политика.

Важной культурно-специфичной особенностью британского политического дискурса является медийность политических лидеров.

В Великобритании королевская семья играет важную роль в политической символике и общественных мероприятиях. Речи монарха, такие как Рождественские послания, являются медийными событиями и часто транслируются по национальным и международным телеканалам. Медийный характер носят обсуждения различных аспектов жизни королевской семьи.

Например, в 2006 году в Королевской военной академии Сандхерст состоялась церемония прощания с принцем Гарри, в ходе которой он был произведен в армейские офицеры. Королева Елизавета II присутствовала на параде суверенов. Во время прохождения Елизаветы II мимо шеренги солдат принц Гарри не смог удержаться от улыбки. Улыбка принца Гарри перед королевой Елизаветой подчеркнула человеческий и семейный аспекты внутри королевской семьи. Этот момент стал предметом обсуждения и восхищения в СМИ (10 of Queen Elizabeth's..., 2022).

В Великобритании премьер-министр является лидером парламентской партии, и его речи, в том числе выступления в Палате общин и интервью со СМИ, имеют большое значение для политического медиапространства.

Интересное медийное событие, связанное с британским премьер-министром, произошло во время выступления Терезы Мэй на конференции Консервативной партии в 2017 году. В ходе своей речи она была прервана комиком Ли Нельсоном, который подошел к ней и попытался вручить ей фальшивый документ об увольнении с поста. Тереза Мэй сначала попыталась улыбнуться и принять документ, но затем охрана быстро удалила Нельсона с площадки.

Этот случай вызвал бурные обсуждения в СМИ, стал объектом шуток и креативных мемов в интернете и подчеркнул неизбежность неожиданных ситуаций, которые могут возникнуть на политических аренах (Британский пранкер прервал выступление..., 2017).

Речи канцлера казначейства, ответственного за финансовую политику, также широко освещаются в медиа, поскольку могут оказать значительное влияние на экономику и социальные вопросы.

Курьезные медийные случаи, связанные с канцлерами казначейства Великобритании, встречаются реже, чем случаи, связанные с монархом или премьер-министром. Канцлер казначейства занимается финансовыми и экономическими вопросами, такими как бюджет, налоговая политика и финансовая стабильность. Его выступления обычно более техничны и мало

подвержены политической риторике и публичным обещаниям, которые привлекают внимание СМИ. Канцлер казначейства, как правило, менее заметная фигура в сравнении с премьер-министром, который является главой правительства. Канцлер, как правило, обращается к более ограниченной, экспертной аудитории, которая заинтересована в финансовых и экономических вопросах. Это означает, что нестандартные моменты в его выступлениях менее заметны для широкой публики. Однако выступления канцлеров могут оказывать сильное воздействие на экономику страны и настроения бизнес-сообщества; их слова и действия влияют на курсы валют, стоимость акций и общее экономическое благополучие. Поэтому даже небольшие ошибки или неудачи в коммуникации со стороны канцлера могут иметь серьезные последствия.

Своеобразное историческое и культурное наследие Великобритании обуславливает специфику публичного политического дискурса, который также находит отражение в медиа.

Речь монарха, речь премьер-министра и речь канцлера, составляющие типологию, рассмотрены индивидуально с целью выявления культурно-специфических особенностей. Однако, в совокупности, три избранных типа речей составляют единое языковое пространство британского политического дискурса.

Выводы

Обобщая результаты, становится ясно, что, несмотря на универсальные черты публичной политической речи, британские политические выступления демонстрируют определенные уникальные характеристики, связанные с культурой, риторикой и историей этой нации. Структура речи, использование риторических приемов, строгое соблюдение речевого протокола, медийность, а также акцент на национальную идентичность и символику – все эти элементы создают уникальный языковой ландшафт политического дискурса Великобритании.

Стоит отметить, что культурная специфика британской публичной политической речи не статична, она постоянно развивается в ответ на меняющиеся политические и социальные условия. Например, социальные сети создали новые возможности и проблемы для политической коммуникации, и политикам приходится находить новые способы взаимодействия с избирателями во все более фрагментированном и разнообразном медиаландшафте. Отметим, что британские риторические традиции и современные медийные технологии существуют в симбиозе, находя плодотворное взаимодействие в контексте политической коммуникации. Этот феномен ярко проявляется в речах премьер-министров и канцлеров Великобритании, где традиционные риторические элементы сочетаются с современными медийными платформами. Например, практика факт-чекинга, широко применяемая в современных

медиа, не только подчеркивает актуальность политических высказываний, но и представляет способ взаимодействия с общественностью (Fact-checking..., 2023). Примером служит обращение премьер-министра к нации, где риторические приемы и структуры, унаследованные от предыдущих эпох, тесно переплетаются с пониманием того, какое влияние имеют слова на общественное мнение. Суть факт-чекинга заключается в анализе данных и сопоставлении их с проверенными источниками для определения верности утверждений. В политическом контексте факт-чекинг играет важную роль в контроле над утверждениями и заявлениями политиков, помогая избирателям и обществу оценить достоверность данных и принимать взвешенные решения. Путем обнаружения и раскрытия недостоверных утверждений факт-чекеры и медиа оказывают давление на политиков, стимулируя их к предоставлению точных и подтвержденных данных. Факт-чекинг подчеркивает важность точности и достоверности информации, а также показывает, как современные медийные практики взаимодействуют с традиционными риторическими методами, формируя комплексное и эффективное средство политической коммуникации.

Даже в контексте монархического дискурса, в соответствии с платформой “Skynews”, где каждый в преддверии коронации в 2023 году мог оставить послание монарху, прослеживается влияние политических лидеров на общественное мнение (Coronation messaged for King..., 2023). На платформе отражены как положительные, так и негативные аспекты отношения к коронованной власти. Таким образом, британские политики смело идут на взаимодействие с общественностью через современные медийные технологии, сочетая их с риторическими традициями.

Британское публичное политическое выступление – это сложная форма коммуникации, которая отражает культурные и политические ценности Соединенного Королевства. Его ключевые особенности включают важность национальной идентичности, использование риторических приемов, формальность и церемониальность, подчеркнутое почитание истории и традиций страны.

Современные медийные технологии добавляют новые измерения в эту динамику. Взаимодействие с общественностью через социальные сети, интернет-платформы и цифровые каналы усиливает воздействие политических выступлений, обеспечивая прямой доступ к широкой аудитории и позволяя политикам выражать свои взгляды, а также принимать обратную связь. Современные лидеры осознают необходимость адаптироваться к медийному ландшафту, внедряя современные коммуникационные техники в свои выступления и заявления. Факт-чекинг, виртуальные интеракции, онлайн-кампании и диалоги с общественностью через платформы, такие как веб-сайты, социальные сети и виртуальные мероприятия, стали неотъемлемой частью современной политической коммуникации.

Список литературы

- Atkins, J., Finlayson, L., Martin, J., & Turnbull, N. (2014). *Rhetoric in British Politics and Society*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137325532>
- Fullfact.org. (2023). Fact-checking. <https://fullfact.org/economy/prices/>
- Gov.uk. (2010). Speech outside 10 Downing Street as Prime Minister by Cameron D. <https://www.gov.uk/government/speeches/david-camerons-speech-outside-10-downing-street-as-prime-minister>
- Gov.uk. (2013). The Chancellor's annual Mansion House speech by Osborne G. <https://www.gov.uk/government/speeches/speech-by-chancellor-of-the-exchequer-rt-hon-george-osborne-mp-mansion-house-2013>
- Gov.uk. (2021). Mansion House speech by Sunak R. <https://www.gov.uk/government/speeches/mansion-house-speech-2021-rishi-sunak>
- Gov.uk. (2022a). First speech as Prime Minister by Sunak R. <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-minister-rishi-sunaks-statement-25-october-2022>
- Gov.uk. (2022b). The Autumn Statement 2022 speech by Hunt J. <https://www.gov.uk/government/speeches/the-autumn-statement-2022-speech>
- Johnmajorarchive.org.uk. (1994). Queen Elizabeth II Queen's speech. <https://johnmajorarchive.org.uk/1994/11/16/text-of-the-queens-speech-16-november-1994/>
- Johnmajorarchive.org.uk. (1995). Speech to United Nations General Assembly by Major. J. <https://johnmajorarchive.org.uk/1995/10/23/mr-majors-speech-to-united-nations-general-assembly-23-october-1995/>
- Margaretthatcher.org. (1980). Speech to Conservative Party Conference by Thatcher M. <https://www.margaretthatcher.org/document/104431>
- Margaretthatcher.org. (1990). Remarks departing Downing Street by Thatcher M. <https://www.margaretthatcher.org/document/108258>
- News.sky. (2023). Coronation messaged for King. <https://news.sky.com/story/your-coronation-messages-for-king-charles-12871453>
- Nytimes.com. (2019). Resignation speech by May T. <https://www.nytimes.com/2019/05/24/world/europe/may-speech.html>
- Reuters. (2007). Farewell speech by Blair T. <https://www.reuters.com/article/uk-britain-blair-speech-idUKL1054376720070510>
- Rev.com. (1957). Queen Elizabeth II The Christmas broadcast. <https://www.rev.com/blog/transcripts/the-christmas-broadcast-1957-transcript>
- Rev.com. (2021). Queen Elizabeth II State opening of Parliament speech. <https://www.rev.com/blog/transcripts/queen-elizabeth-ii-state-opening-of-parliament-speech-transcript>
- Rev.com. (2023). King Charles First Speech to the House of Lords. <https://www.rev.com/blog/transcripts/king-charles-first-speech-to-the-house-of-lords-transcript>

- Royal.uk. (1953a). Queen Elizabeth II Coronation Oath. <https://www.royal.uk/coronation-oath-2-june-1953>
- Royal.uk. (1953b). Queen Elizabeth II Coronation speech. <https://www.royal.uk/coronation-day-speech-2-june-1953>
- Royal.uk. (1987). Queen Elizabeth II The Christmas broadcast. <https://www.royal.uk/christmas-broadcast-1987>
- Royal.uk. (2021). Queen Elizabeth II The Christmas broadcast. <https://www.royal.uk/christmas-broadcast-2021>
- Scmp.com. (2022). 10 of Queen Elizabeth's funniest moments from mic drops with Barack Obama and Prince Harry, and banter with Justin Trudeau and George W. Bush, to that Olympics video with Daniel Craig. <https://www.scmp.com/magazines/style/celebrity>
- Spectator.co.uk. (2017). Conservative conference speech by May T. <https://www.spectator.co.uk/article/theresa-may-s-conservative-conference-speech-full-text/>
- Thestar.com. (2023). King Charles III Coronation Oath. <https://www.thestar.com/news/world/royals/2023/05/06/oath-full-text-coronation-king-charles.html>
- Un.org. (2005). Speech to the General Assembly at the UN World Summit by Blair T. <https://www.un.org/webcast/summit2005/statements/uk-blair050914eng.pdf>
- Washingtonpost.com. (2016). First speech as prime minister by May T. <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/07/13/full-transcript-may-promises-bold-new-positive-role-for-britain-after-brexite/>
- Webarchive.nationalarchives.gov.uk. (2007). Chancellor of the Exchequer's Budget Statement by Brown G. https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/+http://www.hm-treasury.gov.uk/bud_budget07_speech.htm
- Rtvi.com. (2017). Британский пранкер прервал выступление Терезы Мэй. <https://rtvi.com/news/5086/>
- Алёшина, Е. Ю. (2015). Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. Прометей.
- Алёшина, Е. Ю. (2020). Публичное выступление, посвященное политическому конфликту. Прометей.
- Блох, М. Я. (2013). Дискурс и системное языкознание. Язык. Культура. Речевое общение, 1, 5–11.
- Блох, М. Я., & Фрейдина, Е. Л. (2011). Публичная речь и её просодический строй: Монография. Прометей.
- Швейцер, А. Д. (2012). Глазами переводчика: Из воспоминаний. Р. Валент.

References

- Aleshina, E. Yu. (2015). Publichnyi politicheskii diskurs konfliktnoi situatsii. Prometey. (In Russian).
- Aleshina, E. Yu. (2020). Publichnoe vystuplenie, posvyashchennoe politicheskomu konfliktu. Prometey. (In Russian).

- Atkins, J., Finlayson, L., Martin, J., & Turnbull, N. (2014). *Rhetoric in British Politics and Society*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137325532>
- Blokh, M. Ya. (2013). Diskurs i sistemnoe yazykoznanie. *Yazyk. Kultura. Rechevoe Obshchenie*, 1, 5–11. (In Russian).
- Blokh, M. Ya., & Freydina, E. L. (2011). *Publichnaya rech i yeyo prosodicheskii stroi: Monografiya*. Prom- etey. (In Russian).
- Fullfact.org. (2023). Fact-checking. <https://fullfact.org/economy/prices/>
- Gov.uk. (2010). *Speech outside 10 Downing Street as Prime Minister by Cameron D.* <https://www.gov.uk/government/speeches/david-camerons-speech-outside-10-downing-street-as-prime-minister>
- Gov.uk. (2013). *The Chancellor's annual Mansion House speech by Osborne G.* <https://www.gov.uk/government/speeches/speech-by-chancellor-of-the-exchequer-rt-hon-george-osborne-mp-mansion-house-2013>
- Gov.uk. (2021). *Mansion House speech by Sunak R.* <https://www.gov.uk/government/speeches/mansion-house-speech-2021-rishi-sunak>
- Gov.uk. (2022a). *First speech as Prime Minister by Sunak R.* <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-minister-rishi-sunaks-statement-25-october-2022>
- Gov.uk. (2022b). *The Autumn Statement 2022 speech by Hunt J.* <https://www.gov.uk/government/speeches/the-autumn-statement-2022-speech>
- Johnmajorarchive.org.uk. (1994). *Queen Elizabeth II Queen's speech.* <https://johnmajorarchive.org.uk/1994/11/16/text-of-the-queens-speech-16-november-1994/>
- Johnmajorarchive.org.uk. (1995). *Speech to United Nations General Assembly by Major. J.* <https://johnmajorarchive.org.uk/1995/10/23/mr-majors-speech-to-united-nations-general-assembly-23-october-1995/>
- Margaretthatcher.org. (1980). *Speech to Conservative Party Conference by Thatcher M.* <https://www.margaretthatcher.org/document/104431>
- Margaretthatcher.org. (1990). *Remarks departing Downing Street by Thatcher M.* <https://www.margaretthatcher.org/document/108258>
- News.sky. (2023). *Coronation messaged for King.* <https://news.sky.com/story/your-coronation-messages-for-king-charles-12871453>
- Nytimes.com. (2019). *Resignation speech by May T.* <https://www.nytimes.com/2019/05/24/world/europe/may-speech.html>
- Reuters. (2007). *Farewell speech by Blair T.* <https://www.reuters.com/article/uk-britain-blair-speech-idUKL1054376720070510>
- Rev.com. (1957). *Queen Elizabeth II The Christmas broadcast.* <https://www.rev.com/blog/transcripts/the-christmas-broadcast-1957-transcript>
- Rev.com. (2021). *Queen Elizabeth II State opening of Parliament speech.* <https://www.rev.com/blog/transcripts/queen-elizabeth-ii-state-opening-of-parliament-speech-transcript>

- Rev.com. (2023). King Charles First Speech to the House of Lords. <https://www.rev.com/blog/transcripts/king-charles-first-speech-to-the-house-of-lords-transcript>
- Royal.uk. (1953a). Queen Elizabeth II Coronation Oath. <https://www.royal.uk/coronation-oath-2-june-1953>
- Royal.uk. (1953b). Queen Elizabeth II Coronation speech. <https://www.royal.uk/coronation-day-speech-2-june-1953>
- Royal.uk. (1987). Queen Elizabeth II The Christmas broadcast. <https://www.royal.uk/christmas-broadcast-1987>
- Royal.uk. (2021). Queen Elizabeth II The Christmas broadcast. <https://www.royal.uk/christmas-broadcast-2021>
- Rtvi.com. (2017). Britanskii pranker prerval vystuplenie Terexy Mey. <https://rtvi.com/news/5086/> (In Russian).
- Scmp.com. (2022). 10 of Queen Elizabeth's funniest moments from mic drops with Barack Obama and Prince Harry, and banter with Justin Trudeau and George W. Bush, to that Olympics video with Daniel Craig. <https://www.scmp.com/magazines/style/celebrity>
- Shveytser, A. D. (2012). Glazami perevodchika: Iz vospominanii. R. Valent.
- Spectator.co.uk. (2017). Conservative conference speech by May T. <https://www.spectator.co.uk/article/theresa-may-s-conservative-conference-speech-full-text/>
- Thestar.com. (2023). King Charles III Coronation Oath. <https://www.thestar.com/news/world/royals/2023/05/06/oath-full-text-coronation-king-charles.html>
- Un.org. (2005). Speech to the General Assembly at the UN World Summit by Blair T. <https://www.un.org/webcast/summit2005/statements/uk-blair050914eng.pdf>
- Washingtonpost.com. (2016). First speech as prime minister by May T. <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/07/13/full-transcript-may-promises-bold-new-positive-role-for-britain-after-brexite/>
- Webarchive.nationalarchives.gov.uk. (2007). Chancellor of the Exchequer's Budget Statement by Brown G. https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/+http://www.hm-treasury.gov.uk/bud_budget07_speech.htm

Cultural Indicators of New Generation Journalism Practices Implemented by Transnational News Agencies in Turkey in the Context of Earthquake Reporting

Serhat Yetimova

Sakarya University, Sakarya, Turkey. Email: [serhaty\[at\]sakarya.edu.tr](mailto:serhaty[at]sakarya.edu.tr)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5674-0284>

Received: 15 July 2023 | Revised: 29 September 2023 | Accepted: 7 October 2023

Abstract

This study investigates how the transnational news agencies BBC, The Voice of America, Sputnik, Euronews and Al Jazeera Turk, which broadcast in Turkish that use new generation media tools by focusing on the news they developed about earthquakes in Turkey. Using the thematic content analysis method, the article compares new generation media theory and disaster journalism with practical applications and reaches conclusions involving a number of cultural differences. The main problem of the research is that earthquake reporting in Turkey is not effective enough in the national press. The aim of the study is to determine which applications are used by the news agencies that make effective earthquake reporting by using new generation media tools in the earthquake processes. The transnational news media active in Turkey produced news about the earthquake in a wide variety of contexts. When I consider the thematic contexts it is seen that city culture, preventive policies, building technology, education, psychological and sociological causes and effects often coexist. It is also seen that transnational news agencies play an important role in raising the phenomenon of journalism with a high level of political engagement in Turkey to a level of professionalism that takes care of the public interest.

Keywords

New Generation Media; Transnational News Agencies; Turkish Media; Earthquake Reporting; Alternative Media; Earthquake Journalism; Media Literacy; Turkish Digital Media; New Media Tools

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Культурные индикаторы журналистской практики нового поколения, реализованные транснациональными информационными агентствами в Турции в контексте освещения землетрясений

Йетимова Серхат

Университет Сакаръя. Сакаръя, Турция. Email: [serhaty\[at\]sakarya.edu.tr](mailto:serhaty[at]sakarya.edu.tr)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5674-0284>

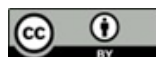
Рукопись получена: 15 июля 2023 | Пересмотрена: 29 сентября 2023 | Принята: 7 октября 2023

Аннотация

В этом исследовании изучается, как транснациональные информационные агентства BBC, The Voice of America, Sputnik, Euronews и Al Jazeera Turk, ведущие вещание на турецком языке, используют медиа-инструменты нового поколения, концентрируясь на новостях, которые они подготовили о землетрясениях в Турции. С использованием метода тематического контент-анализа в статье сравниваются теория СМИ нового поколения и журналистика катастроф с практическим применением. Автор приходит к выводам, учитывающим ряд культурных различий. Основная проблема с точки зрения исследования заключается в том, что освещение землетрясений в Турции недостаточно эффективно в национальной прессе. Цель статьи – определить, какие приложения используются информационными агентствами, которые делают эффективные репортажи о землетрясениях, используя медиа-инструменты нового поколения в процессах, связанных с землетрясениями. Международные средства массовой информации, работающие в Турции, публиковали новости о землетрясении в самых разных контекстах. Рассматривая тематический контекст, можно заметить, что городская культура, профилактическая политика, строительные технологии, образование, психологические и социологические причины и следствия часто сосуществуют. Видно также, что международные информационные агентства играют важную роль в повышении феномена журналистики с высоким уровнем политической активности в Турции до уровня профессионализма, который заботится об общественных интересах.

Ключевые слова

СМИ нового поколения; международные информационные агентства; турецкие СМИ; репортажи о землетрясениях; альтернативные медиа; журналистика о землетрясениях; медиаграмотность; турецкие цифровые медиа; новые медиа-инструменты

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция»)4.0 [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Introduction

Recent natural disasters such as earthquake and climate in Turkey have increased the importance of field reporting specific to these spheres. Many scientists have come to shout about the importance of field reporting in the sense of earthquake reporting. One of the most important issues in field reporting is undoubtedly earthquake journalism. The examples of such journalism, which requires certain scientific equipment, will be examined through the cases in point, presented by transnational news agencies in Turkey. It is seen that 16 international media organizations are currently operating in Turkish (Karaduman, 2019, p.471-477).

This research is limited to the examples presented by Turkish versions of BBC, *The Voice of America*, *Sputnik*, *Euronews* and *Al Jazeera Turk*. The reason for this limitation is that the mentioned media organizations are pioneers in new generation journalism practices. Other news agencies have relatively few or almost none examples of new generation journalism practices. This research, in which content analysis method will be used, tries to understand how earthquake news in the digital platforms of transnational news agencies that produce Turkish content are produced with new generation media techniques. Such a study will mediate people gain a panoramic view of earthquake reporting in Turkey to raise awareness and gain in-depth analysis.

After the Kahramanmaraş earthquake of February 6, 2023, there has been a significant increase in earthquake-oriented news content in national and international media. This increase may be directly related to propaganda activities, as well as include multidimensional analyzes of the causes and effects of the earthquake. Considering the educational and informative news about earthquake journalism in the national media, it is seen that earthquake news is far from the sensitivity of disaster journalism and serves more as a political propaganda mechanism. It is necessary to make an examination through specific examples on this subject; however, this study does not claim to make such an analysis, but examines how qualified and internationally professional media organizations use the new generation journalism practices by focusing on the content produced by them.

The new generation journalism applications contain a series of techniques and technologies that will help the news with complex and multifaceted features to be understood more easily. Understanding how these techniques and technologies are used and focusing on certain examples will also make scientific and professional efforts in a field such as a disaster or earthquake reporting visible.

The above-mentioned international and glocal¹ news platforms show that they use new generation journalism practices effectively and in various ways, as well as reporting on the geological, sociological, cultural, psychological and educational aspects of the earthquake in addition to the political discussions, and they also

1 This concept is used for the structure of international/global (mostly Europe-based) news agencies broadcasting in Turkish in Turkey.

show that they have adopted an approach towards fact reporting beyond event reporting.

In addition, the content on the aforementioned international news platforms helps to develop its potential and raise awareness on this issue by reporting not only the problems in Turkey but also the strengths of Turkey. As a matter of fact, the related news of BBC Turkish, “Why does Turkey, which teaches the Netherlands to build earthquake-resistant houses, suffer so much destruction?” provided an example that supports this approach. In the related news, Rudi Roijackers from the Dutch Builders Association states that “Experts from Turkey taught us how to build earthquake-resistant buildings in the Groningen region of the Netherlands, where there is constant tremor”, and underlines that Turkish construction companies abroad act in accordance with the relevant country’s legislation. “However, according to the Dutch administrator, high-intensity earthquake-resistant buildings cannot be constructed due to the lack of supervision in Turkey and the very expensiveness of this method” (Özkan, 2023).

National news sites, agencies or channels in Turkey were not included in the study. There are many reasons for this. Academic studies show that the political engagements of national press and media organizations are quite frequent, intense and visible. Apart from this, it is seen that the national media tend to make more sensational news in order to get ratings and more income.

Erdoğan (2006) clarified the approach of the national press in Turkey to earthquake reporting in his remarkable research titled “Journalism Concepts of National and Local Newspapers in Turkey: A Comparative Analysis of Earthquake News” in the field of earthquake reporting:

Research findings have shown that news that uses gloom, unhappiness and sad depression to activate people’s emotions can often take place in newspapers in terms of attracting people’s attention. Considering the data obtained in the research, the earthquake news published in the *Hürriyet* newspaper included more dramatic and tragic elements, sensationalist and panic-inducing elements compared to the *Yeni Asır* Newspaper. However, it is seen that the common elements that determine the value of earthquake news published in national and local newspapers are sensational, dramatic and tragic elements.(...) However, as can be seen in the particular of *Hürriyet* and *Yeni Asır* newspapers, while the newspapers give relatively more space to the views, actions and decisions of the political elite in earthquake news in the context of ‘connection with the elite’, the journalism concept of the mentioned newspapers intersects at the point of ‘elite reporting’ (Erdogan, 2006, p.63).

According to the “Media Ownership Monitoring Report” (MOM, 2016) based on official sources such as the Reuters Institute Digital News Report, Printed Media Statistics, TurkStat (TÜİK) and CİMER (Republic of Turkey Presidential Communication Centre), the total number of newspapers published in Turkey in 2020 is 2,164. According to August 2021 data, 943 radio stations and 475 television channels are on the air in Turkey. According to the related report, it is seen that all groups except Aesthetic publishing in the opposition wing are involved in the intense engagement in favour of the government. On the other hand, the Independent Communication

Network (BiANET) has been monitoring and reporting violations of freedom of speech since 2001. According to the Independent Communication Network's observation reports, it is seen that the political engagement of the current national media is at an advanced level (Bianet, 2023; Karan, 2022). All these data pave the way for the national media in Turkey to be able to produce biased, limited news in favour of the political elites on earthquake reporting. For this reason, the contents produced in the national media were not included in the research.

On the other hand, according to research-news in *Journo*, pro-government national media organizations are trying to generate income by making empty SEO news of their news content in order to get more clicks and profits. The following statements are included in the related article:

The big media organizations under the control of the government have been making "SEO" news almost every day for 3 weeks, with questions such as "How much was the death toll in the earthquake" and "how many injured". In recent days, none of these news stories have answers to these questions. Despite this, Google, which earns money by receiving an advertising commission from these news sites with each click, ranks the "SEO fraudulent" content of the ruling media at the top in almost all searches. Millions of users are directed to empty "photo galleries" on pages full of ads. (...) As of today, in this search, the Google algorithm recommends very similar "news" from CNN Türk, Sabah, Milliyet, Fotomaç and Habertürk (*Journo*, 2023).

Methodology

This research is limited to the examples presented by Turkish versions of BBC, *The Voice of America*, *Sputnik*, *Euronews* and *Al Jazeera Turk*. BBC Turkish shared an 8-page news series with the tag "6 February earthquake". BBC Turkish does not have a search engine. For this reason, it is not possible to search for "earthquake" in the general plan. When I search *Euronews* with the word "earthquake", a total of 1454 news items are found. 524 news content is presented regarding the Kahramanmaraş earthquake. In the *Voice of America* (VOA), 2873 news items can be found by searching for "earthquake", while 769 results are found when searching for "Kahramanmaraş earthquake". While 8204 news items can be found by searching for "earthquake" in *Sputnik Turkey*, there are 2670 results when searching for "Kahramanmaraş earthquake". Since *Al Jazeera Turk* suspended its broadcasts in Turkey in 2017, earthquake news from previous years was examined. While the number of news is not given in *Al Jazeera Turk*, various earthquake-themed news files have been prepared. In the research, not all news was scanned, but analyses were made only by looking at the presentation of the news in which "new generation media technologies" were applied. For this reason, thematic content analysis was performed, not frequency analysis.

The news agencies examined within the scope of the research were subjected to thematic analysis and also examined according to cultural and ideological discourse analysis related to how they use "new generation media technologies".

Therefore, dual mixed method was used in the research. Van Dijk's critical discourse analysis method was used together with thematic content analysis methods for the use of "new generation media technologies".

In the context of critical discourse analysis, the ownership structure of BBC, Voice of America, Sputnik, Euronews and Al Jazeera Turk were examined within the scope of the research. In addition, the transnational media journalism approach is discussed in the context of power relations. Afterwards, the contents of these news agencies were analyzed regarding how they use new-generation media technologies in the sense of media capitalism.

According to Van Dijk (2015, p.135-136), technological and visual language is also a tool of ideological discourse. The frequency and type of digital technologies used are also part of an ideological discourse. According to Van Dijk (2013, p.32-33), memory is divided into two and news mediates the strengthening of social memory. Some thinkers who defend the media and control thesis argue that the media is a capitalist control tool. The hypothesis of the research is that Western media (BBC, Voice of America, Euronews) uses new-generation media technologies more effectively than Eastern media (Sputnik and Al Jazeera Turk) to control media and news flow. In the context of the critical ideological discourse analysis suggested by Dijk, the media policies, institutional structures of the news agencies subject to this research, the ethical characteristics of earthquake journalism and transnational agency journalism were evaluated together and their relationship with media technology was discussed together, too.

New Generation News Technologies

In the complex news universe created by information technologies, new-generation news platforms are needed. Digital tools such as filtering, labelling and design have become a vital necessity in order to catch the truth in the information and news chaos. Digital tools and expertise are needed to enable a coherent and comprehensive perspective in a virtual world where video, audio and text attacks occur from anywhere. When the new generation news organizations are mentioned, it is necessary to understand that an ease in this direction is offered to the benefit of the reader.

The following news sites can be given as examples of platforms using New generation journalism applications in Turkey: Journo, Doğruluk Payı, Teyit.org, Yeşil Gazete, 140journos, Dünyahalleri, Eđitimpedia, Medyascope, Bianet, Anadolu Agency (Turkish National News Agency) and Turkish versions of DW, Euronews, BBC, Vocie of America, Al Jazeera, Independent (etc.) (Yetimova, 2020).

According to the news in Journo (2016) and Al Jazeera Turk (Kılıç, 2015), the impossibility of following all the news due to the size of the data flow necessitates the emergence of a new set of tracking tools. They develop the following types of tools to follow the news on these sites effectively and comprehensively: video-news, virtual reality applications, 3D animations, games, interactives, graphics, and

timelines in general. However, there are more new generation news tracking technologies on such new generation news platforms as can be found in the following articles explained (Kılıç, 2015):

- Social and mobile videos with duration between 1 and 5 minutes, enhanced by text, graphics, voiceovers and music: These videos are served with original colour, graphic and text content. In this way, it can be prevented from using it in the form of “plagiarism” by others. There are 3 different types of social/mobile videos: News Stories use more animated images and descriptive text, while Video Explainers go a step further and the news is supported by graphics. In V/presenters, there is a presenter in addition to the above. It is seen that this person uses a critical and humorous language instead of an official language.
- All efforts are made to become a brand in the news.
- One of the features of these platforms is that they use interactives. In these applications, users decide for themselves which part of the news they will read.
- Infographics are also used effectively on these platforms. The purpose of these is to see the whole subject with Images or visuals.
- The use of maps and charts is another prominent feature. The purpose of these is to establish relations between events and facts in the same way. Charts are used to make sense of the relationship between the stakeholders, elements and subjects of the news.
- There are also tests and news games on these platforms. The purpose of this application is to make the news more interesting for the user in a game logic and to increase the user’s knowledge. As to the news games on these platforms that has been developed to attract the attention of young people in this way, it ensures that the news is followed in a number of stages. Only those who complete a stage can move on to other parts of the news.
- There are also gifts on these platforms. The feature of this application is that by taking sections from a video, it clarifies the subject with an image collage and turns it into news. It is mostly seen on *Tumblr*, *Facebook* and *Twitter*.
- Virtual reality applications are also available on these platforms. This function can be explained as the meeting of the simulations with the news, which gives the feeling of being there. The *BBC* and *The New York Times* newspapers became the media organs that used virtual reality technology in news for the first time in 2015. In September 2015, the *BBC* filmed refugees in Calais, on the English Channel, using this method.
- These platforms also use drone technologies effectively: The use of drones as a technology in the field of journalism has become widespread after 2011.

Although hot air balloons, helicopters or planes were used in journalism in the past, they could not become widespread due to their high cost, which led to the widespread use of drones (Jarvis, 2014, p.9 as cited in Kavaklı 2018, p. 162-163).

- Algorithmic journalism is also a technology frequently used by these platforms. Algorithmically generated texts are often indistinguishable from text written by real journalists. It is created in greater numbers and in a much shorter time than the editorial possibilities. The main purpose of this form of journalism is to save time and human effort. In other words, the problem of material resources, time and space in traditional journalism disappears in algorithmic journalism. After entering the relevant data about an event occurring in any part of the world, these data are processed by algorithms and the news text is written. This gives editors or editorial directors a field of activity and courage that they have never experienced in the past. On the other hand, it eliminates the requirement of making a very important and intense effort and minimizes the need for human beings. (Bulut, 2019, p.299-301).

The Associated Press which is one of America's central news agencies, also heavily uses new generation journalism technologies on its platform. The images shared below show the examples presented in terms of new generation journalism techniques (Yetimova, 2017, p.222-231):

- Interactive visuals
- Photogram news
- News search engine and thematic optimization
- Textual stories supported by video
- 360 degree animated visuals
- Virtual reality applications
- Simulation
- Augmented reality
- Short documentaries
- Timeline
- Thematic segmentation/classification
- Fictional and aesthetic design

Illustrated and coloured words or quotations are used among the news texts on a new generation news site such as *Journo* (journos.com). In addition, there are surveys at the end of the news about whether the content satisfies the reader or not. The news order of the platform, which also has an English section,

is in the form of large square Images. In addition, it is seen that large size, aesthetic and effective visuals are used in the news related to each theme (Yetimova, 2020, p.53).

Examining the earthquake news, *Journno* uses a wide variety of graphics in his news titled “News sites give more space to expert opinions than newspapers and TVs” [Haber siteleri uzman görüşlerine, gazete ve TV’lerden daha çok yer veriyor]. The news is based on the reproduction of academic research in this field with different statistics. In the related news, it is seen that technical data design sites named Datawrapper, Flourish Studio and Google Docs are used. A link to the available statistics is also provided in Excel format. In addition, references to the original sources of the articles in the news are also included on the relevant page (Kara, 2023).

Figure 1. Journno heavily uses statistical data in earthquake reporting.

The importance of technical knowledge is always expressed in field reporting. Based on this principle, *Journno* tried to explain the concepts in the earthquake literature, their meanings in local and foreign dictionaries, and the technical aspects of the concept with visuals and graphics. This approach is one of the important indicators of new generation media journalism (Derin, 2023):

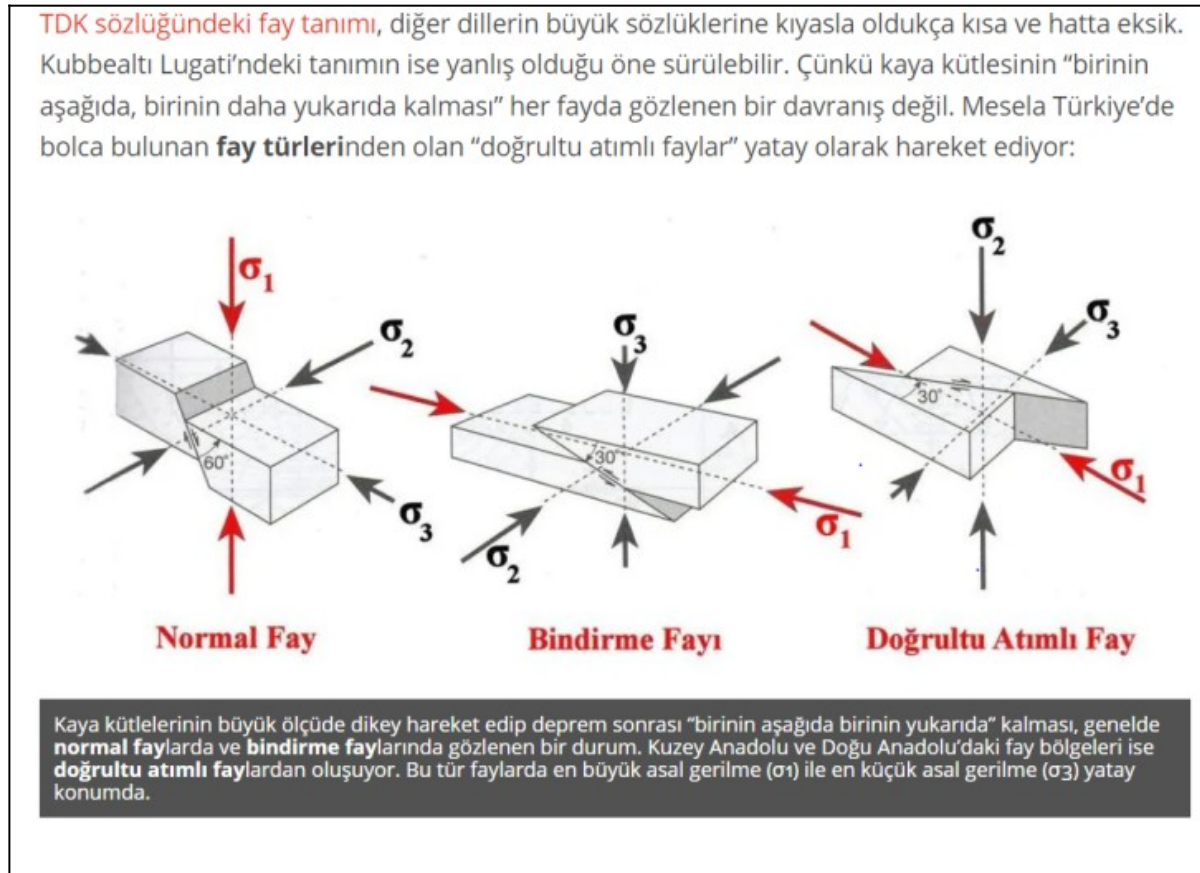

Figure 2. Graphic designs are also active on Journo

An example of new generation journalism that draws attention in Journo is the creation of interactive news sections. The news content with animated visuals named "Earthquake journalism: All episodes in the Journo article series (06.03.2023)" [Deprem haberciliği: Journo yazı dizisinde tüm bölümler], prepared with Flourish's Interactive content feature, is designed as 10 sections. In the news directory, where all sections can be opened by clicking on one place, there are news of independent journalists working in the national, international and local press.

Figure 3. Interactive News Sections on Journo as One Page

Transnational News Agencies and Ideological Features of Transnational Journalism

The BBC, which stands for British Broadcasting Corporation, is a public broadcasting organization that broadcasts with the financial support of the state and the public. The British Broadcasting Company Ltd was established as a private company in 1922. In 1925, the company was liquidated and in 1927 it restarted

broadcasting as a public institution under the name British Broadcasting Corporation. Although the BBC has responsibility to parliament, it continues its work independently. The *Voice of America* (VOA) is an international broadcasting organization funded by the United States government on February 1, 1942. VOA is the largest international broadcaster in the United States, and it produces digital, TV and radio content in more than 40 languages worldwide. It is headquartered in Washington, DC and is overseen by the Governors Broadcasting Board (BBG), an independent agency of the US government. *The Voice of America* has been broadcasting in Turkish since 1942. *Euronews* was founded in Lyon, France, in 1993. *Euronews* has developed the world's first global media adapting the "glocal" news brand to the expectations of many local audiences. *Euronews* is a major institution reaching nearly 400 million homes in 160 countries. In terms of audience numbers, *Euronews* is the news channel with the highest audience rate on the European continent. *Al Jazeera*, a Qatar-based news channel, was established in 1996 with the financial support of the Emir of Qatar. In April 1996, BBC *World's* Saudi Arabia-based Arabic channel was closed, and most of the channel's employees moved to *Al Jazeera*. Although the channel first started broadcasting only with current news about the Arab world, it has since included other thematic channels. The channel attracted worldwide attention with its broadcasts and especially after the September 11 attacks on the US Twin Towers in 2001. *Sputnik* is an international media organization based in Moscow, launched on 10 November 2014 by the Russian media group 'Rossiya Segodnya' [Russia Today]. *Sputnik*, which has offices in different parts of the world, broadcasts through its website and radio in 130 cities covering 34 countries. *Sputnik's* regional offices are located in various regions and countries around the world, including the United States (Washington), China (Beijing), France (Paris), Germany (Berlin), Egypt (Cairo) and the United Kingdom (London and Edinburgh). Focused on international audiences, the agency mainly reports on world politics and economy (Karaduman, 2019, p.471-474).

Russ-Mohl, who studies the cultural characteristics of the European media, draws attention to the localization of the press while the ownership of the European media is globalizing. In other words, European societies demand more local, regional or national news. Although the European Journalism Centre (EJC) sets certain standards, there is no common approach to European journalism in Europe. Yes, EU journalism and journalism focused on EU policies are showing a significant increase. However, some studies show that the European media do not agree on the transition to the common currency, for example the Euro. The EU-type journalism model is not a structure where everyone thinks the same things and the majority shares the same opinion. EU media is a media model that is open to intellectual, philosophical, ideological and political differences and values investigative journalism. According to Gianfranco Fabi, the press, newspapers and media organizations in the EU are media that have accepted this media policy of the EU as a fundamental value. Research conducted by the American Media Monitor and

the German Medien Tenor think tanks showed that the EU media did not have a common attitude regarding Euro policies. This situation also occurred during the preparation of the EU constitution. All these data show that there is no common EU media identity and culture. Europeanness manifests itself more as news language and polyphony (Arsan, 2008, p. 117-119).

There are also some studies on British and French journalism. Olivier Baisnée's research on Brussels journalism revealed that the British think differently from the French. According to this research, British journalists do not stay in Brussels for very long. The reason for this is the professional deformation and loss of impartiality they will experience if they stay for a long time. The French, on the other hand, think that spending a long period of time will bring professional maturity. This is the reason why, while British journalists change every 3-4 years, French journalists prefer to spend a period of 10 years in Brussels. This situation shows that a common culture and identity of EU-type journalism has not been formed (Arsan, 2008, p. 120).

Transnational EU media, on the other hand, expresses the aim of this polyphonic, liberal and institutional structure of the EU to extend beyond the European continent and influence the media of other countries. It aims to break the information and cultural oligarchy in the context of freedom of expression in the information society. Manuel Castells' network society theory requires defending the thesis that the EU is actually a network society (Arsan, 2008, p. 113).

From this perspective, transnational EU news media is an entrepreneurial model that tries to spread the EU discourse in countries outside the EU through transnational commercial collaborations. This model affects EU entrepreneurs as well as EU people. EU citizens or entrepreneurs need transnational news channels where they can follow developments in countries outside the EU in their own language and cultural discourse. This expectation is related to the need for them to be sure that they carry out their touristic, cultural, educational, academic and commercial exchanges on a healthy basis.

Global communication networks, local audiences and ambiguous legal regulations make it difficult for the state to control media and communication systems and cause them to evolve into a commercial structure. Except for China, Singapore and the Islamic fundamentalist world, there is hardly a country in which the media business structure did not undergo privatization in the 1980s and 1990s. This includes government channels. There are two points in privatization: viewer ratings and advertising revenues. The factors that stumble the nation state and its media are seen as follows (Castells, 2006, pp. 401-404):

- Globalization and intertwining of property
- Flexibility and pervasiveness of technology
- Autonomy and diversity of the media
- Common satellite costs

- Cable TV
- Global media; nowadays, every locality is in the trend of globalization. For example, *Al-Jazeera* (based in Qatar) channel is trying to create public opinion and influence information worldwide.

Establishing authority over the media is costly for governments, because when people start to obtain different information from social media/non-governmental sources, the power in the countries is shaken. Murdoch's Star Channel has been punished for its liberal views on Chinese politics. It was also asked to invest in the online edition of the *People's Daily*, instead of removing BBC news from its Chinese language programmes. This situation is an example of a control mechanism. Due to the shares in media companies, governments are not always so effective and are insufficient to control the media (Castells, 2006, p. 403).

According to the famous Mac Bride Report, which was unanimously accepted by UNESCO at the Belgrade Conference in 1980 and compiled into a book with the title *Many Voices, One World*, all major news agencies are biased in their news about Third World countries. One of the underlying reasons for this bias is Western prejudices about Third World Countries. The West has drawn its own image of the world based on these prejudices, and it constantly reinforces this image with its own news (Avci, 1999:150 as cited in Karaduman, 2019, p.467-471).

UNESCO's efforts for a new communication order, which were criticized by Western states, were accepted at the 1978 Paris Conference, although the differences of opinion were evident – and reduced. This declaration does not constitute an international agreement. However, it is a document that has the characteristics of a “moral law” for the mass communication profession. The UNESCO Declaration on Communication Tools includes 16 principles: (Topuz, 1980:18 cited in Karaduman, 2019, p.467-471) However, some of the articles here are noteworthy in that they also pave the way for the establishment and proliferation of transnational news agencies and mediate the development of a Western-centred media structure:

- 1- Communication tools should help the development and spread of human rights.
- 3- They should follow a publishing policy that will ensure international rapprochement.
- 5- Mass media should follow a publishing policy that will contribute to the establishment of a more equitable economic order in the international arena.
- 9- Journalists should be provided with the opportunity to receive and transmit news freely.
- 10- Communication tools should allow the public to participate effectively in the creation of news.
- 11- A free and balanced flow of news should be ensured within the country and between countries.
- 12- Mutual and multifaceted information exchange should be developed between states with different social and economic systems.

According to Andrew Austin, Clinton gathered all non-military propaganda efforts under one roof in 1994 under the supervision of USIA. These would include *Radio Marti*, *Radio Free Europe*, *Radio Free Asia*, *Radio Liberty*, *Voice of America* and *Worldnet television*. In this new organizational period, the expansion of free trade

in the world would be advocated and the expansion of NATO would be supported (Öymen, 2014, p.284).

According to Wilson P. Dizard Jr., throughout history, the most effective propaganda tool against the Soviet Union and the Eastern Bloc in general was the radio broadcasts made by *Radio Free Europe* and *Radio Liberty*. These radio broadcasts were directed by the “Free Europe Committee” established by America in Europe, and journalists who had previously fled the Soviet Union to the West were used in the broadcasts. In addition, financial aid was provided to anti-communist unions, journalists, some politicians and political parties in Western Europe. The “Cultural Freedom Committee” established in Western Europe also played an effective role in these propaganda efforts. (Öymen, 2014, p. 260).

Although there appears to be a strong civil society in the United States, the opinions and thoughts circulating in the public are dominated by corporations and the capitalists who control them. In capitalist societies such as the USA, radio and television do not operate according to the understanding of public interest or aesthetic criteria. The media field is an area where monopolistic companies dominate and operate. American cultural industries, under the control of global monopolies, also dominate the media markets, especially in Third World countries. The American monopolistic corporate structure does not allow communication systems to be used for the public benefit. Holdings, which control material and intellectual resources, control financial resources, technology, R&D activities, production knowledge, technology and content production, distribution and consumption processes, and companies derive from their power in this field (Schiller, 1969a, p.5, cited in Yaylagül, 2018, p.14)

Current Debates on Earthquake Journalism in Turkey and Approaches to Factual Journalism

After the earthquakes in Kahramanmaraş on February 6, 2023, an Earthquake Journalism Guide was prepared by Üsküdar University Faculty of Communication. Leading the preparation of the guide, Prof. Süleyman İrvan commented on earthquake reporting in Turkey and the recent earthquake reporting activities. He thinks that this concept, which is referred to as “earthquake reporting” in the literature, has no equivalent when looking at journalism practices in Turkey. According to İrvan, the main reason why earthquake reporting did not develop is the lack of journalists with technical knowledge in the field of geology. In addition, İrvan thinks that event journalism is not practiced in Turkey based on the concept of “preventive reporting”. He argues that a journalism practice that examines the pre-event and its multidimensional results has not developed in Turkey which causes the continuation of social and environmental problems (Maden, 2023, pp.407-409).

İrvan (2023) summarized the “earthquake reporting for social media users and journalists” guide in *News Lab Turkey*, and he also stated that the rules that journalists should follow mean the rules that the readers should pay attention to when

choosing news channels. The examples below show the ethical dimensions of earthquake and disaster reporting, as well as refer to expert opinions, knowledge and objectivity. Some of the notable ones among these 30-item rules are as follows:

1. It is necessary not to make posts that have no scientific value, such as “Americans caused the earthquake” or “the prophet who knew about the earthquake”, and not to spread the shared posts.
2. Images of another previous earthquake should not be shared on social media as if they were new.
3. Photos and videos shared on social media should not be manipulated such as adding, removing, collaging or montage in a way that distorts reality.
4. Social media posts and news containing hate speech; provocative, marginalizing and discriminating expressions should not be used.
5. Let's express our condolences and express our sorrow to the people whose relatives have passed away, but not use expressions such as "I understand your pain", "this will pass", "everything will be alright".
6. It is not correct to dramatize the images by adding music and to narrate the photographs while giving the news about the earthquake. News should be based on information, not emotion.
7. We should pay attention to the fact that the news sources to be consulted are experts on the subject.

Independent Turkish has also prepared a series of articles on disaster or earthquake reporting. In the news of investigative journalist Faik Bulut which is “What is earthquake journalism and what is not? (1)” [Deprem haberciliği nedir, ne değildir? -1] he underlines that journalists working on disaster journalism must be on the field with technical knowledge and equipment. In the related news series, Bulut (2023) also gave examples of fake earthquake news produced with artificial intelligence in Turkey, and stated that these news were examined by news verification platforms such as *Journo*, *Teyit.Org*, *Doğruluk Payı* (etc.) and that they had biased and false aspects. He also referred to the vulnerability of this area to abuse (Bulut, 2023).

In the second part of the news series titled “What is earthquake journalism, what is it not? -2” [Deprem haberciliği nedir, ne değildir? -2] Bulut (2023), who presented a road map about how to follow a more technical way in an earthquake, made special reference to rights journalism, professional composure, technical knowledge and equipment. He has drawn a clear line between pro-government embedded journalists and professionals by featuring the views of various alternative media outlets, verification platforms, academics and internationally experienced journalists.

Factual journalism practice and new generation journalism practices are mostly seen in alternative media in Turkey. One of the most ideal examples of this is seen in the news titled “Re-establishing a city: Returning to Ancient Antakya” [Tr. Bir

kenti yeniden kurmak: Kadim Antakya'ya dönüş] in *Yeşil Gazete* which is a digital media focused on nature, environment and climate news. In the related news, visual aesthetics (text and images), before and after photos, drone reporting, listing, enriched hypertext and tagging features are used together. In the news, contexts were developed between the earthquake and the environment, climate, ecosystem, sustainable urbanization, architecture and historical culture, and an example of new generation and factual journalism was exhibited (Gönen, 2023).

Figure 4. Examples of New Generation Journalism Applications Used on Yeşil Gazete

Similarly, *Gazete Duvar* has given the problems of earthquake reporting, the position of journalists and possible solutions for false, biased or negative news

under various headings. In a news shared with the headline “Television focused on miracles, social media focused on pain”, what happened on social media and traditional television channels during the earthquake was discussed comparatively with its positive and negative aspects, as well as expert opinions (Dağsalgüler, 2023). Similarly, Şenol (2023), who deals with the earthquake issue within the theory of disaster journalism and thinks that current news especially highlights trauma, argues that a journalism practice that does not pay attention to social, identity, and cultural sensitivities will cause public health problems. The related news also includes expert opinions, for example, the problematic nature of the news titled “Miracle” is expressed as follows:

Ceylan Akgün believes that people’s suffering has not been respected since the first day of the incident. She says that the carelessness in recording and disseminating the images of those waiting to be rescued under the rubble, dead bodies, and those waiting in despair and pain at the head of the wreckage, increases the pain several times. She adds that this approach, which seems to be a so-called journalistic success, has sometimes turned into a pornography of pain. As Susan Sontag argues in her book *Looking at Others’ Suffering*, she refers to the finding that when we watch other people’s pain, we inwardly enjoy because that pain has not actually happened to us. According to her, news contents serve this feeling to a large extent. She emphasizes that the way to share the pain is not to watch the helplessness and destruction in the face of disaster, but to cooperate to overcome the trauma and get stronger. Gülseren Adaklı, on the other hand, draws attention to the fact that the news and videos presented with titles such as “miracle salvation” and “miracle baby” once again traumatized those living around the wreckage. Based on her own testimony, she describes the depression that these people experience when a “miracle” cannot be offered to them.

Cultural Indicators of New Generation Earthquake Journalism in Transnational News Agencies Operating in Turkey

In the BBC *Turkish* service the news titled “Did AFAD manage the disaster?” [AFAD, afeti yönetebildi mi?] the content was presented with the support of text, video news and infographics. In the related video news, street interviews, voice-over narration and expert opinions were included together. The relevant news content used a combination of text and visuals to facilitate the understanding of the subject (Özdemir, 2023).

**Figure 5. On BBC Turkish, “Did AFAD manage the disaster?”
uses video-infographics effectively**

In the news titled “How did the Red Crescent change after it became a corporation?” [Kızılay şirketleştikten sonra nasıl değişti?], the historical development of the Turkish Red Crescent is presented in consultation with the International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies (IFRC) using timeline, diagram and archive photographs (Öztürk and Şimşek, 2023).

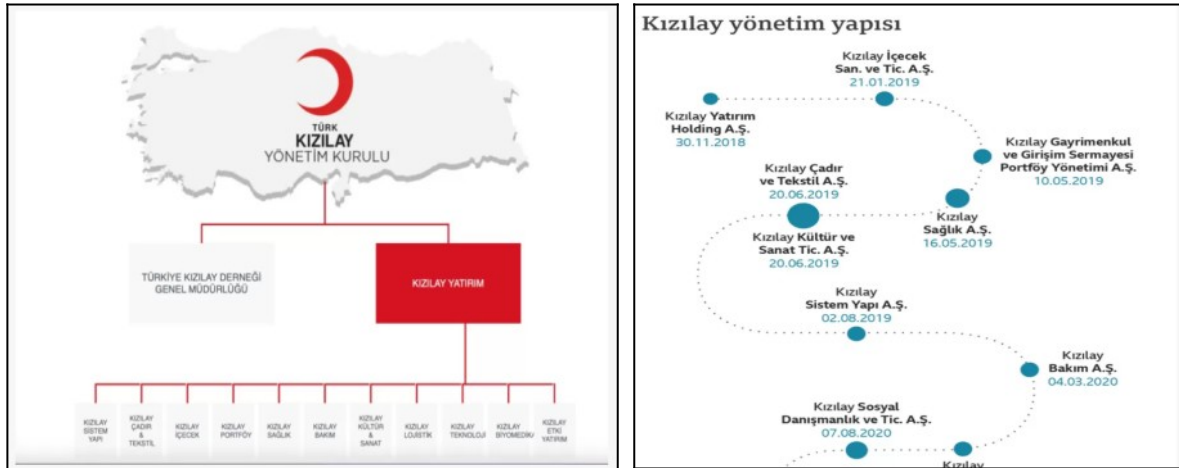

Figure 6. “How did the Red Crescent change after it became a corporation?” on BBC Turkish

In the news titled “Kahramanmaraş: Anatomy of destruction” [Kahramanmaraş: Bir yıkımın anatomisi], features such as news-video (Mahmut Hamsici–Ege Tatlıcı), graphics (Osman Kaytazoğlu), voiceover (Emre Temel) and drone footage (Reuters, DHA, Arif Aslan) were used. In this way, the effect of the news was further strengthened.

Figure 7. BBC Turkish, “Kahramanmaraş: Anatomy of destruction”

In the news titled “Where is the rubble removed from the earthquake area thrown, who decides?” [Deprem bölgesinden kaldırılan molozlar nereye atılıyor, kim karar veriyor?] the developments about the huge piles of rubble in the region and the debate on where the garbage should be dumped were conveyed. In the related news, maps and satellite images taken from Google were used.

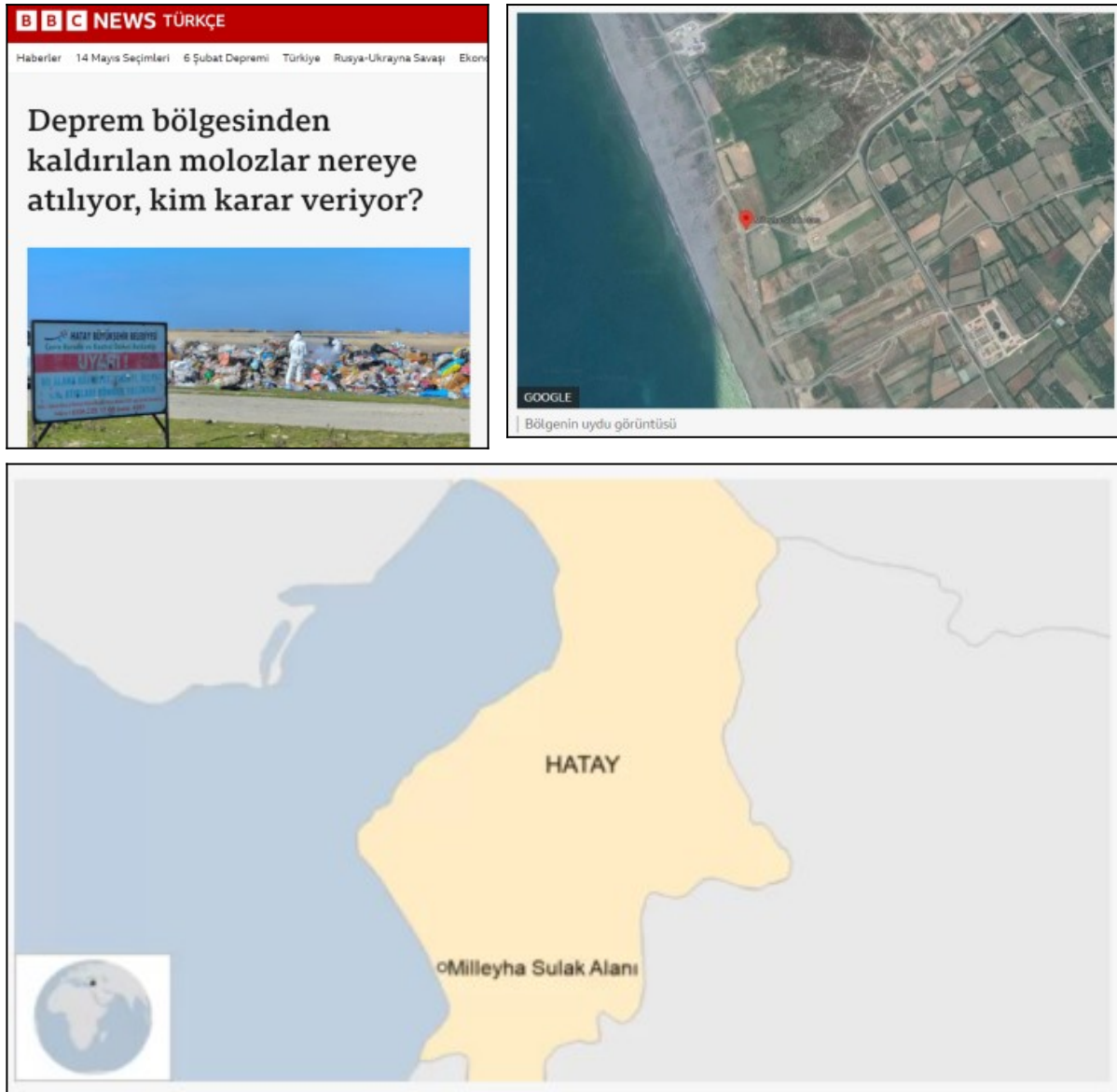

Figure 8. News on BBC Turkish: “Where is the rubble removed from the earthquake area thrown, who decides?”

The BBC Turkish service which scrutinizes other applications in the world to improve earthquake awareness, reported on the building systems in Japan, where earthquake prevention technologies are advanced. In the news titled “How do major earthquakes survive in Japan with little damage?” [Japonya’da büyük depremler nasıl

az hasarla atlatılıyor?] technical visuals and explanatory animation visuals were used together to make it possible to understand the subject more clearly (Yorlmaz, 2023)

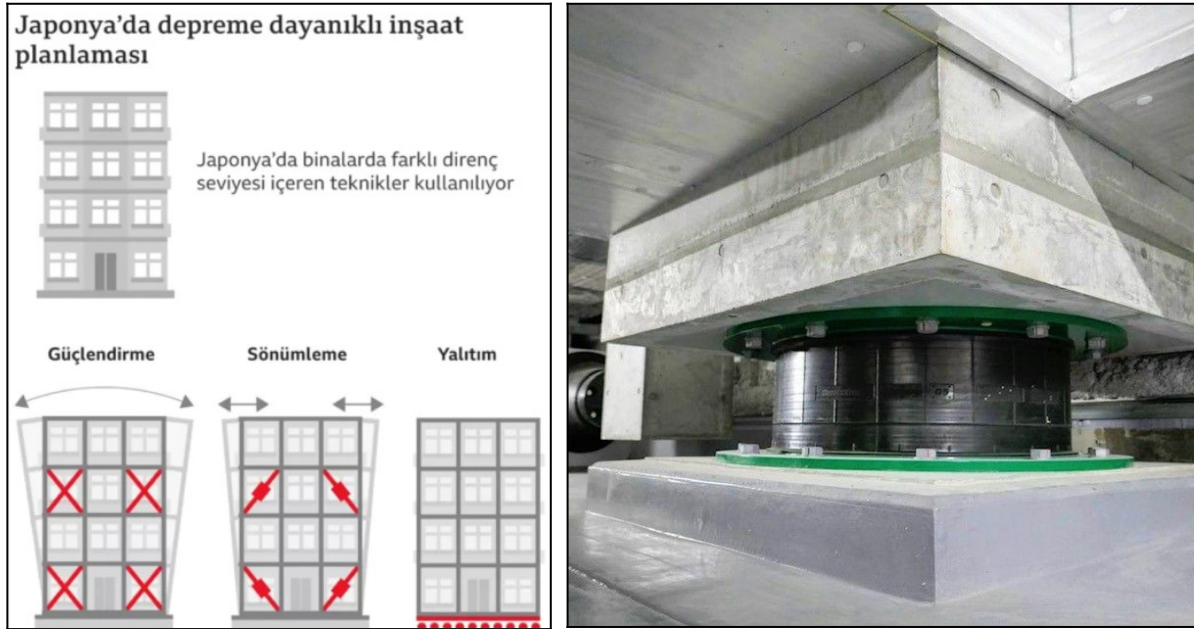

Figure 9. Japan earthquake news from BBC Turkish, Garden City, Japan Property Central

It is seen that an effective and aesthetic image was used in the news titled “American scientists warned: The next earthquake may be in Pütürge” [Amerikalı bilim insanları uyardı: Bir sonraki deprem Pütürge’de olabilir] published in *Euronews* that released on April 24, 2023. The artistic aesthetics of the photo frame is used as an effective tool in telling the truth of the news.

Figure 10. A photograph by OZAN KOSE/AFP in the news titled “American scientists warned: The next earthquake may be in Pütürge”

In the video news titled “Antakya two months after the earthquake: Before and after the disaster with satellite images” [Depremden iki ay sonra Antakya: Uydu görüntüleriyle kentin felaketten önce ve sonrası] and labelled No Comment (11/04/2023) in Euronews, it is seen that the new generation journalism technique is used effectively. Two images, before and after the earthquake, are presented in a contrasting way in the content where satellite photographs are used to understand the destruction of the earthquake. Thus, readers who look at the two photos can clearly see the destruction in the whole city.

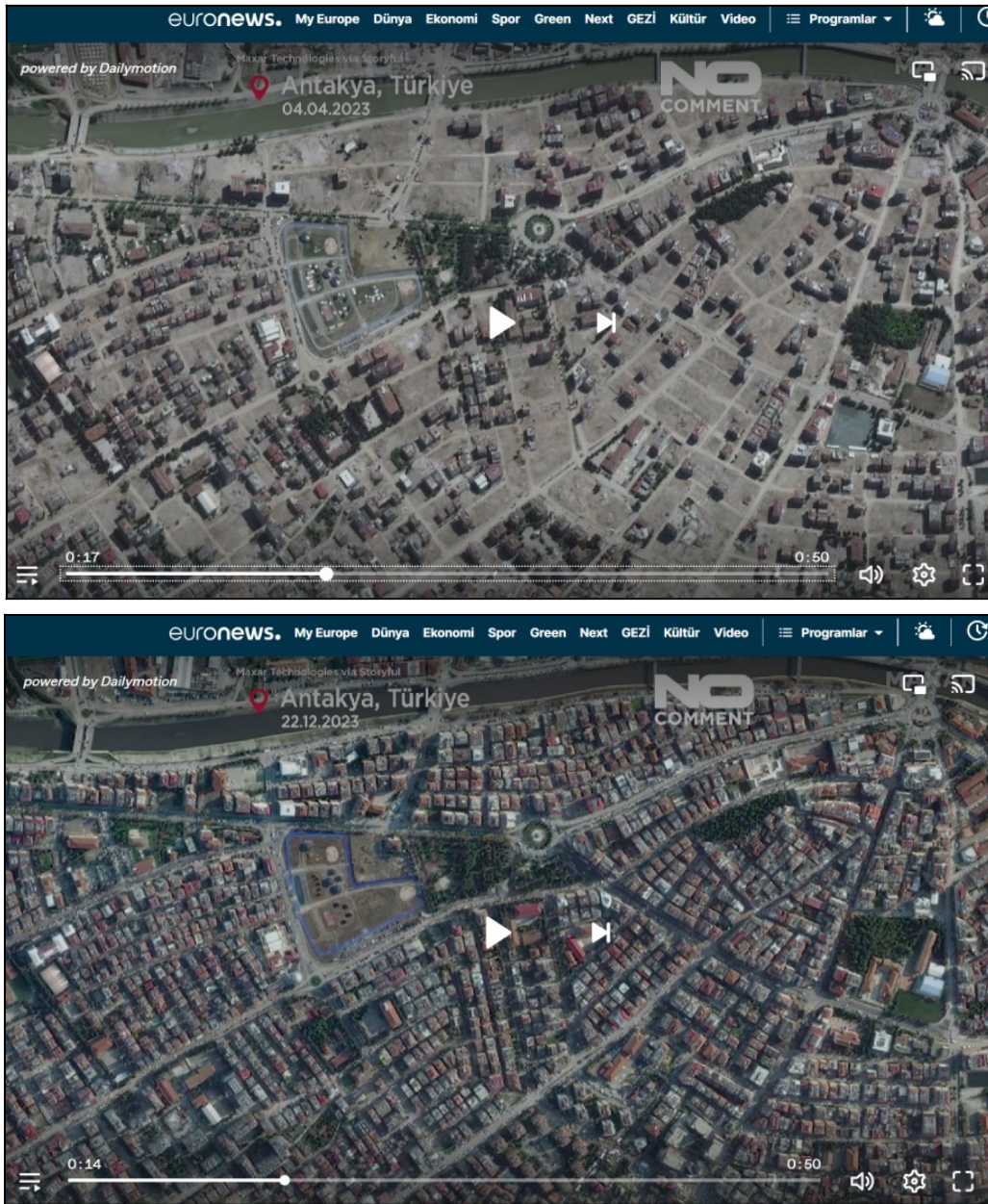

Figure 11. Before and after, Dailymotion and Euronews

One of the important new generation journalism practices in *Euronews* is news storytelling called “Witness”. In the related video, it is seen that the journalists had a one-on-one dialogue with the residents, the injured, and the rescue teams who experienced the Kahramanmaraş earthquake and were involved in all stages of the search and rescue activities. In the related video, earthquake victims express their feelings and thoughts and convey the developments in the region in a sincere language (Borges, 2023).

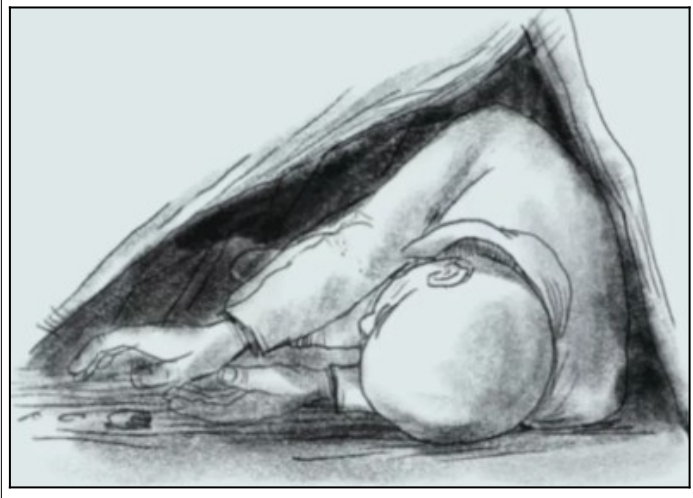

Figure 12. Archival images and engravings are also used in Witness, Euronews-Dailymotion

It is seen that illustrations are also used in an additional way in *Euronews*. The news titled “Earthquake: How long can a human survive under the rubble?” [Deprem: Bir insan enkaz altında ne kadar süre hayatta kalabilir?] and “Searching for life in an earthquake: How is rescue work done in four stages?” [Depremde hayat arama: Dört etapta kurtarma çalışması nasıl yapılır?] are considered important in this respect. This feature, which increases the aesthetic/brand value of the news, stands out as an impressive method to attract the attention of the readers.

Figure 13. Transport of heavy and large pieces of debris, Source: Reuters Connect on Euronews

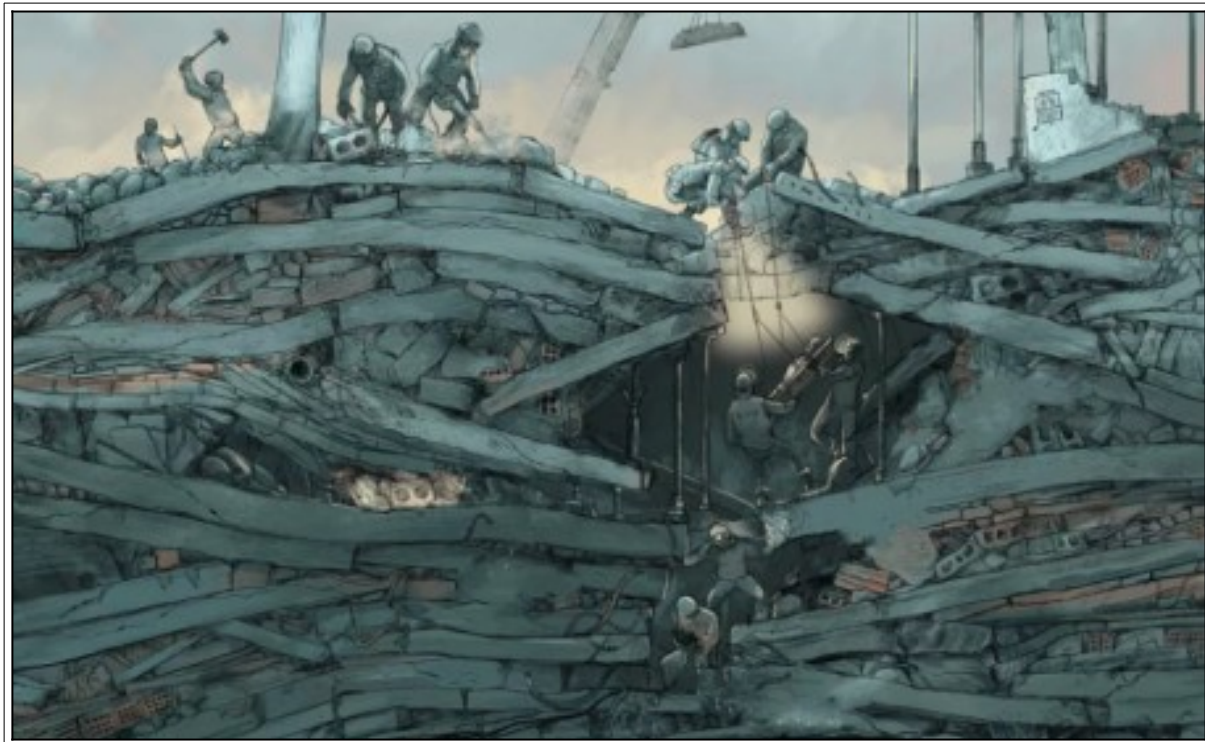
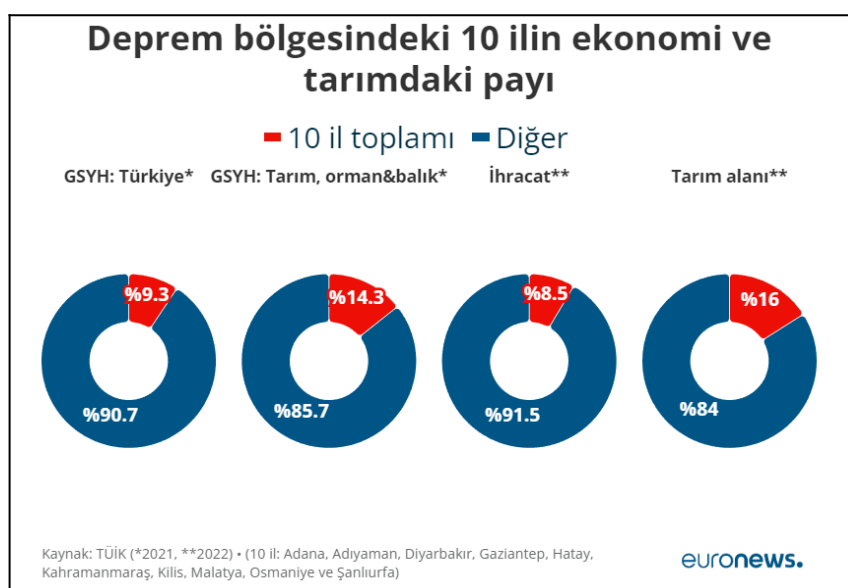

Figure 14. The illustrations contribute to a better understanding of the movement areas of the injured and the removal and transportation of large debris pieces. Source: Reuters Connect on Euronews

Statistics, maps and infographics are used effectively in the context of earthquake reporting in *Euronews*. The creation of various statistics in the related news based on TurkStat (TÜİK) Images facilitates an easier understanding of the economic effects of the earthquake.

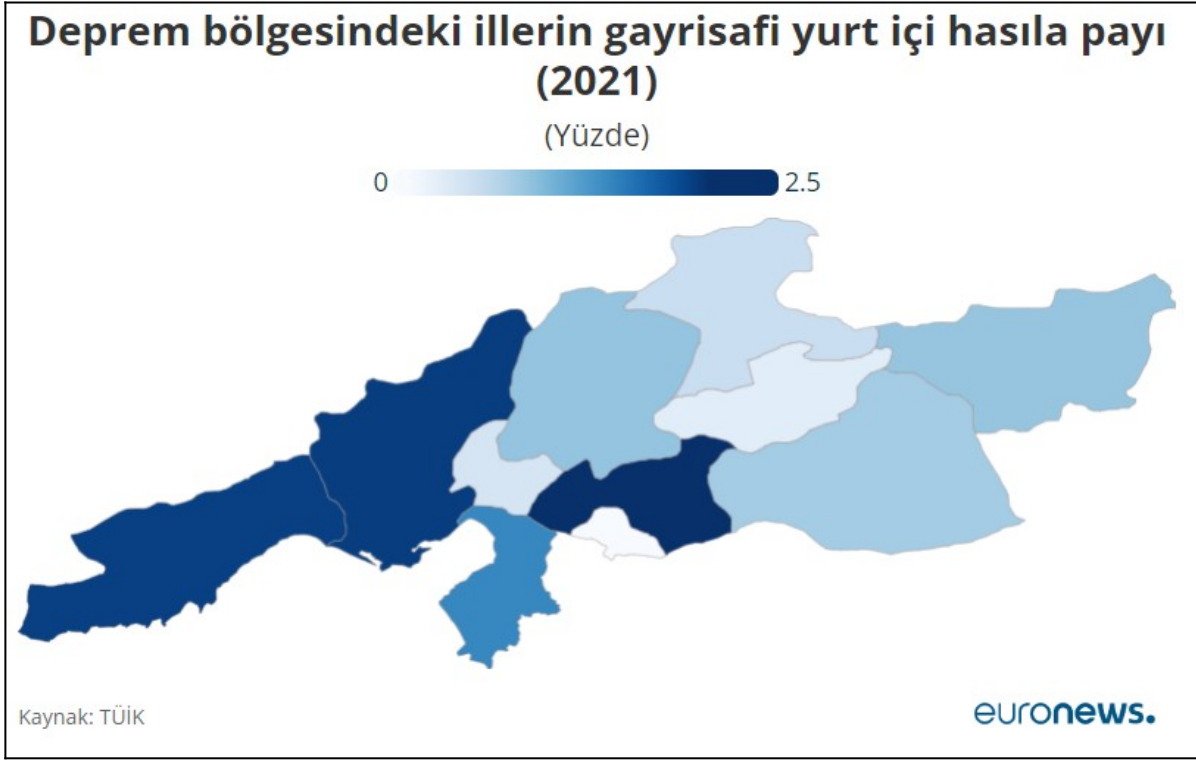
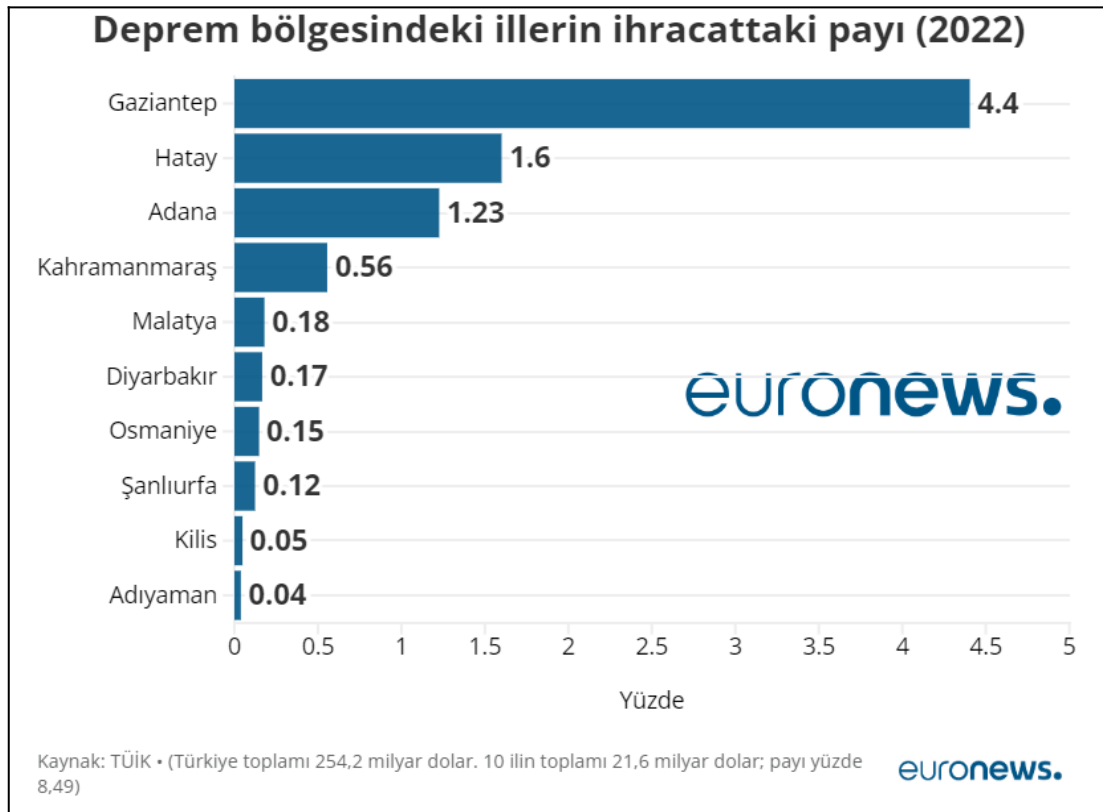

Figure 15. Euronews transforms the raw data it receives from TurkStat (TÜİK) into maps and statistics on the subject

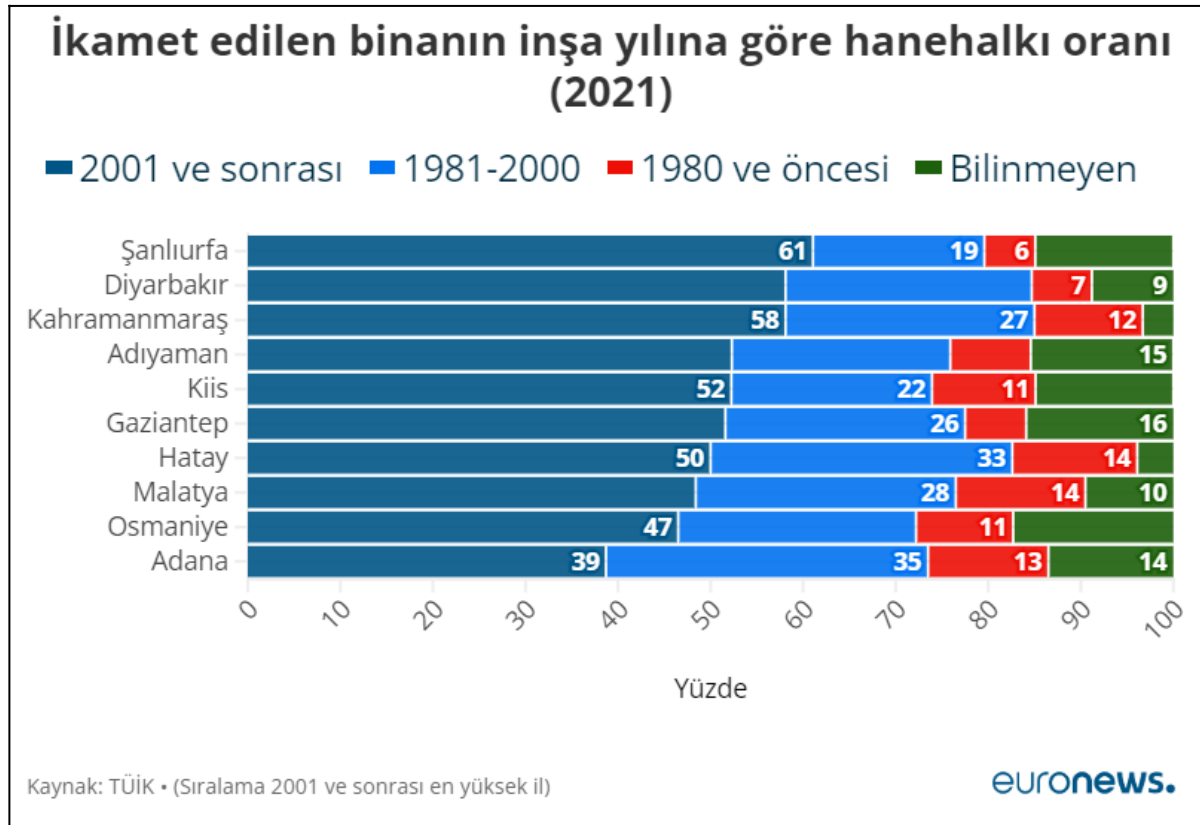

Figure 16. Euronews transforms the raw data from TURKSTAT into statistical tables in various ways

Another noteworthy information in *Euronews* is the news titled “14 days after the earthquake in Turkey with photographs: Effort, hope, wreckage” [Fotoğraflarla Türkiye’de deprem sonrası 14 gün: Çaba, umut, enkaz] (24/02/2023), which has a photogram feature. *Euronews* which serially includes photographs of various national and transnational news agencies is also remarkable in that the photographs it selects show the sociological effects of the earthquake. These photographs, which are human stories, also have the power of dramatic effect.

Figure 17. Photogram News on Euronews

The Voice of America (VOA) also effectively uses new generation journalism techniques in the earthquake theme. In the news titled “Students in the earthquake are preparing for the exam in the training centre established by volunteer teachers” [Depremzede öğrenciler gönüllü öğretmenlerin kurduğu eğitim merkezinde sınava hazırlanıyor], the drone recordings conferred simultaneously with the text and the actual footage are presented in a way that complements and reinforces each other (Erkılıç, 2023).

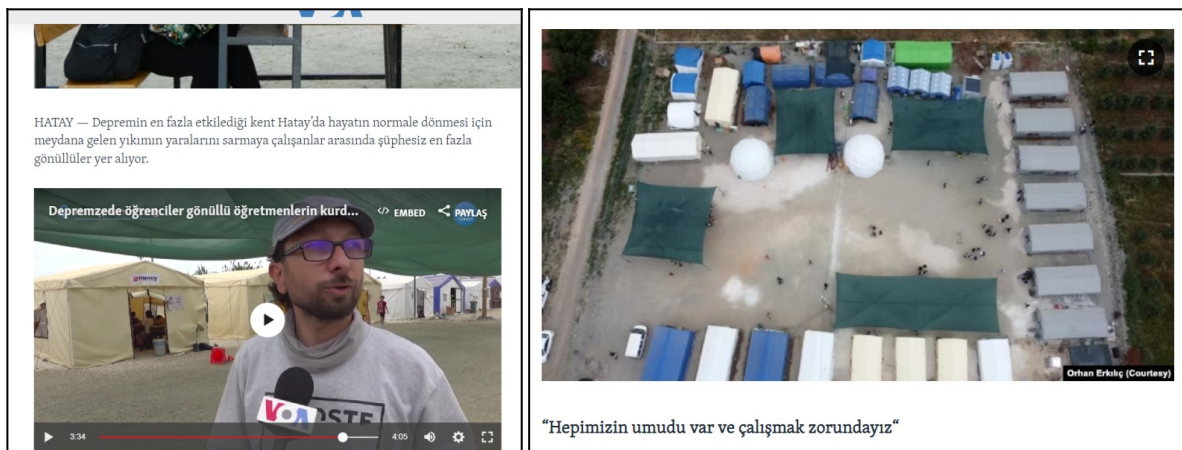

Figure 18. Video and Drone Images on Voice of America

The Voice of America (VOA) includes interviews with earthquake victims in the video gallery section. These interviews with human stories are also supported by drone footage. This news, which has the feature of being the extraordinary story of ordinary people, comes to the fore as a very effective method in terms of understanding the effects of the earthquake at the micro level (Toroğlu and Taşkıran, 2023). In these videos, there are those who support policies as well as those who criticize the government (VOA, 2023).

Figure 19. Human stories in the video gallery featured on The Voice of America (VOA)

In another news on VOA, it is seen that human stories come to the fore effectively. The news titled “56 Years of Cinema Love Left in the Wreck” [56 Yıllık Sinema

Aşkî Enkazda Kaldı] was supported by compelling videos and visuals. The news that tells the story of Abdulkadir Aydın, who runs the movie theatre in Galeria Site where the Kahramanmaraş-centered earthquakes caused destruction in Diyarbakır, reports Aydın's love of cinema and also analyzes the psychological, economic and sociological impacts of the earthquake on a person (Bozaraslan, 2023). This type of news also strengthens the brand value of the news in VOA.

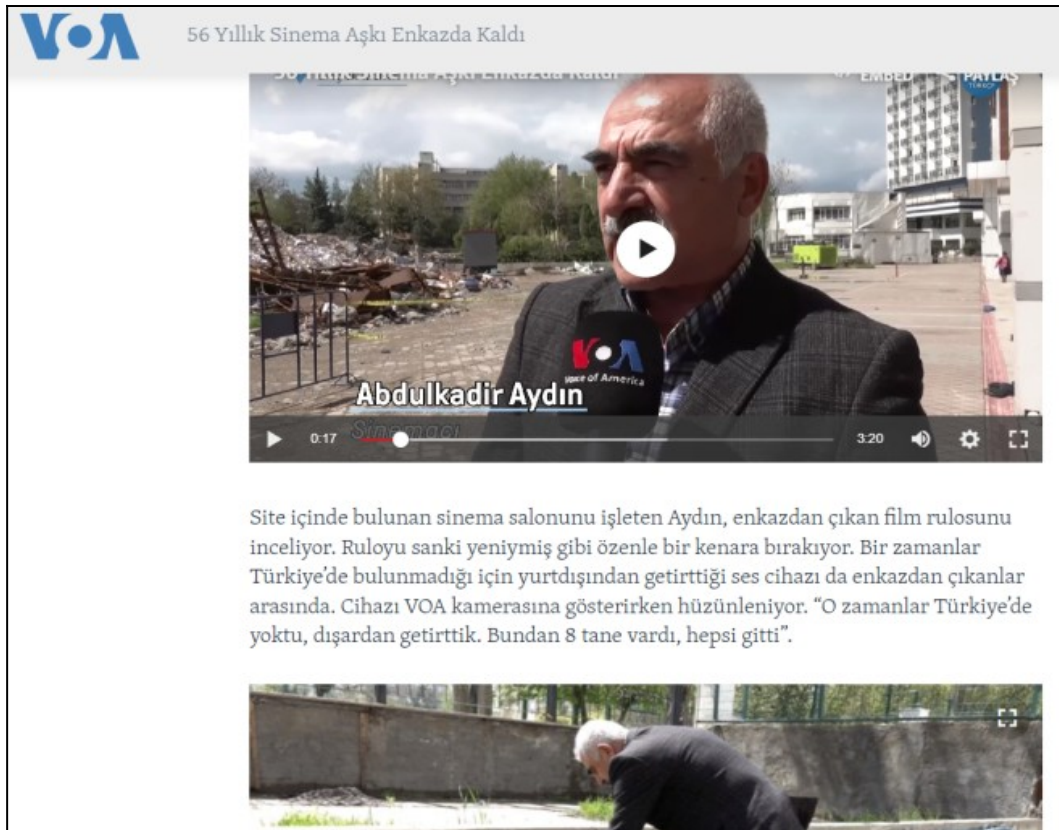

Figure 20. Examples of human stories in VOA are presented with an effective visual

The Voice of America (VOA) also uses the filtering function in different ways. For example, it has been made accessible with the filtering feature to show all the news made by the journalists who produce the most earthquake news content on a single page. In this way, it has become possible to reach all audio-visual-textual news made by relevant journalists with a single click. In addition, it is possible to make the notifications open by adding the subscription function.

Figure 21. Voice of America improves filtering functionality

Figure 22. In The Voice of America searches, options such as author information and detailed date ranges have also been added

In *The Voice of America*, special interviews from Turkey or outside the United States and their presentation in Turkish are advanced techniques in terms of new generation journalism. In the related news, “France’s most well-established and reliable charity, Fondation de France, organized a donation concert last week for the benefit of earthquake victims in Turkey and Syria with the public television France 2. The concert, which was supported by many artists, collected 2.3 million Euros.” The views, activities and support of the international public about earthquakes in Turkey are examined closely or at a micro level. (Çakır, 2023). Another news article titled “Fazıl Say Marks His Donation Concert in Paris” [Paris’teki Bağış Konserine Fazıl Say Damgasını Vurdu] includes the following information:

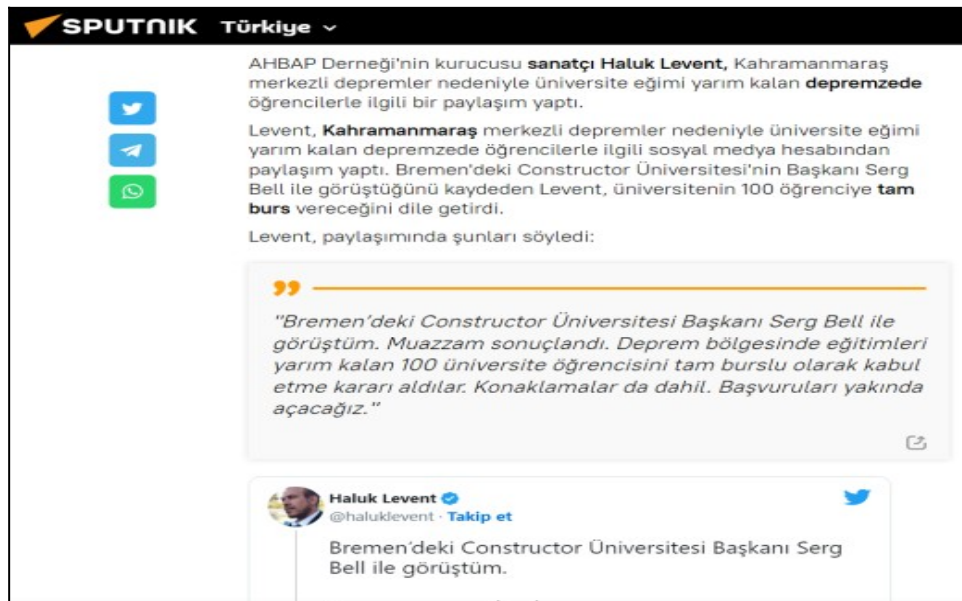
At the concert held to help earthquake victims at the Olympia Concert Hall, the oldest and most important concert hall in Paris, hearts beat for Turkey and Syria. French, Turkish and Syrian artists came together in a concert called “One Heart Against Earthquake”. Participating in the concert, Fazıl Say joined the night with his work “Black Earth”. The French public television France 2 and the Fondation de France Foundation organized a donation concert to heal the wounds caused by the earthquake disaster that hit Turkey and Syria and to collect aid for earthquake victims. Along with thousands of spectators, the Minister of Culture Rima Abdul Malak also attended the concert. The concert was broadcast live on France 2, TV5 Monde Television and France Inter Radio. Before the concert, the news and images compiled by the France 2 TV team from the earthquake area carried the deep pain of the earthquake to Olympia Hall (Çakır, 2023).

Figure 23. Video interviews are dubbed in VOA

Sputnik Turkey, like other transnational news agencies, includes design, effective visual use and social media shares in its news content. The news titled “Haluk Levent announced: Scholarship for earthquake-affected students from Constructor University” [Haluk Levent duyurdu: Constructor Üniversitesi'nden depremzede öğrencilere burs] sets an example in this sense. In addition, the like emoji options at the end of the news make it easier to follow the emotional responses of the readers' reactions to the news.

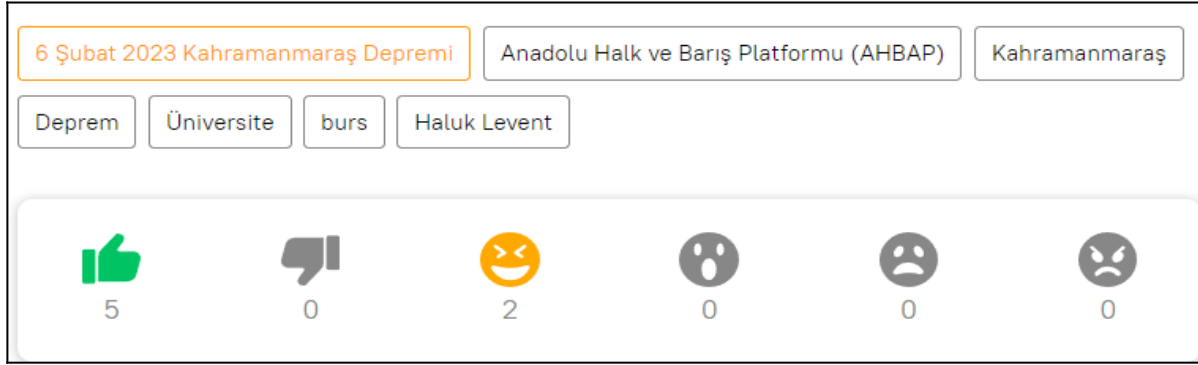

Figure 24. New generation journalism techniques, tags, emojis, social media references in Sputnik Turkey

Earthquake news in *Sputnik Turkey* comes out one after the other. There is no horizontal numbering. In addition, political, official, state-themed news seem much more prolific than those with culture-education-science content.

Figure 25. In Sputnik Turkey, the news is increasing automatically one after the other

In *Sputnik Turkey*, the use of podcasts is seen as a different new generation journalism application which also has the feature of downloading to personal computers. A part of the series called New Things Guide (Yeni Şeyler Rehberi) is devoted to earthquakes (Ayan, 2023). Dr. Nihan Kalkandeler Özdin (from Üsküdar University, Department of Sociology) and ITGroup CEO Mehmet Ertan Erdoğan were guests of Serhat Ayan's program on Radio Sputnik. In the related program, the

advantages of the Caravan lifestyle as a new lifestyle and the digital advantages offered by the use of ChatGBT were discussed.

Figure 26. Serhat Ayan's New Things Guide program on Radio Sputnik | Serhat Ayan'ın Radyo Sputnik'te sunduğu Yeni Şeyler Rehberi programı

Sputnik Turkey, like other similar news agencies, embeds social media content on its page (without redirecting it to a different page) and includes it in the news flow. Sputnik Turkey took the interview of Geophysicist French Professor Xavier Le Pichon and Kürşat Oğuz in Habertürk from Habetürk's Twitter page and presented it as video content in its news feed. It is also provided to open the original content when requested.

**Figure 27. “Geophysicist Le Pichon: Türkiye shifted 4 meters west”
Sputnik quoted in Turkey (20.02.2023)**

Sputnik Turkey also makes excerpts from its own social media accounts and presents them as content in their news feeds. In this case, it is possible to design a single news in accordance with the format of all social media formats and the digital news site. The news titled “24-year-old woman, who set off from France with her own truck, brought aid to Turkey for earthquake victims” [Kendi tırıyla Fransa'dan yola çıkan 24 yaşındaki kadın, depremzedeler için Türkiye'ye yardım getirdi] is an example of this practice.

Figure 28. Sputnik Türkiye news site and its' Twitter account offer simultaneous content

Sputnik Turkey also includes news documentaries in its news feed. The news with the title “What was in the Sputnik earthquake documentary that was blocked by YouTube?” [Youtube’un engellediği Sputnik deprem belgeselinde neler vardı?] provides information about the content of the Sputnik documentary called “While the Dragon Awakens: The Future Marmara Earthquake”. [Ejderha Uyanırken: Gelecek Marmara Depremi] The news agency explains why the documentary was blocked as follows: “YouTube blocked Sputnik due to Russia’s Donbass operation, and blocked the documentary it made with experts such as Cenk Yaltrak, Nasuh Mahruki and Celal Şengör about Turkey’s expected great Istanbul earthquake (13.02. 2023).”

Figure 29. Sputnik Documentary “As the Dragon Awakens: The Next Marmara Earthquake”

Conclusion

Based on theses such as American/Western hegemony and the spread of innovations, it can be stated that the transnational media field serves liberal economic focuses. New generation media technologies are a field where statistics, infographics, 3D technologies, effective visual and video software are used, which are a part of new generation media narratives. Western-based capital also has significant power and influence in this technological or digital expansionism. While the contents produced in the form of new generation media make it easier for the Western bourgeoisie/elites/liberals to make decisions for their investments in such countries as Turkey, they also transform the industrial media dynamics of developing countries such as Turkey. The number of Western news agencies in Turkey is greater than that of Eastern news agencies. Even this situation explains the imperialist position of the media.

In other words, making the media more technological, digital and systematic is possible with the capital power of the Western media. This dependency relationship threatens the original structure of the news content produced in Turkey and the media organizations they are affiliated with and also serves as a role model in global competition.

The decisions taken by UNESCO, the investments made by the EU in its own media organizations, the efforts of the American government to develop media technologies through both Silicon Valley investments and transnational collaborations have provided the Western bloc with a technological superiority in the field of media.

This technological superiority allows the media field to be strengthened with more digitalized and technical equipment. Media outlets in the Eastern bloc, such as *Sputnik* and *Al-Jazeera*, are either weaker in the face of these transnational collaborations or they need Western human resources and technologies. The fact that the Emir of Qatar received education in England and that *Al-Jazeera's* human resources made transfers from the *BBC Arabia* service is an indication of this situation.

Western news agencies work like local media. This situation is related to Western capital's demand for information from the field at the micro level. While Western societies expect local news from their own media, Western business people, liberals and bourgeoisie are curious about how Turkey is managed at the micro level and what its cultural dynamics are like. For this reason, Western media organizations want to receive versatile, local and statistically traceable news from Turkey. This situation causes Western critical theorists such as Schiller, Mattelart, and Castells to see the process as Western and media imperialism.

The international news media active in Turkey produced news about the earthquake in a wide variety of contexts. When we consider the thematic contexts we can see that city culture, preventive policies, building technology, education, psychological and sociological causes and effects often coexist. In addition, the media organizations examined within the scope of the research carried the culture, public health, environment and ecological structure, climate, architecture, urbanization problems and humanitarian aid to their news. All these news are supported by effective visualization, page design, video-interviews, linked/relevant hypertextual news content, enriched tagging and search features, and they have demonstrated an advanced journalism practice in terms of a new generation media phenomenon.

Comparing the ease of use of websites, one important observation is that Western-based news sites have a relatively simple and user-friendly interface. Additionally, it is important to acknowledge that searching and tracking news in *Sputnik Turkey* is relatively more complex and difficult. The main indicator of this becomes evident when the news featured in *Sputnik Turkey* is presented one after the other instead of on horizontally numbered pages. So much so that when the news page is

scrolled down, the number of news automatically increases, and it seems difficult to understand which news is remaining, but when the page is taken back, it is noticed that the featured news goes to the beginning. For this reason, the news should be opened in a separate tab.

It is seen that statistical tables seen in *Euronews* are used effectively in new generation news platforms. The creation of a wide variety of statistics by processing the raw data makes it easier to understand the multidimensional effects of the earthquake's destruction. Similarly, various human stories including diversified political and expert opinions and the inclusion of the contents of various national and international news channels into the flow also provide an opportunity for the formation of a multi-faceted view. The diversification of the sources, subjects and related conceptual and thematic contexts of news content allows the issue to be discussed outside of politics. In other words, it is possible to discuss the issue without reducing it to politics. In this way, it is easier to get rid of the shallow world of narrow political discussions and to understand the real causes and multifaceted consequences of the earthquake.

The transnational news agencies play an important role in raising the phenomenon of journalism with a high level of political engagement in Turkey to "a level of professionalism that takes care of the public interest". One of the basic indicators of this is undoubtedly the effective use of advanced technological applications, defined as the new generation, in the transnational news platforms examined within the scope of the research.

References | Список литературы

- Arsan, E. (2008). *Avrupa Birliği ve Gazetecilik [European Union and Journalism]*. Ütopya Yayınları. (In Turkish).
- Ayan, S. (2023). *Dr. Kalkandelen: Deprem tehdidi altında olan herkesin karavanda yaşaması fikri tartışılmalı [Dr. Kalkandelen: The idea that everyone under earthquake threat should live in a caravan should be discussed]*. Sputnik Turkey. <https://sputniknews.com.tr/20230515/mehmet-ertan-erdogan-chatgpt-destekli-yeni-modulumuz-ile-hizli-aksiyon-alabilecegiz-1071141300.html> (In Turkish).
- Bianet. (2023). *BİA Medya Gözlem Raporları 2001-2023 [BIA Media Monitoring Reports 2001-2023]*. Sputnik Turkey. <https://bianet.org/bianet/ifade-ozgurlugu/119085-bia-medya-gozlem-raporlari> (In Turkish).
- Bozarslan, M. (2023). *56 Yıllık Sinema Aşkı Enkazda Kaldı [56 Years of Love for Cinema Left in Rubble]*. VOA Turkish. https://www.voaturkce.com/a/yillik-sinema-aski-enkazda-kaldi/7051783.html?utm_source=pocket_saves (In Turkish).
- Bulut, F. (2023a). *Deprem haberciliği nedir, ne değildir? [What is earthquake journalism and what is not?] (1)*. Independent Turkish. <https://www.indyturk.com/node/613006/haber/deprem-habercili%C4%9Fi-nedir-ne-de%C4%9Fildir-1> (In Turkish).

- Bulut, F. (2023b). Deprem haberciliği nedir, ne değildir? [What is earthquake journalism and what is not?] (2). Independent Turkish. <https://www.indytrk.com/node/613396/haber/deprem-habercili%C4%9Fi-nedir-ne-de%C4%9Fildir-2> (In Turkish).
- Bulut, S. (2019). Media in the digital Age: Machine Learning, Algorithmic reporting and Non-Functional Human Problematic in Journalism. *Selçuk İletişim*, 13(1), 294–313.
- Çakır, A. (2023a). Fransa'da Toplanan Deprem Bağışları Nasıl Kullanılacak? [How will earthquake donations collected in France be used?]. VOA Turkish. <https://www.voaturkce.com/a/fransa-da-toplanan-ve-10-milyonu-asan-deprem-bagislari-nasil-kullanilacak/7011905.html> (In Turkish).
- Çakır, A. (2023b). Paris'teki Bağış Konserine Fazıl Say Damgasını Vurdu [Fazil Say Marked the Donation Concert in Paris]. VOA Turkish. <https://www.voaturkce.com/a/paris-bagis-konserine-fazil-say-damgasini-vurdu/7006862.html> (In Turkish).
- Castells, M. (2006). *Enformasyon Çağı: Ekonomi, Toplum ve Kültür* [The Information Age: Economy, Society and Culture] (E. Kılıç, Trans.). İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları. (In Turkish).
- Dağsalgüler, A. (2023). “Televizyon mucizeye, sosyal medya acıya odaklandı.” [Television focused on the miracle, social media on the pain] *Gazete Duvar*. <https://www.gazeteduvar.com.tr/televizyon-mucizeye-sosyal-medya-aciya-odaklandi-haber-1608462> (In Turkish).
- Dijk, T. A. (2015). *Ideological Discourse Analysis*. Discourses. <http://www.discourses.org/OldArticles/Ideological%20discourse%20analysis.pdf>
- Dijk, T. V. (2013). Söylem ve İdeoloji: Çok Alanlı Bir Yaklaşım. In B. Çoban & Z. Özarslan (Eds.), *Söylem ve İdeoloji: Çok Alanlı Bir Yaklaşım* (pp. 13–14). Su Yayınları. (In Turkish).
- Erdoğan, İ. (2006). Journalism Concepts of National and Local Newspapers in Turkey: A Comparative Analysis of Earthquake News. *Selçuk İletişim*, 4(3), 51–64.
- Erkılıç, O. (2023). Depremzede öğrenciler gönüllü öğretmenlerin kurduğu eğitim merkezinde sınava hazırlanıyor [Earthquake-stricken students prepare for exams at the education center established by volunteer teachers]. VOA Turkish. <https://www.voaturkce.com/a/depremzede-ogrenciler-gonullu-ogretmenlerin-kurdugu-egitim-merkezinde-sinava-hazirlaniyor/7107371.html> (In Turkish).
- Gönen, M. (2023). Bir kenti yeniden kurmak: Kadim Antakya'ya dönüş [Rebuilding a city: Returning to ancient Antioch]. *Yeşil Gazete*. https://yesilgazete.org/bir-kenti-yeniden-kurmak-kadim-antakyaya-donus/?utm_source=pocket_saves (In Turkish).
- Haber Üsküdar. (2023, February 13). Üsküdar İletişimden Deprem Haberciliği Rehberi [Earthquake Journalism Guide from Uskudar Communications]. Haber Üsküdar. https://cdn.uskudar.edu.tr/uploads/files/2023/02/14/deprem-haberciligi-rehberi_6.pdf (In Turkish).
- İrvan, S. (2023). Sosyal medya kullanıcıları ve gazeteciler için deprem haberciliği rehberi [A guide to earthquake reporting for social media users and journalists]. News Lab Turkey. <https://www.newslabturkey.org/2023/02/01/kultur-sanat-medyasindaki-cikar-catismasina-dair-gorusler/> (In Turkish).
- Journo. (2023). İktidar medyası ve Google, deprem haberlerinden bile SEO hileleriyle para kazanıyor [Ruling media and Google monetize even earthquake news with SEO tricks]. Journo. <https://journocom.tr/iktidar-medya-google-seo-deprem> (In Turkish).
- Kara, F. (2023). Deprem haberleri: Haber siteleri uzman görüşlerine, gazete ve TV'lerden daha çok yer veriyor [Earthquake news: News websites give more space to expert opinions than newspapers]

- and TV channels]. Journo. <https://journo.com.tr/deprem-haberleri-veriler-uzman> (In Turkish).
- Karaduman, M. (2019). In Context of International News Flow and Media System; Broadcasters From International Media Organizations In Turkey. *Akdeniz Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi*, 32, 465–484. <https://doi.org/10.31123/akil.620953>
- Karan, U. (2022). A Look At the 20 Years of Media Freedom. *Bianet*. <https://bianet.org/5/110/270423-a-look-at-the-20-years-of-media-freedom-report-published>
- Kavaklı, N. (2018). Drone'ların Gazetecilikte Kullanımı: Drone Haberciliğinin Olanakları, Zorlukları ve Sınırları [The Use of Drones in Journalism: Possibilities, Challenges and Limitations of Drone Journalism]. *Erciyes İletişim Dergisi*, 5(3), 160–172. <https://doi.org/10.17680/Erciyesakademia.345792> (In Turkish).
- Kılıç, Ş. O. (2015). 2025'te gazetecilik nasıl olacak? 4 senaryo [What will journalism look like in 2025? 4 scenarios]. *Al Jazeera Türk*. <http://www.aljazeera.com.tr/blog/2025te-gazetecilik-nasil-olacak-4-senaryo> (In Turkish).
- Maden, S. (2023). 6 Şubat 2023'te Kahramanmaraş'ta Yaşanan Depremler Ekseninde Türkiye'de Deprem Haberciliğine Bakış: Prof. Dr. Süleyman İrvan ile Söyleşi [February 6, 2023 Earthquakes in Kahramanmaraş and an Overview of Earthquake Journalism in Turkey: An Interview with Prof. Dr. Süleyman İrvan]. *Etkileşim*, 11, 406–420. <https://doi.org/10.32739/etkilesim.2023.6.11.202> (In Turkish).
- Mom. (2016). Media Ownership Monitor. Turkey Mom. <http://turkey.mom-rsf.org/tr/medya/>
- Öymen, O. (2014). Bir Propaganda Silahı Olarak Basın [The Press as a Propaganda Weapon]. *Remzi Kitabevi*. (In Turkish).
- Özdemir, Ö. (2023). AFAD, afeti yönetebildi mi? [Did AFAD manage the disaster?]. *BBC Turkish*. <https://www.bbc.com/turkce/articles/cq5z0dndv2po> (In Turkish).
- Özkan, Y. (2023). Hollanda'ya depreme dayanıklı konut yapmayı öğreten Türkiye neden bu kadar fazla yıkım yaşıyor? [Why is Turkey, which taught the Netherlands how to build earthquake-resistant housing, experiencing so much destruction?]. *BBC Turkish*. <https://www.bbc.com/turkce/articles/czrme8plx2o> (In Turkish).
- Öztürk, F., & Şimşek, B. (2023). Kızılay şirketleştikten sonra nasıl değişti? [How did the Red Crescent change after it was incorporated?]. *BBC Türkçe*. <https://www.bbc.com/turkce/articles/cgljx57yr2po> (In Turkish).
- Şenol, F. (2023). Halk sağlığı sorunu olarak afet haberciliği [Disaster journalism as a public health issue]. *Gazete Duvar*. <https://www.gazeteduvar.com.tr/halk-sagligi-sorunu-olarak-afet-haberciligi-makale-1606493> (In Turkish).
- Toroğlu, M., & Taşkıran, T. (2023). Hataylı depremzede: “Benim için artık bir yaşam yok” [Earthquake survivor from Hatay “There is no life for me anymore”]. *VOA Turkish*. <https://www.voaturkce.com/a/benim--c-n-art-k-bir-yasam-yok/7091671.html> (In Turkish).
- VOA. (2023). Mevcut iktidara güveniyorum [I trust the current government]. *VOA Turkish*. <https://www.voaturkce.com/a/mevcut-iktidara-guveniyorum/7091022.html> (In Turkish).
- Yaylagül, L. (2018). Herbert Schiller’ın İletişim Kuram Ve Araştırmalarına Katkısı [The Contribution of Herbert Schiller To The Field Of Communication Researches And Theories]. *Kurgu*, 26(2), 11–23. (In Turkish).

Yetimova, S. (2017). Approaches of News Agency within context of New Generation Media Applications: A Comparative Research between Associated Press (AP) and Anadolu Ajansı (AA). In B. Kalsın (Ed.), *Internet Journalism with All Dimensions*. Gece Publishing.

Yetimova, S. (2020). New Generation of Digital Media and Journalism Culture in Turkey. In *Digital Publishing*. Anadolu University Open Education Publications.

Yorulmaz, I. (2023). Japonya'da büyük depremler nasıl az hasarla atlatılıyor? [How Japan survives major earthquakes with little damage]. BBC Turkish. <https://www.bbc.com/turkce/articles/c51pr37xnd0o> (In Turkish).

“New Pearl Harbor” and US Digital Media 2001-2002

Sergei O. Buranok¹ & Polina D. Tokmakova²

Samara State University of Social Sciences and Education. Samara, Russia

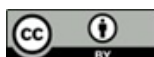
Received: 13 August 2023 | Revised: 20 October 2023 | Accepted: 29 October 2023

Abstract

The research topic is aimed at studying the means, methods and techniques of updating the metaphor “New Pearl Harbor” in the US foreign policy discourse. Analysis of the evolution of this metaphor in the US media in the 21st century allows us to talk about the formation of a special phenomenon of the socio-political life of the United States, the reconstruction and explanation of which is not possible within the framework of the traditional methodology of historical research, but requires an interdisciplinary approach based on historical imagology. The importance and significance of this metaphor is shown by the fact that in every foreign policy crisis, in every new threat, in every aggravation of the international situation, the metaphor “Pearl Harbor” was used in the United States. The metaphor “New Pearl Harbor” and its variation “Russian Pearl Harbor” is an important element of US foreign policy discourse and contemporary research. As a result of the research, it was established that the metaphor “New Pearl Harbor” is used both for “internal consumption” (political discourse) and for the external one. Moreover, in the 21st century, this metaphor very often arises in the coverage and analysis of contemporary Russian-American relations. The article shows the evolution of the “New Pearl Harbor” metaphor in the US digital media. Digital media in the United States reacted most quickly to changes in the use of the “New Pearl Harbor” metaphor. The article is intended for political scientists, historians and journalists.

Keywords

“New Pearl Harbor”; “Second Pearl Harbor”; US Foreign Policy; US Foreign Policy Discourse; Socio-Political Phenomenon in the US; Historical Imagology; Political and External Discourse; Russian-American Relations; US Digital Media Reaction

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: witch-king-1@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8307-9428>

2 Email: [tokmakova.p\[at\]sgspu.ru](mailto:tokmakova.p[at]sgspu.ru) ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8305-0766>

«Новый Пёрл-Харбор» и электронные СМИ США 2001-2002 гг.

Буранок Сергей Олегович¹, Токмакова Полина Дмитриевна²

Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия

Рукопись получена: 13 августа 2023 | Пересмотрена: 20 октября 2023 | Принята: 29 октября 2023

Аннотация

Тема исследования направлена на изучение средств, методов и приёмов актуализации метафоры «Новый Пёрл-Харбор» во внешнеполитическом дискурсе США. Анализ эволюции метафоры в СМИ США в XXI в. позволяет говорить о формировании особого феномена общественно-политической жизни США, реконструкция и объяснение которого невозможны в рамках традиционной методологии исторического исследования, а требует междисциплинарного подхода на основе исторической имагологии. Метафора «Пёрл-Харбор» использовалась в каждом внешнеполитическом кризисе, в каждой новой угрозе, при каждом обострении международной ситуации. Метафора «Новый Пёрл-Харбор» и ее вариант «Русский Пёрл-Харбор» – важный элемент внешнеполитического дискурса США и современных исследований. В результате исследования установлено: метафора используется как для «внутреннего потребления» (политический дискурс), так и для внешнего. При этом в XXI в. данная метафора очень часто возникает при освещении и анализе современных российско-американских отношений. В статье показана эволюция метафоры «Новый Пёрл-Харбор» в электронных СМИ США. Электронные СМИ США наиболее быстро реагировали на изменения в использовании метафоры «Новый Пёрл-Харбор». Статья рассчитана на политологов, историков и журналистов.

Ключевые слова

«Новый Перл-Харбор»; «Второй Перл-Харбор»; внешняя политика США; дискурс внешней политики США; социополитическое явление в США; историческая имагология; политический и внешний дискурс; российско-американские отношения; реакция цифровых медиа США

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: witch-king-1@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8307-9428>

2 Email: [tokmakova.p\[at\]sgspu.ru](mailto:tokmakova.p[at]sgspu.ru) ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8305-0766>

Введение

Использование метафоры «Новый Перл-Харбор» для американского внутреннего и внешнего политического дискурса – далеко не новое явление. К ней, в различных ее проявлениях, обращались со времен Второй мировой войны. Мы рассматриваем преобразование и развитие метафоры в начале XX века в электронных СМИ Соединенных Штатов. Такой исторической эпизод, как нападение на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года, имеет определяющее значение для самих американцев как трагичная часть истории их страны, и как формирование общности, которая откликается в каждом из них.

В электронных СМИ США частота упоминания «Перл-Харбор» на 2023 год равна 63 400, не исчезая из новостных лент. Статьи, в которых прямо обращаются к метафоре «Перл-Харбор» или приравнивают политический актуальный контекст в отношении России к Перл-Харбору, составляют примерно четверть из них.

С точки зрения методологии, исследование носит междисциплинарный характер: в нём затрагиваются не только области политологии, военной истории, истории внешней политики (с её традиционным проблемно-историческим подходом), но и дается анализ роли метафоры в информационном дискурсе США. Именно этот теоретико-методологический инструментарий позволяет предметно изучить роль метафоры «Новый Пёрл-Харбор» в СМИ США.

В методологическом плане проект базируется как на традиционных методах исторического исследования, так и на методах имагологии, с помощью которых стало возможным изучить роль метафоры «Новый Пёрл-Харбор» в американском обществе. В современной историографии большую популярность приобрели имагологические сюжеты, которые, как правило, раскрывают темы из истории международных отношений. Особенное развитие получила историческая имагология применительно к изучению восприятия России в США. В настоящее время исследования строятся вокруг уже ставших классическими понятий «воображаемая география», «воображаемые сообщества», «идентичность».

Важно представить эволюцию метафоры «Новый Пёрл-Харбор» в американском обществе как конкретно-исторический процесс общественной жизни США, в котором нашли отражение и общие (характерные для цивилизации в целом), и национальные закономерности.

Метафорические образы, эксплуатирующие «Пёрл-Харбор», появились в информационном дискурсе США уже 1941 г., а «время рождения» метафоры «Новый Пёрл-Харбор» – начальный этап Холодной войны. В период 1945–1953 гг. в периодической печати США (как республиканской, так и демократической) регулярно появлялись статьи, что следующий Пёрл-Харбор будет «ядерным», «русским» и «биохимическим». Страх перед «красной угрозой»

в условиях нового глобального противостояния сверхдержав очень быстро мобилизовал в информационном дискурсе США негативные эмоции, связанные с Пёрл-Харбор. С этого времени метафоры «Новый Пёрл-Харбор», «Ядерный Пёрл-Харбор» служили воображаемым краеугольным камнем обоснования необходимости глобального лидерства США на протяжении большей части Холодной войны. Они обеспечивая мощную когнитивную и риторическую основу для информационного обеспечения внешней политики США. Кроме того, стратегический анализ в США часто характеризовался метафоричным мышлением. В ходе исследования установлено, что уже в период 1945–1947 гг. метафора «Новый Пёрл-Харбор» приобрела антироссийское значение. Важно подчеркнуть, что риторика о «Русском ядерном Пёрл-Харборе» присутствует в СМИ США всего периода второй половины XX в., и ключевые черты этой метафоры сохранились и начала XXI в.

Анализ смыслов и значения употребления данной метафоры показывает, что она действует на массовое сознание, на общественное мнение, на экспертное сообщество, на политический и внешнеполитический дискурс в целом, приобретая на рубеже XX–XXI века новые варианты: «кибер Пёрл-Харбор», «Космический Пёрл-Харбор», «биохимический пёрл-Харбор». Но для понимания специфики употребления и значения данной метафоры в начале XXI века важно помнить, что в предшествующий период метафора создавалась как средство антироссийской пропаганды во внешнеполитическом дискурсе США. Кроме того, современная российская внешняя политика часто воспринимается в СМИ США как угроза национальным интересам. И в этом контексте использование в СМИ различных метафор (в том числе и «Новый Пёрл-Харбор») можно расценивать как мобилизацию общественного мнения США для противодействия «русской угрозе».

Для исследования использовались материалы как республиканских, так и демократических СМИ, выступления важных деятелей республиканской партии: Дж. Буш, Р. Джулиани, Р. Чейни, Ричард Шелби, Фред Томпсон; и демократы: Джозеф Байден, Том Дэшл. Эти источники показывают, что как демократы, так и республиканцы (несмотря на все противоречия и разногласия) использовали метафору «Новый Пёрл-Харбор» практически идентично, одновременно и в едином контексте. Можно предположить, что речь идет об универсальной исторической метафоре, сформированной на сращивании образа внешнеполитических угроз, исторических образов и страха перед новым внезапным нападением.

Метафора «Новый Пёрл-Харбор» и 11 сентября 2001 года

Безусловно, 11 сентября стало новым витком в американской истории, который еще должен был найти свою риторику и место не только в общем народном сознании, но и в политическом целеполагании. Самыми первыми в новостной повестке среагировали телевизионные новости, в эфире которых,

также впервые, 11 сентября сравнивается с атакой на Перл-Харбор 1941: например, в тот же день, в *PBC NewsHour*, где корреспонденты сообщают о важных событиях прошедшего дня, в беседе с тремя экспертами, среди которых был Ларри Джонсон. Это бывший заместитель директора Госдепартамента по борьбе с терроризмом в администрации Буша-младшего, до этого сотрудник по борьбе с терроризмом в ЦРУ, а на момент 11 сентября – консультант по безопасности. Он одним из первых сравнивает атаку 11 сентября и Перл-Харбор 1941:

«К сожалению, эта ужасная трагедия сегодня является тревожным сигналом, который шокирует эту страну так же, как мы были шокированы в 1941 году после нападения японцев на Перл-Харбор» (*The NewsHour with Jim Lehrer*, 2001).

Здесь Джонсон использует ресурс исторической памяти в массовом сознании, чтобы доказать необходимость жесткого ответа и усиления безопасности, как это было 60 лет назад (*War, media, and propaganda*, 2004, 239). Однако в контексте его интервью просматривается цель объяснения причин катастрофы, а точнее – её виновник. Корреспондентка задает ему вопрос, поскольку госдепартамент должен концептуально направлять деятельность разведки и контрразведки, задача которых стоит в предотвращении подобных атак: «Как, по-вашему, подобная операция, одновременно сложная операция, могла ускользнуть от разведки США?». Джонсон критикует устаревшие методы как ФБР, так и ЦРУ, которые полагаются на разведку других стран, а не на местные источники. «Мы действительно потеряли наш человеческий потенциал, он все еще ориентирован на холодную войну». Таким образом, Джонсон пытался подчеркнуть необходимость улучшения и повышения эффективности разведывательных и контрразведывательных мер, чтобы предотвратить подобные атаки в будущем. Он утверждает, что спецслужбы должны были собрать и проанализировать необходимую информацию, чтобы идентифицировать и остановить террористов до того, как они начнут свои атаки, для чего было необходимо действовать гораздо жестче.

В то же время *PBC NewsHour* обращается за мнением экспертов историков, которые также сравнивают 11 сентября с Перл-Харбором – не по масштабам трагедии, а по «потрясению всей системы». «После Перл-Харбора ни один американец больше не чувствовал себя комфортно из-за того, что нас защищали эти большие океанские просторы. Это основная причина, по которой многие американцы были изоляционистами после Перл-Харбора» – такое сравнение дает историк Майкл Бешлосс. Историки на телевидении США отмечали, что Перл-Харбор был атакой национального государства, которую было легко понять и на которую было легко отреагировать, тогда как теракты 11 сентября были террористической атакой, что делало осознание и реакцию значительно сложнее. В первые дни еще не было единого и ясного понимания того, кто является врагом и как реагировать на такие атаки.

Стоит отметить, что в это время на официальном политическом уровне еще нет обращения к метафоре «Перл-Харбор». Одними из первых начали эксплуатацию данной метафоры журналисты CNN, которые вели прямые эфиры из Нью-Йорка. А сенатор республиканец от Небраски Чарльз Хейгел стал первым политическим деятелем США, употребившим сравнение 11 сентября и 7 декабря: «это второй Пёрл-Харбор». Очень короткий комментарий Ч. Хейгела попал в печатный и электронные СМИ США уже вечером 11 сентября (Herald-Journal, 2001, September 11, 19; St. Louis Post-Dispatch, 2001, September 11, 8; Dallas Morning News, 2001, September 11, 3; Chicago Sun-Times, 2001, September 11, 2). Для большей образности и визуализации реплики сенатора некоторые новостные сайты американских газет размещают коллажи с фотографиями атаки на Нью-Йорк и атаки Пёрл-Харбор (Deseret News, 2001, September 11, 1).

На наш взгляд, общество, в попытках осознать происходящее, самостоятельно прибегало к этой параллели, таким образом создавая запрос для правительства и СМИ на удовлетворение этого непонимания. Стоит отметить, что теракт произошел утром, и уже к семичасовым вечерним новостям впервые появляются параллели с атакой на Перл-Харбор. В девятичасовых вечерних новостях, на том же канале, звучат такие фразы, как «сегодня много ссылаются на Перл-Харбор»; за один час «Перл-Харбор» звучит двадцать восемь раз (The NewsHour with Jim Lehrer, 2001). Однако к этому времени президент Джордж Буш выступил с официальным обращением к народу дважды, ни разу не прибегая к историческим параллелям.

Интересно отметить, что на политическом уровне метафора Перл-Харбора не была первой реакцией на атаки терактов 11 сентября. Вместо этого именно общество прибегло к этой параллели, благодаря чему довольно быстро сравнение с событиями 7 декабря 1941 стало частью повествования основных средств массовой информации, даже несмотря на то, что президент Джордж Буш-младший избегал подобных сравнений в своих официальных выступлениях. В день атаки, в третий раз обращаясь к народу, президент упоминает лишь, что «Америка и раньше давала отпор врагам» (Bush Addresses Nation, 2001).

Это говорит о том, что метафора Перл-Харбора была сильным и мощным способом понять и осмыслить трагедию 11 сентября, но на ее использование в публичном дискурсе также повлиял политический и социальный контекст, в котором она возникла.

В этот день журналисты проводили много опросов американских граждан об их чувствах и мыслях по поводу атаки. Некоторые из них сравнивают ее с Перл-Харбор. Например, корреспондентка берет интервью у мужчины в аэропорту Далласа, когда он упоминает, что подобное не случилось с Америкой «со времени Перл-Харбора», на что следует вопрос: «Когда вы слышали об этом, Вы подумали о Перл-Харборе?» На него отвечает друг опрашиваемого, который, судя по всему, был первым из них, кто провел аналогию:

«Я подумал о моем отце, который говорил о Перл-Харборе, и чувствах, который он вызвал» (America Under Attack, 2001). Точно также другой опрошиваемый в аэропорту штата Небраска вспоминает о декабре 1941: «Это ужасная трагедия, о которой я когда-либо слышал в своей жизни со времен Перл-Харбора» (Air Force One arrives in Bellevue, 2001).

Подобные интервью подтверждают, что Перл-Харбор был тем самым историческим событием, к которому обращались американские граждане для осознания произошедшего с ними 11 сентября. Именно историческое значение Перл-Харбора для массового сознания и его схожесть с происходящим на эмоциональном и шокирующем уровне само по себе вызвало эту аналогию в памяти очень многих людей. Таким образом, метафора зародилась самостоятельно, в ходе естественных процессов.

Довольно быстро она перешла из высказываний в интервью простых граждан в риторику корреспондентов и журналистов, а затем, как мы писали выше, к приглашенным экспертам. Так, например, один из журналистов ABC в вечерних новостях приводит слова военных, которые «снова и снова упоминали Перл-Харбор, говоря, что это будет гораздо хуже, чем убийства людей в Перл-Харборе много лет назад» (Bush Arrives at White House, 2001). На FoxNews приглашенный ведущий эксперт по противостоянию терроризму Харви Кишнер, примерно в семь вечера 11 сентября, называет произошедшее «Перл-Харбор терроризм», который показывает, что теперь у американцев появился новый враг, «объявляющий войну без униформы». «Это враг, который внутри нас и снаружи, это новое лицо войны в XXI веке» (Fox News, 2001). Мы видим, что люди искали способы осмыслить происходящее, и историческое значение Перл-Харбора сделало его естественной точкой сравнения. В нем также подчеркивается роль средств массовой информации в продвижении этих аналогий и формировании общественного дискурса вокруг события.

В утренних новостях еще не встречается Перл-Харбор, поскольку они сосредоточены на освещении событий, происходящих на глазах всего мира, и лишь к вечеру, когда оставалось лишь разгрести руины и искать выживших, когда трагедия как таковая уже закончилась и остались только последствия, в массовом сознании начался процесс, насколько это возможно, рационального осмысления происходящего, когда первый шок начал отступать. Таким образом, мы можем предположить, что метафора появляется к вечеру 11 сентября.

Свидетельства укоренения в массовом сознании Перл-Харбора, как метафоры к трагедии 11 сентября, мы видим уже на второй день, когда на окнах магазинов люди вывешивают собственноручно нарисованные на ватмане плакаты с надписями «Еще один Перл-Харбор. Действия трусов. Ударь в ответ, Америка. Боже благослови Америку» (CBS Sept. 12, 2001). Однако в утреннем заявлении президента Джорджа Буша младшего вновь не прозвучало никакого

сравнения с тем, что произошло шестьдесят лет назад, несмотря на проведенный опрос CBS американцев с вопросом «Эта атака новый Перл-Харбор?» (*Are Attacks Another Pearl Harbor?*). 60% опрошенных считают, что так и есть, и 28% – нет (CBS Sept. 12, 2001). Лишь 14 сентября, в День молитвы и памяти, посвященный жертвам 11 сентября, Джордж Буш выступал с речью в вашингтонском кафедральном соборе святых Петра и Павла, где косвенно отослал к событиям 1941 года:

«Сегодня мы чувствуем то, что Франклин Рузвельт называл горячим мужеством национального единства. [...] В каждом поколении мир порождает врагов человеческой свободы. Они напали на Америку, потому что мы – это дом свободы и ее защитники. И преданность наших отцов теперь является призывом нашего времени» (President's Remarks, 2001).

Вполне возможно, что президент Буш решил не упоминать Перл-Харбор сразу после терактов 11 сентября, потому что он не хотел создавать нарратив, в котором эти два события слишком тесно сравнивались бы. Возможно, он не хотел упоминать Перл-Харбор, потому что не хотел подчеркивать, в какой степени 11 сентября было внезапным нападением, поскольку это могло быть воспринято как признак слабости или некомпетентности со стороны разведывательного сообщества и правительства. Подчеркивая храбрую и патриотическую реакцию американского народа на нападение, а не тот факт, что оно застало Соединенные Штаты врасплох, Буш, возможно, пытался создать ощущение силы и жизнестойкости, а не уязвимости. Однако по мере того, как Соединенные Штаты начали обдумывать свой ответ на это нападение и способы защиты от будущих нападений, возможно, стало более уместным проводить сравнения с Перл-Харбором, который был аналогичным типом внезапного нападения на американскую землю.

В своих мемуарах Джордж Буш писал об 11 сентября и возникшей в его голове аналогии с 7 декабря 1941: «Мои мысли вернулись к истории. Я смотрел на современный Перл-Харбор. Точно так же, как Франклин Рузвельт сплотил нацию для защиты свободы, моей обязанностью было бы возглавить новое поколение, чтобы защитить Америку» (Bush, 2010, 189). Таким образом, несмотря на очевидность параллели с Перл-Харбором для всех сторон – и власти и граждан, – Буш и представители правительства в первые дни ее не озвучивают. Можно было бы предположить, что они с большой осторожностью подбирали слова для формирования политического дискурса, но мы видим на очень схожем примере слова «война», который также звучал в первые дни в новостях, что это не совсем так. Согласно мемуарам Буша, он получил записку от сенатора и лидера демократического большинства Тома Дэшла, предупреждающую его от использования слова «война», которое «имеет слишком сильное значение» (Bush, 2010, 189). Тем не менее, в своем вечернем обращении 11 сентября Буш уже использует это слово – «война против терроризма». Из всех приведенных слов президента к 14 сентября мы можем заключить, что сама по себе война должна была восприниматься

гораздо положительнее, чем «Перл-Харбор», из-за неоднозначности его понимания (7 декабря 1941, как правило, считается ошибкой разведки США). Однако по мере того, как Соединенные Штаты начали обдумывать свой ответ на нападение и способы защиты от будущих нападений, возможно, стало более уместным проводить сравнения с Перл-Харбором. Использование Бушем словосочетания «современный Перл-Харбор» в его мемуарах говорит о том, что он понимал сходство между этими двумя событиями и признавал историческое значение Перл-Харбора. Тот факт, что он в конечном счете решил использовать слово «война» в своем обращении, говорит о том, что он считал необходимым донести серьезность ситуации и необходимость того, чтобы Соединенные Штаты заняли твердую позицию в борьбе с терроризмом.

Эволюция «Нового Пёрл-Харбора» в СМИ США

Мы видим это, когда впервые Буш проводит прямую аналогию в официальном заявлении 20 сентября 2001 на совместном заседании Конгресса. Однако Буш по-прежнему не называет Перл-Харбор Перл-Харбором. «Американцы знали войны, но за последние 136 лет это были войны на чужой территории, за исключением одного воскресенья в 1941 году» (Charlie Rose, 2001)¹. В своей программе “*The Charlie Rose Show*” на PBS Чарли Роуз тем же вечером обсуждал ее с такими сенаторами, как Джозеф Байден, Ричард Шелби, Фред Томпсон и другие. Бывший сенатор штата Мэн Джордж Митчел говорит о недостатках подобного конфликта с терроризмом, где «нет непрерывных действий, нет видимой линии фронта», на что Чарли Роуз уточняет: «в сравнении с провалом Перл-Харбора» (“*comparison Pearl Harbor fail*”) (Charlie Rose, 2001), что дает нам понять присутствие в публичном дискурсе представления об «одном воскресенье 1941», как действительно провала для Соединенных Штатов в целом, так и для разведки и правительства, которое не смогло защитить своих граждан.

В речах президента и представителей правительства неоднократно звучат призывы к единству и объединению нации, что, в конкретных условиях, действительно было необходимо. В том числе нужно было показать единство всех государственных служб и, в первую очередь, тех, кто должен стоять на защите государства. В том же обращении 20 сентября Буш неоднократно обращается к спецслужбам, например: «Сегодня десятки федеральных департаментов и агентств, а также правительства штатов и местные органы власти несут ответственность, влияющую на внутреннюю безопасность. [...] Многие будут вовлечены в эти усилия, от агентов ФБР до оперативников разведки и резервистов, которых мы призвали на действительную службу» (Address to a Joint Session of Congress, 2001). Точно так же Буш обращается с поддержкой к ЦРУ и ФБР спустя несколько дней 29 сентября в обращении по радио к нации:

1 Charlie Rose 2001-09-20. Bush Addresses Congress, Charlie Rose. Internet Archive Python library 1.9.4.
<https://archive.org/details/Charlie-Rose-2001-09-20>

«На этой неделе я посетил штаб-квартиры ФБР и ЦРУ. Их агенты и аналитики занимались этим делом круглосуточно, выявляя и преследуя врага. В предстоящей длительной кампании им понадобится наша постоянная поддержка и все необходимые инструменты для выполнения своей работы» (Radio Address, 2001).

Ко времени нападения на Перл-Харбор в 1941 году Соединенные Штаты еще не вступили во Вторую мировую войну, и страна не была полностью мобилизована для ведения войны. С другой стороны, террористические атаки 11 сентября произошли во время глобальной «войны с терроризмом», которая продолжалась в течение нескольких лет. Кроме того, 11 сентября стало первым крупным террористическим актом на территории США за последние десятилетия. Президент Буш, возможно, сознательно или подсознательно избегал прямого сравнения с Перл-Харбором, чтобы не заставлять американцев чувствовать себя уязвимыми или неподготовленными к защите страны, что было распространенным чувством среди американцев после нападения на Перл-Харбор. Важно отметить, что он избрал тактику объединения и консолидации, в то время как можно было возложить ответственность на произошедшее на определенную службу, что слабо способствовало бы поставленным целям в противодействии терроризму. Подчеркнув важность единства и необходимость того, чтобы все стороны объединились и работали над достижением общей цели, президент Буш смог направить нации сигнал о силе и решимости, а также заручиться поддержкой ответных усилий правительства. Создание Министерства внутренней безопасности стало прямым результатом этой потребности в единстве и координации между ведомствами, ответственными за национальную безопасность.

Пожалуй, доказательством намеренного избегания официальными представителями правительства сравнений «9/11» с атакой на Перл-Харбор можно назвать почти часовое интервью на канале NBC с Диком Чейни – вице-президентом в администрации Буша-младшего, – вышедшее 16 сентября 2001, в котором он отвечает на вопросы после теракта 11 сентября. На протяжении всей программы не прозвучало метафоры «Перл-Харбор» или косвенных намеков на нее, ни со стороны интервьюера, ни со стороны Чейни (Dick Cheney's post-9/11 interview, 2001). Мы знаем, что уже 11 сентября Перл-Харбор вспоминался в новостных программах довольно часто, а 12 сентября, согласно опросам, 60% американцев считали, что теракт – это «Новый Перл-Харбор». Тогда 14 сентября Джордж Буш косвенно, но все же сослался на 1941 год. Очевидно, что к 16 сентября дискурс о «Перл-Харбор» широко присутствовал в массовом сознании, однако правительство, как мы видим на примере Дика Чейни и президента Буша, старалось не прибегать к нему.

Уже 1 октября 2001 года ситуация постепенно начинает меняться. В речи Рудольфа Джулиани, мэра Нью-Йорка, в обращении к ООН упоминается Перл-Харбор: «Это была самая смертоносная атака – террористическая атака – в истории. Это унесло больше жизней, чем Перл-Харбор или день “Д”» (Giuliani, 2002). Спустя месяц, 10 ноября 2001, президент Буш, выступая в ООН,

не будет отсылать к событиям Второй мировой войны. Здесь сравнение использовано лишь для иллюстрации масштаба трагедии и не носит тех внутриполитических целей, что обычно заложены в использовании этой метафоры (вызвать эмоциональный отклик, обосновать политические позиции и т. п.). В данном случае ссылка Джулиани на Перл-Харбор имела внешнеполитическую цель: демонстрацию политических убеждений американских политиков в целом в вопросе о борьбе с терроризмом, выступая в качестве ориентира для аудитории (Campbell, 2015, 5). В том же месяце президент Буш, все еще на внутриполитическом поле, трижды выступает с речью, где лишь один раз обращается к 1941 году, упоминая не 11 сентября, а 7 декабря (Bush, 2001) – когда президент Франклин Рузвельт выступил по радио с обращением к нации («Беседы у камина») об «Инциденте с Гриром», в ходе которого немецкая подводная лодка обстреляла американский эсминец близ Исландии, чтобы выступить за более активное участие Америки в войне (по официальной версии). Назвав инцидент актом агрессии, Рузвельт приказывает эскортам охранять конвои по Ленд-лизу и расстреливать немецкие подводные лодки на месте (Roosevelt, 2023).

Спустя несколько месяцев Буш снова выступает в Берлине на совместной пресс-конференции в мае 2002 года в бундестаге, где впервые напрямую сравнивает 11 сентября с Перл-Харбор, призывая Европу и Россию к объединению в борьбе против терроризма: «Для Соединенных Штатов 11 сентября 2001 года проложило глубокую разделительную линию в нашей истории – смену эпох, столь же резкую и ясную, как Перл-Харбор или первый день Берлинской блокады. В мире, находящемся во власти террористов, не может быть прочной безопасности – ни для моей страны, ни для любой другой нации» (Bush, 2002). Мы видим, что сравнение изначально использовалось Рудольфом Джулиани для иллюстрации масштабов террористической атаки, а не для оправдания политических позиций или вызова эмоциональной реакции. Отталкиваясь от цели, которую преследовали Соединенные Штаты во внешнеполитических отношениях с Европой и Россией, – это поддержка (в большей степени идеологическая) США в войне с Ираком, – мы можем понять и цель использования метафоры «Перл-Харбор» в международных выступлениях Буша. Таким образом, сравнивая события 9/11 с Перл-Харбором, он подчеркивал, что 11 сентября стало переломным моментом в американской истории, подобным другим крупным событиям, таким как нападение на Перл-Харбор или атаки на башни-близнецы 11 сентября. Это помогло донести идею о том, что они были не только значительной национальной трагедией, но и имели более широкие глобальные последствия, особенно в контексте роли Соединенных Штатов в мировой политике. Так же, как вступление США во Вторую мировую войну в декабре 1941 было решающим фактором для этой войны, так и в XXI веке война с террором требует такой же консолидации мирового сооб-

щества, и атака на Америку имеет такое же определяющее значение для всего мира, как и 60 лет назад.

Отметим, что, несмотря на избегание самим президентом Бушем прямых сравнений 11 сентября с Перл-Харбором, сами эти сравнения в общем информационном поле, оторванные от внутренней политики, активно применялись. Например, 7 декабря 2001 года, на мероприятии в музее Второй мировой войны в Новом Орлеане в честь шестидесятилетия Перл-Харбора, с речью выступил Том Хэнкс (на тот момент уже снявшийся в «Спаси рядового Райана»), сравнив Перл-Харбор с 11 сентября: «Сегодня мир вовлечен в новый конфликт против врага другого вида. Американцы снова демонстрируют свою душу, свой дух, свою решимость и самоотверженность, поддерживая свободу всех людей в мире. Много аналогий между 7 декабря 1941 и 11 сентября 2001. Эти параллели указывают, что решимость в наших душах такая же, какая была в заявлениях президента Франклина Делано Рузвельта 60 лет назад (8 декабря 1941), что наш народ вступил в величайшее начинание XX века» (Pearl Harbor Ceremony, 2001). Сразу после Тома Хэнкса выступил Джордж Буш Старший, 41-й президент США: «11 сентября наша нация пострадала от другой неожиданной атаки, и сегодня мы в другой войне, но я думаю, что долг нашей страны по-прежнему преобладает. Мы говорим сегодня «Помни Перл-Харбор», но мне кажется, что мы как нация говорим: «Помни 11 сентября». Ведь у нас сильный главнокомандующий» (Schildkraut, 2022, 511). Мы видим, что подобные сравнения были более чем распространены в массовом сознании и произносились на официальных мероприятиях устами действительно очень знаменитых людей, но до сих пор президент Буш избегал прямой ассоциации 11 сентября с Перл-Харбором.

Подобные расхождения в риторике политической элиты и общественных настроений относительно «Нового Пёрл-Харбора» очень быстро заметили американские исследователи. Так, Дебора Шильдкраут писала, что можно обнаружить много новых элементов в американской национальной идентичности путем сопоставления реакции американцев на нападение на Перл-Харбор в 1941 году с их реакцией на террористические атаки в 2001 году. А изучение официальной риторики, заявлений в СМИ и общественного мнения после Перл-Харбора и после 11 сентября позволяет, по ее мнению, выявить изменения и преемственность в отношениях между представлениями о национальной идентичности и реакциями на угрозы перед лицом разнообразия. Укоренившиеся с 1941 г. образы и стереотипы были пробуждены 11 сентября. Это столкновение символических представлений о национальной идентичности приводит к расхождению между риторикой элиты и массовым мнением (Schildkraut, 2022, 513).

Период активизации интереса к метафоре «Новый Пёрл-Харбор» произошёл 7 декабря 2001 г. – в годовщину нападения Японии. СМИ США уже представляют общественности новый, изменённый образ Пёрл-Харбора. Как интернет-издания, так и классические газеты в этот день связали образы

«старого» и «нового» Пёрл-Харбора. В публикации Кори Лама (“New York Times”) указывается, что возродить память о Пёрл-Харбор пытались с помощью сериалов, оscarоносных фильмов, но интерес быстро проходил, и только 11 сентября сделало ветеранов Пёрл-Харбор снова нужными: «Всем хотелось знать, как они пережили первый великий и подлый удар по Америке» (New York Times, 2001, December 7, 22). В “New York Times” приводится целый перечень признаков сходства между 7 декабря и 11 сентября и вывод, что «Пёрл-Харбор стал определяющим моментом в мировой истории, сделав США мощнейшей державой на планете». Следовательно, наблюдается эволюция в оценке «Нового Пёрл-Харбора»: от акцентирования внимания на трагедии, жертвах и потерях – к будущим победам. Фактически первая годовщина Пёрл-Харбора после терактов стала мобилизацией исторического прошлого Америки с целью объяснения для общества современного мира.

Такие же мысли озвучивает 7 декабря 2001 г. “Christian Science Monitor Magazine” – день 11 сентября, как и Пёрл-Харбор, – заставил граждан США потерять чувство безопасности и начать войну. Особенность данной статьи в том, что Пёрл-Харбор описывается фразами из выступления президента Буша 11 сентября (Christian Science Monitor Magazine, 2001), т.е. для объяснения читателям «Старого Пёрл-Харбора» используются характеристики «Нового». Таким образом, метафора «Новый Пёрл-Харбор» совершила своеобразный цикл, в котором переплелись оценки и прошлого, и настоящего.

Второй важной чертой нового образа 7 декабря стало целенаправленное игнорирование причин нападения. Ни в печатных, ни в электронных СМИ в юбилей нападения причины не только не анализируются, но даже не упоминаются (Pittsburgh Press, 2001, December 7, 1). Всё ограничивается объяснением – Япония напала на США, т.к. деспотизм всегда нападает на демократию, зло на добро.

В таком упрощённом подходе можно заметить как воздействие фильма Майкла Бэя, так и речи Джорджа Буша от 11 сентября, где причины атаки были обозначены как: «Америка стала целью нападения, потому что мы яркий маяк свободы и возможностей в мире. И никто не воспрепятствует тому свету сиять». (San Francisco Chronicle, 2001, September 12, 1). Обозначение сходства между 7 декабря и 11 сентября, а также замалчивание темы о причинах Пёрл-Харбора подводит американскую общественность к выводу, что в причинах терактов и разбираться не стоит – президент их уже назвал. Этим же достигался ещё один эффект: постоянные, почти ежедневные сравнения терактов и Пёрл-Харбора убеждали общественность, что и реакция государства в обоих случаях должна быть одинаковой.

Теракты 11 сентября стали огромной травмой для американского народа, и реакция Буша на эти теракты была важной частью его публичной персоны. Любое сравнение между событиями 11 сентября и Перл-Харбором, который широко рассматривается как символ вступления Америки во Вторую мировую

войну, могло быть расценено как потенциально вызывающее разногласия в контексте внутренней политики в то время, как президент должен быть символом единения не только народа, но всех уровней управления страны. Подобные разногласия были преодолены уже к лету 2002 года.

Избегание прямых упоминаний какого-то объекта президентом Бушем используется не только в случае Перл-Харбора. Так, например, политолог Шана Кушнер и политтехнолог Эми Гершкофф анализируют, как Джордж Буш формирует контекстуальную связь Саддама Хуссейна и Ирака с «Аль-Каидой» (Запрещенная на территории Российской Федерации организация), никогда публично не обвиняя их в атаке 11 сентября. «Фактически, упоминание о бен Ладене полностью исчезло из выступлений после февраля 2002 года и появилось только в одной речи до этого, в сентябрьском выступлении 2001 года на совместной сессии Конгресса» (Kushner, Gerchhoff, 2005, 525). Администрация президента сопоставляла намеки на Ирак с терминами «террор», «бен Ладен» и «Аль-Каида» так же, как мы видели на примерах выше: «Одно воскресенье 1941» и обращения к Франклину Делано Рузвельту (Kushner, Gerchhoff, 2005, 525). Тем не менее, уже в 2002 году Буш впервые публично высказывает прямое сравнение с Перл-Харбор перед нацией, но уже в другом контексте. На День Независимости 4 июля 2002 года (первый День Независимости после 11 сентября) он выступает с речью, в которой обращается непосредственно ко Дню Независимости Соединенных Штатов 226 лет назад, обращаясь к ценностям, которые были заложены с основанием нового государства, а затем переходит к современности со словами: «В 226 годовщину нашей Независимости мы видим, что американский патриотизм все еще остается живой верой. Мы любим нашу страну еще больше, когда она под угрозой» (Bush Address, 2002). Таким образом он переходит к исторической связке с 11 сентября, призывая к объединению: «Вы нанесете удар по одному американцу, вы нанесете удар по одной Америке, вы нанесете удар по всем нам... [...] Сразу после 11 сентября американцы инстинктивно повернулись к флагам, которые мы разделяем». После Буш постепенно переходит к Перл-Харбору:

«Мы были едины в нашем горе, и мы едины в нашей решимости защитить наш народ и победить врагов Соединенных Штатов Америки. 60 лет назад после атаки на Перл-Харбор генерал Джордж Маршалл объявил: “Перед закатом этой ужасной борьбы наш флаг будет узнаваем по всему миру, как символ свободы с одной стороны и превосходящей силы с другой. Это снова наша цель сегодня. История снова призывает Соединенные Штаты быть превосходящей силой и защищать свободу. И мы сделаем именно это”».

Здесь, в первую очередь эмоционально, но также и с помощью общих объединяющих символов, таких как «флаг» и «свобода», Буш связывает 11 сентября и Перл-Харбор не просто в качестве фактора единства нации, но и в качестве определенного действия – решительного и, главное, военного ответа на произошедшие события. Он связал теракты 11 сентября с Перл-Харбором, используя общую символику американского флага и

свободы, чтобы вызвать чувство солидарности и решимости. Эта «связка» работает, так как сразу после этих слов президент Буш добавляет: «В Афганистане мы разгромили режим талибов (Запрещенная на территории Российской Федерации организация), но это был первый шаг, освобождение этой страны стало началом долгой и безжалостной борьбы» (Bush Address, 2002). Здесь снова повторяется слово, связывающее Перл-Харбор и борьбу с терроризмом. Он также смог представить войну в Афганистане как продолжение борьбы за свободу и демократию, которые определяли американскую политику со времен Второй мировой войны. На наш взгляд, метафора Перл-Харбор в этом случае используется уже с новой целью, в сравнении с 2001 годом и весной 2002: в то время как метафора Перл-Харбора все еще использовалась для того, чтобы вызвать чувство единства и решимости, она также использовалась для оправдания конкретного курса действий – применения военной силы в Афганистане. Проводя это сравнение, президент Буш фактически пытался заручиться поддержкой военного участия США в будущем конфликте в Ираке.

Выводы

На основе сравнения материалов электронных и печатных СМИ, а также официальных публикаций документов, изданных в США, исследована роль метафоры «Новый Пёрл-Харбор» в американском информационном дискурсе. За период 2001–2002 гг. данная метафора прошла довольно интересный путь эволюции, превратившись из простого сравнения 7 декабря и 11 сентября в сложный, многофакторный и противоречивый процесс в информационной жизни США.

Если в первые дни после терактов электронные СМИ США использовали Пёрл-Харбор для сравнения и объяснения читателям произошедшего в историческом контексте, то с конца сентября 2001 г. это уже не просто сравнение, а прямая попытка мобилизации патриотических чувств американцев. Метафора «Новый Пёрл-Харбор» становится значимой частью общественно-политической жизни США, с помощью которой формируется не только американская Я-концепция, но и отношение к внешнему миру (с помощью исторического сравнения обосновывалась необходимость глобальной войны с террором, создание коалиции, завоевание новых военно-политических позиций). Благодаря статьям электронных СМИ США, ключевые черты метафоры «Новый Пёрл-Харбор» в 2001–2002 гг. превратились в значимую часть социальной мифологии и исторической памяти США, где переплелись «Старый» и «Новый Пёрл-Харбор».

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ «“Русский Пёрл-Харбор”: роль исторической метафоры в российско-американских отношениях 2001 – 2020 гг.» (МД-764.2022.2).

The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation “Russian Pearl Harbor: The Role of Historical Metaphor in Russian-American Relations 2001 – 2020” (MD-764.2022.2).

Список литературы | References

- Address to a Joint Session of Congress and the American People.* (2001, September 11). [https://abcnews\[source\].com/home/489711/490046](https://abcnews[source].com/home/489711/490046)
- Air Force One arrives in Bellevue, Nebraska.* (2001, September 11). [https://abcnews\[source\].com/home/489711/492602](https://abcnews[source].com/home/489711/492602)
- America Under Attack.* (2001, September 11). [https://abcnews\[source\].com/home/489711/490261](https://abcnews[source].com/home/489711/490261)
- Bush Address.* (2002, July 4). [https://abcnews\[source\].com/search](https://abcnews[source].com/search)
- Bush Addresses Nation 11 sept. 2001.* (2001, September 11). [https://abcnews\[source\].com/home/489711/492602](https://abcnews[source].com/home/489711/492602)
- Bush Arrives at White House.* (2001, September 11). [https://abcnews\[source\].com/home/489711/492602](https://abcnews[source].com/home/489711/492602)
- Bush, G. (2010). *Decisions points.* Crown Publishers.
- Bush, G. W. (2001). 9/11 Pentagon Remembrance Address. <https://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbush911pentagonmemorial2001.htm>
- Bush, G. W. (2002). *Address to the German Federal Parliament.* Address to the German Federal Parliament. <https://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbushbundestag.htm>
- Campbell, S. (2015). The Role of Metaphors in US Foreign Policy: Global Leadership and Carter Administration. *American International Journal of Social Science*, 4, 1–10.
- CBS Sept. 12, 2001. (2001, September 12). <https://archive.org/details/cbs200109121102-1144>
- Chicago Sun-Times.* (2001).
- Christian Science Monitor Magazine.* (2001, December 7). <https://www.csmonitor.com/csm/contentmap/articles/2001-12-07>
- Dallas Morning News.* (2001).
- Deseret News.* (2001).
- Dick Cheney's post-9/11 interview.* (2001, September 16). NBC. Meet the Press. <https://www.nbc.com/meet-the-press/video/full-episode-dick-cheney-s-post-911-interview/NBCN345669882>
- Fox 5 News.* (2001, September 11). https://archive.org/details/FOX5NEWS_20010911_225500_Fox_5_News

- Giuliani, R. (2002, October 1). *Opening Remarks to the United Nations General Assembly. Special Session on Terrorism*. Opening Remarks to the United Nations General Assembly. Special Session on Terrorism. <https://www.americanrhetoric.com/speeches/rudygiuliani911unitednations.htm>
- Herald-Journal. (2001).
- Kushner, S., & Gerchkoff, A. (2005). Shaping Public Opinion: The 9/11-Iraq Connection in the Bush Administration's Rhetoric. *Perspectives on Politics*, 3(3), 525–537. <https://doi.org/10.1017/S1537592705050334>
- New York Times. (2001).
- Office of the Press Secretary. (2001, September 20). <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html>
- Pearl Harbor Ceremony ABC. (2001). <https://abcnewsvsources.com/search>
- Pittsburgh Press. (2001).
- President's Remarks at National Day of Prayer and Remembrance. (2001, September 14). <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010914-2.html>
- Radio Address of the President to the Nation. (2001, September 29). <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010929.html>
- Roosevelt, F. D. (2023). *Fireside Chat*. Fireside Chat. <https://www.presidency.ucsb.edu/node/210065>
- Rose, C. (2001, September 11). *Bush Addresses Congress, Charlie Rose*. Internet Archive Python Library 1.9.4. <https://archive.org/details/Charlie-Rose-2001-09-20>
- San Francisco Chronicle. (2001).
- Schildkraut, D. J. (2002). The More Things Change... American Identity and Mass and Elite Responses to 9/11. *Political Psychology*, 3, 511–535. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00296>
- St. Louis Post-Dispatch. (2001).
- The NewsHour with Jim Lehrer. (2001, September 11). https://americanarchive.org/catalog/cpb-aacip_507-j09w08x36x
- War, media, and propaganda: A global Perspective. (2004). Rowman & Littlefield Publishers.

The TV Series “Severance” (2022): An Essay on the Visual Mechanisms of Oblivion and Canceling within the Contemporary Pop-Cultural Paradigm

Rastyam T. Aliev

Tomsk State University; Astrakhan Tatishchev State University. Tomsk, Astrakhan, Russia.
Email: [rastaliev\[at\]gmail.com](mailto:rastaliev[at]gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2812-7655>

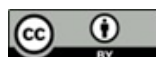
Received: 20 July 2023 | Revised: 5 September 2023 | Accepted: 15 September 2023

Abstract

In this essay, the TV series “Severance” (2022) serves as a lens through which we explore the role and function of memory and oblivion in molding social relations and influencing the human psyche. While the narrative of the series touches on many pertinent issues, the realm of social memory remains insufficiently plumbed by researchers, paving the way for further inquiry and interpretations. An examination of the narrative motifs in “Severance” unveils concerns related to both individual and collective memory. Furthermore, “Severance” stands as a salient example of the visual mechanisms used to depict oblivion and “cancellation” and their subsequent role in sculpting collective memory and social dynamics. Philosophers, sociologists, cultural analysts, and those passionate about the intricacies of memory and oblivion in modern social relations will likely find the conclusions of this essay enlightening.

Keywords

Memory; Oblivion; Collective Memory; Social Relations; “Severance” TV series; Visual Mechanisms; Representation; Autonomy; Individuality; Contemporary World

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Разделение» (2022): эссе о визуальных механизмах репрезентации забвения и отмены в контексте современной поп-культуры

Алиев Растям Туктарович

Томский государственный университет; Астраханский государственный университет
им. В.Н. Татищева. Томск, Астрахань, Россия. Email: [rastaliev\[at\]gmail.com](mailto:rastaliev[at]gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2812-7655>

Рукопись получена: 20 июля 2023 | Пересмотрена: 5 сентября 2023 | Принята: 15 сентября 2023

Аннотация

В данном эссе рассматривается проблема роли и функции памяти и забвения в формировании социальных отношений и их воздействия на человеческую психику на примере сериала «Разделение» (2022). Автор обращает внимание на то, что несмотря на явное наличие многих актуальных проблем в сюжете сериала, область социальной памяти остается недостаточно освещенной, что открывает путь для дальнейших исследований и интерпретаций данного вопроса. В разборе сюжетных мотивов сериала «Разделение» можно уловить неявное, но вполне определенное рассмотрение вопросов не только индивидуальной памяти, но и ее коллективных проявлений. Результаты анализа показывают, что сериал «Разделение» представляет собой интересный пример использования визуальных механизмов для репрезентации забвения и отмены, которые влияют на формирование коллективной памяти и социальных отношений. Выводы эссе могут быть полезны для философов, социологов, культурологов и всех, кто интересуется проблемами памяти, забвения и их влияния на формирование социальных отношений в современном мире.

Ключевые слова

память; забвение; коллективная память; социальные отношения; сериал «Разделение»; визуальные механизмы; репрезентация; автономия; личность; современный мир

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Introduction

Cultural memory, serving as a conceptual link, holds a pivotal position within European social anthropology, demonstrating its deepest affiliations with German and French intellectual traditions. Notably, it is not confined merely to the dimensions of individual experience but extends to the boundaries of collective perception, signifying the intertwining of personal and societal narratives. This perception of memory not only emphasizes the past but also shapes anticipatory contours of the future, thus providing a canvas for interpreting historical perspectives. The understanding of memory transcends a solely introspective gaze, encompassing a broad spectrum of sociocultural processes (Stychinskii, 2020). Historiography, in turn, emerges as a venue where the notion of cultural memory is actively shaped and scrutinized, offering scholarly insight into its mechanisms and dynamics (Nora, 1989, 1996; Terdiman, 1993). Cultural studies, following this trajectory, elucidate the ramifications and manifestations of this memory, examining its presence within diverse cultural artifacts (Stewart, 1993). Collectively, these avenues foster a multidisciplinary approach to studying memory as a paramount element of cultural heritage.

Individual memory, for the most part, has been the focus of the scientific community, primarily within the realm of natural sciences, providing a foundation for empirical research into its structures and functionalities. However, when addressing collective memory, its contours exceed the boundaries of natural scientific methodology, necessitating an integration of sociocultural disciplines. This form of memory, lacking a specific physiological locus, manifests as a multifaceted sociocultural phenomenon, warranting analysis within the domains of social anthropology, sociology, and cultural studies (Trufanova, 2020, pp. 19–20).

The contemporary cultural landscape is not indifferent to shifts in understanding morality and social norms, as evidenced by the emergence of the concept of “cancel culture.” Originating in the late 2010s and early 2020s, this term refers to a specific sociocultural phenomenon in which individuals or groups that violate certain moral or social codes become subjects of public condemnation and ostracism (Bromwich, 2018). A distinctive feature of this phenomenon is that such social exile or boycott can occur even for ill-considered or inadvertent words and actions, regardless of when they occurred. The introduction of this concept into the cultural space has sparked vibrant discussions about its semantics and implications, with discourse surrounding it often carrying negative connotations. This negativity often arises in the context of allegations of suppressing free speech and infringing on intellectual liberty. It should be noted that the concept of “cancel culture” has been adopted by different sociocultural groups and interpreted based on their political and ideological beliefs. Free speech advocates see “cancel culture” as a dangerous form of censorship, while moral and social standards advocates see it as an essential mechanism for maintaining societal moral norms. As a relatively

novel phenomenon in public discourse, “cancel culture” stands at the crossroads between free speech and the imperative for social accountability, making it a subject of profound academic and philosophical scrutiny. In the modern cultural landscape, the nuances of “cancel culture” manifest in the phenomenon of “oblivion,” which, in turn, challenges the principles and structures of “cultural memory” (Lübbe, 2016). This juxtaposition between oblivion and cultural memory reveals deep epistemological and ontological gaps in our understanding of the past and present (Smagambet et al., 2021). It also underscores the intriguing dialectic between preservation and loss, where core concepts of idea and identity are in perpetual flux. Overall, within the context of this cultural dynamism, “oblivion” should be viewed not merely as an antithesis to memory but as a complex occurrence shaped by sociocultural, philosophical, and psychological processes.

In the context of a rapidly shifting cultural landscape, where Canceling culture is gaining significant relevance, particularly concerning pop culture celebrities, there arises an urgent need for a profound analysis of the mechanisms underlying this phenomenon. Notably, pop culture, confronted with this wave of changes, finds ways not only to respond to ongoing events but also to depict the mechanisms of oblivion and Canceling within its works. The TV series “Severance” (2022) stands at the core of our investigation, providing a unique spectacle of these processes' representation through symbols and imagery, occasionally addressing them explicitly. An analysis of this production enables comprehension of pop culture dynamics as well as an exploration of how it frames and reinterprets the context of contemporary cultural space.

At the heart of the series' narrative lies the actions of the opaque technological corporation, Lumon Industries, which, drawing upon modern medical techniques, develops a procedure termed “severance.” This process artificially separates the working and non-working memories of employees, creating a dichotomy in their psychological makeup. Through Mark's experiences as the main character and one of the “severed,” the audience engages in a profound dialogue about the intrigues and foundations of this method. Mark's gradual unveiling of the intricate web of schemes and conspiracies tied to both sides of the “severance” procedure offers a deep analytical perspective on the ethics, morality, and consequences of such technological innovations. The series, in its artistic interpretation, immerses the viewer into a world interwoven with diverse cultural and social issues (Ackerley, 2022; Collier, 2023), highlighting matters connected to the Marxist understanding of labor alienation and the dialectics of human-technology interaction. However, despite this broad visual scope of modern world examination, studies focusing on the analysis of cultural artifacts, like this series, seldom delve into the exploration of social memory and mechanisms of oblivion. This oversight touches upon a crucial aspect: the role and function of memory and oblivion in shaping social relationships and their impact on human psychology. Despite the evident presence of many

pertinent issues in the series' narrative, the realm of social memory remains under-represented, paving the way for further research and interpretations of this subject.

An analysis of the narrative motifs of the TV series “Severance” reveals an indirect but clear examination of not only individual memory, but also its collective manifestations. The predominant focus of scholars on the individual aspect of memory might have overshadowed how deeply and intricately the series sheds light on manipulations of the collective perception of reality. Researchers, by concentrating on the micro-level – the manipulation of individual memory – overlook the macro-level – the transformation of collective reality under the influence of corporate actions. The series presents us with the challenge of examining the transformation of the sociocultural context through the lens of the interplay between the individual and collective. Studies that consider this aspect could substantially broaden our understanding of the interconnections among memory, technology, and society.

Within the framework of this essay, primary attention is given to analyzing the specifics of visual representations of oblivion, highlighting the unique characteristics and nuances they embody. These representations, situated at the intersection of mechanisms of oblivion and Cancel Culture, establish certain regimes of visibility that warrant a closer examination. A hallmark of these regimes is their ability to modify and redefine standard conceptions of memory and historical context. Thus, our analysis is geared towards understanding how these visual mechanisms can serve as tools for sociocultural influence and altering perceptions of reality. Lastly, in the context of this study, it's essential to comprehend how the combination of oblivion and Cancel Culture impacts the formation of contemporary cultural and philosophical paradigms.

Separation of Individual Memory as a Mechanism of Social Oblivion

In considering the concept of duality of self in the TV-S series “Severance”, we grapple with the issue of how individual memory can be transformed. The severance procedure, which creates two parallel versions of one individual, serves not merely as a dramaturgic device, but underscores the complexities of memory and oblivion mechanisms. One of these versions, the “extra”, possesses the ability to recall and retain certain past moments, while its counterpart remains in the shadow of ignorance, avoiding confrontations with potentially painful realities. This portrayal of memory suggests deeply ingrained suppression mechanisms equipped within human consciousness. These mechanisms might serve as a kind of shield from traumatic memories, allowing the mind to avoid re-experiencing pain or discomfort. The idea of memory blockade, as depicted in the series, offers a deeper understanding of the intricacies of human experience and the interaction with memory. While the series is a work of fiction, it prompts us to contemplate intricate

philosophical questions regarding the nature of memory, its role in shaping individuality, and its influence on human experience.

The series offers viewers a profound look into the concept of oblivion, portraying it not merely as incidental forgetfulness but as an active and intentional process. Within this narrative space, the severance procedure offers individuals the chance to sidestep unpleasant experiences or memories, illustrating deep psychological mechanisms governing perception and recollection of the past. For instance, the protagonist, Mark, views the severance procedure as a potential means of catharsis, a solution to the overwhelming grief of losing his beloved, Gemma. In pursuit of relief from emotional torment, Mark pins his hopes on the intervention offering him a respite from painful memories, thereby granting him a path to inner harmony. However, such a decision ushers in a plethora of philosophical and ethical questions concerning self-awareness, personal identity, and the role of memory in shaping human experience. At what point can an individual find certain memories so unbearable that they should be erased from consciousness? And doesn't such a decision strip a person of their full existence, curtailing the capacity for self-reflection and personal growth? Ultimately, Mark's choice to seek solace in the severance procedure represents an attempt to engage with deeply rooted human desires to avoid suffering and seek meaning in traumatic experiences.

Another illustrative case, that of Gabby Arteta, serves as perhaps the most vivid exemplar of this concept in action. Her decision to undergo the severance procedure during childbirth to avoid the painful experience of labor highlights her desire to shield herself from a potentially traumatic ordeal. However, it is important to consider whether this decision denies her the chance to encounter and handle intense emotional moments, which are a crucial aspect of human experience. Such dynamics prompt reflections on how memory can sometimes be reshaped, even distorted, for psychological comfort. From this, it can be inferred that oblivion, when seen as a psychological defense mechanism, is two-fold. On the one hand, it allows the individual to avoid the immediate pain associated with traumatic memories. On the other, this approach could deprive them of a thorough understanding of their past, which could foster a distorted comprehension of their personal history.

Throughout the first season of the TV series "Severance," we observe the process of splitting an individual into two personalities ("extra" and "intra") as not merely a medical or technological intervention but as a profound quandary regarding what delineates human essence. Each "intra," formed as a result of the procedure, begins to live an independent life; yet, their relationships with the world undergo serious transformations and re-evaluations. For instance, in one episode post-severance, one of the "extras" fails to recognize their best friend, casting doubts on the solidity of their friendship and their shared intra-past. Memory loss, in this context, doesn't just sever individual memories but also blurs

the boundaries of social connections, eradicating foundational moments upon which interpersonal relationships are built. This concern becomes even more pertinent considering that a person's identity is shaped not just by internal memories and experiences but also through interactions with others. In another episode, when a family confronts a “severed” relative, their reactions and sentiments shift, as they can't fully associate him with the person they once knew. Therefore, the severance process depicted in the series acts as a mirror reflecting the issue of how individual memories and experiences shape human identity and societal bonds. It also confronts us with the question of what it means to “be oneself” when one's inner world and interactions with the external world undergo such radical shifts. Moreover, the impact of severance on interpersonal relations underscores the significance of memory as a fundamental component determining how we see ourselves within the broader social organism.

In the TV series “Severance,” we discern that the Lumon Corporation is not merely providing a technological service but is exerting a far more subtle and fundamental influence on the psyche and self-perception of its employees. Under the guise of philanthropy, this organization essentially rewrites and restructures human memory, transforming it into a tool for impacting individual identity. In one episode, for instance, an employee who underwent the “severance” procedure discovers that not only his traumatic memories were erased but also other moments of his life that could pose a threat to the corporation's interests. Thus, the Lumon Corporation not only assists its employees in “forgetting” but also dictates what exactly should be remembered and what should be expunged from memory. It operates as a power structure, controlling and manipulating the memories of its workforce. This interference in an individual's memory transcends mere medical or psychological intervention and takes on profound philosophical and ethical connotations. Is there freedom of choice in one's perception of the past if external forces can deeply intervene in one's recollections? What is the cost of such a “service,” and what implications might it have for both the individual and society at large? Clearly, memory is not just an archive of events; it is more akin to a barometer of our identity, determining how we see ourselves and how we perceive the world around us. When a corporation assumes the role of curator of this “archive,” concerns arise about the authenticity of our memories and, consequently, our sense of self. In this way, the actions of the Lumon Corporation as depicted in the series confront us with pressing questions about the boundaries of morality and ethics in a modern world where technology offers capabilities previously deemed impossible or even unimaginable.

The protagonists of the TV series “Severance” grapple with a paradoxical dilemma of loss and discovery, juxtaposing memory erasure against the imperative of its restoration. While the “severance” process liberates the individual from traumatic memories, it concurrently severs their profound ties to the past, erasing the very foundations of identity. Nevertheless, the series does not shy away from the notion that the restoration of memory, even if those memories are painful, can

be a pivotal step in the healing of the soul. Mark, in his pursuit of oblivion, inadvertently loses a portion of his identity. Yet, a discovered image in “intra mode”—a wedding photograph with Gemma, wherein he recognizes a fellow corporation employee—serves as a catalyst for realizing the depth of his loss. This narrative segment stands as a testament to the significance of memories that constitute the core of human essence. Thus, the unseen threads of memory, severed by the procedure, can be mended, and as Mark's experience illustrates, even the most painful recollections bear intrinsic value. They enable an individual to reexamine their life, reinterpret their actions, and perhaps find a path to healing. In the light of such an understanding, the series highlights the intricacies of human memory and its role in shaping individual identity. Through this lens, we comprehend that memories are not merely custodians of the past but active participants in our present, dictating who we truly are.

Technological Intervention in Identity

The TV series plunges viewers into a labyrinth of technological advancements where machines and procedures begin to play a pivotal role in defining the essence of a human being. The Lumon Corporation, embodying futuristic technological concepts, offers the severance service, allowing individuals to confront their alternate selves. Beyond mere duplication, this process delves deeply into the psychological matrix of an individual, segregating and rewriting memories, experiences, as well as emotional and moral attributes. Helly, a character in the series, epitomizes this duality. Post-severance, her identity bifurcates into two distinct personas—Helly and Helena Eagan. Despite originating from a shared root, they possess different memories, varying life experiences, and consequently, unique identities. This poses the individual with the dilemma of one's own identity and the potential for its distortion or loss. The severance procedure offered by the Lumon Corporation undeniably stands as a hallmark of scientific progress. Yet, it also harbors the latent threat of losing one's authentic “self,” which until that juncture, one might have perceived as unchangeable. Mark embodies this dilemma in his quest for his genuine “self.” Encountering fragments from his alternate “extra” life post-severance in “intra” mode, he navigates a maze of introspection, endeavoring to discern which version genuinely mirrors his true identity. This inner turmoil, stemming from technological intervention in the human psyche, questions the value and stability of human memory and identity. Mark's endeavors to reclaim lost memories and answer the quintessential question, “Who am I truly?”, illuminate the spectrum of risks associated with technological innovations that impinge upon consciousness. Hence, irrespective of the external benefits and possibilities these technologies proffer, they might also precipitate profound existential crises where the very foundation of human identity becomes elusive.

Technological advancement, especially when it engenders fundamental shifts in the bedrock of human existence, invariably becomes a catalyst for the emergence

of multifarious conflicts. This is particularly evident in the TV series “Severance,” where the severance procedure proposed by the Lumon Corporation offers individuals the chance to craft an alternative version of themselves, essentially duplicating their essence. This process undeniably spawns a plethora of questions regarding the nature of human identity and the ethics of such profound intervention into its fabric. Intriguingly, the focus isn't so much on the severance procedure itself but on its societal and individual ramifications. Helly, for instance, grapples with the weighty moral and psychological implications of this technological innovation. Her endeavor to articulate the challenges associated with living as the “severed” is an attempt to shed light on the intricacies of this dilemma. However, she faces opposition from Cobel, the department head. This clash of interests, between personal experiences and corporate ambitions, exemplifies how deeply technology can influence social structure and relational dynamics. Representing the corporate perspective, Cobel senses a threat to Lumon's interests and likely fears the potential fallout from a public reckoning with the complexities of severance. Consequently, one can deduce that the interplay with technology in this narrative is not merely a tool for progress but a pivotal factor generating conflicts of varying scales—from personal tribulations to grand social confrontations.

Technological intervention into the realms of personal identity and memory undoubtedly stands as one of the most provocative and contentious phenomena of contemporary society. Within the narrative of the TV series “Severance,” this influence becomes a catalyst for profound shifts in interpersonal relationship structures, exemplified by Mark in his relationships with Gemma and Irving with Burt. As a result of technological intervention, characters' identities and memories are reevaluated, giving rise to new complexities in their interactions. It's evident that when boundaries between past and present, reality and alternative consciousness blur due to technological innovations, it poses significant challenges to personal identification. Moments when Mark and Irving strive to retrieve their memories and discern their true essence showcase the difficulty in maintaining one's individuality in the face of technological dominance. For Gemma and Burt, the situation also becomes intricate as their partners have transformed not just physically but psychologically, casting doubt on their prior relational experiences. Consequently, each finds themselves grappling with the need to reconsider their stance in the relationship and their role in their partner's life. Overall, this narrative facet underscores the multifaceted and intricate impact of technology on the human experience. The introduction of the severance technological procedure probes the liminal spaces between technology and humanity, illustrating how technological advancements can radically reshape and even distort our experiences, interactions, and self-understanding within a social context.

Oblivion Mechanisms as Instruments of Social Control

The emergence of technology capable of manipulating human consciousness and memory offers Lumon Industries unprecedented opportunities to shape and control its corporate image. The concept of oblivion, propagated by the company into the mass consciousness, is not just a technological milestone but also a tool for influencing public opinion. This phenomenon is vividly illustrated through the character of Helly. Bereft of clarity regarding her true identity, Helly unwittingly becomes a puppet in the company's hands, playing the role of a marketing gimmick. Her promotion of the severance procedure not only showcases Lumon Industries' technological prowess but also aims to foster brand loyalty among potential clients. However, the company's interests don't always align with those of the individual, as reflected in Cobel's actions. Her attempt to prevent Helly from expressing her viewpoint at a public event indicates the corporation's readiness to take drastic measures in defense of its image. Within this framework, memory and identity are not just individual attributes but also battlegrounds in the corporate struggle for dominance over public opinion.

Oblivion, as a concept, serves not only as a mechanism of technological intervention but also as a means to control the individual, suppressing dissidence and potential resistance. In this context, amnesia induced through technological means is not merely the loss of specific memories but also the erosion of key facets of individuality. This undermines the autonomy of the subject and their capacity for critical thought. Irving's story stands as a particularly telling example. Stripped of memories from his service in the US Navy, he not only loses a part of his identity but also becomes less critical of the world around him. This, in turn, makes him less inclined to resist and more susceptible to manipulation by the system. Nonetheless, not all characters remain passive in the face of oblivion. Helly's endeavors to articulate the true feelings of the severed signify an intent to challenge the system's imperatives. Yet, her efforts are met with vigorous opposition, exemplified when Natalie seizes her during a speech. This incident underlines Lumon Industries' readiness to take decisive actions with the aim of quashing any signs of dissent.

In an era of technological innovations and the pervasive influence of digital culture across all realms of human activity, mechanisms of oblivion serve as tools for enhancing and consolidating corporate power, especially for potent corporations like Lumon Industries. The logic of information management underpinning the power of this company not only accumulates data but also dictates which pieces of information are to be disclosed and which are to be concealed from the general public. Devon, in revealing to Mark the tumultuous past of Gemma, not only affirms his grasp of the significance of information in the contemporary world but also directly highlights Lumon Industries' intent to control, and even manipulate, this information. This instance testifies to the fact that in the hands of a powerful corporation, information can become a tool for not just commercial, but also ideological, domination. Milchik, in his endeavor to infiltrate the security office during

the “intra” sabotage, showcases determination and a keen understanding of the importance of information control within corporate politics. His actions attest to the notion that the information and data held by Lumon Industries bear not only economic value but can also be leveraged as tools for power amplification. In a globalized landscape of information flow and technological dependency of the individual, mechanisms of oblivion and information control emerge at the forefront of efforts to bolster corporate influence. Lumon Industries, harnessing these mechanisms, seeks dominance within this realm.

Within the context of profound socio-cultural transformations and the emergence of novel technological practices, the procedure of severance, as portrayed in the discussed narrative, becomes an allegory for the individual's interaction with societal structures. This procedure isn't merely a technological novelty but evolves into a tool for intervening in social issues, providing a means for their, so to speak, “technological” resolution. Gabby, opting to undergo the severance procedure in the maternity ward, aims to avoid the traumatic experience of childbirth. However, her decision can be viewed not just as an attempt at individual adaptation but also as a manifestation of societal pressure, pushing towards the adoption of such radical technological methods to address social “problems” or discrepancies. Helly, on the other hand, illustrates how the severance procedure can be employed for not just individual but societal purposes. Her transformation into a promotional stunt to advance the procedure indicates that this technology can serve as a means to fortify or reproduce a particular social order. Thus, the severance procedure is not a neutral tool; it plays an active role in shaping and reshaping social relations, acting as a mechanism for regulating societal norms and expectations. This engenders a polarity in the perception of this procedure, where some individuals see it as an avenue for personal fulfillment, while others become subjects of manipulation within larger sociocultural projects.

In conclusion, the severance procedure acts as a mirror, reflecting the intricate and multifaceted interrelations between the individual and society in an era of technological revolution.

Visual Representations of Oblivion

Within contemporary cultural narratives, visual representations play a pivotal role in the formation and transmission of philosophical and sociocultural ideas. In this context, the images of dark corridors that Irving continuously reproduces on his canvases transcend mere visualization and acquire profound symbolic and metaphorical significance. Seeing these dark corridors as allegories of oblivion brings out a particular tension between the conscious and the unconscious. These corridors symbolize pathways of memory that may have once been explored but are now lost or forgotten in the infinite labyrinths of consciousness. Every depiction of a corridor crafted by Irving serves as a reminder of the fragmentary and volatile nature of human memory, illustrating how effortlessly one can become lost amidst

one's recollections or conversely never find the way to long-forgotten moments. Additionally, the repetition of the same corridor motif may attest to Irving's ceaseless endeavor to comprehend or even transcend oblivion. Perhaps, each new painting represents an attempt to delve deeper into the uncharted corridors of his memory, striving to rediscover lost or forgotten memories.

"The Testing Floor," as a spatial embodiment, gains semantic depth in the context of analyzing memory and identity, especially when its visual representations resonate with the corridors depicted in Irving's paintings. When Miss Casey finds herself on the "Testing Floor," her journey transforms into a metaphorical voyage through the labyrinths of memory, where each passage may lead to lost, distorted, or even erased recollections. This process potentially embodies a continuous confrontation with one's identity, its reevaluation, and perhaps transformation. The fact that the corridors in Irving's paintings visually correspond to the "Testing Floor" amplifies the allegorical connection between the two images. These corridors likely symbolize the pathways and processes of consciousness where memories can be forgotten, altered, or even lost. Thus, the "Testing Floor" can be regarded not only as a physical locale but also as a meta-physical space where the human psyche undergoes scrutiny, doubt, and even deconstruction. This realm, perhaps, becomes the battleground between past and present, between what was and what may be forgotten or rewritten. Within the plot's context, the "Testing Floor" emerges as the site where Miss Casey confronts her memories, fears, and possibly even the loss of her identity. Her traversal of this floor symbolizes a journey through memory, where identity can be challenged, and recollections can be reexamined or even obliterated.

Certain artifacts often become a means of capturing and preserving the past. Within this context, the wedding photograph of Mark and Gemma serves not merely as a documentary testimony of their union but also symbolizes a segment of time, forgotten and lost in the depths of Mark's consciousness. Discovering this relic of the past, Mark grapples with pressing questions regarding the reliability of his memories. This photograph, imbued with meaning and emotion, embodies what seemed forgotten and becomes a pivotal tool in the process of reconstructing personal history. Thus, the photograph not only evokes feelings of nostalgia and melancholy but also poses profound philosophical inquiries concerning the nature of memory, time, and reality. Within this narrative's framework, it acts as a catalytic agent, prompting Mark to delve into his lost memories and attempt a reevaluation and reconstruction of his past. It's noteworthy that such a return to the past via photographs represents a complex process wherein identity and memory undergo reassessment. In this sense, a photograph can serve as a bridge between the past and the present, between actuality and perception.

Space, whether physical or psychological, plays a pivotal role in the process of memory and identity formation. Irving's apartment, as depicted in certain episodes, becomes not merely a place of residence but a locus where the past and present

intersect, and where perception and reality intertwine. Crossing the threshold of this space, characters encounter fragments of their past that had long been forgotten or suppressed. Such trigger-spaces can be interpreted as visual allegories of lost corridors of memory, which, while remaining unseen and elusive, can nonetheless be activated by specific stimuli. Intriguingly, these places invoke not only recollections but also reflection, analysis, and introspection. Engaging with these spaces of memorial allegory, an individual might become aware of the gaps and fissures in their memory, as well as moments that have been distorted or reinterpreted over time. This offers an opportunity to reevaluate the past, refine it, and even reconsider one's relationship with it. However, it's crucial to recognize that such places can also serve as realms of oblivion. Navigating through them, an individual might confront not only memories but also moments they'd prefer to forget or evade. Thus, the interaction with such spaces represents a dual process: the exploration and restoration of the past on one hand, and potential oblivion or distortion on the other. Spaces where the past and present intertwine are potent tools for exploring memory, identity, and self-awareness, becoming mirrors in which an individual might see reflections of their past, their losses, and their quests.

Cancel Culture and Social Interaction

Cancel culture, in its contemporary understanding, can be perceived as a deeply institutionalized expression of power relations, where mechanisms of exclusion and control become intensively employed tools to reinforce social order. Irving, whose solitude is illustrated by his consistent engagement in drawing, can be viewed as a casualty of a sociocultural dynamic that positions the individual in a state of isolation. His repetitive paintings not only express his inner state, but also symbolize an outer world in which uniformity and stereotyping are the dominant tendencies.

Helly, striving for perfection in data processing, immerses herself in a process that seemingly should lead to her integration within the society of other 'intras'. Yet, her isolation and excessive fixation on percentage efficiency paradoxically amplify her social alienation. The procedure of severance can be comprehended as an external instrument of power, intended for the creation and maintenance of specific social structures. However, this procedure also impacts the psychological state of the individual, intensifying their sense of isolation and detachment. Such practices don't merely manifest as random expressions of culture but represent internal mechanisms through which power is manifested and consolidated. In this dynamic, the individual, when subjected to these mechanisms, becomes an object of control and regulation. Cancel culture and social isolation through the procedure of severance act as manifestations of a global power dynamic, where the individual not only becomes an object but also an active participant in this process, accepting, applying, and reproducing these practices.

Within the intricate web of sociocultural practices that shape and reshape individual and collective identities, alienation and misunderstanding in relationships can be viewed as fundamental components of contemporary human experience. The spectrum of relationships, in its multifaceted complexity, becomes a realm where power imbalances, control, and suppression manifest. Mark and Miss Casey, both having undergone the severance procedure, grapple with the surreal reality of lost shared memories. In this context, severance serves not merely as a mechanical tool of oblivion but also as a metaphor for profound sociocultural estrangement when institutional mechanisms erase or distort the most intimate and significant life moments. Irving's return to Burt and his discovery of Burt's new relationships symbolize a profound loss of social connections. This moment illuminates not only Irving's personal sense of alienation but also a broader societal state where the rapid pace of sociocultural shifts engenders feelings of instability and uncertainty. These individual experiences are not random or isolated manifestations but rather the outcomes of broader discursive practices that mold, regulate, and oversee societal relations. Institutions and cultural practices set the boundaries within which relationships are formed, evolve, and disintegrate. It can be posited that relationships in contemporary society have become a battleground for identity, understanding, and belonging, where institutional mechanisms and discursive practices play a pivotal role in shaping experiences of alienation and misunderstanding.

Within the context of such social interactions and institutional structures, public condemnation emerges as a potent tool for control and regulation, attesting to deeply ingrained discursive practices that create and sustain specific standards of norms and values. These standards, defined by dominant institutions and social groups, are invariably accompanied by sanctions for those who deviate from the established order. Cobel, becoming a target of public scrutiny, faces sanctions from the board of directors, highlighting how corporate and economic structures interact with public sentiment in the process of forming and reinforcing their authority. Cobel's withholding of information is perceived not merely as an individual transgression but as an act that jeopardizes the corporation's stability and reputation, thereby revealing the power of corporate discourse. Helly, attempting to elevate the memories of the severed to a public pedestal, encounters resistance from Natalie. This act of interruption not only represents an individual conflict between the two characters but also illustrates how dominant social groups and institutions strive to suppress and control "dangerous" discourses. Moreover, in halting Helly, Natalie not only ensures the preservation of the social order but also exemplifies the mechanism of social control that underpins discursive practices.

Thus, public condemnation and societal reactions are not merely incidental social phenomena but are the outcomes of deeply rooted discursive structures that shape and dictate which practices and actions are permissible within a given sociocultural context.

Social pressure and the imperative to meet specific expectations can be construed as mechanisms of power, operating through practices of normalization and regulation of individual behavior. These practices, while appearing minute or at a superficial level, permeate deep structures of social consciousness, influencing the acceptance of certain decisions and actions. Helly, upon discovering her true name and role within the company, is confronted with a dilemma embodying societal conflicts. Her newfound identity demands of her a behavior that aligns with established standards and expectations, reflecting the overarching discursive structures that impose constraints on individual trajectories. Gabby, on the cusp of such a significant and transitional life event as childbirth, experiences the weight of sociocultural expectations. Her decision to undergo the severance procedure at the maternity hospital is not just an individual choice but unveils how social norms and expectations can shape personal experiences and decisions. Gabby's fear of the childbirth experience not only mirrors intimate emotions but also reveals deeply entrenched power structures, cultivated over generations, and embodying prevailing notions of femininity, motherhood, and biological realities.

These two examples, although seemingly disparate at first glance, explore the theme of social pressure as a mechanism of control steered by dominant sociocultural practices. Under the influence of this insidious power, individuals often make decisions in line with societal expectations, even if they might contradict their personal beliefs or desires.

Within the profound symbolic context of the TV series "Severance," the division of the individual into "extra" and "intra" not only manifests as a metaphysical stratification of reality but also underscores the manner in which a person is effectively erased from social space and time. The "extra" represents a person who is excluded from dialogue with sociocultural reality, detached from societal expectations and norms. Irving, for instance, immersed in his monotonous paintings, epitomizes this process of alienation from the social world, becoming a captive of his personal memory labyrinths and severed from mundane time. In contrast, the "intra" embodies itself within the corporate realm, becoming entirely dependent on its established rules and rituals. The "intra" individual submits to a structure that, while providing them with a role and occupation, limits their ability to interact with the external world. Helly, engrossed in her work routine, exemplifies this total immersion in "work" time, detached from societal time and space. The metaphor of the office space labyrinth accentuates the intricacies of the human psyche, where each turn might unveil new corners of consciousness or hidden facets of one's personality. However, delving into these depths, by corporate standards, is perceived as a transgression, underscoring society's ambition to control and regulate individual introspection. Thus, corporate ethics, assuming the role of the regulator of an individual's inner world, acquires religious undertones, evolving into a sort of sacred canon that demarcates the permissible from the forbidden.

Conclusions

In the context of analyzing contemporary society through the lens of the TV series “Severance,” the infiltration of various mechanisms into the realm of human memory and identity becomes evident. The instance of individual memory severance, wherein Mark and Miss Casey forget each other as husband and wife post-severance, illuminates questions about the possibility of social oblivion. Technological intervention, exemplified in the series by Gabby, who opts for severance out of fear of the childbirth experience, represents a novel tier in understanding individual autonomy, as well as the complexities and potentials of human consciousness. Mechanisms of oblivion, observable in the erasure of memories from characters, such as Mark and Gemma's recollections of their wedding day, can serve as methods to shape new realities or reinterpret the past.

Visual representations of oblivion, such as the dark corridors sketched by Irving, or the “Testing Floor” where Miss Casey confronts her past, mirror the role of imagery in constructing and reinterpreting reality. Lastly, Canceling culture and social interaction within the series' context highlight the rapid shift in understanding social norms. This is illustrated in moments when Cobel becomes the target of criticism due to concealed information or when Helly attempts to voice the sufferings of the severed.

Consequently, exploring these facets through the series enables us to delve deeper into the intricacies and nuances of contemporary society, especially in the context of evolving changes and technological advancements.

Acknowledgments

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

References

- Ackerley, B. (2022). Work-life balance? *New Scientist*, 253(3375), 32. [https://doi.org/10.1016/S0262-4079\(22\)00338-4](https://doi.org/10.1016/S0262-4079(22)00338-4)
- Bromwich, J. E. (2018, June 28). Everyone Is Canceled. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2018/06/28/style/is-it-canceled.html>
- Collier, M. (2023). *Unknown, Unknown, Delaware, Unknown*: The Mind-Games of “Severance. *New Review of Film & Television Studies*. <https://nrftsjournal.org/severance/>
- Lübbe, H. (2016). Esquecimento e historicização da memória [Forgetting and the historicization of memory]. *Estudos Históricos (Rio de Janeiro)*, 29(57), 285–300. <https://doi.org/10.1590/S0103-21862016000100015> (In Portuguese).
- Nora, P. (1989). Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*, 26, 7–24. <https://doi.org/10.2307/2928520>

- Nora, P. (1996). The Era of Commemoration. In P. Nora & L. Kritzman (Eds.), *Realms of Memory: The construction of the French Past* Vol. 3. (pp. 609–637). Columbia University Press.
- Smagambet, B. Z., Tlespayeva, A. A., & Musabayeva, A. B. (2021). Social Memory: From Oblivion or Construction to Cultural Trauma. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 13(2).
- Stewart, S. (1993). Objects of desire. Part I: The Souvenir. In *On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection*. Duke University Press.
- Stychinskii, M. S. (2020). Identity Crisis: Mechanisms of Oblivion And Memorialization in the Context of Globalization. *Voprosy Filosofii*, 7, 35–39. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-35-39> (In Russian).
- Terdiman, R. (1993). Historicizing Memory. In *Present Past: Modernity and the Memory Crisis*. Cornell University Press.
- Trufanova, E. O. (2020). Individual and Collective Memory: Intersection Points. *Voprosy Filosofii*, 6, 18–22. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22> (In Russian).

Список литературы

- Ackerley, B. (2022). Work-life balance? *New Scientist*, 253(3375), 32. [https://doi.org/10.1016/S0262-4079\(22\)00338-4](https://doi.org/10.1016/S0262-4079(22)00338-4)
- Bromwich, J. E. (2018, June 28). Everyone Is Canceled. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2018/06/28/style/is-it-canceled.html>
- Collier, M. (2023). *Unknown, Unknown, Delaware, Unknown*: The Mind-Games of “Severance”. *New Review of Film & Television Studies*. <https://nrftsjournal.org/severance/>
- Lübbe, H. (2016). Esquecimento e historicização da memória [Forgetting and the historicization of memory]. *Estudos Históricos (Rio de Janeiro)*, 29(57), 285–300. <https://doi.org/10.1590/S0103-21862016000100015> (In Portuguese).
- Nora, P. (1989). Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*, 26, 7–24. <https://doi.org/10.2307/2928520>
- Nora, P. (1996). The Era of Commemoration. In P. Nora & L. Kritzman (Eds.), *Realms of Memory: The construction of the French Past* Vol. 3. (pp. 609–637). Columbia University Press.
- Smagambet, B. Z., Tlespayeva, A. A., & Musabayeva, A. B. (2021). Social Memory: From Oblivion or Construction to Cultural Trauma. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 13(2).
- Stewart, S. (1993). Objects of desire. Part I: The Souvenir. In *On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection*. Duke University Press.
- Terdiman, R. (1993). Historicizing Memory. In *Present Past: Modernity and the Memory Crisis*. Cornell University Press.
- Стычинский, М. С. (2020). Кризис идентичности: Механизмы забвения и мемориализации в условиях глобализации. *Вопросы Философии*, 7, 35–39. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-35-39>
- Труфанова, Е. О. (2020). Индивидуальная и коллективная память: Точки пересечения. *Вопросы философии*, 6, 18–22. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22>

Surreal Virtual Spaces Created in Cinema with Metaverse. Avatar: The Way of Water

Nursel Bolat (a) & Esennur Sirer (b)

(a) Ondokuz Mayıs University. Samsun, Turkey. Email: [nurselbolat\[at\]gmail.com](mailto:nurselbolat[at]gmail.com)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3986-7408>

(b) Üsküdar University. Üsküdar, İstanbul, Turkey. Email: [esennur.sirer\[at\]uskudar.edu.tr](mailto:esennur.sirer[at]uskudar.edu.tr)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0345-4158>

Received: 14 July 2023 | Revised: 11 October 2023 | Accepted: 19 October 2023

Abstract

The metaverse was first expressed in Neal Stephenson's science fantasy novel "Snowcrash" as the idea of a three-dimensional virtual world, in which both visual and social content are designed by the inhabitants themselves. Metaverse, which means the other universe, is presented as a three-dimensional graphic virtual world in the computer environment in Stephenson's novel. Cinema has started to use this technology in the design of spaces by quickly integrating with the metaverse technology. In this context, the surreal understanding of art, which manifests itself in the art of painting, has also taken its place in the space designs in the cinema with the technological developments in the film industry. In this study, the definition of intersemiotics is used to express the transactions such as space and theme between paintings and films in the art universe. The concept of intertextuality, which indicates the exchange between at least two literary texts, expresses the transactions of an art discipline with other art disciplines in the recent period, with the adaptation of the concept of intertextuality to other art branches. When the concept is adapted to cinema, the comparative processes of cinema with other art disciplines are evaluated in the context of intersemiotics. In this context, the re-creation of the fictional space of the thought created by virtual reality together with the surreal movement in the cinema is evaluated through the film "Avatar: The Way of Water".

Keywords

Metaverse; Surreal Art; Cinema; Virtual Film; Virtual Space; Fiction; Avatar The Way of Water; Inter-semiotics; Painting

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Сюрреалистичные виртуальные пространства, созданные в кино с помощью Метавселенных. Аватар: Путь воды

Болат Нурсель (а), Сирер Эсеннур (б)

(а) Университет Ондокуз Маис. Самсун, Турция. Email: [nurselbolat\[at\]gmail.com](mailto:nurselbolat[at]gmail.com)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3986-7408>

(б) Ускюдарский университет. Ускюдар, Стамбул, Турция. Email: [esenur.sirer\[at\]uskudar.edu.tr](mailto:esenur.sirer[at]uskudar.edu.tr)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0345-4158>

Рукопись получена: 14 июля 2023 | Пересмотрена: 11 октября 2023 | Принята: 19 октября 2023

Аннотация

Метавселенная впервые была выражена в научно-фантастическом романе Нила Стивенсона «Снегопад» как идея трехмерного виртуального мира, в котором как визуальное, так и социальное содержание создается самими обитателями. Метавселенная, что означает «другая вселенная», представлена в романе Стивенсона как трехмерный графический виртуальный мир в компьютерной среде. Кинотеатр начал использовать эту технологию в дизайне пространств, быстро интегрируясь с технологией метавселенной. В этом контексте сюрреалистическое понимание искусства, которое проявляется в искусстве живописи, также заняло свое место в пространственных проектах в кино с технологическими разработками в киноиндустрии. В этом исследовании определение интерсемиотики используется для выражения транзакций, таких как пространство и тема, между картинами и фильмами во вселенной искусства. Понятие интертекстуальности, которое используется для обозначения обмена по крайней мере между двумя литературными текстами, используется для выражения транзакций художественной дисциплины с другими художественными дисциплинами в недавний период с адаптацией понятия интертекстуальности к другим художественным отраслям. Когда концепция адаптирована к кинематографу, процессы сравнения кино с другими художественными дисциплинами оцениваются в контексте интерсемиотики. В этом контексте воссоздание вымышленного пространства мысли, созданного виртуальной реальностью, вместе с сюрреалистическим движением в кино оценивается через фильм «Аватар: путь воды».

Ключевые слова

метавселенная; сюрреалистическое искусство; кино; виртуальное кино; виртуальное пространство; художественная литература; Аватар: Путь Воды; интерсемиотика; живопись

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Introduction

In the 1990s, the internet became part of people's lives along with computers. In the 2000s, it facilitated interpersonal communication, and with the increasing use of mobile devices in the 2010s, it enhanced both mobility and interaction (Lee, 2021, p. 72). New technologies and the digitalized world also shape the way they experience life (Çakın, 2022, p. 118). As a result of the development of technology, the metaverse universe has also emerged and its applications have become increasingly diverse. The stages the metaverse universe will reach, the possibilities or drawbacks it will provide or create, are still a mystery within itself. However, successful studies have been conducted in the field of spatial construction in cinema, particularly utilizing visual elements created in the metaverse universe to support surreal narratives in film.

The metaverse, besides offering new realms of reality, meaning, and collaboration opportunities, also provides infrastructure and interaction possibilities for cultural, intellectual, and economic production. In this context, the metaverse presents a cybersocial dimension where different advanced technologies are used simultaneously and integrated. Cinema, which quickly integrates technological advancements, utilizes metaverse technologies to construct its own visual narratives. Particularly in films with a fantastical narrative, metaverse spaces are created.

Metaverse places draw inspiration from surreal art movements when creating virtual spaces in films. One of the influential factors in the emergence of surrealism as an art movement is Sigmund Freud's research and methods that explain subconscious issues and dreams. According to Freud's psychoanalytic method, a person's hidden desires and thoughts that cannot reach the conscious level are concealed in the subconscious. This hidden realm can only be accessed through dreams, hypnosis, or semi-dream states (Freud, 2008). Dreams, which provide surrealists with an infinite source and a realm of freedom, have guided artists. In cinema, these dreams have been used as a foundation for creating their own fantastical narratives.

The article focuses on the concepts of metaverse and surreal art and explores the relationship between the spaces in surreal art movement and the virtual spaces created through the metaverse. In this context, the film "Avatar: The Way of Water", which was released in 2022 and achieved high viewership, is selected as an example, and examined for its visuals designed as surreal spaces in the metaverse universe. The analysis is attempted within the framework of the concept of intervisuality, which is a reinterpretation of intertextuality specifically tailored for visual arts, for the visual examination of painting and cinema.

Metaverse in Conceptual Framework

The term "Metaverse" was first used by science fiction writer Neal Stephenson in his dystopian novel "Snow Crash" published in 1992. In the novel, Metaverse describes the characters' escape from reality (Bendifallah & Djerrari, 2022, p. 11).

However, in a different context, Ernest Cline redefined it as “Oasis” in his later novel “Ready Player One”, which was also adapted into a film by Steven Spielberg (Webrazzi, 2021). The term “Metaverse” is derived from the combination of “meta” (beyond) and “universe”, and it represents a concept that goes beyond commerce and entertainment, allowing the creation of virtual communities. It refers to a new generation of the Internet, encompassing a three-dimensional virtual space where users can interact through their avatars. It has been described as the “digital big bang” in cyberspace (Kuş, 2021, p. 247).

The Metaverse is built on blockchain technology, providing a structure where all owned or created items have unique, non-replicable, and non-fungible characteristics. Similar to artworks, blockchain technology ensures distinctiveness for each product. Digital products created in the Metaverse environment possess the uniqueness of being one of a kind. Metaverse utilizing cryptocurrencies offers an environment where everything is bought and sold using different cryptocurrencies (Laeq, 2022). The Metaverse is an expanding universe with assets, services, and content created by professionals and users every day. Many industries, including technology, entertainment, fashion, and education, are investing in the Metaverse, attracting globally renowned brands. Meta stands as one of the largest investors in the Metaverse (Bostancı & Uncu, 2022, p. 63).

The Metaverse also provides a space for interacting with virtual objects in the real world. This space, representing the beyond through virtual boundlessness, enables real-time interaction between virtual and physical environments (Reedsmith, 2021, p. 5). Although it is a digital realm that seemingly controls people, the concept of the Metaverse is ultimately created by human hands and is also recognized as a three-dimensional virtual world (Ayiter, 2012, p. 1). The realism of the Metaverse world is achieved through the user’s psychological and emotional interaction with the environment. The user’s ability to influence the environment and the nature of their actions towards their avatar are significant factors in the believability of that environment (Srushti, 2019, p. 5). Particularly in cinema, enhancing the believability of user-created spaces also increases the viewer’s psychological or emotional perception in the created surreal settings.

Surrealistic Art Approach

The concept of surrealism has its roots in metaphysics. Metaphysics is derived from the Greek words “meta”, meaning “beyond” or “transcendent”, and “physical”, which refers to nature and essence. The term “metaphysics” has been used for many years to describe the non-natural quality and has been associated with various meanings at different times, including Philosophy, Theology, Ontology (the study of being), and Epistemology (the study of knowledge) (Hançerlioğlu, 1993, pp. 258-259).

The twentieth century was a period of significant scientific and technological advancements, as well as social and political revolutions that upended lives. It was

a time when individualistic and collectivist ideologies emerged, bringing both hope and despair simultaneously. These contrasting emotions influenced art, blurring its boundaries, and giving rise to sociological and ontological debates. The movements of Dada and Surrealism, which emerged during this period, reflect the atmosphere of this troubled era (Yilmaz, 2005, p. 132). Surrealist artists, drawing on Freud's concept of the unconscious, incorporated the notion of the unconscious into their works from a broad perspective. In doing so, they turned their focus away from the apparent reality and towards their own subjective realities (Altuğ, 2008, p. 188-189).

Due to its aim to reflect what lies in the artist's unconscious, the surrealist art movement has led each surrealist artist to create their own style in a unique way. Therefore, surrealism does not have a single style (Vangölü, 2016, p. 873). Surrealist art displays a distinct structure compared to other art movements, allowing the expression of visible reality in a fantastical form. As a result, surrealist thinking resides in the boundaries between the realm of the psyche and reality, existing between the real and the unreal. Ultimately, this metaphor presents the reality of the external world alongside the spirituality of the inner world in an aesthetic manner.

Symbolism, which is a reflection of surrealism, is based on the idea of existing within the realm of perception of reality. Symbolism represents a new understanding that emerges from the interpretation of the external world through the artist's imagination, detached from the appearance of material reality but still connected to its essence. Surrealism, on the other hand, is defined as the convergence of two seemingly opposing states, namely, imagination and reality, in a future state of "absolute reality" or "super-reality" (Breton, 1997, p. 14). Surrealist artists embraced methods that relied on complete randomnesses, such as assemblage of found objects, frottage (rubbing technique), automatic drawing, and decalcomania, which expressed the new artistic pursuits of the 1920s without distorting form (Antmen, 2008, p. 136).

Surrealism is an approach that has its own important principles and emphasizes individualism and freedom. The surrealists' approach to the individual, in their own words, can be summarized as follows: "Everything I love, everything I think and feel, convinces me of a special philosophy of existence. Here, surrealism is directly in reality itself. It is neither above nor outside it. It includes the individual, and at the same time, it can be included by that thing, so the reverse can also be true" (Passeron, 1982, p. 36).

Surrealist art movements are evaluated as alternative tendencies in cinema, taking shape within the framework of impressionism, cubism, futurism, abstract art, expressionism, and surrealism. Initially reflected in the canvases of painters, this art movement has later been observed in various fields such as photography, architecture, and literature, making a strong impact in cinema as well.

Surreal Narrative in Cinema

The surrealist approaches that draw inspiration from the art of painting can be traced back to the early days of cinema. Although the term “Surrealism” was first coined by the French poet Guillaume Apollinaire towards the end of the Dadaist movement, it was André Breton who solidified the surrealist movement by publishing the “First Surrealist Manifesto” in 1924 (Antmen, 2014, p. 135). In the realm of cinema, the first example of the surrealist movement, which quickly found its place, is considered to be the film “La Coquille et le Clergyman” (1928).

Breton, in his book, believed that the seemingly contrasting positions of dreams and reality would merge on an absolute reality plane called surrealism (1969, p. 14). While surrealist cinema impacts emotions through reason, the emotional connection between images is also established through the mind. The fragmentation of space and time, uncanny settings, a narrative detached from unity and linearity, and an atmosphere reminiscent of dreams that reflect the subconscious are characteristic of surrealist cinema, which reflects ideological and social realities (Doğan, 2018, p. 21). In the design of a surrealist space used in film narratives, fluidity, variability, uncanniness, and spatial transitions are employed to create surprise and shock effects.

Surreal Space Approach

Breton (2009) defines Surrealism as “the process of seeking new rules to either affirm or invalidate existing values”. According to Passeron, the revolution brought about by Surrealism offers a playground for the discussion of both the visible and invisible worlds, presenting significant issues that need to be deciphered (1982, p. 25-37). Therefore, the spatial designs that stand out in Surrealism go beyond known boundaries and challenge people’s imagination. They push the limits of human imagination and creativity.

Architectures are seen as “psychological spaces” by surrealists. Therefore, the house is not an objective space; it has transitioned into a space that accommodates internal, spiritual, and individual desires. This situation makes it both personal and variable in terms of its spatial form (Foster, 2002, p. 134-172).

Each individual settles into the space where they recognize or lose themselves, and consequently, benefit from or transform it (Lefebvre, 2014, p. 64). The production of space is seen as a significant auxiliary function for the revitalization of the human spirit. In the texts of surrealist artists, there is a longing for architecture that reveals the individual’s desires and the unconscious, while perceiving modern architecture as a totalitarian practice (Gönül, 2014, p. 94). In this context, it is argued that the spaces designed by surrealists should have fluid and rounded forms rather than rigid and didactic ones (Bachelard, 2014, p. 38).

Space in the Surreal Narrative of Cinema

The process of selecting the art object and interpreting it according to the artist's intention gives rise to a perception and perceptual difference between the natural object and the art object. Due to the straightforward perception of natural objects based on their formation and existence, there are sharp differences between them and art objects. The selection, variety of perception, and existence of the art object are entirely dependent on the artist. This different understanding of reality, thus created, is seen as a reflection of the subconscious. The images seen in dreams or sometimes dreams themselves are the places where this reality is captured and brought to light (Neret, 1997, p. 44). Artists imbue seemingly ordinary and insignificant objects with new meanings, thereby creating artworks. In this process, the production aimed at seeking new meanings reflects a world different from real life. Particularly, the surrealist art movement, which began with painting and continued with photography, allows conceptual artists to employ boundless imagination when it comes to space, aided by the emergence of cinema.

With their belief in the freedom of unlimited thinking and imagination, surrealists have also had to confront the great divide between these teachings (Lynton, 2004, p. 173). Space serves as an important supporter for the medium of cinema. Surrealism can be incorporated into a film based on its subject and narrative. A film that revolves around a utopian or dystopian story would likewise take place in surreal spaces. These spaces are places that cannot be experienced in real life but can be experienced by the audience within the context of a film.

In cinema, spaces are as much a part of the game as characters and serve a function in the process of visualizing the screenplay. In some film scripts, spaces play a more prominent role than characters in conveying the story to the audience. Especially in the realm of fantasy storytelling, fictional spaces that push the boundaries of imagination are needed more than characters. Fictional spaces that cannot exist in reality create a magical atmosphere for the audience. These spaces enable the audience to approach reality from a different perspective and question their existing knowledge of space (Güleç and Çağlar, 2014). Films that imbue meaning into spaces are successful to the extent that they enable the audience to perceive and comprehend them.

The idealized views of a better world depicted in films can present different ideologies. When these views are critically deciphered, they can shed light on the ideological issues and struggles of their time (Kellner, 2011, p. 35). In the early years of cinema, directors transported surreal spaces into their films. The first example of surrealism in science fiction cinema is the 1902 film "Le Voyage Dans La Lune" by Georges Melies. The film was inspired by works such as Jules Verne's "From the Earth to the Moon", "Around the Moon", and H.G. Wells' "The First Men in the Moon". George Méliès holds a special place in the surrealist understanding of cinema due to his ability to express art visually (Çanğa, 2016, p. 55).

Since the 1970s, science fiction narratives, where surrealism has found a significant place, have emerged as a visually dominant genre in cinema. The 1977 film “Star Wars”, considered the beginning of science fiction films, has endured until today with the quality brought by advancing technology to the film industry. Ridley Scott’s “Blade Runner” stands out with its surrealistic spatial characteristics. Towards the end of the 20th century, the film industry began to explore the theme of cyberspace in science fiction cinema. The film “The Matrix” is a prominent example in this regard. The concept of the Metaverse was first introduced in science fiction films and series. Among the productions that started with the film “The Matrix” and are frequently mentioned are “Black Mirror” and “Ready Player One”. The 2022 film “Avatar: The Way of Water” is also being examined within the scope of this study due to its production in both surrealism and the Metaverse environment.

Methodology

Intersemiotics, which has its origins in Ferdinand de Saussure’s concept of the sign in his *Course in General Linguistics* and is inspired by Roman Jakobson’s concept of intersemiotics translation, aims to adapt the method of examining mutual exchanges to different art forms. In this context, the article under consideration aims to examine the exchange of spatial usage between different art forms such as cinema and picture within the framework of the intersemiotics approach.

Starting from Saussure’s definition of “language as a system of signs”, the exchange processes between different art forms such as cinema and painting are questioned under the heading of intersemiotics (Atkulum, 2011, p. 2). Therefore, in the process of examination that begins with an intertextual narrative and moves towards intersemiotics, the presentation involves blending the old with the new through intertextual methods such as imitation, quotation, and reflection.

The relationships between cinema and painting in the context of intersemiotics refer to the exchange processes between the non-verbal (painting) and audio-visual (cinema) elements. When elements from cinema or painting are present in the other discipline, the intersemiotics process begins. It is known that cinematic data is used in the field of painting (or vice versa) and that these two disciplines frequently quote each other. In the scope of this article, the film “Avatar: The Way of Water” and the surreal spaces created in the Metaverse universe within this film are being examined.

“Avatar: The Way of Water” was chosen as a purposeful sample because it attracts attention with its fantastic sci-fi and metaverse locations and has a high audience.

Avatar: The Way of Water Movie Analysis

“Avatar: The Way of Water” movie was released on December 16, 2022, and its duration is 3h 12min. Film is in the genre of science fiction, adventure, fantasy, and action.

Director: James Cameron

Scenario: James Cameron, Rick Jaffa

Film actors: Sam Worthington, Zoe Saldana, Sigourney Weaver (Beyazperde, 2023).

The first *Avatar* film, released in 2009, is a science fiction movie that became the highest-grossing film of all time with a revenue of \$2.97 billion (BBC News Türkçe, 29.12.2022). The film featured predominantly computer-generated environments and characters and was shot in 3D using fusion camera technology. The film successfully created a sense of realism in its spatial aspects, allowing the audience to immerse themselves in a different universe. The sequel, “Avatar: The Way of Water”, draws attention with its surreal locations created within the metaverse. The main characters of the film, Jake Sully and Neytiri, have formed a family and are struggling to live together. However, the return of a previous threat disrupts the balance, forcing them to abandon their home. Jake Sully and Neytiri leave their familiar world and embark on a journey to explore different regions of Pandora. As a result, the audience gets the opportunity to experience various locations within the meta-universe created by the director.

Figure 1. Metamorphosis of Narcissus, 1937 – Salvador Dali

Among the main representatives of the Surrealism movement, notable artists include Salvador Dali, Rene Magritte, Joan Miró, Pablo Picasso, Frida Kahlo, Marc Chagall, Paul Eluard, Pierre Reverdy, Philippe Soupault, Louis Aragon, Rene Char, Benjamin Peret, and Robert Desnos. These famous artists are known for creating two-dimensional surreal spaces in their paintings, which share similar characteristics with the film environments created in the metaverse.

The work titled *Metamorphosis of Narcissus* by Spanish artist Salvador Dali was performed during the period when the artist was paranoid critical. The artist studied the myth of Narcissus from Greek mythology in his work. This myth, included in the works of many artists, was carried to a very different dimension in the hands of Salvador Dali, one of the pioneers of surrealism¹.

Figure 2. The film Avatar: The Way of Water features a created fantastical and utopian space.

Cinema, being an art form based on visual elements, has a strong interaction with the visual art of painting. Surrealist filmmakers were the ones who initially explored the subconscious spatial narratives in cinema. As technological advancements in the film industry progressed, the surreal art began to occupy more space

¹ See: <https://www.tesadernegi.org/salvador-dali-narcissusun-metamorfozu.html>

in the spatial narratives of films. Sci-Fi settings are designed by crafting scenarios where dystopian cities are created, formless and shapeless creatures invade cities, absurd objects find their place in the environments, and even acquire human-like qualities. In Dali's paintings, wide spaces resembling deserts are used to eliminate the sense of belonging, and in Image 2, there is a predominant use of open spatial composition similar to Dali's works, where an environment is designed where the film's characters do not belong.

Figure 3. Salvador Dali- Swans Reflecting Elephants 1938¹

1 See: <https://www.oggusto.com/sanat/eser-ve-muze-incelemeleri/salvador-dalinin-en-unlu-5-tablosu>

Figure 4. Avatar: The Way of Water

Salvador Dali's painting in Image 3, which is an example of double realism, carries different meanings as it was created during the period when the artist experienced paranoia. The spatial and utopian characteristics, as well as the altered features of the living beings within the space, display similar attributes in terms of visual storytelling in Image 4. In Dali's painting, metamorphic creatures with reflections in the water are seen, and similarly in the film "Avatar: The Way of Water", these creatures are visible both outside and inside the water.

Figure 5. Leonora Carrington – The Temptation of St. Anthony – 1947

Figure 6. Avatar The Way of Water, 2022- Sacred and magical tree

In 1937, the painter Max Ernst and Leonora Carrington traveled to a village in Cornwall to witness a ritual performance. There, they were greatly influenced by a

creature named Owlman, which was a hybrid of human and animal. As seen in Image 5, both artists' works later often featured legendary and fantastical creatures, dream-like narratives, and occult elements.

In Image 6, which is a visual from the film “Avatar: The Way of Water” and showcases a tree with significant functionality in the film, it evokes the works of surrealist painters with its legendary and fantastical creature form.

Figure 7. Dorothea Tanning, Eine Kleine Nachtmusik, 1943¹

Figure 8. Entertainment of the Youth in Avatar: The Way of Water

¹ See: <https://www.tate.org.uk/art/artworks/tanning-eine-kleine-nachtmusik-t07346>

The painter Tanning stated that the large sunflower depicted in Image 7 symbolizes all the challenges that youth must face and overcome. These beautiful sunflowers are drawn to reference unknown forces that existed even before the birth of civilization.

The image in Image 8, taken from the movie “Avatar: The Way of Water”, shows the areas where young people in Pandora have fun and complete their development.

Figure 9. Wolfgang Paalen, La Balance – 1937¹

Figure 10. The underwater Metaverse environment in Avatar: The Way of Water film

¹ See: <https://wolfgangpaalenorg.wordpress.com/art-2/wolfgang-paalen-la-balance-1937-3/>

As seen in Image 9, after his abstract period (1930), the painter Paalen joined the Surrealist movement and designed surrealist spaces in his paintings.

In Image 10, there are abundant surreal spaces and underwater Metaverse environment designs in “Avatar: The Way of Water” film.

Figure 11. The Elephant Celebes, 1921, Max Ernst¹

Figure 12. The metal vehicle was designed as a setting in Avatar: The Way of Water film.

¹ See: <https://www.max-ernst.com/the-elephant-celebes.jsp>

The painter Ernst was deeply influenced by tanks during World War I. In Image 11, a metal hose with a bull's head and mechanical eyes, along with floating fish in the dark sky, is depicted as a disturbing dream-like scene.

In Image 12, in the visual from “Avatar: The Way of Water” film, a metal vehicle is designed as a setting, and dangerous and aggressive avatars emerge from this vehicle. Technology and metal bring danger and death, destroying nature and life.

Figure 13. Paul Delvaux – Le Vicinal – 1959¹

Figure 14. The advanced animals and utopian spaces used as vehicles by Avatar players in Avatar: The Way of Water film

¹ See: <https://www.mutualart.com/Artwork/Le-vicinal/FFFDC5CE6760BAD2>

As seen in Image 13, Delvaux always incorporates a vehicle, especially a train, into his paintings. The creation of spaces is constructed in surrealistic paintings, similar to the levels of human existence and consciousness.

In Image 14, the characters in “Avatar: The Way of Water” film use advanced animals found in utopian spaces as means of transportation.

Figure 15. Remedios Varo, Armonia 1956¹

Figure 16. Harmony in Avatar: The Way of Water film.

1 See: https://arhive.com/es/remediosvaro/works/616279~Armona_Autorretrato_Sugerente

As seen in Image 15, Varus's works possess the ability to seize powers like no other artist can. Enchanting atmospheres and supernatural spells unleash astonishing energy charges that enter the realm of mortals.

In Image 16, as depicted in Varo's painting in "Avatar: The Way of Water" film, harmony is effectively utilized in the atmospheres of forests, underwater, and cities.

Figure 17. Max Ernst. Europe After Rain II, 1940-42: An apocalyptic landscape¹

Figure 18: The burning of Pandora in Avatar: The Way of Water film

¹ See: https://villeist.wordpress.com/2012/04/02/max-ernst-121-yasinda/yagmurdan_sonra_avrupa/

Max Ernst believes that Surrealism requires an approach where one unravels their own consciousness to guide artistic creativity (Kayapınar, 2021, p. 132). In the 17th image, Ernst creates a decaying space that burns and decays alongside humans. Metal forms in space melt and disappear. The structures rising from the ground, resembling a pile of decaying metal, contrast with the blue background, representing the surreal space created in the metaverse, along with the theme of destruction and disappearance.

In Image 18, in “Avatar: The Way of Water” film, the universe they inhabit, Pandora, is burning. In Pandora, as in the real world, war reveals extinction. This extinction is given with a Surrealist approach, as in Image 17.

Conclusion

Computer-based technological advancements have paved the way for a transformation in the field of art. New technologies provide opportunities for experiencing art and imagery in three dimensions. In this context, the enchanting atmosphere created with the metaverse offers an escape for individuals who feel confined within crowded spaces and lack a second physical environment. The metaverse has emerged as an interactive and experimental platform, expanding the boundaries of art. It also provides viewers with the chance to experience and interact with artworks in different ways. By enabling the three-dimensional experience of art and imagery, the metaverse plays a significant role in the evolution of art.

Meta universes have become a sanctuary and a new recreational space for individuals who are willing to relinquish their physical bodies but not their comfort zones. The concept of creating one's own avatar and immersing oneself in infinite virtual spaces has been pioneered by cinema. Since the early days of film production, spaces where dreams and reality coexist, have been instrumental in creating cinema's enchanting atmosphere. Cinema, with its uniqueness and appeal, often serves as a benchmark for other mediums. One such example is the film “Avatar”, which was released in 2009. The use of computer-generated environments and characters in the film, captured in three dimensions, provided a sense of realism in the spatial aspect, earning it the highest box-office revenue to date. Director James Cameron filmed the sequel to “Avatar” in 2022, titled “Avatar: The Way of Water”.

The surreal spaces created in the metaverse through computer-generated imagery in the film “Avatar: The Way of Water” are meticulously detailed, resembling paintings by renowned artists of the early 20th century who were known for their surreal works, such as Salvador Dali, Leonora Carrington, Dorothea Tanning, Wolfgang Paalen, Max Ernst, Paul Delvaux, and Remedios Varo. Similarities were identified between the two-dimensional surreal spaces in the paintings created by these artists and the film's metaverse environments. This indicates how surrealist art movements have become visible through the designs of both painters and filmmakers. With the use of technology, films like “Avatar: The Way of Water” which

feature a metaverse environment design, showcase the direction in which the film industry is heading in the future. In this context, it can be said that surreal art has always influenced cinema but has particularly stood out in the creation of spaces and characters, especially with the advancements in technology.

References | Список литературы

- Aktulum, K. (2011). *Metinlerarasılık/göstergelerarasılık [Intertextuality/Intertextuality]*. Kanguru Yayınları. (In Turkish).
- Altuğ, E. (2008). Hey, İstanbul'dan bir sürrealist geçiyor, bu karşı konulamaz gerçeği görüyor musunuz? [Hey, a surrealist is passing through Istanbul, do you see this irresistible reality?]. In M. Haydaroğlu (Ed.), *Sanat Dünyamız [Our World of Art]*, 109. Yapı Kredi Yayınları. (In Turkish).
- Antmen, A. (2014). 20. Yüzyıl batı sanatında akımlar [20th century movements in western art]. Sel Yayıncısı. (In Turkish).
- Antmen, A., & Rona, Z. (2001). Ergin İnan Sergisi [Ergin Inan Exhibition]. In *Türkiye Sanat Yılığ-2 [Turkey Art Yearbook-2]*. Sanat Bilgi. (In Turkish).
- Avatar: Suyun Yolu [Avatar The Way of the Water]. (2023). Beyazperde. <https://www.beyazperde.com/filmler/film-178014/> (In Turkish)
- Ayiter, E. (2012). Acquisitions for creativity: "Produsage" in the metaverse. In S. Bornhofen, J. Heudin, A. Lioret, & J. Torrel (Eds.), *Virtual worlds: Artificial ecosystems and digital art exploration* (pp. 7-18). Science Book. https://www.science-ebook.fr/virtual_worlds.html
- Bendifallah, L., & Djerrari, Z. (2022). *Introduction to the metaverse*. Square Managment.
- Bostancı, M., & Uncu, G. (2022). Metaverse: Sanal mı gerçek mi? [Metaverse Virtual or Real?]. In *Dijital iletişimi anlamak-2 [Understanding digital communication-2]* (pp. 58-69). Palet Yayınları. (In Turkish).
- Breton, A. (1969). *Manifestoes of surrealism*. Ann Arbor Paperbacks. <https://doi.org/10.3998/mpub.7558>
- Breton, A. (1997). *Manifestoes of surrealism*. [https://monoskop.org/images/2/2f/Breton Andre Manifestoes of Surrealism.pdf](https://monoskop.org/images/2/2f/Breton_Andre_Manifestoes_of_Surrealism.pdf)
- Breton, A. (2009). *Sürrealist manifestolar [Manifestoes of surrealism]*. AltıKırkBeş Yayınları. (In Turkish).
- Çakın, Ö. (2022). Dijital Oyunlar—Fijital Deneyim Alanları [Digital Games—Digital Experience Spaces]. In M. N. Erdem (Ed.), *Game-Vertising Dijital Çağda Oyunlaştırma ve Reklam [Game-Vertising Gamification and Advertising in the Digital Age]* (pp. 58-69). Eğitim Publication. (In Turkish).
- Çanğa, E. (2016). *Sinema-resim ilişkisi bağlamında sürrealizm ve Luis Bunuel sineması [Surrealism and Luis Bunuel's cinema in the context of cinema-painting relationship]* [Master Thesis]. <http://earsiv.odu.edu.tr:8080/xmlui/handle/11489/217> (In Turkish)
- Demirci, T. T. (2012). *Dünya sinemasında sürrealizmin izleri [Traces of surrealism in world cinema]* [Master Thesis]. <http://academicrepository.khas.edu.tr/bitstream/handle/20.500.12469/2044/0062293TanTolgaDemirci.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (In Turkish)

- Doğan, Y. (2018). *Reha Erdem sinemasında uzam, zaman ve bellek [Space, time and memory in Reha Erdem's cinema]* [Master Thesis]. <http://acikerisim.akdeniz.edu.tr/xmlui/handle/123456789/3917> (In Turkish)
- Foster, H. (2002). *Tasarım ve suç [Design and Crime]*. İletişim Yayınları. (In Turkish).
- Freud, S. (2008). *Psikanaliz üzerine [On psychoanalysis]* (K. Şipal, Trans.). Say Yayınları. (In Turkish).
- Gönül, H. (2014). *Mimarlıkta formsuzluk kavramı üzerine bir araştırma [A research on the concept of formlessness in architecture]* [PhD Thesis]. <http://localhost:6060/xmlui/handle/1/2033> (In Turkish)
- Güleç, G., & Çağlar, N. (2014). Sinema ve mimarlık etkileşimi: Tim Burton filmlerinde modernizm eleştirileri [The interaction between cinema and architecture: Critiques of modernism in Tim Burton films]. *Mimarlık*, 375, (In Turkish).
- Hançerlioğlu, O. (1993). *Felsefe sözlüğü [Dictionary of philosophy]*. Remzi Yayınları. (In Turkish).
- Kayapınar, U. (2021). The analysis of Max Ernest's some paintings examples: "The Eye of Silence", "Europe After Rain II", "Antipope." *Journal of Arts*, 4(2), 129-134. <https://doi.org/10.31566/arts.4.2.07>
- Kellner, D. (2013). *Sinema savaşları [Cinema wars]*. Metis Yayınları. (In Turkish).
- Kuş, O. (2021). Metaverse: 'Dijital Büyük Patlamada' fırsatlar ve endişelere yönelik algılar [Metaverse: Perceptions of opportunities and concerns in the 'Digital Big Bang']. *Intermedia International E-Journal*, 8(15), 245-266. <https://doi.org/10.21645/intermedia.2021.109> (In Turkish)
- Laeq, K. (2022). Metaverse: Why, how and what. <https://www.researchgate.net/publication/358505001>
- Lee, J. Y. (2021). A study on metaverse hype for sustainable growth. *International Journal of Advanced Smart Convergence*, 3(10), 72-80. <https://doi.org/10.7236/IJASC.2021.10.3.72>
- Lynton, N. (2004). *Modern sanatın öyküsü [The story of modern art]*. Remzi Yayınları. (In Turkish).
- Matthews, J. H. (1986). *Languages of surrealism*. University Of Missouri Press.
- Metaverse kavramının ilk çıktığı alan olan bilim kurgu filmlerine göz attık [We took a look at science fiction movies, where the concept of the Metaverse first emerged]. (2021). Webrazzi. <https://webrazzi.com/2021/11/05/metaverse-kavraminin-belki-de-bugunlere-gelmesini-saglayan-bilim-kurgu-filmleri/> (In Turkish)
- Neret, G. (1997). *Öncü ressamalar- Dali [Pioneering painters-Dali]* (A. Antman, Trans.). ABC Yayınları. (In Turkish).
- Öztürk, B. (2012). *Sinemada mekan tasarımının incelenmesi: Bilim kurgu sineması örneği [Examination of space design in cinema: The example of science fiction cinema]* [Master Thesis]. <https://hdl.handle.net/20.500.12415/4031> (In Turkish)
- Passeron, R. (1982). *Sürrealizm sanat ansiklopedisi [Encyclopedia of Surrealism art]* (S. Tansu, Trans.). Remzi Yayınları. (In Turkish).
- Reed Smith guide to the metaverse (2nd. Edition). (2021). Reed Smith. <https://www.reedsmith.com/en/perspectives/metaverse>
- The power and scope of metaverse. (2019). Srushti. <https://srushticreative.com/resources/how-creative-virtual-worlds-can-empower-our-future-the-power-and-scope-of-metaverse/>

- Vangölü, Y. B. (2016). Geçmişten günümüze gerçeküstücülük [Surrealism: Past and Present]. *Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi [Ataturk University Journal of Social Sciences]*, 20(3), 871-883. (In Turkish).
- Yılmaz, M. (2005). *Modernizmden postmodernizme sanat [Art from modernism to postmodernism]*. Ütopya Yayınevi. (In Turkish).

The Problem of Applying the Actor-Network Theory Method in Media Theory and Media Communication

Anna M. Sosnovskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Saint Petersburg, Russia.
Email: [sosnovskaya-am\[at\]ranepa.ru](mailto:sosnovskaya-am[at]ranepa.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9736-0912>

Received: 31 August 2023 | Revised: 3 November 2023 | Accepted: 10 November 2023

Abstract

For more than three decades, media researchers have seen Actor-Network Theory (ANT) as a suitable approach to form a new theory of media roles and to study communication technologies as actors, but this relationship has been surprisingly understudied. A review of recent articles on the use of ANT in media theory and related fields shows that there are explications of networks and translations, but it is the key method of uncertainty or contraversion that has not yet been integrated into communication theory.

The aim of this article is to integrate the method of contraversion into the structure of communication, the conceptual model of communication, which will allow us to nuance networks and collectives, to see the unnoticed entities that “knock” to be seen and accounted for. This is the essence of the politics of participation of non-human actors, nonhumans, according to Latour.

The model allows to follow the process of differentiation of socio-technical hybrid objects in communication. The unfolding of this process of becoming represents the stages of communication development, which can be roughly divided into 4 stages, and focus both on the whole process of assemblage and on its stages, in order to notice the influencing entities. In the ANT concept, all assemblages, hybrid entities, consist of actors or non-figurative actants, and all actants are themselves assemblages. In the process of zooming in and describing phenomena, one should go after the actors on the one hand and determine the level of complexity of the network on the other.

The conceptual model of communication, complemented by the ANT contraverses, helps to map reality and is an influential political tool as it reveals hidden actors and shows the asymmetry of influence.

Keywords

Actor-Network Theory; Conceptual Model; Communication; Contraversions; Assemblage; Media; Ontological Turn; Agency; Participation; Communication Spaces

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Проблема применения метода акторно-сетевой теории в теории медиа и медиакommunikации

Сосновская Анна Михайловна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы. Санкт-Петербург, Россия.
Email: [sosnovskaya-am\[at\]ranepa.ru](mailto:sosnovskaya-am[at]ranepa.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9736-0912>

Рукопись получена: 31 августа 2023 | Пересмотрена: 3 ноября 2023 | Принята: 10 ноября 2023

Аннотация

В течение более трех десятилетий исследователи медиа считают, что акторно-сетевая теория (АСТ) подходит для формирования новой теории ролей в СМИ и для изучения коммуникационных технологий в качестве акторов, однако эта взаимосвязь удивительно мало изучена. Обзор статей последних лет по использованию АСТ в теории медиа и смежных областях показывает, что имеются экспликации сетей и переводов, однако именно ключевой метод неопределенностей или контроверз до сих пор не интегрирован в теорию коммуникации.

Цель статьи интегрировать метод контроверз в структуру коммуникации, концептуальную модель коммуникации, что позволит нюансировать сети и коллективы, видеть незамечаемые сущности, которые «стучатся», хотят быть видимыми и учтенными. В этом суть политики участия нечеловеческих акторов, *nonhumans*, по Латуру.

Модель позволяет следить за процессом дифференциации социально-технических гибридных объектов в коммуникации. Разворачивание такого процесса становления представляет собой этапы развития коммуникации, которые условно можно разделить на 4 этапа, и фокусироваться как в целом на процессе сборки, так и на его этапах, чтобы заметить влияющие сущности. В концепции АСТ все сборки, гибридные объекты, состоят из акторов или не фигуративных актантов, а все актанты сами являются сборками¹. В процессе зуммирования и описания явлений следует идти за акторами, с одной стороны, и определить уровень сложности сети, с другой.

Дополненная контроверзами АСТ концептуальная модель коммуникации помогает картографировать реальность и является влиятельным политическим инструментом, поскольку выявляет скрытых акторов и показывает асимметрию влияния.

Ключевые слова

акторно-сетевая теория; концептуальная модель; коммуникация; контроверзы; сборка; медиа; онтологический поворот; агентность; участие; пространства коммуникации

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Я бы сказал, что вот этот компьютер на моем столе, вот этот экран, эта клавиатура – объекты, состоящие из такого же множества уровней, что и вы, здесь сидящий, со своим телом, своим языком, своими заботами. Сам объект и вносит множественность, точнее, вещь, «сборку» (Латур, 2014, с. 192).

Введение

Существует удивительно мало исследований, посвященных взаимоотношениям между акторно-сетевой теорией и коммуникационными технологиями, несмотря на то, что исследователи СМИ на протяжении многих лет считают ее полезной для формирования новых теорий медиаролей, картографирования движения информации и в целом для изучения медиа в оптике АСТ. Этот пробел в исследованиях особенно странен, учитывая то значительное влияние, которое оказывают коммуникационные и медиа технологии на формирование современного медиаландшафта, и одновременно современный онтологический поворот в гуманитарных науках в целом и в теории медиа в частности (Вахштайн¹, 2021; Сморгунов, 2020; Марков, 2021, 2022; Баранов и др., 2016; Загидуллина, 2016; Yaneva, 2022).

Оптики Латура, такие как контроверзы и методики уплощения связей на карте в процессе картографирования, позволяют нюансировать сети и коллективы, видеть незамечаемые сущности, которые «стучатся», хотят быть видимыми и учтенными, что является сутью политики участия нечеловеческих акторов, по АСТ (Латур, 2014, 2017; Коуп, 2021). Если не интегрировать неопределённости Латура в исследование коммуникации, мы не увидим агентности вещей, того, как они влияют, как привносят смыслы в медиапроизводство; не увидим всех вещей и посредников, того, как создаются сети, передается информация, трансформируясь в функцию и знание.

Изучение пересечения АСТ, коммуникационных и медиа технологий может дать ценное представление о сложной динамике и структурах власти, возникающих в этих сетях, поскольку при передаче информации случается более или менее значительная деформация идей (Block et al., 2020; Spöhrer, 2019).

Нами был проведен обзор статей последних лет по использованию АСТ в теории медиа и смежных областях, выявлены несколько исследовательских направлений, где применяется АСТ в медиа: это изучение агентности технических артефактов в рабочем процессе журналистов; отражение в новостях противоречий, изучение того, как новостные нарративы со-конструируются во взаимодействии с плюралистичностью акторов; объяснение эволюции журналистики как контингентной, но достаточно стабильной институции, сформированной борьбой власти за ее роль в обществе, которая воспроизводится в ежедневных практиках журналистов, источников и аудитории (Domingo, et al., 2016; Сосновская, 2023).

Внедрение ключевой идеи посредничества (медиа) всех вещей ставит в тупик исследователей медиа в связи с тем, что непонятно, как признанные посредники (СМИ) меняют коммуникацию и всю цепочку участников, и как

1 Признан иноагентом Минюстом РФ

изучать последствия медиа репрезентаций именно в рамках АСТ (Spöhrer, 2019; Teurlings, 2013, 2017).

В социальных исследованиях АСТ в основном используется, чтобы описать структуры и сети, рассматривая каждого участника или актора взаимодействия как посредника или по сути как медиа, которые трансформируют сообщения. Основной предпосылкой акторно-сетевой теории является ее ориентация на неодушевленные объекты и их влияние на социальные процессы.

Определение актора, данное Латуром, подчеркивает ситуационную или полевую зависимость актора от действующих на него сил.

« 'Актор' в разделенном дефисом словосочетании 'актор-сеть' – не источник действия, а движущаяся цель обширной совокупности сущностей, роящейся в его направлении. Для того чтобы восстановить их многообразие, проще всего реактивировать метафоры, подспудно содержащиеся в слове 'актор' ('актер'), которое я использовал до сих пор в качестве непроблематического местоблюстителя» (Латур, 2014, с. 60).

Латур объясняет концепцию актора, используя примеры Сартра и Гофмана о том, что человеческий (human) актер, официант или актер, играя или выполняя свою роль, направляем другими участниками взаимодействия в конкретной ситуации, людьми или вещами, которые постоянно корректируют и нюансируют действия (Латур, 2014, с. 60; Сартр, 2000; Гофман, 2000). Трансформирующие действия друг друга акторы представляют собой сеть. Такой сетью по аналогии в медиапроизводстве, например, будут силы и стейкхолдеры, направляющие журналистские практики: запросы аудитории, групп влияния, требования мультимедийности контента, место на полосе, выделенное количество знаков под текст.

В ранних своих трудах Латур проводит различие между посредниками (трансформирующими контент сети) и проводниками (просто передающими контент), но в конце концов приходит к выводу, что любой актер сети меняет послание при передаче, возможно, привнося лишь минимальные и незначимые искажения для передаваемой информации.

«Всякое место локализуется целым потоком локализаторов, распределителей, девиаторов, артикуляторов, любое слово на выбор. Роль интеробъективности в том, чтобы ввести в локальные взаимодействия фундаментальное перемещение» (2014, с. 268). «Встретившись с объектом, прежде всего, обрати внимание на связи, из которых он состоит, и лишь потом посмотри, как он обновил репертуар социальных отношений» (2014, с. 305).

Любые носители информации выступают в роли акторов или посредников, являясь компонентами АСТ. По мнению Маклюэна, носитель, через который передается сообщение или транслируется функция, оказывает существенное влияние на само сообщение, *the medium is the message* (Маклюэн, 2003). Эта известная концепция, как и АСТ, подчеркивает нюансы смещения

смыслов и трансформации информации в процессе передачи коммуникации по определенным каналам.

Цель данного исследования показать применимость оптики АСТ для деконструкции коммуникативного процесса для того, чтобы поэтапно реконструировать сети акторов с их динамичными человеческими и нечеловеческими коллективами.

Изучая сети и изыскивая посредников в действии в рамках плоской топологии, АСТ стремится раскрыть сложные способы совместного конструирования реальности акторами природы, технологий и социума.

Большинство исследователей в области медиа сходятся во мнении, что медиа следует рассматривать как нечто, обуславливающее и изменяющее передаваемые материалы, то есть как посредника со своей агентностью, а не как проводника и нейтральный способ передачи сообщений.

Так, акторно-сетевое исследование социальных сетей губернаторов РФ позволило выявить накладываемые на производство контента требования социальных сетей, а именно: требование соответствия медийным жанрам, медиакомпетентности, участия в горизонтальной коммуникации с обратной связью и диалогом, учета и понимания системы экономических и юридических отношений, коммерческого функционала онлайн-платформ, технологических способов обработки данных и использования определённых фреймов для популяризации аккаунтов. Все эти ограничения влияют на неэффективность коммуникации (Sosnovskaya, 2022).

АСТ отказывается от предположения, что «свобода воли» — это способность, присущая только человеку, вместо этого утверждая, что свобода воли — это распределенный феномен, возникающий в результате взаимодействия между людьми и нечеловеческими акторами. Эта точка зрения открывает новые возможности для понимания сложных сетей власти и влияния в социальном мире (Spöhrer, 2019).

Латур пишет, что действие никогда не бывает единичным; оно представляет собой определенное созвездие или «расстановку» (Латур, 2000, 2006), что отсылает к общим положениям теории систем, которая также релевантна для медиаанализа (Шелехов и др., 2017). Такие формации как расстановки и сети постоянно развиваются и формируются в результате взаимодействия и переговоров между различными участниками. Каждый участник привносит в коллективную деятельность свои собственные взгляды, интересы и возможности, способствуя тем самым формированию общего агентства сети или поля. Этот динамичный процесс взаимных трансляций и отношений позволяет создать распределенную и общую способность к действию, которая постоянно обсуждается и реконфигурируется.

Французский термин «агентство» близок по значению к «аранжировке» или «сборке», что означает комбинацию и сочетание разрозненных материалов, собранных вместе, подогнанных друг к другу, что в русском языке подразумевает человеческого актора, аранжировщика, дорабатывающего гармонию

музыкальной композиции, монтажера, монтирующего видео, ответственного секретаря издания, собирающего макет текущего выпуска.

Латур предлагает смотреть на агентство и агентность как на семиотическое производство и связывать совместное действие с построением смысла, чем и занимаются названные выше акторы медиапроизводства.

Согласно АСТ, природа, технология и общество должны пониматься как результат совместного творчества и смыслопорождения разнородных акторов. АСТ утверждает, что действия человека сами по себе не могут полностью объяснить сложные взаимодействия и динамику, происходящие в процессе совместного творчества в материальной среде. Изучение таких сетей может выявить неожиданные связи и зависимости, которые бросают вызов традиционным представлениям о причинности и иерархии. Хотя эти представления из критической теории не свойственны АСТ с ее симметрией и равным участием, за что АСТ критикуют, но, с другой стороны, метод АСТ позволяет деконструировать сети и найти материал и для дальнейшей критики асимметрии и антагонизма, и дискурсивного анализа (Сосновская, 2023).

Требование симметрии АСТ является и демократической ценностью, подразумевающей участие тех, кто не говорит, и одним из основных ограничений этой теории, в отличие от направления медиаисследований, основанного на работах Фуко и уделяющего внимание анализу властных отношений и критике социальной асимметрии (Caborn, 2007; Jäger M., Jäger S., 2007).

На наш взгляд, деконструкция и расширение симметричных сетей обладает потенциалом для анализа того, как властные отношения устанавливаются, трансформируются и стабилизируются. Это подготовительный этап для критической социологии и политологии медиа.

Так, используя оптику АСТ, мы показали, как возникает асимметрия и антагонизм за счет анализа элементов диспозитивов дискурсивных групп в медиа. Диспозитивы представляют собой коллективы или сборки, содержащие материальные и нематериальные сущности. Целе- и ценностно-ориентированные диспозитивы формируют стабильные коллективы и идентичности, способные воспроизводить свои практики в сопротивляющемся поле (Сосновская, 2022).

Требования СМИ к акторам сети часто выявляются в ходе обширных исследований и анализа взаимодействия между медиаплатформами и их пользователями. Исследователи изучают модели коммуникации, вовлеченности и потребления контента, чтобы понять, как медиа формируют практики отдельных людей, сообществ и правительств. Кроме того, они изучают влияние СМИ на общественные нормы, ценности и динамику власти, чтобы глубже понять трансформационную природу медиа (Ачкасов и др., 2016, Блохин, 2023, Орлова и др., 2021, Манович, 2021; Загидуллина, 2016; Марков, 2021, 2022). Оптика АСТ обладает свойствами зуммирования и может использовать весь свой инструмент, чтобы описать определенную фазу медиапроизводства как

сеть акторов. Такое эвристическое «разрезание сети» определяет объем анализа. Сети находятся в движении, соединяясь с другими сетями и трансформируясь в них, что далее будет показано на примере концептуальной модели коммуникации и оптики контроверз. Исследователь медиа также является влияющим актором сети, которую исследует, и трансформирующимся актором под действием этой сети. Факты в отчетах исследователей рассматриваются как означающие материальных объектов, по АСТ.

Согласно АСТ, «сингулярные сущности» не могут существовать или действовать в одиночку, они постоянно продолжают отношения с другими акторами даже просто своим наличием в сети (это принято и теорией систем), тем самым расширяя и поддерживая сеть. Например, такой сущностью может быть медиапродукт, фильм, который основан на совокупности методов, навыков, людей и материалов, которые его производят; или журналистские факты как процессы медиатизации, происходящих в ходе взаимодействия между гибридными акторами и действиями. Каждое действие в производстве медиа, осуществляемое человеческим актором (режиссером, оператором-постановщиком, осветителем, редактором), и это особенно хорошо видно на примере телевидения, «заканчивается действием нечеловека» (движение камеры, схемы освещения, оцифровка кадров) (Spöhrer, 2016).

Таким образом, исследования медиа на основе АСТ не ограничиваются анализом «единичных» объектов или других форм сущностей, но направлено на сети взаимодействий, в том числе с академическим исследованием медиа.

Исследователи медиа также пишут о неуловимых переменных духовного производства в медиа и отмечают, что участники медиапроизводства всегда ссылаются друг на друга, создавая «слепое пятно» для восприятия. Этот процесс соответствует непредставимому, недоступному и непреднамеренному измерению медиального, которое не может быть зафиксировано ни в одном материальном проявлении, а должно быть осмыслено как структура дифференциальных отношений (Spöhrer, 2016).

Рассматриваемые далее источники неопределенности позволяют найти в процессе коммуникации указанные структуры дифференциальных отношений. Источники неопределенности, или контроверзы, по Латуру, являются основой деконструкции сетей, выявления различий, что позволяет сделать отношения в коммуникации или медиапроизводстве более проницаемыми и ясными.

Сначала мы представим контроверзы, потом структуру коммуникации и наметим места контроверз в ней, проиллюстрируем примерами СМИ и увидим наиболее плодотворные связи, выявленные за счёт этих контроверз или неопределенностей. Таким образом, мы рассмотрим работу контроверз в процессе построения сетей на этапах цикла контакта в концептуальной модели коммуникации.

Материалы и методы

В качестве метода мы будем использовать структурную концептуальную модель коммуникации и интегрированные в нее контroversы.

Метод контrovers – это фиксирование на пяти источниках неопределенности по поводу объектов, nonhuman акторов, которые можно сформулировать следующим образом: группы конструируются практиками; активности различных вовлеченных в процесс сил постоянно выясняются; объекты играют существенную роль в практиках людей, составляя с людьми эффективно действующие коллективы; результат детерминирован подвижным процессом конструирования; результатом взаимодействий, стабилизацией, становится сборка гибридного объекта, сделанная в тексте, отчете, медиапродукте.

Первый источник неопределенности: в нём группы рассматриваются как целое в качестве неодушевленного структурного дискурсивного актора. Группа постоянно пересобирается и поддерживается практиками внутри себя. Когда мы анализируем группы, мы обращаем внимание на следующие методы пересборки сети отношений:

- 1) обнаружение нарушения границ группы «свои-чужие»;
- 2) нахождение агитатора;
- 3) постоянное переопределение границ участниками;
- 4) вербализация ценности и цели, использование клише и значимых для группы понятий, перформативные высказывания, имеющие статус действия, поскольку «группы создаются, чтобы говорить»;
- 5) картирование «своих», когда на карту наносятся антигруппы, не обладающие компетенциями «нашей» группы;
- 6) привлечение новых ресурсов, «чтобы сделать границы группы более устойчивыми»;
- 7) мобилизация профессионалов с высокоспециализированным оснащением, поскольку все группы нуждаются в людях, «определяющих, кто они есть, кем они должны быть, кем они были».

Без этих фокусировок внутри группы, согласно АСТ, мы будем анализировать беседы, полевые наблюдения, интервью о практиках кумулятивно, просто как поиск все большего числа акторов, которые представляют группу, и не будем понимать и раскрывать структурные принципы взаимоотношений.

Все участвующие в определенном дискурсе акторы вносят свой вклад в переопределение дискурса, в конструирование групп, добавляют свои ментальные сущности и экспликации, то есть выстраивают ассоциации, связи с определенными целеполаганием и темпоральностью.

Таким образом, переопределение границ групп требует исходной диспозиции, места, которое наделяет акторов агентностью, создавая устойчивые режимы существования и взаимоотношений в его границах. Эти отношения

или ассоциации, создаваемые участниками того или иного дискурса, формируют общее понимание и эволюцию данной группы. Привнося свои уникальные взгляды и опыт, участники вносят вклад в постоянное переосмысление и развитие дискурса, а также в формирование отдельных групп внутри него.

Алгоритм применения первой контрверзы для медиаисследований и медиапрактики:

- 1) определение заинтересованных в дискурсе групп;
- 2) определение объектов и практик групповой идентификации;
- 3) оперирование вещами и ресурсами.

Этот процесс помогает определить границы дискурсивного актора и ресурсы (вещи и технологии), которые позволяют воспроизводить практики и расширять антагонистическое и/или дифференцирующее влияние.

Второй источник неопределенности сигнализирует, что действие захватывается разными акторами, и тогда сначала надо найти интроекты, установки, плагины, инкорпорированные в сознание, и посмотреть, как цель изначально была определена для себя и для других, как учитываются другие акторы сети. В процессе действия цель переопределяется посредниками; чаще всего цель изначально не осознаваема или индуцирована и остается той же, но иногда меняется и трансформируется, как это будет показано в связи с третьим источником неопределенности. Согласно Латуру, «об акторах всегда нужно говорить словами Иисуса на кресте: “Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят”».

«Действие должно оставаться неожиданностью, посредничеством, событием. Именно по этой причине необходимо начать не с “социальной детерминированности действия”, “рациональных способностей индивидов” или “силы бессознательного”, как обычно мы делаем, а с недетерминированности действия, с неопределенностей и споров по поводу того, кто и что действует, когда действуем “мы”. И тут, конечно, никак нельзя решить, находится ли источник этой неопределенности в самом исследователе или же в акторе» (2014, с. 59).

Актор представляет собой сеть возможностей и влияний, к которым он обращается или к которым обращаются другие. Социальное действие не может быть никогда сведено к роли, но требует учета начальных импульсов дискурсивного самообоснования, которые предстоит раскрыть.

Алгоритм применения второй контрверзы для медиаисследований и медиапрактики:

- 1) определение установок и идей, лежащих в основе действия как последствий контакта с вещами, местами, текстами в прошлом (диахронический процесс);
- 2) нахождение сил, влияющих на каждое действие и уводящих от цели (синхронический процесс);
- 3) делегирование своих функций и подчинение аффордансам вещей.

Этот процесс помогает увидеть актора как результат инкорпорированного взаимодействия с вещами и как члена коллектива отчужденной функции, которые позволяют установить детерминированность человека вещами и сместить антропоцентричную агентность, представив любой продукт как продукт коллектива акторов, где человек играет не первую роль.

Третий источник неопределенности привлекает внимание к подручным средствам и инструментам: «категория агентов, участвующих во взаимодействии, должна оставаться открытой». Именно человек и подручные средства составляют коллективы, по АСТ.

Латур приводит перечень ситуаций, когда активность объекта легко увидеть, предлагая решения, чтобы заметить работу вещей: процесс создания вещи в мастерской показывает роль объектов; неумелое пользование вещами и инструментами представляет их значимость и необходимость в процессе; несчастные случаи, поломки создают ситуации обнаружения агентности объектов; иногда необходимо виртуальное возвращение утерянных объектов или их восстановление по чертежам и схемам; имеет значение ресурс художественной литературы, которая способна, используя сюжеты альтернативной истории, мысленные эксперименты и научную фантастику, переводить плотные объекты дня сегодняшнего в текучие состояния, которые могут пролить свет на их отношения с людьми.

Алгоритм применения третьей контроверзы для медиаисследований и медиапрактики:

- 1) увидеть незаменимость бытия вещей посредством их исключения;
- 2) создавать виртуальные объекты и симулякры, которые объясняют отношения их подлинников с людьми;
- 3) организовывать виртуальное возвращение утерянных объектов и/или восстанавливать объекты по чертежам и схемам.

Этот процесс помогает наблюдать активность объектов, исследовать и моделировать отношения с объектами.

Четвертый источник неопределенности сообщает о природе фактов, их конструировании и возможности увидеть, как вещь возникает из небытия.

Этот источник неопределенности Латур называет таинственным слиянием человеческой деятельности и нечеловеческих сущностей, рассматривая конструирование как становление. Пример этого источника неопределенностей приведем, используя свой опыт создания видеопроекта по укреплению городской идентичности молодежи Санкт-Петербурга от замысла и сценария до воплощения и реализации¹. На готовый результат очень влияли плохо выставленный свет, плохо записанный звук, непостоянные прическа и одежда ведущей, сбои в работе суфлера, переменчивая погода, постоянное согласование расписания и разрешения съемок и многое другое. Про процесс

1 Образовательный проект StP4juniors, лауреат межрегионального фестиваля «Миссия – сохранить». Санкт-Петербург, 2022. <https://clck.ru/34TzTV>

конструирования Латур пишет: «<...> бодрящее ощущение, что вещи могли бы быть другими или могли не получиться, – ощущение, которое никогда не бывает столь глубоким при встрече с готовым результатом, каким бы прекрасным или впечатляющим он ни был» (2014, с.116).

Алгоритм применения четвертой контроверзы для медиаисследований и медиапрактики:

- 1) увидеть [свое] бессилие и невозможность 100% реализации, успеха и фиксации результата;
- 2) смириться с модификациями в ходе конструирования;
- 3) смириться с неизбежным процессом обесценивания, разрушения и руинизации результата.

Этот процесс снова помогает наблюдать активность объектов и смещает антропоцентричную агентность.

Пятый источник неопределенности стабилизирует процесс посредством текстов и «рискованных отчетов». Они – рискованные, потому что имеют политическое влияние. Политика здесь – это понимание того, что сами по себе связи, отношения и ассоциации недостаточны для создания общей реальности, – необходимо учитывать, как они собраны вместе. Происходит постоянный и непрерывающийся процесс рекрутирования новых кандидатов для совместной коллективной жизни и концептуализация новой сборки экологического взаимосуществования на новых основаниях симметричного участия человеческих и нечеловеческих акторов.

Алгоритм применения пятой контроверзы для медиаисследований и медиапрактики:

- 1) осознать конструктивистский потенциал фиксации отношений посредством текстов и медиа;
- 2) нюансировать процесс коммуникации, замечая вовлеченных акторов;
- 3) организовывать инклюзивное пространство для совместной коллективной жизни и концептуализации новой сборки экологического взаимосуществования.

Этот процесс помогает наблюдать системные связи, устойчивое развитие и установление экологической повестки дня.

Используя выявленные алгоритмы контроверз для медиаисследований и медиапрактики, интегрируем все этапы в концептуальную модель коммуникации.

Результаты

Результатом изучения контроверз стало создание концептуальной модели коммуникации, в которой есть место (этапы) для всех процессов акторно-сетевых неопределенностей.

Данная модель была апробирована в анализе медиакейсов и дискурсивном анализе медиа (Сосновская, 2022, 2023). Она позволяет фокусироваться на разных мысленных пространствах, чтобы видеть больше акторов в исследуемом процессе. Латур называл такую исследовательскую деятельность как науку «в процессе становления». Чтобы проиллюстрировать противопоставление двух подходов, критического и реалистично-прагматического в науке, Латур использовал образ двуликого Януса (не отрицая взаимодополняемости двух социологий).

Слева стоит готовая наука: она серьезна, достоверна, формальна и сдержанна, а так как она готова, статична и нема, то легко объяснима через социальные связи и корреляции; справа стоит наука «в процессе становления»: она живая, неопределенная, неформальная, изменяющаяся и не может быть объяснена данным обществом или сведена к социальным факторам. Чтобы понять изменения, нужно следовать за ними, описывая их в процессе становления и сборки (Yaneva, 2022, p. 48).

Рассмотрим этапы коммуникации, показывающей процесс становления, по схеме, представленной на рисунке 1.

Рисунок 1. Концептуальная модель коммуникации

Figure 1. Conceptual model of communication

Разворачивание процесса коммуникации представляет собой этапы лежащего в основе психологического цикла контакта организма со средой (восприятия места, информации, взаимодействия, конструирования смысла).

Коммуникация в данной схеме представляет волновой процесс и обладает потенциалом зуммирования и масштабирования. Каждое явление можно рассмотреть как один или несколько циклов. Каждую сущность в каждом этапе можно развернуть на целый цикл.

Сущности, с которыми имел дело психолог и социолог Тард, вдохновивший Латура на идею иного возможного развития социологии, – не люди, а новшества, кванты изменений, живущие своей собственной жизнью (2014, с. 24).

В своей основе используемая нами модель коммуникации подразумевает своим контрапунктом дифференциацию. Об этом также писал Тард, а Латур включил эту идею отличия и дифференциации как основу движения и динамики в построении сети.

Существовать – значит отличаться; различие в определенном смысле является сущностным аспектом вещей, – то, что в них наиболее общего и что делает их наиболее отличными друг от друга. Нужно исходить из различия и воздерживаться от попыток его объяснить, особенно беря за отправной пункт тождество, как ошибочно поступают столь многие. Ибо тождество – это минимум различия и, следовательно, его вид (и при этом весьма редкий), подобно тому, как покой есть вид движения, а окружность – вид эллипса. Исходить из первоначального тождества – это значит полагать в истоке некую удивительную и малоправдоподобную сингулярность, или иначе, темную тайну единственного простого сущего, впоследствии разделившегося без особых на то причин (Тард. Цитата по Латур. 2014, с. 24).

Исходя из такого видения, мы начинаем коммуникацию как процесс дифференциации и на последнем этапе фиксируем результат, смысл, который вскоре рассыплется и будет перепроверяться и воспроизводиться в следующем новом контакте.

Согласно концептуальной модели (рис.1), коммуникация развивается волнами, которые представляют собой движения энергии во времени, и каждая волна для аналитических целей может быть рассмотрена и выделена в отдельный этап движения изменений и дифференциации в контакте со средой (Sosnovskaya, 2023). Представленные ранее неопределенности, контрроверзы, могут быть рассмотрены по отдельности в этой модели. Но для аналитических целей мы интегрируем по одной контрверзе на каждом этапе.

Первый этап – преконтакт

Здесь начинается рост энергии интереса. Организм ориентируется в среде дорефлексивно, довербально. Среда, место предлагает основания для невербального телесного и визуального опыта, симбиоза с окружающим средой, появляется вдохновение, интенциональность, несмотря на возможные ограничения. Интенциональность позволяет человеку полностью погрузиться

в настоящий момент, ощутить глубокую связь с миром, оценить все мельчайшие детали среды, почувствовать свой телесный отклик, что способствует формированию чувства единства и гармонии с окружающим миром. Локация или место со своими аффордансами способно распоряжаться своей агентностью. Под аффордансами, или материальными возможностями, понимаются свойства, присущие предметам или инструментам, которые позволяют человеку выполнять определенные действия или задачи. С одной стороны, объектам делегируются функции, с другой – они накладывают требования по их использованию. Использование технологий, оборудования или даже простых предметов быта возможно в качестве средств делегирования задач и побуждения к действию (Шаев, 2022).

Виртуальное пространство Интернета, платформ, программ также требует ориентации в пространстве и вдохновляет для работы медиаспециалиста.

На этом этапе мы хотим подчеркнуть интенциональность материальной вещи, физического и виртуального пространства, которые запускают движения интереса и исследования, поиска участников для формирования групп и коллективов.

Разместим здесь алгоритм применения первой контроверзы для медиаисследований и медиапрактики, хотя, как мы уже отмечали, почти каждая контроверза может быть рассмотрена по целому циклу модели. Журналист/медиаисследователь/политик выявляет в медиадискурсе заинтересованные в каком-то вопросе группы, определяет объекты и практики групповой идентификации, использование ресурсов (Сосновская, 2022). Такой исследователь ориентируется в медиaprостранстве, определяя границы дискурсивного актора, репрезентацию вещей и технологии, которые позволяют функционировать группе.

Второй этап – контактирование

На этом этапе человек контактирует со своим знанием и опытом по имеющейся наличной ситуации. Энергия растет.

Так что совершенно правильно будет сказать, что всякое конкретное взаимодействие изобилует элементами, которые уже изначально присутствуют в этой ситуации, пришли в нее из какого-то другого времени, какого-то другого места, порождены какой-то другой силой (Латур, 2014, с. 219).

Знание загружено посредством плагинов, которые представляют собой инкорпорированный опыт и габитус. Захват действия подразумевает, что действия перехватываются разными акторами, то есть разные участники трансформируют действие согласно своим особенностям или потребностям; например, технический суфлер для наших съемок не мог работать на улице в условиях влажности. Интроекты – у каждого человека, группы и социального слоя есть свои представления о том, как что-то должно функционировать. Такие знания обеспечивают приемлемые практики. Ценности присутствуют

имплицитно и могут быть реконструированы, исходя из целеориентированных действий акторов. В качестве индикаторов ценностей могут выступать также предложения и концепции.

Алгоритм применения второй контрверзы для медиаисследований и медиапрактики находится на этом этапе и полностью отражает его сущность. Необходимо оценить действующие знания (или их отсутствие), лежащие в основе действия как последствия контакта с вещами, местами, текстами в прошлом. Так, в случае с суфлером никто в съемочной бригаде не прочитал инструкцию.

Необходимо определить силы, влияющие на каждое действие, уводящее от цели – в данном случае, дождь, ветер и непредусмотрительность команды, потому что вещи (например, чехлы, передвижение на машине) могли бы спасти ситуацию, поскольку мы бы делегировали вещам определенные функции, и потом подчинились бы их аффордансам, чтобы достичь цели с меньшими изменениями.

Далее наступает контрапункт коммуникации, поскольку актер осуществляет выбор, – вступать или нет во взаимодействие по проверке своего знания с чем-то/кем-то отличным от себя (на рисунке обозначено стрелкой) на основе мотивации в результате ориентации и контактирования со своими знаниями по теме.

Третий этап – дифференциация

Все выявленные на предыдущем этапе знания должны быть спроецированы на реальность и испытаны: подтверждены или опровергнуты. Знания мотивируют к действию, выбору, контакту. Проверка имеющегося знания, эксперимент, игнорирования требований объекта, – все это представляет собой взаимодействие, контакт и дифференциацию. Дифференциация – это понимание своего отличия, своих и чужих границ, уважительное отношение к другому актору и основа движения и развития. Актор-сеть подразумевает, что разные силы влияют на актора, изменяя его практики, переопределяя его идентичность. Эмерджентность – это возможный синергетический отклик на воздействие сил. Актор, группа постоянно пересобираются и поддерживаются практиками дифференциации внутри себя, что приводит к временной фиксации идентичности, пока не появляется новый дифференцирующий актер.

Алгоритм применения третьей контрверзы для медиаисследований и медиапрактики: увидеть незаменимость бытия вещей и компенсировать нехватку; создавать виртуальные объекты и симулякры (в случае со звуком были использованы компьютерные программы для записи и наложения звука), организовывать виртуальное возвращение утерянных объектов и/или восстанавливать объекты по чертежам и схемам (в качестве примера можно привести инфографику и мультипликацию по теме наших съемок про XVIII век, отражающие наше представление об утерянных объектах и практиках).

Алгоритм применения четвертой контроверзы для медиаисследований и медиапрактики может быть реализован на третьем и четвертом этапах коммуникации: увидеть бессилие и невозможность 100% реализации, успеха и фиксации результата – коллективный творческий продукт редко совпадает с замыслом, в ходе конструирования неизбежны изменения. Спустя несколько месяцев к продукту теряется интерес, но продукт продолжает свою жизнь в сети.

Различение внутри картографии позволяет видеть отношения внутри медиа не как опосредованные (медийные в узком смысле), но как расширенные и ускоренные (медийные в широком смысле).

Четвертый этап – пост-контакт

Интеграция опыта, прирост идентичности, артикуляция и концептуализация подразумевают обобщение опыта и отчет по взаимодействию, что вызывает определённый аффективный отклик вовлечённой группы акторов. Идентичность – это временная фиксация, которая вскоре начнет трансформироваться под действием дифференциации других акторов.

Алгоритм применения пятой контроверзы для медиаисследований и медиапрактики: написание текста, отчета, проведение презентации, интервью, статьи, проведение PR кампании и продвижение в социальных сетях, – все это зафиксировало наш фильм как событие в информационном поле. Фиксация отношений посредством текстов и медиа – важный этап конструирования смысла, по Латуру. Смысл привносят все вовлеченные акторы (локации, технологии, связь) и организованное инклюзивное пространство для совместной коллективной жизни и концептуализации новой сборки экологичного взаимодействия.

Исследование источников неопределенности в структуре коммуникации и конструирования смыслов представляет собой подспорье в изучении динамики коммуникативных и медиа процессов.

Обсуждение и выводы

Мы рассмотрели контроверзы в структуре коммуникации, составив концептуальную модель коммуникации, которая применима к практике исследования акторной сети в медиасфере. Латур называл свою теорию материальной семиотикой, действиями порождения смысла, и мы, следуя этой логике, представили модель коммуникации как процесс взаимодействия и результирующего его осмысления, разделив на этапы, в рамках которых возможно применить контроверзы, выявив источники неопределенности для поиска акторов сети в разных плоскостях: на первом этапе – на уровне физического пространства чувственного восприятия окружающей среды и материальности вещей; на втором этапе – информации, обнаруживая накопленные знания, загруженные в память в результате опыта и взаимодействия с вещами в прошлом; на третьем этапе – дифференциации, кульминации и контрапункта

коммуникации, осуществляя взаимодействие с объектами; на последнем этапе – конструирования смысла, ассимилируя и интегрируя полученные знания и опыт взаимодействия сети, временно фиксируя идентичность.

Этапы были выделены из структуры коммуникации концептуальной модели, что для аналитических целей дает возможность исследовать акторов и контроверзы на каждом этапе глубинно. Следующие действия, которые Латур называет «контроверзами», были интегрированы в структуру коммуникации: группы создаются в процессе дифференциации и укрепления их идентичности; активности корректируются, например, техническим оборудованием или фреймами онлайн платформ; объекты, которым делегированы определенные функции, играют существенную роль; конструирование рассматривается как становление, в процесс которого вторгаются независимые сущности, которые невозможно не учитывать, как сильный ветер на съемках; результатом взаимодействия и стабилизации смысла становится сборка гибридного объекта, сделанная в отчете, который фиксирует временную идентичность для практического или научного осмысления или для дальнейшего дискурсивного анализа антагонизма сил.

Таким образом, концептуальная модель помогает картографировать реальность и является влиятельным политическим инструментом, поскольку обнаруживает скрытых акторов на каждом этапе, рассматриваемом как отдельное пространство действующих сил, и показывает асимметрию влияния.

Медиа концептуализируются не просто как средства передачи сообщений, а скорее как то, что обуславливает и трансформирует транспортируемые элементы. В модификации медиапроизводства, в свою очередь, участвуют разнообразные nonhumans акторы. Такие акторы структурируют себя как предпосылочные для медиапроизводства, без которых оно не сможет состояться как безупречное, идущее без сбоев. Вместе с тем ряд таких акторов остается невыявленным, как замаскированный текущими диспозитивами, из-за чего медиакоммуникация начинает воспроизводить готовые высказывания. Выявление акторов, постоянно обособляющее их от дискурсивных обоснований производства, позволяет увидеть потенциал неготовых высказываний, голосов, которые иначе оказываются частью производственных апроприаций.

Принцип контроверз, противоречий, снимает дихотомию, которую Латур называл «двумя ловушками социологизма и технологизма», — являются ли технические объекты социально сконструированными или же социальное является следствием действия технологий и других nonhumans, — и предлагает поочередно фокусироваться на постоянно трансформирующихся социально-технических точках пересечения в сетях, на взаимодействии, отношениях, гибридизации как технологических, так и социальных элементов. Данный метод Латура имеет эвристический потенциал для медиаанализа и медиапрактики.

Первый принцип – об акторах со множественной дифференциацией постоянно пересобирающихся элементов для устойчивости группы – хорошо применим для медиаанализа групп в социальных сетях, условиях, накладываемых платформами на коммуникацию. Последовательное применение принципа позволяет выявить степени дифференциации, исходя из среднего потенциального числа элементов и связей, и тем самым показать, какая общая коммуникация вокруг вопроса здесь возможна.

Второй принцип показывает влияние элементов прошлого опыта на текущую ситуацию любого медиапроизводства, что приводит к усложнению связей и ускорению взаимодействия в медиасреде, поскольку позволяет противостоять выявляемым силам, уводящим от цели. Тем самым иначе был тематизирован прошлый опыт, – не как подлежащие учету данные, но как динамичная ситуация, раскрывающая прежнюю конфигурацию сети, так что нынешняя конфигурация сети не может быть определена без погружения в нее как продолжающую целесообразное движение, начатое в прошлом. Это позволяет выявить наиболее продуктивные сообщения в сети как адекватно описывающие целеполагание.

Третий принцип утверждает незаменимость бытия вещей, которые являются полноправными членами открытых и постоянно принимающих новых членов коллективов. Динамичная среда позволяет коллективу оставаться жизнеспособным и адаптироваться к изменениям. В медиаисследованиях это способствует установлению базового параметра открытости – постоянного приема новых участников не как простого нарастания их количества под влиянием какого-то набора факторов, но как принцип установления устойчивости внутри самой системы. Это позволяет превратить любой тематический разговор в способ производства устойчивости, при сохранении должного критического отношения к соответствующим понятиям.

Четвертый принцип демонстрирует процесс творческого производства, в которых вещь «хочет» сама проявиться определенным образом с помощью людей. Этот принцип подчеркивает сотрудничество между людьми и объектами, имплицитное стремление объекта или идеи к самовыражению через участие человека, что отсылает к эмерджентным свойствам медиа. Он подчеркивает динамические отношения в проявлении творчества, когда люди выступают в роли проводников для реализации определенного видения или формы, разлитых в эфире. В медиасреде это означает, что человек определяет не собственно семантику вещи, а ее пассивное и активное семантическое состояние, переключение из одного состояния в другое. Это позволяет не спорить о семантических расхождениях и подменах, но смотреть, где сам акт семиотизации, переключающий из одного состояния в другое, имеет последствия для всей системы творческого производства.

Пятый принцип акцентирует внимание на интерпретации, фиксации смысла каждого данного медиапроизводства, на политическом решении

авторства продукта, участия в коллективе. Решение об авторстве формирует общий смысл и воздействие медиапродукта на аудиторию. Интерпретация при этом понимается не как создание дополнительных векторов смысла, но напротив, как фиксация состояния разнонаправленных векторов, благодаря чему можно и раскрыть политическую импликацию самого этого факта фиксации. Медиа претендуют на способность зафиксировать состояния всех интерпретаций, но сложная медиасреда позволяет посмотреть на эти притязания со стороны, дав непротиворечивую и релевантную интерпретацию самой ситуации, а не отдельных ее аспектов, уже отраженных в каких-то медиа и потому приобретших необратимый вектор.

Таким образом, метод контроверз позволил показать, как устроена медиасреда, гибридный объект пересобирающихся элементов и отношений, и как возникают новые контенты и новые медиа, обладающие самостоятельным голосом. Каждая из контроверз показала, где именно акт речи обособляет себя от других актов, от простой самопрезентации и тем более от апроприации.

Список литературы

- Blok, A., Farias, I., & Roberts, C. (Eds.). (2020). *The Routledge Companion to Actor-Network Theory*. Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/978131511667>
- Caborn, J. (2007). On the Methodology of Dispositive Analysis. *Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines*, 1(1), 115–123.
- Domingo, D., & Wiard, V. (2016). News Networks. In T. Witschge, C. W. Anderson, D. Domingo, & A. Hermida, *The SAGE Handbook of Digital Journalism* (pp. 397–409). SAGE. <https://doi.org/10.4135/9781473957909.n27>
- Engell, L., & Siegert, B. (2013). ZMK Zeitschrift für Medien-und Kulturforschung. Schwerpunkt Medienanthropologie [ZMK Journal for Media and Cultural Research. Focus on media anthropology]. *Zeitschrift Für Medien- Und Kulturforschung*, 7(2). <https://doi.org/10.28937/ZMK-7-2> (In German)
- Jäger, M., & Jäger, S. (2007). *Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse* [Struggles of interpretation: Theory and practice of critical discourse analysis]. VS Verlag für Sozialwissenschaften. <https://doi.org/10.1007/978-3-531-90387-3> (In German).
- Latour, B. (2000). When things strike back: A possible contribution of “science studies” to the social sciences. *The British Journal of Sociology*, 51(1), 107–123. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00107.x>
- Sosnovskaya, A. (2023). Conceptual Communication Model for the Sociological Analysis of Urban Heritage Conflicts. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4400765>
- Sosnovskaya, A., & Gris, O. (2023). Use of Social Networks by Russian Politicians. In X.-S. Yang, S. Sherratt, N. Dey, & A. Joshi (Eds.), *Proceedings of Seventh International Congress on Information and Communication Technology* (Vol. 447, pp. 547–555). Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-19-1607-6_49
- Teurlings, J. (2013). *Unblackboxing production: What media studies can learn from actor-network theory*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.1515/9789048518678-007>

- Teurlings, J. (2017). What Critical Media Studies Should Not Take from Actor-Network Theory. In *Applying the Actor-Network Theory in Media Studies* (pp. 66–78). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0616-4.ch005>
- Yaneva, A. (2022). *Latour for Architects: Thinkers for Architects* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429328510>
- Ачкасов, В. А., Ачкасова, В. А., Быков, И. А., Гришанина, А. Н., Дорский, А. Ю., Кореньюшкина, С. И., Кузьмин, А. Е., Мельник, Г. С., Мисонжников, Б. Я., Побединский, И. М., Филатова, О. Г., Тюпина, М. Э., & Массака, И. (2016). *Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации. Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА».*
- Баранов, Д. А., Вдовченков, Е. В., Загидуллина, М. В., Кузнецов, А. Г., Поправко, И. Г., Соколовский, С. В., Трубина, Е. Г., Чалаков, И. Х., & Щепанская, Т. Б. (2016). *Российская антропология и «онтологический поворот».* Издательство Томского университета.
- Блохин, И. Н. (2023). Параметры идентификации и оценки профессиональной идеологии журналистики. *Вопросы теории и практики журналистики*, 12(2), 183–198.
- Вахштайн, В. С.* (2022). *Воображая город: Введение в теорию концептуализации.* Новое литературное обозрение.
- Гофман, И. (2000). *Представление себя другим в повседневной жизни.* КАНОН-ПРЕСС.
- Загидуллина, О. М. В. (2016). Медиатизация мобильных коммуникаций (акторно-сетевой подход). *Этнографическое обозрение*, 5, 80–89.
- Коуп, Б. (2021). Критическая картография как ответ цифровым городам. В *Сети города: Люди. Технологии. Власти* (сс. 301–319). Новое литературное обозрение.
- Латур, Б. (2006). *Эссе по симметричной антропологии.* б.и.
- Латур, Б. (2014). *Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию* (И. Полонская, Пер.). Издательский дом Высшей школы экономики.
- Латур, Б. (2017). Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями. *Логос*, 27(1), 173–200. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-173-197>
- Маклюэн, Г. М. (2003). *Понимание медиа: Внешние расширения человека* (В. Николаев, Пер.). Канон-пресс.
- Манович, Л. (2021). Изучая городские социальные медиа: Проекты Selfiecity и On Broadway. В *Сети города: Люди. Технологии. Власти* (сс. 320–335). Новое литературное обозрение.
- Марков, А. В. (2021). *Критическая теория.* Рипол Классик.
- Марков, А. В. (2022). К теории темных медиа. *Артикульт*, 1, 75–84. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2022-1-75-84>
- Орлова, Г., & Моррис, Д. (2021). Пандемия в (без)умном городе: Цифровые протезы и аффор-дансы московской самоизоляции. В *Сети города: Люди. Технологии. Власти* (сс. 114–146). Новое литературное обозрение.
- Сартр, Ж.-П. (2000). *Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии.* Республика.
- Сморгунов, Л. В. (2020). Онтологические повороты в современной политической науке: В поисках адекватности политике. *Социальные и гуманитарные знания*, 6(2), 122. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-2-122-133>

- Сосновская, А. М. (2022). Антагонизм дискурсов вокруг культурного наследия. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(3), 123–133. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i3.316>
- Сосновская, А. М. (2023). Новые онтологии как перспектива изучения политических отношений: Акторно-сетевая теория и медиа. *Меди@льманах*, 2, 29–34.
- Шаев, Ю. М. (2017). Интернет вещей и акторно-сетевая теория Б. Латура: Методология и онтология. *Гуманитарный вектор*, 12(3), 40–45. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2017-12-3-40-45>
- Шелехов, И. Л., & Белозёрова, Г. В. (2017). Визуализация семейной системы: Метод Б. Хеллингера в контексте научной парадигмы. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*, 1, 86–103. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2017-1-86-103>

* Признан иноагентом Минюстом РФ

References

- Achkasov, V. A., Achkasova, V. A., Bykov, I. A., Grishanina, A. N., Dorskij, A. Ju., Korenjushkina, S. I., Kuz'min, A. E., Mel'nik, G. S., Misonzhnikov, B. Ja., Pobedinskij, I. M., Filatova, O. G., Tjupina, M. Je., & Massaka, I. (2016). *Kommunikativnye tehnologii v processah politicheskoy mobilizacii. Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «FLINTA»*. (In Russian).
- Baranov, D. A., Vdovchenkov, E. V., Zagidullina, M. V., Kuznecov, A. G., Popravko, I. G., Sokolovskij, S. V., Trubina, E. G., Chalakov, I. H., & Shhepanskaja, T. B. (2016). *Rossijskaja antropologija i «ontologicheskij povorot»*. Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (In Russian).
- Blok, A., Farias, I., & Roberts, C. (Eds.). (2020). *The Routledge Companion to Actor-Network Theory*. Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9781315111667>
- Blokhin, I. N. (2023). Parameters of Identification and Evaluation of the Professional Ideology of Journalism. *Theoretical and practical issues of journalism*, 12(2), 183–198. (In Russian).
- Caborn, J. (2007). On the Methodology of Dispositive Analysis. *Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines*, 1(1), 115–123.
- Domingo, D., & Wiard, V. (2016). News Networks. In T. Witschge, C. W. Anderson, D. Domingo, & A. Hermida, *The SAGE Handbook of Digital Journalism* (pp. 397–409). SAGE. <https://doi.org/10.4135/9781473957909.n27>
- Engell, L., & Siegert, B. (2013). ZMK Zeitschrift für Medien-und Kulturforschung. Schwerpunkt Medienanthropologie [ZMK Journal for Media and Cultural Research. Focus on media anthropology]. *Zeitschrift Für Medien- Und Kulturforschung*, 7(2). <https://doi.org/10.28937/ZMK-7-2> (In German)
- Gofman, I. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni*. KANON-PRESS. (In Russian).
- Jäger, M., & Jäger, S. (2007). *Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse [Struggles of interpretation: Theory and practice of critical discourse analysis]*. VS Verlag für Sozialwissenschaften. <https://doi.org/10.1007/978-3-531-90387-3> (In German)
- Koup, B. (2021). Kriticheskaya kartografiya kak otvet tsifrovym gorodam. In *Seti goroda: Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* (pp. 301–319). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

- Latour, B. (2000). When things strike back: A possible contribution of “science studies” to the social sciences. *The British Journal of Sociology*, 51(1), 107–123. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00107.x>
- Latour, B. (2006). *Essays in symmetrical anthropology*. n.p. (In Russian).
- Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* (I. Polonskaya, Trans.). Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Latour, B. (2017). On Actor–Network Theory. A Few Clarifications, Plus More Than a Few Complications. *Philosophical Literary Journal Logos*, 27(1), 173–200. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-173-197> (In Russian).
- Manovich, L. (2021). Exploring Urban Social Media: Selfiecity and On Broadway Projects. In *Seti goroda: Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* (pp. 320–335). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Markov, A. V. (2021). *Kriticheskaya teoriya*. Ripol Klassik. (In Russian).
- Markov, A. V. (2022). To the Theory of Dark Media. *Articult*, 1, 75–84. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2022-1-75-84> (In Russian).
- McLuhan, H. M. (2003). *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* (V. Nikolaev, Trans.). Kanon-press. (In Russian).
- Orlova, G., & Morris, D. (2021). Pandemiya v (bez)umnom gorode: Tsifrovye protezy i affordansy moskovskoy samoizolyatsii. In *Seti goroda: Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* (pp. 114–146). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Sartre, J.-P. (2000). *Bytie i Nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii*. Respublika. (In Russian).
- Shaev, Yu. M. (2017). The Internet of Things and B. Latour's Actor-network Theory: Methodology and Ontology. *Humanitarian Vector*, 12(3), 40–45. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2017-12-3-40-45> (In Russian).
- Shelehov, I. L., & Belozerova, G. V. (2017). Visualization of the Family System: B. Hellinger's Method in the Context of a Scientific Paradigm. *PIPAEMA. Journal of Visual Semiotics*, 1, 86–103. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2017-1-86-103> (In Russian).
- Smorgunov, L. V. (2020). Ontological turns in contemporary political science: in search for compliance with politics. *Social'nye i gumanitarnye znania*, 6(2), 122. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-2-122-133> (In Russian).
- Sosnovskaya, A. (2023). Conceptual Communication Model for the Sociological Analysis of Urban Heritage Conflicts. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4400765>
- Sosnovskaya, A. M. (2022). Antagonism of Discourses around Cultural Heritage. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(3), 123–133. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i3.316> (In Russian).
- Sosnovskaya, A. M. (2023). Novye ontologii kak perspektiva izucheniya politicheskikh otnosheniy: Aktorno-setevaya teoriya i media. *Medi@l'manakh*, 2, 29–34. (In Russian).
- Sosnovskaya, A., & Gris, O. (2023). Use of Social Networks by Russian Politicians. In X.-S. Yang, S. Sherratt, N. Dey, & A. Joshi (Eds.), *Proceedings of Seventh International Congress on Information and Communication Technology* (Vol. 447, pp. 547–555). Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-19-1607-6_49
- Teurlings, J. (2013). *Unblackboxing production: What media studies can learn from actor-network theory*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.1515/9789048518678-007>

- Teurlings, J. (2017). What Critical Media Studies Should Not Take from Actor-Network Theory. In *Applying the Actor-Network Theory in Media Studies* (pp. 66–78). IGI Global.
<https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0616-4.ch005>
- Vakhshtayn, V. S.* (2022). *Voobrazhaya gorod: Vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Yaneva, A. (2022). *Latour for Architects: Thinkers for Architects* (1st ed.). Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9780429328510>
- Zagidullpna, O. M. V. (2016). Mediatizatsiya mobil'nykh kommunikatsiy (aktorno-setevoy podkhod). *Etnograficheskoe obozrenie*, 5, 80–89. (In Russian).

* Recognized as a foreign agent by the Ministry of Justice of the Russian Federation

Civilized Death: The Issue of Stray Animals and Sports Mega- Events in Russia

Vera Galindabaeva

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.
St. Petersburg, Russia. Email: vgalindabaeva[at]gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3544-5953>

Received: 21 June 2023 | Revised: 15 September 2023 | Accepted: 24 September 2023

Abstract

The article examines how the strategy of constructing the social problem of animal cruelty in Russia has become successful in the context of preparing and holding sports mega- events. The constructionist theory of social problems by M. Spector, J. Kitsius, and J. Best is developed on the basis of N. Elias's civilization theory, as well as on the studies of mega- events in non-western countries. The analytical scheme of hierarchically interconnected levels of industries of social problems initiating, in interaction, the very actualization of various social conditions on the threshold of mega- events is offered: these are regional, national, and international. Two cities were chosen, Kazan and Sochi, for the empirical fields of research. The research sample included materials from the media of regional and federal publications. The articles on the topic of stray animals in Sochi and Kazan in the eve of the sports mega- events were also searched on the websites of major international news agencies and newspapers. The method of discourse analysis was applied to the rhetoric of the main actors, to identify the main techniques of typification and the main discourses that are formed around the issue of the homeless animals' treatment. Longitudinal media analysis allowed us to see how the rhetoric of actors of the national industry of social problems changes under the pressure of the international industry of social problems. We consider discursive constructions that are actively promoted at the regional level, but are modified or disappear at the federal and international levels.

Keywords

Sports Mega- Events; Stray Animals; Process of Civilization; Social Problems; Universiade; Olympic Games; FIFA World Cup

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Цивилизованная смерть: проблема бездомных животных и спортивные мега- события в России

Галиндабаева Вера Валериевна

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия. Email: [vgalindabaeva\[at\]gmail.com](mailto:vgalindabaeva[at]gmail.com)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3544-5953>

Рукопись получена: 21 июня 2023 | Пересмотрена: 15 сентября 2023 | Принята: 24 сентября 2023

Аннотация

В статье мы рассматриваем, как стратегия конструирования социальной проблемы жестокого обращения с животными в России стала успешной в контексте подготовки и проведения спортивных мега- событий. На основе теории процесса цивилизации Н. Элиаса, а также исследований мега- событий в «незападных» странах развивается конструкционистская теория социальных проблем М. Спектора, Дж. Китсьюза и Дж. Беста. Предлагается аналитическая схема иерархически взаимосвязанных уровней индустрий социальных проблем, которые именно во взаимодействии инициируют актуализацию тех или иных социальных условий в преддверии мега- событий: региональный, национальный, международный. В качестве эмпирических объектов исследования были выбраны два города: Казань и Сочи. В выборку исследования вошли материалы СМИ региональных и федеральных изданий. Был осуществлен поиск статей на тему бездомных животных в Сочи и Казани перед спортивными событиями на сайтах крупнейших международных новостных агентств и газет. Используется метод дискурс-анализа риторики основных акторов, выделяются основные типификации и дискурсы, которые формируются вокруг проблемы обращения с бездомными животными. Лонгитюдный анализ СМИ позволил нам увидеть, как меняется риторика акторов национальной индустрии социальных проблем под давлением международной индустрии социальных проблем. Рассматриваются дискурсивные конструкции, которые активно продвигаются на региональном уровне, но на федеральном и международном уровне модифицируются или исчезают.

Ключевые слова

спортивные мега- события; бездомные животные; процесс цивилизации; социальные проблемы; Универсиада; Олимпиада; Чемпионат мира по футболу

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Практика регулирования численности бездомных собак в России стала актуализироваться СМИ и вызывать беспокойство широкой общественности только в контексте подготовки и проведения спортивных мега- событий. Начиная с 2013 года, Россия стала активно участвовать в организации спортивных мероприятий мирового уровня. Только за пять лет с 2013 по 2018 гг. страна провела пять спортивных мега- событий: Универсиаду в 2013 году, Олимпийские игры в 2014 году, Гран-при России Формулы 1 в 2014 году, Чемпионат мира по водным видам спорта в 2015 году, Чемпионат мира по футболу в 2018 году (далее ЧМ-2018). Каждое событие вызывает мобилизацию зоозащитных движений в городах, принимающих эти события. За год до начала Универсиады в Казани участники зоозащитных организаций стали проводить регулярные пикеты и митинги в центре города. В преддверии Олимпиады и гран-при Формулы 1 волонтеры и неравнодушные граждане также выходили на пикеты в защиту прав животных в Сочи и Краснодаре. Чемпионаты мира по водным видам спорта и футболу не стали исключением. Новостная лента российских и зарубежных информационных агентств наполняется известиями о массовых отловах бездомных животных, которые проводят власти городов перед мега- событиями.

Важно отметить, что если в 2013 году городские и федеральные власти старались не замечать зоозащитников и неохотно, но аннулировали тендеры на отлов животных, то в 2018 году уже вице-премьер России Виталий Мутко проводит совещание с участием представителей зоозащитных организаций и властей городов по вопросу гуманных методов регулирования численности бездомных животных перед ЧМ-2018 (Мутко, 2018).

В данной статье мы обращаемся к вопросу, как стратегия конструирования социальной проблемы жестокого обращения с животными в России стала успешной в контексте подготовки и проведения спортивных мега- событий. На протяжении последних сорока лет зоозащитные движения в стране пытаются привлечь внимание к способам регулирования численности бездомных животными. Население, как показывают опросы, в целом поддерживает главный посыл активистов. Большинство россиян относятся к бездомным животным с сочувствием (71%) и выбирает гуманные способы сокращения численности бездомных животных: 66% предлагают отлавливать их и помещать в питомники до передачи другим хозяевам; 41% выступили за отлов, стерилизацию, чипирование и возвращение на самовыгул (Человек, 2022). Однако привлечь внимание к этой проблеме получается только в условиях подготовки мега- событий.

Мега-события, или широкомасштабные досуговые и туристические события, такие, как Олимпийские игры и мировые выставки, — это кратковременные коллективные культурные мероприятия, которые, тем не менее,

имеют долговременные последствия для городов, которые их организуют. Они захватывают воображение общества и представляются как экстраординарные события (Roche, 1994).

Исследователи, анализируя влияние мега- событий на страны Западной Европы и Северной Америки и развивающиеся страны, пришли к выводу, что эффект данных мероприятий зависит от социально-экономических и культурных особенностей принимающей страны. В Западных странах мега-события – это способ оздоровления депрессивных постиндустриальных городов, привлечения международных инвестиций и туристов, стимулирования национальной гордости и единства. В развивающихся странах мега-события, в первую очередь, рассматриваются как способ легитимации политического режима на международной арене, демонстрации политической стабильности и соответствия страны международным нормам права, которые задаются развитыми странами (Greene, 2003, с. 165-168). Глобальный спорт стал областью, в которой различные социальные движения пытаются актуализировать социальные проблемы. Спортивные мега- события становятся ареной борьбы разных групп интересов и формирования конкурирующих повесток дня (Cornelissen, 2012).

Мы покажем, как происходил процесс конструирования проблемы жестокого обращения с животными в дискурсе спортивных мега- событий в России. Сначала мы уделяем внимание теоретическим основаниям и эмпирической базе исследования. Далее мы анализируем риторику и результаты выдвижения требований зоозащитных групп при подготовке трех спортивных мега-событий – Универсиады-2013, Олимпиады-2014 и ЧМ-2018 в Сочи и Казани.

Индустрии социальных проблем и их аудитории

В своем исследовании мы обращаемся к конструкционистской теории социальных проблем, которую развивали М. Спектор, Дж. Китсьюз и Дж. Бест. Авторы предлагают определять социальные проблемы как «деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий». Под выдвижением утверждений-требований авторы понимают риторику требовательного характера, которая включает обращения с жалобами и письмами протеста, «проблематизирующие» сообщения в СМИ, проведение митингов, пикетов и т. п. Условия, относительно которых выдвигаются утверждения-требования, строгие конструкционисты рассматривают как предположительно существующие, так как исследователи сосредоточены на риторике. Не все ситуации вызывают беспокойство общества. Социальные проблемы конкурируют между собой за общественное внимание, которое ограничено пропускной способностью СМИ, вниманием и временем политиков и общественности (Ясавеев,¹ 2004).

1 Признан иноагентом Минюстом России 7 октября 2022 г.

Надо отметить, что долгое время для конструкционистов не имело значения, почему аудитория откликнулась на утверждения-требования, важно было лишь то, что её убедили оценить состояние каких-то условий как неприятное и нуждающееся в исправлении (Loseke, 2003, с. 79), поэтому в теории почти не было места для анализа социального и культурного контекстов. Однако со временем конструкционисты стали предлагать объяснительные модели, в которых появились характеристики аудитории, влияющие на восприятие предполагаемых условий как социальную проблему.

Во-первых, авторы дифференцируют аудиторию по значимости, вводя понятие иерархии значимости аудиторий. Убедить многих недостаточно; например, большинство американцев были против войны во Вьетнаме за несколько лет до окончания войны. Значит, оценки утверждений-требований одними людьми имеют большее значение, чем другими. Таким образом, в игре за признание социальных проблем акторы могут выиграть с очень небольшим количеством голосов, если они исходят от влиятельных сегментов аудитории (Loseke, 2017, с. 28).

Во-вторых, они предлагают внимательно посмотреть на социальные ресурсы, на которые аудитория может опираться, чтобы оценить правдоподобность и важность заявлений. Социальными ресурсами могут выступать практический опыт актора и народная мудрость. Опираясь на практический опыт, мы можем оценить претензии. Практический опыт разделяется обычно более широкой социальной группой, члены которой находятся в похожей социальной позиции, и по этой причине классифицируют социальные проблемы сходным образом. Народная мудрость – это идеи, которые мы воспринимаем как само собой разумеющиеся. Формой народной мудрости являются культурные идеи / темы, которые представляют собой широко распространенные ценности и убеждения в том, как должен «работать» мир. Наконец, зрители могут использовать свое понимание культурных правил чувствования. Это широко распространенные убеждения в том, как мы должны относиться к определенным типам людей (Loseke, 2017, с. 29-30). Например, Джоэл Бест приводит в пример стратегии проблематизации существования некоторых видов животных и указывает на то, что эти стратегии соответствуют элементам американской культуры, включающим идеи о естественном порядке, о месте людей и животных в этом порядке и о правах животных (Best, 2018).

Кроме аудитории, которую постоянно стараются убедить в существовании социальных проблем, авторы выделяют индустрию социальных проблем, сегмент социального мира, который производит, социальные проблемы, управляет ими и пытается их решить. Акторами индустрии социальных проблем, по мнению авторов, являются правительства (политики), юристы, организационные спонсоры, преподаватели, исследователи, представители СМИ. Правительства, политики создают и пытаются решать социальные проблемы. Люди, работающие на телевидении или радио, пишут

о социальных проблемах для газет, журналов и программ. Индустрия социальных проблем включает в себя невероятно широкий круг людей и мест, которые тем или иным образом создают социальные проблемы или пытаются решить их (Loseke, 2017, с. 31 – 38).

Индустрия социальных проблем работает в контексте существенных ограничений. Ведь в любой момент времени возможных социальных проблем может быть несчетное количество, однако лишь ограниченное их число должно стать предметом внимания аудитории. Пропускная способность практических акторов и конкретных общественных арен ограничена, социальные проблемы конкурируют между собой. Другой тип конкуренции возникает между выдвигающими утверждения-требования акторами, которые, казалось бы, обеспокоены одним и тем же условием, но, тем не менее, формулируют совершенно разные требования (Loseke, 2017, с. 40 – 54).

Акторы индустрии социальных проблем должны мотивировать аудиторию оценивать предполагаемые условия как невыносимые, и один из способов — это создание мотивационных диагностических фреймов, которые вызывают сразу к нескольким культурным идеям / темам. Чем больше культурных идей, тем больше вероятность того, что хотя бы одна из них вызовет отклик у зрителей. Лозек приводит пример «промышленного фермерства», когда животных разводят и выращивают для еды в нечеловеческих условиях. Он полагает, что акторы могут обратиться сразу к нескольким культурным идеям при конструировании данной проблемы: тема прав животных, тема экологии и тема здоровья (Loseke, 2017, с. 56–69).

Выдвижение утверждений-требований эффективно в процессе типификации, упрощения социального контекста происходящего. Авторы считают, что обозначение условий определенными именами (например, прерывание беременности или убийство) обеспечивает определенное отношение к проблеме, и использование случаев, которые служат «типичными» примерами проблем, являются вариантами типификации (Unnithan, 1994). Авторы выделяют несколько успешных стратегий конструирования социальных проблем, среди которых называют стратегию конструирования проблемы в надлежащее время (Ясавеев,¹ 2004).

На основе конструкционистского подхода мы предлагаем анализировать стратегии акторов индустрии социальных проблем по актуализации проблемы защиты прав животных в условиях подготовки к спортивным мега- событиям. Однако, во-первых, модель вписывает индустрию социальных проблем в национальный контекст — в то время, как для использования данной модели в анализе контекста мега- событий необходимо учитывать и национальный, и международный уровни индустрии социальных проблем. Во-вторых, в предложенной модели анализа достаточно поверхностно описываются культурные темы / идеи и культурные «правила чувствования». Основное

1 Признан иноагентом Минюстом России 7 октября 2022 г.

внимание уделяется актерам и их манипуляциям с информацией, а культурный и социальный контекст происходящего сводится к констатации моральных предпочтений аудиторий.

Таким образом, для того, чтобы раскрыть контекст, который во многом определяет работу индустрии социальных проблем в рамках проведения международных событий, таких, как Олимпийские игры, мы обратимся, во-первых, к исследованиям работы СМИ при проведении спортивных мега-событий в развивающихся странах, во-вторых, рассмотрим идею о правах животных в широком контексте процесса цивилизации, о котором писал Норберт Элиас.

Спортивные мега- события и процесс цивилизации в развивающихся странах

Некоторые авторы пишут, что спортивные мега- события «представляют собой масштабный медиапроект, особенно для страны-организатора, ведь ее индекс цитируемости гарантированно увеличивается в течение двух недель проведения Игр. При этом сообщения о стране будут, скорее всего, носить нейтральный (упоминание в качестве места проведения) или позитивный характер (в случае удачной организации мероприятия)» (Воинов, 2013, с. 25). Олимпийские игры часто рассматриваются либо как «выход в свет» развивающегося государства, либо как вхождение государства «в сообщество цивилизованных наций» (Сеул, 1988 г., Мехико, 1968 г.) (Grix & Kramareva, 2015). В развивающихся странах именно государство, а не машины роста (коалиции крупных предпринимателей и городских элит) занимаются координацией процесса лоббирования заявки на проведения игр, планирования и строительства необходимой инфраструктуры. В России была создана государственная компания «Олимпстрой», глава которой назначался вице-премьером администрации Президента РФ (Muller, 2011). В Китае также процесс подготовки и строительства Деревни Олимпиады были подчинены правительству страны. Авторы пишут, что в городах в развивающихся авторитарных странах Олимпийские игры служат для достижения национальных политических целей, а не интересов и целей конкретного города, как этой происходит на Западе (Tomlinson, 2010).

В то же время исследования мега- событий в развивающихся странах показали, что ожидания относительно того, что спортивное событие может изменить образ страны, чрезмерно преувеличены. Конечно, мега- события превращаются в мощную платформу для трансляции репрезентаций, которую, однако, чрезвычайно трудно контролировать. На примере Китая, Олимпийских игр 2008 года в Пекине, Вольфрам Манценрайтер показал, как страны, не соответствующие «универсальным ценностям» олимпийского движения, которые глубоко укоренились в европоцентристских представлениях о фундаментальных правах человека и модернизации, проигрывают в состязании

западным СМИ в формировании позитивного имиджа. По большому счету, несмотря на усилия принимающей стороны, западные СМИ способствуют укреплению национальных стереотипов о не-западных государствах, обращая внимание исключительно на недостатки общественно-политического устройства (Manzenreiter, 2010). Например, строительство Олимпийской деревни, безусловно, не соответствовало прозрачным и демократическим методам городского планирования, но критика массовых выселений в СМИ не учитывала того, что очень похожие проблемы сопровождали довольно много предыдущих Игр, которые проводились и в европейских городах (Manzenreiter, 2010; Карбаинов, 2013).

Таким образом, в рамках медиапроекта мега- событий мы можем выделить несколько иерархически связанных уровней арен и индустрий социальных проблем: региональный, национальный и международный. СМИ, общественные организации и власти города, принимающего спортивное событие, представляют собой региональный уровень. СМИ, общественные организации и власти страны, принимающей мега- событие – национальный. Международный уровень представлен западноевропейскими СМИ и международными спортивными организациями. Региональный и национальный уровни связаны одним культурным пространством, то есть ориентированы на аудиторию, разделяющую общие культурные идеи. Международный уровень ориентирован, в первую очередь, на зрителей стран Западной Европы и Северной Америки, соответственно, на культурные идеи, которые разделяют зрители из этих стран.

Элитный спорт и, в частности, мега- события продвигают стандарты западной цивилизации и могут рассматриваться как вариант «мягкой культурной колонизации». Хортон и Сондерс считают, что основание Международного олимпийского комитета (МОК) в 1894 году представляло собой формальную институционализацию западной империалистической модели спорта и связанного с ней дискурса, который в значительной степени господствует и сегодня (Grix & Kramareva, 2015).

Так, дебаты о правах животных в развивающихся странах достаточно часто инициируются в преддверии спортивных мероприятий. Например, во время подготовки к Олимпийским играм в Сеуле в 1988 году, в Пекине в 2008 году отдельные местные и международные некоммерческие организации и международные СМИ выразили протест против употребления в пищу мяса кошек и собак. Под таким давлением правительства Южной Кореи и Китая были вынуждены ограничить продажу блюд из мяса собак и кошек в некоторых районах городов на время проведения мероприятий, чтобы не оскорблять гостей с Запада (Podberscek, 2009; Oh, 2011). Правда, перед Чемпионатом мира по футболу в Сеуле в 2002 году подобные протесты были восприняты общественностью отрицательно; появилось встречное общественное движение, которое рассматривало употребление мяса собак как культурно обоснованное право корейцев (Oh, 2011).

Возникновение идеи о правах животных, продвигаемой сегодня в западных странах, объясняется именно в контексте процесса цивилизации о котором писал Норберт Элиас. Он называет цивилизацией особые изменения поведения и влечений, которые характеризуются вытеснением спонтанных вспышек, сдерживанием аффектов, расширением поля мышления за счет сопоставления настоящего момента с прошлыми и будущими рядами событий. Утверждение особого типа самоконтроля и самопринуждения происходит вместе с монополизацией физического насилия и расширением сети взаимозависимостей в социальном пространстве. Аппарату контроля и наблюдения, возникающему в современном обществе, соответствует аппарат контроля, формирующийся в психике индивида — бесстрастное самообладание. Как тот, так и другой равно строго регулируют все поведение человека, все его страсти. Оба они — в немалой мере один посредством другого — оказывают постоянное и равномерное давление, вытесняющее спонтанные проявления аффектов. Монополизация физического насилия уменьшает страхи и ужасы перед тем, что можно ожидать от другого человека (и одновременно снижает возможность вызывать у других такие же страхи и подвергать их мучениям, т. е. возможность разрядки определенных аффектов), а постоянный самоконтроль, к которому более или менее приучается индивид, уменьшает контрасты, сужает поле резких переходов в поведении и в разрядке разного рода аффектов. Индивид принуждается теперь к переорганизации всего психического аппарата, к непрерывному и равномерному регулированию как влечений, так и всех сторон своего поведения (Элиас 2001b, с. 246-247).

Вследствие описанных процессов происходит изменение порога чувствительности, стандарт агрессивности приобретает умеренные формы. Элиас приводит пример, как в Париже XVI века на празднике Иоанна Крестителя живьем сжигали дюжину или две дюжины кошек. Зрелище было популярным, на нем присутствовали члены королевской семьи. Сегодня, пишет автор, вид такого торжества вызовет только отвращение, которое совершенно нормально с точки зрения современных стандартов регулирования аффектов. В ходе воспитания у людей на современной стадии цивилизации подавляется наслаждение от подобных действий посредством страха, вырабатываемого внутренним принуждением (Элиас, 2001a, с. 283-284).

Однако, несмотря на то, что с развитием цивилизации индивиды все меньше хотят видеть кровь и мучения живого существа, мало кто из них отказывается от употребления мяса. Элиас пишет, что раньше разделкой туш занимались прямо за обеденным столом. Когда эта операция стала неприятной, она была удалена за кулисы общественной жизни. Теперь этим занимаются специалисты — в мясной лавке или на кухне. Появился технический аппарат, который позволяет скрыть неприятные формы поведения (Элиас, 2001a, с. 188-189).

Идея прав животных, гуманного отношения к животным заняла высокое место в ценностях цивилизованного человека. Запрет на публичное насилие над животными на улицах городов Европы был следствием процесса цивилизации. Как пишут авторы, в Европе Нового времени варвары — городской рабочий класс, крестьяне, южные европейцы, ирландские католики, русские, выходцы из Азии и турки — часто определялись их жестокостью по отношению к животным (Kete, 2002, с. 26).¹

Таким образом, мы выделяем три иерархически взаимосвязанных уровня индустрий социальных проблем, которые во взаимодействии инициируют актуализацию тех или иных социальных условий в преддверии мега-событий: региональный, национальный, международный. Индустрия социальных проблем регионального уровня выдвигает утверждения-требования относительно условий регулирования численности бездомных животных, используя различные социальные ресурсы и стратегии, предлагая разные дискурсы для проблематизации этих условий. Индустрия социальных проблем национального уровня может избирательно воспроизводить, модифицировать утверждения-требования, которые выдвигают на региональном уровне. И именно в контексте подготовки мероприятий в не-западных странах индустрия социальных проблем международного уровня, используя материал региональных и национальных акторов индустрии социальных проблем, инициирует дебаты о жестоком обращении с животными и может оказывать влияние на внутреннюю политику государств, принимающих мега-события. Не западные правительства очень ориентированы на внешнюю критику, так как они продвигают не просто образ какого-то города, а всей страны.

Мы сосредоточим свое внимание, в первую очередь, на региональном уровне индустрии социальных проблем. Именно акторы регионального уровня выдвигают утверждения-требования, которые подхватывают акторы индустрии социальных проблем национального и международного уровней. Далее рассмотрим федеральный и международный уровни.

Эмпирическая база и методы исследования

В качестве эмпирических объектов исследования были выбраны два города: Казань и Сочи. Казань принимала Универсиаду в 2013 году и Чемпионат мира по футболу в 2018 году. В Сочи проводилась Олимпиада в 2014 году и Чемпионат мира по футболу в 2018 году. Статья основана на анализе материалов СМИ. В выборку исследования вошли материалы СМИ региональных и федеральных изданий. Был осуществлен поиск статей на тему бездомных животных в Сочи и Казани перед спортивными событиями на сайтах крупнейших международных новостных агентств и газет. Всего было отобрано

1 Последние годы активно развивается такое направление, как Animal Studies. Исследования, выполняемые в данном русле, фокусируются на взаимоотношениях человека с животными (Waldau, 2013). В данной статье мы фокусируемся не на взаимоотношениях человека с животными, а на особенностях функционирования социальных арен в определенных контекстах.

319 статей (294 на русском языке и 25 на английском), опубликованных в период с 2011 по 2018 годы.

Мы обращаемся к методу дискурс-анализа, чтобы оценить риторику основных акторов, выделить основные приемы типификации и основные дискурсы, которые формируются вокруг вопроса обращения с бездомными животными. Теоретики критического дискурс-анализа определяют дискурс как правила, с помощью которых устанавливают, какие высказывания считать важными и истинными в определенных условиях. Дискурс формируется благодаря частичной фиксации значений вокруг некоторых узловых точек – привилегированных знаков. Узловые точки сами по себе пусты, именно за их определение борются разные дискурсы через временную фиксацию значения. Если рассматривать дискурс как совокупность фиксированных значений, узловых значений моментов, то необходимо в первую очередь сосредоточиться на том, какие знаки изменчивы, какие знаки не оспариваются. Критический дискурс-анализ предполагает не только анализ текстов, но и локализацию данных текстов в историческом контексте, изучение конкретных акторов, отношений и практик (Филлипс & Йоргенсен, 2004). Авторы настаивают, что лингвистического анализа текста недостаточно для того, чтобы понять связь дискурса с социальными и культурными процессами в обществе.

Контекст исследования: основные акторы индустрии социальных проблем и практики регулирования численности животных

В Казани и Сочи на момент подготовки мега-событий уже были сформированы коалиции, которые выступали за защиту прав животных. В центре коалиций зоозащитников находилось несколько групп активистов. Во-первых, в коалициях участвовали руководители некоммерческих организаций. Например, в Сочи это ККБООИ «Добромир», представители межрегиональной экологической организации «Экологическая вахта по Северному Кавказу», в Казани – ТРМОО «ЗооСпас». Во-вторых, это были активисты, которые имели опыт участия в экологических протестах. В Казани многие были задействованы в протестах середины 2000-х гг., когда реализовывались разные градостроительные проекты, предполагавшие вырубку зеленых насаждений в городе. В-третьих, это граждане, которые называли себя волонтерами. Волонтеры занимаются обычно лечением бездомных животных, поиском хозяев для них через различные площадки. Нередко волонтеры организуют частные неформальные приюты для бездомных собак и кошек, а также создают тематические публичные группы в социальных сетях, которые становятся инструментом продвижения их идей, источником пожертвований, а также механизмом рекрутинга новых волонтеров. У подобных групп может быть до 15 тысяч подписчиков.

Некоторым предполагаемым условием, относительно которого выражали недовольство зоозащитники накануне спортивных мега- событий, был порядок отлова и содержания бездомных собак. Рассмотрим подробнее практики регулирования численности бездомных животных в России, которые критиковали в своих выступлениях представители зоозащитного движения.

С 1995 по 2018 год порядок обращения с безнадзорными собаками в России осуществлялся в основном в рамках природоресурсного законодательства, а именно законодательства об охране и использовании животного мира. Отдельного Федерального закона, определяющего правила гуманного обращения с животными, принято не было, хотя в 1999 в Государственную Думу вносился законопроект «О защите животных от жестокого обращения», а в 2014 году был даже принят в первом чтении законопроект «Об ответственном обращении с животными». К 2014 году специальные законодательные акты, регулирующие порядок обращения с домашними животными, были приняты только в семи субъектах РФ (Минина, 2014, с. 81, 86). Отлов и содержание безнадзорных животных осуществлялись исполнительными органами власти субъектов РФ при реализации региональных программ санитарно-эпидемиологического благополучия населения в соответствии с Санитарно-эпидемиологическими правилами СП 3.1.7.2627-10, утвержденными Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 6 мая 2010 г. № 54.

На основе анализа 62 контрактов, заключенных в 29 городах РФ, исследователи отмечают, что доля контрактов, в которых в услуги включена стерилизация и вакцинация, составляет 18% от общего числа контрактов. В остальных контрактах акты либо включают только отлов, передержку и эвтаназию, либо только отлов и транспортировку, либо вовсе не содержат расшифровку. Численность заявленных к отлову животных зависит скорее от выделенных средств, чем от расчетной необходимой численности отловленных безнадзорных животных. В семи из двенадцати исследуемых городов процент отлова не превышает четверти от общей численности, тогда как в двух городах, напротив, число к отлову в два раза превышает официальную численность, что указывает на некорректность официальных данных (Русакова, 2020, с. 55-57)

Таким образом, на практике регулирование численности безнадзорных животных в городах сводится в основном к умерщвлению определенного количества бездомных собак. Например, в 2013 году Администрация Центрального района города-курорта Сочи объявила тендер: «Выполнение работ по отлову, подбору и утилизации безнадзорных животных (собак и кошек)» в рамках реализации ВЦП «Дорожная деятельность и благоустройство Центрального внутригородского района города Сочи на 2013-2015 годы». Наименование работ: «Отлов, подбор и утилизация безнадзорных животных (собак и кошек)». Единицы измерения – головы. Начальная цена – 1 714 270 рублей. Отрасль: услуги по дератизации, дезинфекции, дезинсекции, отлову бродячих животных (Тендер, 2023). МКУ «Комитет жилищно-коммунального

хозяйства Исполнительного комитета муниципального образования города Казани», также в рамках региональной муниципальной программы «Обеспечение надлежащей санитарно-эпидемиологической обстановки и профилактика социально опасных заболеваний безнадзорных животных в г. Казани» на 2013 – 2015 годы объявил аукцион на проведение соответствующих мероприятий в 2013 году. По техническому заданию исполнитель должен был отловить животных, из них часть – стерилизовать и выпустить, часть – умертвить и утилизировать. Цена – 11 997 914 рублей 91 коп. (Сведения, 2023). Подобные тендеры рутинно объявляют все города, принимающие и не принимающие спортивные мега- события в России.

Пикет был основной формой протеста казанских и сочинских зоозащитников. Однако активисты использовали не только публичные площадки для выдвижения своих утверждений-требований, но и цифровые: они продвигали соответствующий контент в своих группах в сети ВКонтакте, а также в Живом Журнале, инициировали петиции к муниципальным, федеральным органам исполнительной власти и даже в МОК на различных электронных площадках. В Сочи протесты зоозащитников активно освещал популярный среди местных жителей портал «Привет Сочи», в Казани газета «Вечерняя Казань», «Бизнес-онлайн» сообщали о предстоящих акциях и публиковали статьи на эту тему. Однако активисты искали выход на журналистов национальных и международных СМИ. Отечественные и зарубежные журналисты охотно выступали проводниками утверждений-требований, публикуя статьи, посвященные проблеме регулирования численности бездомных животных накануне спортивных событий.

Универсиада – 2013

Первые статьи, связывающие тему бездомных животных с предстоящими спортивными событиями, появляются в региональной прессе уже через год после даты решения о проведении мероприятия. Необходимо отметить, что активные дебаты шли именно на региональном уровне, в федеральных СМИ эта тема была озвучена слабо.

Интересно то, что в 2009 году экологи формулируют дискурс, в котором бездомные животные и принятые в России меры регулирования в виде отстрелов осмысливаются через противопоставление понятию цивилизация:

«Дорога – не признак цивилизации (...) Эколого-природный каркас – сложная система, состоящая не только из скверов, в нее входят даже бродячие собаки. Мингазова припомнила, как известные спортсмены отказывались приезжать на соревнования мирового масштаба в некоторые европейские города только из-за того, что там проводились отстрелы бездомных животных» (Пора, 2009).

Признак нецивилизованности – отстрел собак, то есть лишение жизни бездомных собак и кошек с помощью стрелкового оружия.

В 2011 г., то есть за 2 года до события, когда были опубликованы извещения о торгах, журналист, описывая содержание техзадания тендера, отмечает:

«Заказчик предъявляет требования по весьма гуманному способу ограничения бродячих четвероногих», но задается здесь же вопросом: «не получится ли так, что благие намерения по цивилизованному регулированию численности бродячих животных не обернутся их банальным истреблением, на что, как известно, нужно и времени меньше, и средств?» (Фадеева, 2011).

Цивилизованным регулированием автор называет «отлов животных с помощью специальных средств, неспособных нанести вред братьям нашим меньшим», стерилизацию, вакцинацию и возврат в среду обитания. Признаком цивилизованности представляется минимизация насилия над животными. Подобные статьи публикуют более или менее независимые от власти издания.

В этом же году выходят статьи на сайте мэрии Казани, а также в ряде изданий, в которых озвучиваются результаты работы комитета ЖКХ по регулированию численности бездомных животных:

«С начала года отловлено 2640 безнадзорных животных. (...) Клинически здоровые отловленные животные вакцинируются от бешенства, обрабатываются от паразитов, стерилизуются и передаются заинтересованным лицам или организациям или выпускаются. Эвтаназии (усыплению) подвергаются нежизнеспособные, больные опасными инфекционными заболеваниями или агрессивные животные. (...) По сравнению с 2005 годом финансирование работ по ограничению численности безнадзорных животных в г. Казани увеличилось более чем в 2 раза, а численность укусов сократилась на 22%» (В прошлом, 2011).

Дискурс, который продвигают власти города, строится вокруг темы безопасности людей и гуманного отношения к животным. Эвтаназия, или легкая смерть без мучений – животное вводится в наркоз перед усыплением, то есть оно не испытывает боли – рассматривается как крайний метод, который используется в безнадежных случаях.

Радикализация утверждений-требований со стороны всех участников происходит за полгода до Универсиады, когда активисты публикуют в сети фотографии с территории фирмы, получающей государственные контракты на проведение мероприятий по регулированию численности безнадзорных животных. На фотографиях запечатлены горы собачьих трупов – и ни одного вольера с живыми здоровыми собаками, которые находятся на карантине. Активисты выдвигают лозунг «Нет Универсиаде на крови!» и выходят с плакатами, на которых в том числе и шокирующие изображения собачьих трупов. Кстати, Дж. Джаспер и Джейн Полсен давно заметили, что стратегия «морального потрясения / шока» сознательно используется зоозащитниками, чтобы обратить на себя внимание аудитории и рекрутировать сторонников. Организаторы из всех сил стараются создать подобные изображения, и наиболее эффективными являются те, которые воплощены в символы (Jasper & Poulsen, 1995). Журналисты городской газеты, поддерживая зоозащитный дискурс, так описывают проблему:

«(..) 5 апреля, десять дней отводится на подписание контракта, а 15-го для бездомных “друзей человека” пробьет последний час. Друзей в кавычках, потому что друзей не убивают, а в Казани уже десять лет происходят массовые убийства собак. Уничтожить “друзей” велено в кратчайшие сроки – чтоб нена-роком не облаяли гостей Универсиады» (Серова, 2013).

В данном дискурсе вместо слова «эвтаназия» (легкая смерть) используется «убийство» (насильственное лишение жизни, когда животное испытывает боль). Бездомные животные характеризуются через понятие «друзья человека», которые могут только «облаять», т.е. причинить совсем незначительный вред гостям мероприятия. Слово «друзья» присутствует и в кавычках, и без кавычек. В кавычки заключаются слова, которые имеют ироническое значение, то есть противоположное их буквальному значению. Таким приемом автор статьи обозначает реальное отношение городских властей к бездомным животным, как к врагам. Автор статьи обращается также к причинам такого отношения, привлекая дискурс коррупции:

«На борьбе с бродячими собаками зарабатывает частное ООО "СОБЖ" (...) По расчетам зоозащитников, на эти средства можно содержать большой собачий приют и еще регулировать численность собак на улицах путем стерилизации. Как “регулируют” эту численность сейчас, иллюстрируют кадры, выложенные недавно зоозащитниками в Интернет...”» (Серова, 2013).

Основной причиной жестокого обращения к животным со стороны городских властей автор называет сговор со стороны чиновников и депутата городской думы, который возглавляет ООО «СОБЖ» с целью извлечения прибыли. В тендере стерилизация представляется главным способом регулирования численности, но процедура проверки исполнения тендера в этой части такова, что проверить реальность выполненной работы не представляется возможным. Таким образом, фирма могла получать незаконную прибыль, предоставлять «чистые» отчетные документы, не выполняя значительную часть тендера, ограничиваясь самым дешевым и неэффективным методом регулирования численности животных – отловом и отстрелом на основании заявок жителей города.

В ответ на зоозащитный дискурс и дискурс коррупции власти города активно продвигают санитарный дискурс, который строится вокруг представления собак как опасных животных, которые ежегодно наносят физический ущерб жителям города. Власти города объявили, что главным итогом работы «СОБЖ» стало снижение общего количества укусов людей животными с «7700 в 2005 году (тогда 92% укушенных пострадали от безнадзорных животных) до 3927 в 2012 году (причем доля пострадавших от бродячих животных снизилась до 58%)» (В Казани, 2013; Катаргин, 2013). Это заявление полностью искажает данные, которые публично излагались в 2006 году территориальным управлением Роспотребнадзора. С жалобами на укусы животных в 2005 году обратилось 5538 человек, из которых 2082 человека пострадало от укусов домашних животных (В Казани, 2006). Еще одной частью дискурса городской

власти является обращение к опыту цивилизованных стран: «За исключением Германии и еще пары стран, невостребованных безнадзорных собак усыпляют. (...) Их не выпускают обратно в городскую среду» (Катаргин, 2013). Представители городской власти активно используют слова «эвтаназия» и «усыпление», которые представляют смерть животных как гуманную, необходимую меру, которая осуществляется правильным ненасильственным способом. В итоге мэрия была вынуждена несколько раз отменять тендер.

Олимпиада – 2014

Популярные городские интернет-порталы и городская газета «Вечерний Сочи» стали первыми информационными площадками, активно продвигающими проблему регулирования численности бездомных животных в Сочи в преддверии Олимпиады. Если в Казани формально существовал пункт передержки животных, который соответствовал всем нормам СанПиНа, то в Сочи не было ни муниципального приюта, ни пункта передержки, который позволял бы реализовывать программу стерилизации животных и поиска им новых хозяев. Основным методом и на бумаге, и на деле являлся «отлов, подбор и утилизация безнадзорных животных (собак и кошек)». После пикета против тендера, прошедшего 27 апреля 2013 года, журналисты приводят слова организатора акции:

«(...) эта проблема и не должна решаться волонтерами, должна быть городская программа, подкрепленная законами и политическая воля их исполнять. Нужен попечительский общественный, (что? – Э.Т.) чтобы это контролировать, и штатная единица в администрации, человек, ответственный за этот вопрос. Сочи сейчас на виду у всего мира, а у нас во дворах лежат трупы животных и рядом ходят дети» (Новость, 2013).

Интерес в этом нарративе представляет последнее предложение, в котором резюмируется основная моральная претензия активистов к городским властям Сочи: насилие и смерть видят дети. Этот сюжет часто воспроизводится в локальных СМИ. Элиас указывает: чем выше степень моделирования аффектов, цивилизованной сдержанности, тем больше механизмов кондиционирования или принуждения детей к моделированию своих аффектов используется обществом (Элиас, 2001a, с. 240). Удаление сцен мучений и смерти животных с улиц «за кулисы» можно назвать одним из современных механизмов кондиционирования детей, при помощи которого их ограждают от наблюдения жестокости и препятствуют появлению у них наслаждения от подобных зрелищ. Таким образом, нарушение социального стандарта влечений, характерного для европейских обществ на современном этапе развития, является основным вектором публичных обвинений со стороны активистов.

Региональные и федеральные информационные агентства достаточно быстро подхватили эту тему вслед за городскими, также примерно за год

до начала мероприятия. Материалы вышли в АиФ-Кубань, МК на Кубани, Комсомольская правда – Кубань, РБК, Газете Труд, журнале Русский репортер, Независимой газете, Ленте, РИА Новости. В материалах региональной прессы представлены голоса всех участников конфликта. Тексты содержат, как зоозащитный дискурс, так и санитарный дискурс:

«(...) собачий десант по-настоящему пугает жителей Центрального района Сочи. Каждый день здесь в среднем по 5 звонков с жалобами. Говорят: ребенок не может в школу идти, потому что на пути его 7-8 собак встречают. Или вот только что позвонили: возле магазина улеглась целая стая, жители опасаются идти за продуктами, – рассказали в местной администрации» (Шумовская, 2013).

Надо отметить, что федеральные издания, кроме РИА Новости, представили эту новость в достаточно критическом ключе. Например, в газете Труд вышла статья «Олимпийская живодерня: в Сочи объявили конкурс на «утилизацию» бездомных животных»:

«РосТендер объявил конкурс «на выполнение работ по отлову, подбору и утилизации безнадзорных животных (собак и кошек)». В переводе с чиновничьего языка на человеческий, термин «утилизация» означает «убийство», – отмечают обозреватели. (...) По мнению наблюдателей, не стоит ожидать, что чиновники будут придерживаться буквы закона и в Сочи. Ведь на кону огромная сумма – 1,7 миллиарда, – а успеть нужно до начала Олимпиады. Так что гуманизм и педантичность при таком «раскладе», как ни крути, оказываются лишними» (Фоменко, 2013).

В этой статье мы опять видим слияние зоозащитного дискурса и дискурса коррупции, в рамках которого причиной жесткости к животным со стороны властей рассматривается меркантильный интерес, а не санитарные требования. Правда, с цифрами автор серьезно ошибся, аукцион был объявлен всего на 1,7 млн. рублей (Тендер, 2013). РИА Новости, государственное информационное агентство, представили статью, в которой рассказывается о планах мэрии города выделить участок земли и построить муниципальный приют для бездомных животных, не вдаваясь в детали, почему такая проблема возникла.

Два крупнейших международных агентства информации и новостей, Ассошиэйтед Пресс и Томсон Рейтер, крупнейшие американские и британские издания (Гардиан, Форбс, Нью-Йорк Таймс, Нью-Йорк Пост и т.д.) опубликовали материалы, посвященные проблеме регулирования численности бездомных собак в Сочи в период с 3 по 6 февраля 2014 г., то есть непосредственно перед началом Олимпиады. Статья в Томсон Рейтер передает слова представителя Международного олимпийского комитета, который был вынужден прокомментировать ситуацию, заверив, что уничтожаются только больные и безнадёжные животные. Однако далее журналист подвергает сомнению эти слова, приводя комментарии представителей международной некоммерческой организации Humane Society International:

“Killing street dogs, whether through poisoning, shooting or other means, is not only inhumane, but ineffective (...) While Russia has the world’s attention with the Olympics around the corner, the current dog killing program will only rouse an international outcry and taint the image of the country”. (Heritage, 2014).

«Убийство уличных собак с помощью яда, отстрела или другими способами не только негуманно, но и неэффективно (...) В то время как к России приковано внимание всего мира, поскольку Олимпиада не за горами, нынешняя программа по уничтожению собак только вызовет протест международного сообщества и испортит имидж страны». (Перевод авт.)

Далее он ссылается на слова жителей города, которые утверждают, что животные исчезают с улиц или их находят мертвыми (Heritage, 2014). Все статьи сфокусированы на обсуждении негуманных методов регулирования численности, использование которых портит имидж страны.

В результате активности разных акторов по выдвижению утверждений-требований мэрия отменила тендер на отлов и уничтожение животных, выделила участок для строительства муниципального приюта, который в будущем мог бы осуществлять программы по регулированию численности животных гуманными методами. Однако в итоге на выделенном участке появилось три негосударственных приюта: приют организации «Добромир» (которая, к слову, и получила официально участок в пользование), приют «Поводог» Олега Дерипаски, который выделил 50 млн. рублей на его строительство и содержание, и неформальный приют «Бим», которым занимались волонтеры на пожертвования.

Чемпионат мира по футболу – 2018

Чемпионат мира с 14 июня по 15 июля 2018 года приняли 11 городов России: Москва, Калининград, Санкт-Петербург, Волгоград, Казань, Нижний Новгород, Самара, Саранск, Ростов-на-Дону, Сочи и Екатеринбург. В целом история повторялась в Казани и Сочи: зоозащитники стали выходить на пикеты с требованиями прекратить массовые убийства бездомных животных и построить муниципальные приюты. Никаких существенных изменений ни в законодательстве, ни в практиках регулирования численности бездомных животных после Универсиады-2013 и Олимпиады-2014 не произошло. Интересно то, что, в отличие от предыдущих лет, в 2018 году администрация города Сочи уже указывает в условиях тендера, что «запрещается производить отлов животных в присутствии детей» (Решение б/н, 2018).

Важной особенностью нового витка борьбы за проблематизацию обсуждения условий регулирования численности бездомных животных стала активность федеральных СМИ и вовлечение в дискуссию чиновников и депутатов федерального уровня. После того, как ФИФА обратил внимание на проблему бродячих собак в России, было проведено заседание Комитета Государственной Думы по экологии и охране окружающей среды, на котором выступили представители Минспорта и оргкомитета Чемпионата мира

по футболу 2018. Председатель комитета Владимир Бурматов предположил, что «регионы идут на убийство животных просто потому, что это более выгодно, чем строить приюты». На «кровавом бизнесе зарабатываются большие деньги (...) морожеными головами одних и тех же собак они отчитываются по 10 раз, и кто знает, сколько они на самом деле их ликвидировали» (Озерова, 2018). В Парламентской газете, официальном еженедельном издании Федерального Собрания РФ, вышла статья, в которой он заявил:

«Теперь мы понимаем, что если где-то будет продолжаться массовое умерщвление бездомных животных, то это уже перегибы или неадекватные действия, которые совершают сотрудники конкретных муниципалитетов или предприятий (...) Тревожные сигналы должны прекратиться. Это вопрос репутации для нашей страны. Потому что мы не дикари, чтобы массово убивать животных на улицах, скидывать их окровавленные трупы в машины и возить по всему городу» (Третьякова, 2018).

В этом нарративе особо ярко обозначена связь между насилием и цивилизованностью: только нецивилизованные люди могут совершать насилие над животными. РИА Новости сообщает:

«Проблема бездомных животных в городах-организаторах ЧМ-2018 рассматривалась в Администрации президента. Региональным властям, Минприроды России и Минздраву России поручили «избегать мер, которые могут быть расценены как жестокое обращение с животными»» (Халецкая, 2018).

Таким образом, впервые представители федеральных властей признают утверждения-требования зоозащитников, используют тот же дискурс, но ответственность переносят на власти регионов.

В 2018 году некоторые международные издания публикуют материалы, посвященные данному вопросу. Содержание материалов мало изменилось. Гардиан публикует статью, в которой описывает ситуацию так:

“Already scrambling to get hotels ready on time, make the Games safe (...) the host nation is now trying to shake off accusations that it is killing stray dogs” (Newkey-Burden, 2018). («Изо всех сил пытаюсь вовремя подготовить отели, обеспечить безопасность проведения Игр (...) страна, принимающая игры, пытается избавиться от обвинений в том, что она убивает бездомных собак». Перевод авт.)

Издание Миррор также опубликовало статью:

“Canine 'death squads' will be used to carry out a mass slaughter of stray dogs at World Cup host cities in Russia, animal campaigners have warned. Tenders worth £1.4 million have already been signed in some host cities to deploy a so-called 'canine KGB' to carry out the killing, according to campaigners” (Stewart, 2018). (Собачьи «эскадроны смерти» будут использоваться для массового истребления бездомных собак в городах, принимающих Чемпионат мира по футболу в России, предупреждают зоозащитники. По словам участников кампании, в некоторых принимающих городах уже подписаны тендеры на сумму 1,4 миллиона фунтов стерлингов для развертывания так называемого «собачьего КГБ» для совершения убийств. Перевод авт.)

В этом отрывке мы видим неожиданно аббревиатуру КГБ, которое уже не существует в России с 90-х гг. Можно предположить, что КГБ ассоциируется с репрессиями в отношении граждан, соответственно и употребляется, чтобы подчеркнуть противоправность и несправедливость отстрела животных.

Выводы

Утверждения-требования зоозащитников по поводу условий регулирования численности бездомных животных строятся на типификации приемлемых / цивилизованных и наоборот неприемлемых / нецивилизованных способов умерщвления бездомного животного. Убийство или нецивилизованный способ предполагает «видимое» насилие, когда животное умирает в муках на виду у прохожих и в особенности детей. Активисты создают шокирующий образ животных, истекающих кровью, который тиражируется через СМИ и привлекает внимание. Эвтаназия, или цивилизованный способ, предполагает введение животного в наркоз перед усыплением, чтобы оно не испытывало боли и мук умирания. Именно в XX веке появился технический аппарат (наркоз) и специалисты (ветеринары), которые скрывают смерть животного от глаз зрителей. – В целом этот дискурс связывает индустрии социальных проблем всех уровней.

Правда, российские активисты, говоря о массовых убийствах, похоже, не знакомы с практикой массовых эвтаназий в западных цивилизованных странах. Если сравнивать число умерщвленных собак и кошек в России и, например, в США, не обращая внимания на способ, то окажется, что в американских муниципальных и частных приютах умерщвляется несравнимо большее количество животных, чем в России. Число эвтаназий в США было стабильно одинаковым с 1970 до конца 1990-х – около 7-10 млн. особей в год, из которых 80% составляли бездомные животные. Только в одном американском штате Нью Джерси в 1997 году около 46 тысяч собак и кошек подверглись эвтаназии (Clancy, 2003). В 2017 году в 29 крупнейших городах РФ к отлову было заявлено 37 289 животных (Русакова, 2020). Неизвестно, сколько их в реальности было отловлено и умерщвлено, учитывая коррупционные практики, существование которых признали и на федеральном уровне.

Интерес представляют дискурсивные конструкции, которые активно продвигаются на региональном уровне, но на федеральном уровне и международном модифицируются или исчезают. Дискурс коррупции и дискурс безопасности, который выстраивается вокруг статистики укусов и случаев бешенства, еще присутствуют в материалах федеральных изданий, но не находят отражения в статьях международных СМИ. Индустрии социальных проблем национального международного уровней избирательно воспроизводят утверждения-требования, максимально упрощая и схематизируя картину происходящего. На международном уровне акторы индустрии социальных проблем не интересуются причинами проявления жестокости

к животным, фокусируют внимание на неприемлемости подобных действий в стране, принимающей спортивные игры такого уровня. Здесь мы можем подтвердить вывод Манценрайтера о том, что западные СМИ нацелены на укрепление национальных стереотипов о не-западных государствах, обращая внимание исключительно на их недостатки (Manzenreiter, 2010).

Лонгитюдный анализ СМИ позволил нам увидеть, как меняется риторика акторов национальной индустрии социальных проблем под давлением международной индустрии социальных проблем. В 2014 году перед Олимпиадой федеральные чиновники и депутаты Федерального собрания РФ не комментировали ситуацию вокруг продвигаемой проблемы. Однако через 4 года при подготовке очередного Чемпионата уже на уровне правительства и президента обсуждается важность контроля этого вопроса.

Таким образом, стратегия конструирования социальной проблемы жестокого обращения с животными в России пока может быть успешной только в контексте подготовки и проведения Олимпийских игр и Чемпионатов мира, когда международные СМИ сфокусированы на поиске недостатков принимающей страны и подтверждении стереотипов о ней. А принимающая страна, в свою очередь, остро воспринимает любую критику в свой адрес. Ведь в развивающихся странах спортивные мега-события – это не мероприятия городского уровня, за которым стоит крупный бизнес и городские элиты, а национальный проект по продвижению страны на международной арене. Однако не все международные мероприятия рассматриваются таковыми международной индустрией социальных проблем. Например, Универсиада, хотя и является мероприятием международного уровня, все же не вызывает активного интереса акторов международной индустрии социальных проблем, поэтому активность зоозащитников в этот период не нашла отражения в международных СМИ и не имела влияния на федеральные власти.

Список литературы

- Amos, H. (2018, May 29). Is Russia Killing Stray Dogs Ahead of the World Cup? The Guardian. <https://www.theguardian.com/cities/2018/may/29/russia-stray-dogs-world-cup-cull-sochi-yekaterinburg>
- Best, J. (2018). Constructing animal species as social problems. *Sociology Compass*, 12(11), e12630. <https://doi.org/10.1111/soc4.12630>
- Blumer, H. (1971). Social problems as collective behavior. *Social Problems*, 18(3), 298–306. <https://doi.org/10.2307/799797>
- Clancy, E. A., & Rowan, A. N. (2003). Companion animal demographics in the United States: A historical perspective. In D. J. Salem & A. N. Rowan (Eds.), *The state of the animals II: 2003* (pp. 9–26). Humane Society Press.

- Cornelissen, S. (2012). 'Our struggles are bigger than the World Cup': Civic activism, state-society relations and the socio-political legacies of the 2010 FIFA World Cup 1. *The British Journal of Sociology*, 63(2), 328–348. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2012.01412.x>
- Greene, S. J. (2003). Staged cities: Mega-events, slum clearance, and global capital. *Yale Hum. Rts. & Dev. LJ*, 6, 161.
- Heritage, T. (2014, February 5). IOC says no “healthy” dogs being killed in Sochi. Reuters. <https://www.reuters.com/article/olympics-sochi-dogs/ioc-says-no-healthy-dogs-being-killed-in-sochi-idINDEEA140FZ20140205>
- Jasper, J. M., & Poulsen, J. D. (1995). Recruiting strangers and friends: Moral shocks and social networks in animal rights and anti-nuclear protests. *Social Problems*, 42(4), 493–512. <https://doi.org/10.2307/3097043>
- Jonathan Grix & Nina Kramareva. (2017). The Sochi Winter Olympics and Russia's unique soft power strategy. *Sport in Society*, 20(4), 461–475. <https://doi.org/10.1080/17430437.2015.1100890>
- Kete, K. (2002). Animals and ideology: The politics of animal protection in Europe. In N. Rothfels (Ed.), *Representing animals* (pp. 19–34). University of Illinois Press.
- Loseke, D. R. (2017). *Thinking about social problems: An introduction to constructionist perspectives*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315135601>
- Loseke, D. R., & Best, J. (2003). *Social problems: Constructionist readings*. Transaction Publishers.
- Manzenreiter, W. (2010). The Beijing Games in the Western Imagination of China: The Weak Power of Soft Power. *Journal of Sport & Social Issues*, 34(1), 29–48. <https://doi.org/10.1177/0193723509358968>
- Müller, M. (2011). State dirigisme in megaprojects: Governing the 2014 Winter Olympics in Sochi. *Environment and Planning A*, 43(9), 2091–2108. <https://doi.org/10.1068/a43284>
- Newkey-Burden, C. (2018, June 4). Russia Is Killing Stray Dogs. World Cup Stars Must Help Stop the Slaughter. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/04/russia-killing-stray-dogs-world-cup-fifa>
- Oh, M., & Jackson, J. (2011). Animal rights vs. Cultural rights: Exploring the dog meat debate in South Korea from a world polity perspective. *Journal of Intercultural Studies*, 32(1), 31–56. <https://doi.org/10.1080/07256868.2010.491272>
- Podberscek, A. L. (2009). Good to pet and eat: The keeping and consuming of dogs and cats in South Korea. *Journal of Social Issues*, 65(3), 615–632. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2009.01616.x>
- Roche, M. (1994). Mega-events and urban policy. *Annals of Tourism Research*, 21(1), 1–19. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(94\)90002-7](https://doi.org/10.1016/0160-7383(94)90002-7)
- Stewart, W. (2018, January 22). Putin to deploy “canine KGB death squads” to butcher thousands of stray dogs in football World Cup host cities, claim campaigners. *World News – Mirror Online*. <https://www.mirror.co.uk/news/world-news/putin-deploy-canine-kgb-death-11892422>
- Tomlinson, R. (2010). Whose accolades? An alternative perspective on motivations for hosting the Olympics. *Urban Forum*, 21(2), 139–152. <https://doi.org/10.1007/s12132-010-9082-9>
- Unnithan, N. P. (1994). Children as victims of homicide: Making claims, formulating categories, and constructing social problems. *Deviant Behavior*, 15(1), 63–83. <https://doi.org/10.1080/01639625.1994.9967958>
- Waldau, P. (2013). *Animal studies: An introduction*. Oxford University Press.

- В Казани необходимо усилить работу по отлову безнадзорных животных. (2006, февраль 14). Казанский информационный портал.
- В Казани уничтожат только агрессивных собак, остальных – стерилизуют. (2013, март 28). Городской портал. Казань.
- В прошлом году 2462 бродячих собаки в Казани обрели новых хозяев. (2011, март 28). <https://www.kzn.ru>
- Воинов, Д. Е. (2013). Типологизация влияния политики на современные Олимпийские игры. Журнал социологии и социальной антропологии, 16(5), 21–38.
- Гребенникова, У. (2020, март 1). Власти Сочи готовы выделить 20 млн руб на приют для бездомных животных. РИА Новости. <https://ria.ru/20130423/934145172.html>
- Карбаинов, Н. И. (2013). Как изымают собственность в олимпийских столицах: Олимпиада в Сочи в сравнительной перспективе. Мир России, 22(1), 106–131.
- Катаргин, Д. (2013, март 28). «Стерилизация собаки – не панацея от укусов. Зубы-то ей мы не удаляем...» БИЗНЕС Online. <https://www.business-gazeta.ru/article/77572>
- Минина, Е. Л. (2014). Проблемы правового регулирования обращения с животными. Журнал российского права, 12(216), 80–88.
- Мутко обсудил с зоозащитниками отлов бездомных собак перед ЧМ-2018. (2018, февраль 7). РБК. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a7b1a919a7947a23e4a292d>
- «Новость: Ольга Носковец: „Сочи на виду у всего мира, а на улицах лежат трупы животных“, 29.04.2013». (2013, апрель 29). <https://sochi.com/news/2099/296046/>
- Озерова, М. (2018, март 22). «Отчитываются морожеными головами собак»: Эксперты обсудили отлов животных к ЧМ-2018». МК.RU. <https://www.mk.ru/social/2018/03/22/otchityvayutsya-morozhenymi-golovami-sobak-eksperty-obsudili-otlov-zhivotnykh-k-chm2018.html>
- Пора заканчивать с гиперпроектами. (2009, январь 30). Вечерняя Казань (Республика Татарстан).
- Решение б/н. Решение по делу №ВП-18/2018 о результатах внеплановой проверки соблюдения законодательства о размещении заказов от 1 марта 2018 года. (2023, июнь 20). База решений ФАС. <https://br.fas.gov.ru/to/krasnodarskoe-ufas-rossii/vp-18-2018/>
- Русакова, И. В. (2020). Контракты на оказание услуг по отлову и содержанию безнадзорных животных в городах РФ: расходы и результаты. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право, 5, 52–59. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2020.05.27>
- Сведения заказа №0111300000113000109. (2023, июнь 20). https://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=5915150
- Серова, И. (2013, март 20). Зоозащитники России и Европы: «Нет Универсиаде на крови!» Вечерняя Казань. <https://www.evening-kazan.ru/print/33086>
- Тендер на выполнение работ по отлову, подбору и утилизации безнадзорных животных (собак и кошек) | г. Сочи, Краснодарский край | 14019231 | Ростендер. (2023, июнь 20). <https://rostender.info/region/krasnodarskij-kraj/sochi/14019231>

- Третьякова, М. (2018, январь 11). В городах-участниках ЧМ-2018 откроют временные приюты для бродячих собак. <https://www.pnp.ru/social/v-gorodakh-uchastnikakh-chm-2018-otkroyut-vremennye-priuty-dlya-brodyachikh-sobak.html>
- Фадеева, Е. (2011a, январь 26). Госзакупки в РТ: суперзаказы Минстроя для Универсиады. БИЗНЕС Online. <https://www.business-gazeta.ru/article/34941>
- Фадеева, Е. (2011b, март 28). Евростандарт для бездомного. БИЗНЕС Online. <https://www.business-gazeta.ru/article/37904>
- Филлипс, Л., & Йоргенсен, М. В. (2004). Дискурс анализ: Теория и метод. Издательство Гуманитарного центра.
- Фоменко, В. (2013, апрель 30). Олимпийская живодерня: В Сочи объявили конкурс на «утилизацию бездомных животных». Газета Труд. https://www.trud.ru/article/17-04-2013/1292472_olimpijskaja_zhivodernja_v_sochi_objavili_konkurs_na_utilizatsiju_bezdomnyx_zhivotnyx.html
- Халецкая, И. (2018, январь 26). Собачий вальс. Как в городах-организаторах ЧМ решают проблему бродячих псов. РИА Новости. <https://ria.ru/20180126/1513327682.html>
- Человек и бездомные животные: Контролировать, бороться или помогать? (2022, август 19). <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-bezdomnye-zhivotnye-kontrolirovat-borotsja-ili-pomogat>
- Шумовская, Е. (2013, сентябрь 30). Тендер на отлов. Что происходит с бродячими собаками в Сочи накануне Игр. АиФ-Кубань (Краснодар). <https://kuban.aif.ru/society/934870>
- Элиас, Н. (2001a). О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. Университетская книга.
- Элиас, Н. (2001b). О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. Университетская книга.
- Ясавеев, И. Г. (2004). Конструкционистский подход к социальным проблемам. Журнал исследований социальной политики, 2(4), 533–546.

References

- Amos, H. (2018, May 29). Is Russia Killing Stray Dogs Ahead of the World Cup? The Guardian. <https://www.theguardian.com/cities/2018/may/29/russia-stray-dogs-world-cup-cull-sochi-yekaterinburg>
- Best, J. (2018). Constructing animal species as social problems. *Sociology Compass*, 12(11), e12630. <https://doi.org/10.1111/soc4.12630>
- Blumer, H. (1971). Social problems as collective behavior. *Social Problems*, 18(3), 298–306. <https://doi.org/10.2307/799797>
- Человек и безнадзорные животные: Контролировать, бороться или помогать? (2022, August 19). <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-bezdomnye-zhivotnye-kontrolirovat-borotsja-ili-pomogat> (In Russian).
- Clancy, E. A., & Rowan, A. N. (2003). Companion animal demographics in the United States: A historical perspective. In D. J. Salem & A. N. Rowan (Eds.), *The state of the animals II: 2003* (pp. 9–26). Humane Society Press.

- Cornelissen, S. (2012). 'Our struggles are bigger than the World Cup': Civic activism, state-society relations and the socio-political legacies of the 2010 FIFA World Cup 1. *The British Journal of Sociology*, 63(2), 328–348. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2012.01412.x>
- Elias, N. (2001a). *On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies: Vol. 1. Changes in the behavior of the upper stratum of the laity in Western countries*. Universitetskaya kniga. (In Russian).
- Elias, N. (2001b). *On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies: Vol. 2. Changes in the environment. Project of the Theory of Civilization*. Universitetskaya kniga. (In Russian).
- Fadeeva, E. (2011a, January 26). Goszakupki v RT: superzakazy Ministroya dlya Universiady. BIZNES Online. <https://www.business-gazeta.ru/article/34941> (In Russian).
- Fadeeva, E. (2011b, March 28). Evrostandart dlya bezdomnogo. BIZNES Online. <https://www.business-gazeta.ru/article/37904> (In Russian).
- Fomenko, V. (2013, April 30). Olimpiiskaya zhivodernya: V Sochi ob'yavili konkurs na 'utilizatsiyu beznadzornykh zhivotnykh'. *Gazeta Trud*. https://www.trud.ru/article/17-04-2013/1292472_olimpijskaja_zhivodernja_v_sochi_objavili_konkurs_na_utilizatsiju_bezdomnyx_zhivotnyx.html (In Russian).
- Grebennikova, U. (2020, March 1). Vlasti Sochi gotovy vydelyat' 20 mln rub na priyut dlya bezdomnykh zhivotnykh. RIA Novosti. <https://ria.ru/20130423/934145172.html> (In Russian).
- Greene, S. J. (2003). Staged cities: Mega-events, slum clearance, and global capital. *Yale Hum. Rts. & Dev. LJ*, 6, 161.
- Heritage, T. (2014, February 5). IOC says no "healthy" dogs being killed in Sochi. Reuters. <https://www.reuters.com/article/olympics-sochi-dogs/ioc-says-no-healthy-dogs-being-killed-in-sochi-idINDEEA140FZ20140205>
- Jasper, J. M., & Poulsen, J. D. (1995). Recruiting strangers and friends: Moral shocks and social networks in animal rights and anti-nuclear protests. *Social Problems*, 42(4), 493–512. <https://doi.org/10.2307/3097043>
- Jonathan Grix & Nina Kramareva. (2017). The Sochi Winter Olympics and Russia's unique soft power strategy. *Sport in Society*, 20(4), 461–475. <https://doi.org/10.1080/17430437.2015.1100890>
- Karbainov, N. I. (2013). Appropriation of Property in Olympic Capitals: Sochi in a Comparative Perspective. *Universe of Russia*, 22(1), 106–131. (In Russian).
- Katargin, D. (2013, March 28). Sterilizatsiya sobaki – ne panatseya ot ukusov. Zubyi-to ey myi ne udalyaem... BIZNES Online. <https://www.business-gazeta.ru/article/77572> (In Russian).
- Kete, K. (2002). Animals and ideology: The politics of animal protection in Europe. In N. Rothfels (Ed.), *Representing animals* (pp. 19–34). University of Illinois Press.
- Khaletskaya, I. (2018, January 26). Sobachii vals. Kak v gorodakh-organizatorakh CHM reshayut problemu brodyachikh psov. RIA Novosti. <https://ria.ru/20180126/1513327682.html> (In Russian).
- Loseke, D. R. (2017). *Thinking about social problems: An introduction to constructionist perspectives*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315135601>
- Loseke, D. R., & Best, J. (2003). *Social problems: Constructionist readings*. Transaction Publishers.
- Manzenreiter, W. (2010). The Beijing Games in the Western Imagination of China: The Weak Power of Soft Power. *Journal of Sport & Social Issues*, 34(1), 29–48. <https://doi.org/10.1177/0193723509358968>

- Minina, E. L. (2014). Problems of Legal Regulation of Treatment of Animals. *Journal of Russian Law*, 12(216), 80–88. (In Russian).
- Müller, M. (2011). State dirigisme in megaprojects: Governing the 2014 Winter Olympics in Sochi. *Environment and Planning A*, 43(9), 2091–2108. <https://doi.org/10.1068/a43284>
- Mutko obsudil s zoozashchitnikami otlov bezdomnykh sobak pered CHM-2018. (2018, February 7). RBK. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a7b1a919a7947a23e4a292d> (In Russian).
- Newkey-Burden, C. (2018, June 4). Russia Is Killing Stray Dogs. World Cup Stars Must Help Stop the Slaughter. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/04/russia-killing-stray-dogs-world-cup-fifa>
- Novost: Ol'ga Noskovets: 'Sochi na vidu u vsego mira, a na ulitsakh lezhat trupy zhivotnykh', 29.04.2013. (2013, April 29). <https://sochi.com/news/2099/296046/> (In Russian).
- Oh, M., & Jackson, J. (2011). Animal rights vs. Cultural rights: Exploring the dog meat debate in South Korea from a world polity perspective. *Journal of Intercultural Studies*, 32(1), 31–56. <https://doi.org/10.1080/07256868.2010.491272>
- Ozerova, M. (2018, March 22). 'Otchityvayutsya morozhenymi golovami sobak': Eksperty obsudili otlov zhivotnykh k CHM-2018. MK.RU. <https://www.mk.ru/social/2018/03/22/otchityvayutsya-morozhenymi-golovami-sobak-eksperty-obsudili-otlov-zhivotnykh-k-chm2018.html> (In Russian).
- Phillips, L., & Jorgensen, M. W. (2004). *Discourse analysis: Theory and method*. Izdatel'stvo Gumanitarnogo tsentra. (In Russian).
- Podberscek, A. L. (2009). Good to pet and eat: The keeping and consuming of dogs and cats in South Korea. *Journal of Social Issues*, 65(3), 615–632. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2009.01616.x>
- Pora zakanchivat' s giperproektami. (2009, January 30). *Vechernyaya Kazan' (Respublika Tatarstan)*. (In Russian).
- Reshenie b/n. Reshenie po delu #VP-18/2018 o rezul'tatakh vneplanovoi proverki soblyudeniya zakonodatel'stva o razmeshchenii zakazov ot 1 marta 2018 goda. (2023, June 20). Baza Reshenii FAS. <https://br.fas.gov.ru/to/krasnodarskoe-ufas-rossii/vp-18-2018/> (In Russian).
- Roche, M. (1994). Mega-events and urban policy. *Annals of Tourism Research*, 21(1), 1–19. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(94\)90002-7](https://doi.org/10.1016/0160-7383(94)90002-7)
- Rusakova, I. V. (2020). Contracts for the provision of services for trapping and keeping stray animals in cities of the Russian Federation: Costs and results. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, 5, 52–59. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2020.05.27> (In Russian).
- Serova, I. (2013, March 20). Zoozashchitniki Rossii i Evropy: 'Net Universiade na krovi!' *Vechernyaya Kazan'*. <https://www.evening-kazan.ru/print/33086> (In Russian).
- Shumovskaia, E. (2013, September 30). Tender na otlov. Chto proiskhodit s brodyachimi sobakami v Sochi nakanune Igr. AiF-Kuban' (Krasnodar). <https://kuban.aif.ru/society/934870> (In Russian).
- Stewart, W. (2018, January 22). Putin to deploy "canine KGB death squads" to butcher thousands of stray dogs in football World Cup host cities, claim campaigners. *World News – Mirror Online*. <https://www.mirror.co.uk/news/world-news/putin-deploy-canine-kgb-death-11892422>
- Svedeniya zakaza #0111300000113000109. (2023, June 20). https://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=5915150 (In Russian).

- Tender na vypolnenie rabot po otlovu, podboru i utilizatsii beznadzornykh zhyvotnykh (sobak i koshek) | g. Sochi, Krasnodarskii krai | 14019231 | Rostender. (2023, June 20). <https://rostender.info/region/krasnodarskij-kraj/sochi/14019231> (In Russian).
- Tomlinson, R. (2010). Whose accolades? An alternative perspective on motivations for hosting the Olympics. *Urban Forum*, 21(2), 139–152. <https://doi.org/10.1007/s12132-010-9082-9>
- Tretyakova, M. (2018, January 11). V gorodakh-uchastnikakh CHM-2018 otkroyut vremennye priyuty dlya brodyachikh sobak. <https://www.pnp.ru/social/v-gorodakh-uchastnikakh-chm-2018-otkroyut-vremennye-priyuty-dlya-brodyachikh-sobak.html> (In Russian).
- Unnithan, N. P. (1994). Children as victims of homicide: Making claims, formulating categories, and constructing social problems. *Deviant Behavior*, 15(1), 63–83. <https://doi.org/10.1080/01639625.1994.9967958>
- V Kazani neobkhodimo usilit' rabotu po otlovu beznadzornykh zhyvotnykh. (2006, February 14). Kazanskii Informatsionnyi Portal. (In Russian).
- V Kazani unichtozhat' tol'ko agressivnykh sobak, ostal'nykh – sterilizuyut. (2013, March 28). Gorodskoi Portal. Kazan'. (In Russian).
- V proshlom godu 2462 brodyachikh sobaki v Kazani obreli novykh khozyaev. (2011, March 28). <https://www.kzn.ru> (In Russian).
- Voinov, D. E. (2013). Typology of Political Influence on the Modern Olympics. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 16(5), 21–38. (In Russian).
- Waldau, P. (2013). *Animal studies: An introduction*. Oxford University Press.
- Yasaveev, I. G. (2004). Constructionist approach to social problems. *The Journal of Social Policy Studies*, 2(4), 533–546. (In Russian).

Post-secular Religiosity and Sport: Football as Religion

Nikolai S. Poliakov

Saint Petersburg State University. St. Petersburg, Russia. Email: [n.poliakov\[at\]spbu.ru](mailto:n.poliakov[at]spbu.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3969-6004>

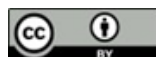
Received: 26 August 2023 | Revised: 4 October 2023 | Accepted: 10 October 2023

Abstract

The passion for sports sometimes takes on such hypertrophied forms that it actually turns out to be one of the variants of religion, fulfilling a number of its significant functions. Football, like few other modern phenomena, demonstrates a close connection to religion, usually with prefixes like “pseudo”, “para”, or “quasi”. In the conditions of post-secularism, when primary institutions, such as religion, lose their initial importance, secondary institutions may begin to play the role of the primary ones. And in this context, we can talk about football as a secular religion. The article examines the ritual origins of the ball game in Mesoamerica and China, the history of football formation in England and the role of priests in this process, various forms of mythological thinking manifestation among football players and coaches, and idolatry on the example of invented religions (the Church of Maradona and the Church of Football). As a result, we can come to the following conclusion: football, at least, functionally replaces religion, which is well seen in the example of England, where football identity is sometimes more important than religious one. The results of the study contribute to better understanding of the features of contemporary religiosity, the so-called religion-like phenomena, and may be of interest to a wide range of readers: religious scholars, historians, sociologists and philologists.

Keywords

Football; Sport; Game; Religion; Fictional Religion; Secular Religion; Ritual; Maradona Church; Identity; Post-Secularism

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Постсекулярная религиозность и спорт: футбол как религия

Поляков Николай Станиславович

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Email: [n.poljakov\[at\]spbu.ru](mailto:n.poljakov[at]spbu.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3969-6004>

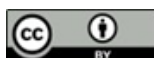
Рукопись получена: 26 августа 2023 | Пересмотрена: 4 октября 2023 | Принята: 10 октября 2023

Аннотация

Увлечение спортом иногда приобретает столь гипертрофированные формы, что фактически оказывается одним из вариантов религии, беря на себя ряд ее значимых функций. Футбол, как мало какое иное явление современности, демонстрирует тесную связь с религией, обычно с приставками вроде «псевдо», «пара» или «квази». В условиях постсекуляризма, когда первичные институты, такие как религия, теряют свое первостепенное значение, некогда вторичные институты начинают играть роль первичных. И в этом контексте можно говорить о футболе как о светской религии. В статье рассматриваются ритуальные истоки игры в мяч в Мезоамерике и Китае, история становления футбола в Англии и роль священников в этом процессе, разнообразные формы проявления мифологического мышления у футболистов и тренеров, образцы идолатрии на примере вымышленных религий (Церковь Марадоны и Церковь Футбола). В результате можно прийти к следующему выводу: футбол, как минимум, функционально заменяет собой религию, что хорошо прослеживается на примере Англии, где футбольная идентичность подчас имеет большее значение, чем религиозная. Результаты исследования помогают лучше понять особенности современной религиозности, так называемые *religion-like phenomena*, и могут быть интересны самому широкому кругу читателей: религиоведам, историкам, социологам и филологам.

Ключевые слова

футбол; спорт; игра; религия; вымышленная религия; светская религия; ритуал; церковь Марадоны; идентичность; постсекуляризм

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\)4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
[Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Религия и спорт кажутся несовместимыми, чуть ли не противоположными видами деятельности. Действительно, религия может ассоциироваться с молчаливой работой и духовностью, а спорт – с шумным развлечением и телесностью. Однако если знать историю возникновения бейсбола или сумо, равно как и многих других видов спорта, а так же древнейших соревнований типа Олимпийских игр, то их тесная связь с религией становится очевидной (Donald, 2007). Иногда эта связь может быть тонкой, а порою настолько многогранной, что резонно задаваться вопросом: это все еще спорт, или уже религия, или пока еще парарелигия, или даже квазирелигия, а может, вымышленная религия (Cusack, 2022) или имплицитная? Не вдаваясь сейчас в терминологические тонкости, заметим, что все эти термины имеют свои достоинства и недостатки, поговорим о самом популярном виде спорта на планете – футболе, пользуясь термином «светская религия», введенным в религиоведческий обиход Хансом Келсеном (Keksen, 2012). Под светской религией принято понимать систему верований, которая обычно пренебрегает метафизическими аспектами сверхъестественного, чаще ассоциируемыми с традиционными религиями, вместо этого наделяя земные сущности религиозными качествами.

Прошедший в 2022 г. чемпионат мира по футболу в очередной раз показал степень любви к этой игре в современном мире, но особенно – в странах Латинской Америки: никто так бурно, на грани истерии, не реагировал на победы своей сборной как аргентинцы, а бразильцы – на поражения. То, что на южноамериканском континенте футбол намного больше, чем спорт, уже давно заметил перуанский писатель и страстный болельщик Марио Варгос Льоса: «Футбол – это светская религия, раньше только религии вызывали это иррациональное, коллективное выражение; сегодня то, что было прототипом религии, – это светская религия нашего времени, и она дает волю страсти и фанатизму» (Высоцкий, 2022).

Действительно, о том, что спорт, как минимум, функционально заменяет религию, писал еще в 1973 г. американский социолог Гарри Эдвардс, сравнивая спортивных звезд со святыми, тренеров с патриархами, стадионы с храмами и т.д. (Edwards, 1973). В 1976 г. теолог Майкл Новак в работе «Радость спорта» назвал спорт в США метафорой религии. Наконец, в 1985 г. социолог Джеймс Меттисон объявил спорт народной религией Америки. Не случайно президент Герберт Гувер говорил, что религия и бейсбол повлияли на американскую жизнь больше, чем все другие институты вместе взятые. Понятно, что американские ученые в качестве объекта изучения использовали преимущественно американский футбол, сравнивая Супербоул с античными фестивалями (Gibbs, 2010). Однако и его старшего собрата – европейский футбол – давно и плодотворно изучают представители различных гуманитарных наук. Так, социологам очевидно, что для многих болельщиков принадлежность к команде, часто

передаваемая от родителей, не менее значима, чем религиозная идентичность; урбанисты сравнивают футбольные городские «святыни» с христианскими доминантами средневековых городов; историки отмечают параллели между крупными турнирами и крестовыми походами. Наконец, религиоведы видят сходство между спортивными ценностями – дисциплиной, почитанием авторитетов, важностью упорного труда – и их аналогами в традиционных религиях (Schultz & Sheffer, 2015, p. 1). Уместным методологическим подходом представляется восприятие футбольных кумиров в контексте «синдрома поклонения знаменитостям» – явления, валидного для понимания т. н. “religion-like phenomena” (Михельсон, 2018, с. 132). Для того чтобы разобраться, как же человечество пришло к тому, что нехитрая игра в мяч стала вызывать «предельный интерес» (терминология П. Тиллиха) у миллиардов людей, нужно вначале обратиться к истокам футбола.

Ритуальные истоки игры в мяч

Родоначальниками футбола принято считать англичан, однако есть еще два региона, претендующие на эту почетную роль – Мексика и Китай (игры тлачтли и цуцзюй соответственно). Тлачтли считается древнейшим командным видом спорта, в который играли в Мезоамерике вплоть до XVI в. Согласно имеющимся реконструкциям, эта игра лишь отчасти напоминала футбол: было, как минимум 4 варианта правил при разном количестве игроков, но с одинаковой целью – протолкнуть мяч в кольцо. Однако главным отличием тлачтли от любого современного вида спорта были сопровождавшие ее символизм и ритуалы, причем последние могли включать и человеческие жертвоприношения. Исходя из найденных в последние годы артефактов – каменное табло, каучуковые мячи с пеплом, древнейшая площадка – археологи предполагают, что тлачтли была ритуальной битвой между ночью и днем, этим миром и загробным. Таким образом, движение мяча символизировало движение небесных светил, а сама площадка для игры была входом в пещеру предков. Постепенно из обряда, связанного с календарным циклом, инициациями и поминальным ритуалом, к концу эпохи Мезоамерики игра в мяч превращается в широкодоступное спортивное состязание (Бородатова, 2002).

Аналогичная ситуация сложилась с игрой цуцзюй в Китае. Мало кто знает, но 2400 лет назад там существовала игра, поразительно напоминающая современный футбол – мяч нужно было забить ногами в небольшие ворота. Первое упоминание об этом виде спорта появляется в историческом сборнике «Чжань го цэ» эпохи «Сражающихся царств» (475–221 гг.). И хотя создателем игры обычно называют легендарного Желтого императора (Хуан-ди, ок. 2600 г. до н.э.), отрубившего голову мифического героя Чи Ю, более вероятно, что её изобрели сами солдаты для укрепления ног и заполнения свой досуга (Вепп, 2002). К династии Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.) игра получила название цуцзюй, что переводится как «толкать мяч». Снаряд для игры изготавливали

из кожи и набивали мехом или шерстью. Тогда же были записаны правила цуцзюй. Любопытно, что 24 игрока и их капитаны перед игрой сами могли выбрать судью, который следил за соблюдением правил. В отличие от современного футбола ворота представляли собой небольшие ямки, которых было по шесть в каждом конце двора. И вновь не обошлось без религиозного символизма: круглый мяч и квадратный двор представляли собой традиционную китайскую концепцию инь и ян. По аналогии с Мезоамерикой, в Китае также постепенно происходила популяризация игры, а также ее профанация. Пережив пик своего расцвета в период правления династии Тан (618-907 гг.), когда игра стала профессиональной и в нее играли даже женщины, что было невероятно прогрессивным для того времени, с XIV в. популярность цуцзюй начинает стремительно падать (Тимм, 2016).

Только XX в., вследствие прихода европейского футбола в Китай, происходит «открытие» и возрождение цуцзюй. В 2004 г. официальный представитель ФИФА заявил, что цуцзюй – наиболее древняя из известных предшественниц футбола (Николишин, 2013). У периода забвения игры есть несколько причин, в том числе – чисто политические, но интересен тот факт, что все эти века игра сохранялась в Японии, где уже много столетий играют в ее стилизованную версию – кэмари. Даже в период модернизации она пользовалась поддержкой императоров и не подвергалась гонениям. В настоящее время в нее играют преимущественно во время фестивалей в синтоистских храмах (Guttmann, Thompson, 2001).

Как уже отмечалось выше, истоки европейского футбола восходят к Англии. В XII в. там стала популярна ранняя форма футбола, известная как «футбол толпой». Самое раннее из сохранившихся описаний датируется примерно 1170 г. Хроникер описывает его как массовое увлечение лондонской молодежи, в котором были свои команды, собранные из представителей одной профессии (Simkin, 2007). В этой игре жители местных деревень старались поднести надутый свиной пузырь к цели, например, дверям церкви соперника. Интересно, что в эту игру часто играли во время религиозных праздников, особенно Жирного Вторника. Церковные лидеры были настолько обеспокоены возросшей популярностью протофутбола, что предприняли много попыток запретить этот вид забав, включая угрозу отлучения от церкви, но все они в конечном итоге потерпели неудачу. Игру называли «недостойной и бесполезной», против нее выступали и многие светские лидеры, например, король Эдуард II (1307-1327 гг.). Его беспокоило не столько пагубное воздействие игры на молодежь, сколько тот факт, что она отвлекала молодых людей от тренировок по стрельбе из лука. К тому же, по всей видимости, в тот период игроки не отстегивали свое оружие: сохранилось немало свидетельств о тяжелых ранениях и даже смертях от ножей и кинжалов соперников, полученных во время столкновений.

Когда, начиная с XVI в., футбол начал активно распространяться в Англии, местное духовенство еще долго возражало против него. Так, в 1531 г. пуританский проповедник Томас Элиот, выступая против игр по воскресеньям, аргументировал это тем, что футбол вызывает «звериную ярость и крайнее насилие». Сейчас эту точку зрения сложно принять, однако заметим, что это было реакцией на многочисленные эксцессы, например, периодически молодых людей заставляли за игрой в мяч на кладбище во время воскресной службы. Ситуация начала постепенно меняться только в середине XIX в., когда изменился социальный состав игроков и удалось согласовать единые правила игры (Кембриджские правила 1848 г.); тогда же появляются первые профессиональные команды. Отметим, что английские священники активно участвовали в этих процессах, особенно в разработке правил, поскольку хотели искоренить любые проявления грубости на поле. Любопытно также, что стиль игры сильно зависел от площадки команды: тренировки в чистом поле развивали скорость и выносливость, а в монастырском дворе – технику работы с мячом и навыки дриблинга. В индустриальной Англии множество существующих до сих пор клубов возникло близ церквей и при их непосредственном участии, даже гимны многих клубов своими корнями уходят в христианские гимны. Например, ливерпульский «Эвертон» первоначально назывался «Сент-Доминго»: его основал преподобный Бэн Свифт Чэмберс при методистской церкви Святого Доминго. Он был сторонником так называемой «христианской мужественности» (The Christian manliness movement), которую, по его мнению, футбол, как и другие командные виды спорта, помогал развивать (Hall, 1994). Похожие родословные у многих британских команд того периода. Заметим, что успех именно британских миссионеров в странах Африки также может быть объясним умелым сочетанием креста и мяча: если к проповеди нужно привлечь подрастающее поколение, то организация возле церкви пространства для игры в футбол не менее важна, чем строительство самой церкви. Таким образом триада «дух-душа-тело» апостола Павла получила новое прочтение спустя две тысячи лет, только футбол появился вместо атлетики.

И хотя последние два столетия британские проповедники многократно шутили, что футбол заменил молодежи джин и публичные дома, не будем отрицать, что футбол породил новые формы девиантного поведения, например, футбольный хулиганизм. Это околофутбольное движение начало зарождаться в Англии в конце 1950-х гг., однако первые случаи столкновений между болельщиками противоборствующих клубов зафиксированы веком раньше. Подобные противостояния могут усугубляться текущей социальной повесткой – от миграционных процессов в стране до экономического неравенства между районами одного города, но разногласия на почве религии придают им дополнительный, можно сказать, «вечный» смысл. Именно религия кроется за самым жестоким соперничеством на Британских островах

между шотландскими «Рейнджерс» и «Селтик». В XIX в. город Глазго был разделен между протестантами и католиками. В 1887 г. в восточной части города местная католическая община, стремясь искоренить бедность, основала футбольный клуб «Селтик». Соседний клуб «Рейнджерс», созданный примерно тогда же, постепенно стал идентифицировать себя с протестантской общиной. Так родилось соперничество, называемое «дерби Старой Фирмы». Это противостояние на протяжении полутора столетий знавало немало кровавых инцидентов, подчас с религиозной подоплекой. Это – наглядный пример, когда футбол играет одновременно обе функции: интегрирующую и дезинтегрирующую. Данный кейс не единственный, например, в Ливерпуле уже не одно столетие длится противостояние между католическим клубом «Эвертон» и протестантским «Ливерпулем». Однако после трагедии на «Хиллсборо», когда 15 апреля 1989 г. в результате давки на стадионе погибло 96 болельщиков «Ливерпуля», все противоречия между болельщиками были забыты на несколько недель: больше миллиона человек совершили «паломничество» к стадиону «Ливерпуля», а поминальные службы проходили во всех соборах города. Так трагедия объединила непримиримых противников, а религиозная идентичность отступила на второй план (Еуге, 1997, р. 10). Подобное бывает не только в период аномии: в последние годы болельщики «Ливерпуля» буквально боготворят египетского легионера Мохаммеда Салаха, что не мешает им же быть враждебно настроенными по отношению к мусульманам и/или мигрантам за пределами стадиона.

В XX в. футбол становится «народной» игрой во многих странах, его стремительная популяризация приводит к коммерциализации, и в настоящий момент не будет преувеличением назвать его частью шоу-бизнеса. Однако в некоторых регионах любовь к футболу и вовсе граничит с идолатрией. Эту тенденцию блестяще описал еще в начале 1980-х Марио Льюса:

«Народу нужны современные герои, люди, которых будут обожествлять. <...> Политики, военные, рок-звезды, спортсмены, повара, «плейбои», святые или свирепые бандиты – всех их возносят на алтарь популярности, а коллективный культ превращает в священных монстров. Футболисты – самые безобидные из тех, кого идеализируют люди». (Высоцкий, 2022)

Футбол как вымышленная религия

Пожалуй, ни один спортсмен не может сравниться по степени обожания с аргентинцем Диего Марадоной (1960–2020), настоящий культ которого начал формироваться еще при его жизни. Марадона – не только лучший футболист XX в. по итогам голосования на официальном сайте ФИФА, но и автор гола столетия, забитого в ворота сборной Англии 22 июня 1986 г. В той же игре он забил гол рукой, которую английские журналисты окрестили как «рука дьявола», а аргентинские – «рука бога», поскольку на послематчевой пресс-конференции Марадона заявил, что спорный мяч был забит «отчасти головой

Марадоны, а отчасти рукой бога». Подобные громкие высказывания были типичными для аргентинца. Например, в первом же интервью по прибытии в Неаполь, где Марадона играл за местный клуб в конце 1980-х, он сказал: «Я хочу стать идолом для бедных детей Неаполя, потому что я сам был таким же, как они, когда я жил в Буэнос-Айресе» (Бородатова, 2018). Уже спустя несколько месяцев в его честь неаполитанцы начинают называть детей, его изображение рисуют на стенах домов, а его волосы до сих пор хранятся в нескольких барах города. Сравнение с церковными реликвиями христианских святых напрашивается само. Постепенно почитание игрока распространилось и на Латинскую Америку.

Наиболее ярким выражением этого феномена является Церковь Марадоны (Iglesia Maradoniana), основанная 30 октября (день его рождения) 1998 г. в аргентинском городе Росарио. Основатель движения Марсело Амис описывает его зачатки как спонтанное увлечение газетными заметками:

«При этом наиболее удачные снимки и статьи я вешал на стенах своей комнаты. Но вскоре и на стенах места не стало – тогда мне пришлось потеснить небольшой алтарь у изголовья кровати и повесить портрет Диего рядом с крестом. Знаете, сначала я не придавал этому никакого значения, но как только начался мексиканский мундиаль, Марадона сразу стал играть на запредельном уровне. И тогда я все понял: это божественное провидение, знак свыше. Указывающий на то, что Марадона и есть Бог! Я тут же оборудовал специальный алтарь, после чего сборная Аргентины стараниями Диего Армандо и моими молитвами выиграла золото чемпионата. У меня не осталось никаких сомнений: надо рассказать людям правду, они обязательно должны уверовать в истинное учение о Божественном Марадоне!» (Воронен, 2015).

В настоящий момент число приверженцев этой вымышленной религии насчитывает более 150 тысяч человек по всему миру. Мировую известность ей принесло состоявшееся в 2007 г. венчание мексиканской пары молодоженов. Культовая сторона постепенно обрастает все новыми деталями. Например, во время бракосочетания в верности клянутся на мяче, а церемония посвящения в церковь состоит из гола рукой – в память об историческом голе своего кумира. Многие последователи носят четки с 34 бусинками – по числу голов аргентинца за национальную сборную. Есть и свои 10 «заповедей» например: «Люби футбол превыше всего» и «Назови первого сына в честь Диего». (Бородатова, 2018). Пожалуй, самой примечательной из них является пятая: «Рассказывай о чудесах Диего по всему миру», что уже напоминает зачатки миссионерской деятельности, чем болельщики и занимаются на выездных матчах аргентинской сборной. При этом «миссионеры» делают это в ненавязчивой, даже шутливой манере: «Иисус и Марадона творили чудеса, просто Диего есть на записи». Возможно, лучше всех массовую любовь к футболисту объяснили два режиссера – Эмир Кустурица (документальный фильм «Марадона, 2008) и Паоло Соррентино. Итальянский режиссер снял фильм «Рука Бога» (2021). На презентации этой автобиографической картины он заявил: «Для меня

Марадона – божество, умирающее на кресте и воскресающее потом. И для всех неаполитанцев, думаю, тоже». (Байжанова, 2021).

Почетными прихожанами Церкви Марадоны являются многие знаменитые футболисты и даже тренеры, причем среди них не только аргентинцы: Гарри Линекер, Карлос Тевес, Лионель Месси. Любопытно, что последний написал открытое письмо после триумфа своей команды на мундиале в Катаре, в котором отметил метафизический вклад своего кумира в победу: «Это также успех Диего [Марадоны], который ободрял нас с небес» (Sportbox.ru, 2022). Возможно, на этом история не заканчивается, и начинается ее новый виток: феноменальная игра Месси уже давно привела к обожанию футболиста на грани идолопоклонства. Так, популярный в России блогер Василий Уткин писал задолго до чемпионата мира 2022 г. следующее:

«Бог обещает сделать людей счастливыми после смерти, а Месси делает их счастливыми прямо сейчас и безо всяких обещаний. Бог обещал вернуться больше двух тысяч лет назад и не вернулся, а Месси возвращается каждую неделю и даже чаще <...> Бога нет, а Месси есть» (Ateism.ru, 2019).

Как известно, вскоре после мундиаля футболист едва не переехал играть в Саудовскую Аравию. Пытаясь разобраться в этом неожиданном для всех трансфере, известный спортивный журналист Роман Трушечкин написал статью о логичности такого варианта продолжения карьеры с показательным подзаголовком «Футбольному Богу нужно футбольное бессмертие». В статье автор пишет о стремительном развитии «новой мифологии футбольных героев-полубогов, как в классическом пантеоне Греции», помещая Месси и Роналду в один ряд с Прометеем и Ахиллом (Трушечкин, 2023). Примечательно, что Лионель Мессии, будучи благочестивым католиком, очень не любит подобные теоретизирования журналистов и вообще старается не обсуждать свою веру, однако футболист регулярно становится «героем» новостей, лишь частично связанных с его профессиональной деятельностью. Например, перед чемпионатом мира 2018 г. в России Месси пообещал в эфире аргентинского телеканала, что в случае победы на мундиале совершит тридцатимильный забег в родном Росарио от своего дома до собора Богоматери Розария – популярного места паломничества аргентинских католиков (Clemente, 2020). В тот год триумфа не произошло, однако можно легко представить себе масштабы несостоявшегося паломнического бума, учитывая авторитет футболиста в родном городе.

Кому-то всё это может показаться кощунственным, однако заметим, что среди самых преданных поклонников практически любой футбольной команды, особенно английской или итальянской, есть подобные настроения по «обожещению» своих топовых игроков. Даже в Санкт-Петербурге, где местный «Зенит» может похвастаться лишь одним европейским трофеем, есть «Церковь Футбола», основанная в 2015 г. Алексеем Парамыгиным. Символ Церкви был создан в 2008 г., после того, как Игорь Денисов в матче за супер-

кубок УЕФА забив гол, натянул футболку на голову и побежал, раскинув руки. Тогда это визуальное сходство с распятием было мгновенно считано и воплощено в футболке “Зенит – моя религия”. Образ был настолько мощным и резонансным, что, казалось бы, обычный слоган привел со временем к появлению довольно заметного в масштабах мегаполиса фанатского и/или религиозного движения. Алексей Парамыгин вспоминает случившееся с ним озарение:

«А потом случилось чудо – был «увиден» образ, отсылающий к кресту и распятию, вспомнилась футболка «Арсенала», которую чуть не купил на выезде в Англию ещё в 2005-м со слоганом «Football Is My Religion, Highbury Is My Church», ещё немного метаний под лозунгом «лучшее враг хорошего» и, в конце концов, вариант окончательнейший. Ничего лишнего». (Вконтакте, 2019).

Как видим, футбол и религия часто идут рука об руку, причем происходит это даже в самых неожиданных местах. Например, в Ватикане с 1972 г. проводится свой клубный чемпионат, который имеет одну характерную особенность: правила позволяют игрокам брать тайм-аут – короткую паузу во время игры для отдыха и молитвы. Многие понтифики были страстными болельщиками, например, папа римский Франциск не только коллекционирует футбольную форму, но уже много десятилетий болеет за клуб «Сан-Лоренцо» (история которого начинается в 1907 г., когда католический священник Лоренцо Месса разрешил детям играть в футбол во дворе его храма в Буэнос-Айресе), однако не смотрит телетрансляции из-за данного еще в 1990 г. обета, разумеется, после поражения национальной сборной Аргентины в финале чемпионата мира.

Футбол и мифологическое мышление

Надо заметить, что футболисты, как и большинство спортсменов, очень суеверные люди, ведь в их карьере многое зависит от удачи, приручить которую пытаются всеми доступными средствами. Некоторые из примет и суеверий носят массовый характер, а иные – уникальны и индивидуальны. Так, подавляющее большинство футболистов предпочитают выступать под одним и тем же номером на футболке, надевать бутсы с одной и той же ноги, выходя на поле креститься и/или касаться рукой газона. Чаще всего эти приметы и суеверия родом из юности, когда определенная последовательность действий предшествовала благоприятному для игрока результату и так закрепилась. Например, выходить на поле только с правой ноги, последним покидать раздевалку, сидеть на одном месте в клубном автобусе и даже бинтовать места давно залеченных травм. Любопытно, что есть некоторая дифференциация примет и суеверий в зависимости от амплуа игрока.

Так, мало какой вратарь начнет игру без символических манипуляций с воротами: поцелуи, постукивания, заговоры и т. п. явно свидетельствуют о наличии механизма выстраивания «отношений» с защищаемым объектом. Например, многолетний в прошлом лидер мадридского «Реала» и сборной

Испании Икер Касильяс после каждого гола своей команды подходил к воротам, делал небольшой прыжок и касался штанги левой рукой. Очевидно, что и нападающим нужны эффективные «контрмеры»: многие голеадоры предпочитают не бить по воротам во время разминки, дабы не «растерять» удачу, как Криштиану Роналду, иные стараются не смотреть в глаза вратарю перед пробитием пенальти и т.п. Одним из самых ярких образчиков магического поведения можно считать действия легендарного защитника «Милана» и сборной Италии Джаннаро Гаттузо, который как-то описал свои ритуалы во время чемпионата мира в Германии 2006 г. Перед матчами он всегда читал Ф. М. Достоевского, ходил в одном и том же «счастливом» свитере, несмотря на реки пота и ужасное настроение. «Я был одержим суевериями. Например, перед игрой с Чехией я упаковал чемодан [на случай вылета с турнира], а затем делал это перед каждой игрой до конца турнира» (BBC News, 2018), жаловался он, но все же стал чемпионом мира. Заметим, что перечисленное – лишь локальные примеры одного месячного турнира.

Наконец, тренерский штаб, несмотря на почтенный возраст и жизненный опыт, также не свободен от подобных «оригинальностей»: во многих командах нет игроков под номером 13, где-то клубный автобус не должен ехать задним ходом или женщины, даже из штаба команды, не могут лететь на игру на одном самолете вместе со всеми. Из менее массовых примет приведем следующие: Луис Арагонес, триумфатор Евро 2008, запрещал игрокам даже на тренировки приходить в желтом, поскольку этот цвет есть на национальном флаге Испании. Раймон Доменек настолько доверял астрологам при выборе состава сборной Франции, что получил от журналистов прозвище «Звездочет»: сложно скрыть от общественности преобладание в команде «львов» и отсутствие «скорпионов». Лучшим примером на постсоветском пространстве является тренер Курбан Бердыев и его «счастливые» пиджаки и четки. После первого серьезного успеха – бронзовых медалей с казанским «Рубином» в 2003 г., тренер признался, что только на базе клуба у него хранятся около 20 пар четок, но все свои медали он выиграл, перебирая во время игр одни и те же бусины. Вот как объяснял это сам тренер:

«Психологические нагрузки во время матча огромные. Я во время игры молюсь – перечисляю все 99 прекрасных имен Аллаха. Четки перебираю, чтобы не сбиться, держать имя Всевышнего в мыслях и знать, что он незримо рядом». (Лысенко, 2023).

У тренера есть прозвище «Шаман», поскольку уже много лет его сопровождают слухи о различных темных ритуалах, вплоть до жертвоприношений барана накануне ответственных матчей.

Как видим, приметы и суеверия в футбольном мире могут быть как индивидуальными, так и коллективными. Один из самых показательных примеров произошел в ЮАР накануне чемпионата мира по футболу в 2010 г. Соккер Сити, главный стадион страны в Йоханнесбурге, на котором проходили основные

матчи, был «освящен» накануне церемонии открытия мундиаля. В самом мероприятии участвовало около трехсот местных шаманов, одетых в шкуры животных и сжигавших ритуальные травы в процессе коммуникации с предками. Апогеем стало жертвоприношение быка, умерщвленного возле стадиона при помощи копья воином народности коса Закхеле Сигкаву. Разумеется, были официальные заявления от организаторов турнира о «национальном колорите», но все равно это вызвало волну гнева зоозащитников со всего мира, хотя по изначальному плану предполагалось убить по одной корове на каждом стадионе страны. Вот как это объясняли инициаторы – Королевский фонд Махоня:

«У нас должна быть какая-то культурная церемония, на которой мы собираемся зарезать животных. Мы приносим в жертву коров ради этого великого события, и призываем наших предков благословить его, чтобы всё шло хорошо». (Илияте, 2022).

После этой истории в мировой прессе последовала волна журналистских расследований о масштабах применения вуду и магии джу-джу африканскими сборными. В некоторых статьях были леденящие кровь подробности о летучих мышах и курах в разных контекстах, но иногда авторы все же пытались найти оправдание подобным практикам: «Колдуны, маги, шаманы – мы привыкли думать, что это такие же обязательные члены африканской команды, как доктор, психолог или физиотерапевт. Впрочем, один шаман, которых в разных странах континента называют по-разному, зачастую заменяет собой всех вышеперечисленных специалистов». Действительно, если условный европейский тренер может пригласить дипломированного психолога для работы с потерявшими уверенность игроками или воспользоваться передовыми достижениями фармакологии для восстановления здоровья травмированного, то футболисты из, например, Ганы и Сенегала зачастую лишены возможности получить помощь квалифицированного специалиста. Справедливости ради заметим, что истории про жертвоприношения – репертуар далеко не только африканских чемпионатов. В 2013 г. карагандинский «Шахтер» перед матчем с шотландским «Селтиком» в рамках раунда плей-офф Лиги чемпионов принес в жертву овцу на своем стадионе. На предматчевой пресс-конференции главный тренер заявил, что это было данью традиции. Этот случай стал прецедентом, и вскоре последовала официальная реакция от представителей УЕФА: «Несмотря на то, что некоторые обычаи могут иметь исторические корни, им нет места на стадионах или рядом с ними». (Коммерсант, 2013).

Подобных примеров сосуществования религии и футбола еще великое множество: храмы при стадионах, коих особенно много в Германии, статуи футбольных кумиров прошлых лет, клубные музеи как места «паломничества» болельщиков и т. п. Заметим, что зачастую эти локации выигрывают в плане посещаемости у своих религиозных «конкурентов». Например, музей ФК «Барселона» ежегодно посещает более 1,2 млн. человек, что почти в десять

раз больше, чем паломников на маршруте в Сантьяго де Компостела, известного как путь св. Иакова (Xifra, 2008, p. 197). Возможно, это несколько некорректно, но здесь намеренно приведена статистика двух равнозначных по масштабу и близких географически «святынь» христианского и футбольного миров. И в этой борьбе за прихожан / посетителей явно побеждает второй.

Действительно, стабильно высокая посещаемость клубных европейских чемпионатов резко контрастирует с полупустыми величественными соборами, некогда заполненных прихожанами. Если говорить в экономических терминах, то конкурентные преимущества воскресных игр выгодно отличают их от религиозных служб. Так, социологи отмечают, что футбольная идентичность (в масштабах одного города, например, районы Лондона или в масштабах страны – Север и Юг Англии) для молодежи, особенно британской, стала важнее религиозной (Hill, 1996). Эта идентичность успешно передается от родителей к детям, а вот религиозная принадлежность наследуется не так успешно, особенно среди христиан. В некоторых странах именно футбольные матчи, часто предваряемые шоу-программой, а не торговые центры – альтернатива традиционной в прошлом воскресной службе.

Например, в Британии только с января 1974 г. начали проводить матчи в воскресенье, а раньше это было запрещено на основе «Акта о соблюдении воскресенья», согласно которому в этот день все платные развлечения были под запретом. Однако английские футбольные клубы вначале придумали способ обходить эту правовую норму (пускали на стадион бесплатно, но затем нужно было купить программку матча), и только в 2003 г. добились его окончательной отмены. Вот как комментирует этот процесс священник и психолог Джонатан Йонг из графства Западный Суссекс: «Не могу сказать, что есть прямая связь между футболом по воскресеньям и неохотным посещением церкви. Однако когда стало нормальным по воскресеньям смотреть матчи, постепенно стало приемлемым и играть в футбол в эти дни». Речь идет не только о сотнях тысяч посетителей матчей, но и о миллионах игроках-любителях, включая детские секции. А поскольку юных дарований на воскресную тренировку привозят родители, то неудивительно, что, по последним опросам, воскресную службу посещают лишь 1% британцев. Разумеется, было бы преувеличением сказать, что оставшиеся 99% занимаются футболом в том или ином статусе, но сами британцы шутят: «Обычные англичане помешаны на двух вещах – футболе и еде. Это их главные религии». (Караваева, 2018, с. 27).

И тут мы подходим к основному тезису этой статьи: для многих людей футбол начинает заменять религию. Как минимум, в функциональном плане. И дело не только в поклонении великим игрокам и удовлетворении потребности молодежи в самоидентификации; кажется, что не осталось ни одной функции религии, которую не мог бы удовлетворить футбол. Сравнение игры с литургией, стадиона с храмом, 11 игроков с апостолами (без Иуды), главы УЕФА с папой римским и т.п. уже давно стали интеллектуальной игрой для

различных специалистов. Вот показательная цитата: «Болельщик ждет чемпионата подобно тому, как средневековый христианин ждал Апокалипсиса и Страшного суда, которые должны были бы воздать всем по заслугам и грехам. Чемпионат мира (Кубок Америки) – это Апокалипсис и Страшный суд, происходящие раз в четыре года» (Рахманов, 2018, с. 89). Конечно, это можно принять за абстрактное теоретизирование или фантазию ученого, увлеченного предметом своего исследования, но количество людей, завещающих после смерти развеять свой прах на газоне любимого стадиона, сопоставимо с теми, кто выбрал для этого Ганг.

О рассмотренной выше связи религии и футбола в последнее время много пишут филологи, анализируя речи спортивных комментаторов и статьи журналистов. По мнению лингвистов, в спортивной журналистике о футболе чаще всего используются библейские метафоры греха («Есть на мне грех – люблю с арбитрами поговорить») и искупления: («сегодня Англия обязана искупить вину за позорный, по мнению местных болельщиков, матч с США»). Фигурируют и образы рая-ада («футбольный рай» как слот для обозначения стадиона, предсезонного сбора или турнира, например: «И только от тебя зависит, пойдешь ли ты в этот рай или останешься у ворот и будешь наблюдать за великими турнирами со стороны». Соответственно, ад как антоним рая («Трибуны «Петровского» устроят гостям ад, в этом можно не сомневаться») и его обитателей («красные дьяволы» – признание сверхъестественного мастерства игроков команды «Манчестер Юнайтед», «Вызов в сборную был праздником, и ты старался как черт, чтобы тебя заметили»). Наконец, мы встречаем и верховное божество, которым может быть как тренер («Уже 15 лет как Гвардиола своего рода бог всех тренеров») или абстрактная сила («победили лишь благодаря тому, что футбольный бог в тот день был спартаковцем»), так и легендарный футболист («В руках бога: напоследок Месси выиграл Святой Грааль»).

Приведем лишь одну цитату целиком, в которой оказались переплетены несколько образов из разных мифологий: «То, что ангел пронзит-таки дракона, а в роль воинственного небесного создания предстоит вжиться Александру Кержакову, не знал, наверное, даже всемогущий Лучано Спаллетти» (Попова, 2015, с. 45). В этом пафосном описании гола «Зенита» его тренер предстает как бог и предводитель целого сонма небесных сил. Конечно, можно рассматривать это как набор журналистских штампов, но предоставим слово филологам:

«Слот «Бог» в рассматриваемой метафорической модели играет весьма значимую роль, поскольку представляет футбол не просто как одну из множества игр в истории человечества, а как вполне сформировавшуюся религию. Такая метафорическая презентация говорит о том, что игра (в данном случае, футбол) становится жизнеобразующей категорией для множества людей, структурирующей и формирующей их мировоззрение, их отношение к действительности». (2015, с. 44).

Выводы

В итоге мы видим, что увлечение футболом может приобретать столь гипертрофированные формы, что фактически оказывается одним из вариантов религии – т.н. “religion-like phenomena”. Футбол берет на себя ряд значимых функций религии, в частности, компенсаторную, смыслообразующую, нормативную, интегрирующую и функцию социализации, использует религиозную образность, символизм и даже язык, генерирует своеобразные ритуалы и создает собственных «божеств». Сакральными оказываются и время игры, и пространство стадиона. Футбол, как мало какое иное явление современности, демонстрирует тесную связь игры и религии. Корни футбола можно усмотреть в ритуальных религиозных практиках; футбол (как и другие спортивные игры) использовался религиозными конгрегациями и сообществами, а став светской религией, футбол постепенно превращается в религию уже без всяких приставок вроде «псевдо», «пара» или «квази», что наиболее наглядно проявилось в феномене возникновения Церкви Марадоны.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-00920 «Постсекулярная религиозность и популярная культура: феномен вымышленных и пародийных религий», <https://rscf.ru/project/22-28-0092>.

Список литературы

- Benn, C. D. (2002). *China's Golden Age: Everyday Life in the Tang Dynasty*. Oxford University Press.
- Clemente, L. (2020, September 16). *Catholicism, faith and soccer: Asking some questions about a Messi religion situation*. Get Religion.
- Cusack, C. (2022, November 11). *Sports: Quasi-Religious, Para-Religious, or Religious?* Academia.Edu. https://www.academia.edu/90500972/Sports_Quasi_Religious_Para_Religious_or_Religious
- Edwards, H. (1973). *Sociology of Sport*, Homewood. Dorsey Press.
- Eyre, A. (1997). *Football and religious experience: Sociological reflections*.
- Gibbs, Ch. (2010). *God and Football: Faith and Fanaticism in the SEC*. Zondervan.
- Guttmann, A., & Thompson, L. (2001). *Japanese Sports: A History*. University of Hawaii Press.
- Hall, D. E. (Ed.). (1994). *Muscular Christianity: Embodying the Victorian Age* (1. publ.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511659331>
- Kyle, D. G. (2007). *Sport and Spectacle in the Ancient World*. John Wiley & Sons.
- UEFA запретил футбольным клубам совершать жертвоприношения. (2013, август 28). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/2265562>

- 10 самых странных ритуалов и суеверий футболистов. (2018, июнь 17). BBC News. <https://www.bbc.com/russian/features-44506750>
- Байжанова, Г. (2021, декабрь 19). Когда твой бог – Марадона: На Netflix вышел новый фильм Соррентино. Freedom broker. <https://kz.kursiv.media/2021-12-19/kogda-tvoy-bog-maradona-na-netflix-vyshel-novyy-film-sorrentino/>
- Бородатова, А. (2018, июнь 2). В Неаполе – культ Марадоны. Для «Наполи» это до сих пор проблема. Sports.ru. https://www.sports.ru/tribuna/blogs/italia_mia/1688510.html
- Воронен, В. (2015, октябрь 19). Когда наш бог возглавил сборную, мы испытали религиозный экстаз. «Иисус и Марадона творили чудеса, просто Диего есть на записи». Футбольная религия в Аргентине. Sports.ru. <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/voronin/846727.html>
- Всемирная Церковь Футбола. (2019). Вконтакте. <https://vk.com/footballchurch>
- Высоцкий, В. (2022, август 6). «Футбол – это светская религия». Большое исследование любви Марио Варгаса Льосы к футболу. Sports.ru. <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/elfutbolmundial/3067349.html>
- Илиюте, А. (2022, ноябрь 11). Бойтесь летучей мыши: Африканские сборные на ЧМ используют магов. Московский комсомолец. <https://www.sportmk.ru/sports/2022/11/22/boytes-letuchey-myshi-afrikanskie-sbornye-na-chm-polzuyutsya-uslugami-magov.html>
- Караваева, Д. Н. (2018). Футбол: Идентичности Англии и ее Севера. Этнографическое обозрение, 2, 25–43. <https://doi.org/10.7868/S0869541518020033>
- Лысенко, О. (2023, январь 31). Ритуалы и приметы самого загадочного тренера РПЛ. Чемпионат. <https://www.championat.com/football/article-4979433-kurban-berdyev-snova-v-rpl-primety-i-ritualy-samogo-opytnogo-trenera-ligi-chyotki-kostyummy-nomer-13-zhenschiny-avtobus.html>
- Михельсон, О. К. (2018). Сакрализация популярного. Методологические подходы к исследованию religion-like phenomena в современном религиоведении. Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология, 34(1), 122–137. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.112>
- Николишин, А. (2013, октябрь 2). Китайцы считают цуцзюй прародителем футбола. Российская газета. <https://rg.ru/2013/10/03/cuczyui.html>
- Попова, Г. В., & Клименко, А. Н. (2015). Спорт как религия. К вопросу о функционировании библейских метафор в современных публицистических текстах. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика, 4, 42–49.
- Почечирцев, С. (2022, декабрь 16). На главном стадионе ЧМ совершили жестокое жертвоприношение. Куда смотрела ФИФА? Sportbox.ru. https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/world_cup/spbnews_NI1741873_Na_glavnom_stadione_ChM_sovershili_zhestokoje_zhertvoprinoshenije_Kuda_smotrela_FIFA
- Рахманов, А. Б. (2018). Футбол в Латинской Америке: Генезис и причины популярности. Латинская Америка: ежемесячный научный и общественно-политический журнал, 4, 74–92.
- Смирнова, О. (2021, ноябрь 21). Постхристианская страна. Почему в Великобритании не принято говорить о Боге и ходить в церковь. BBC News. <https://www.bbc.com/russian/features-59237567>

- Тимм, Л. (2016, февраль 18). Цуцзюй — древнекитайский футбол. The Epoch Times. <https://www.epochtimes.ru/tsutszyuj-drevnekitajskij-futbol-98998212/>
- Трушечкин, Р. (2023, июнь 5). Больше, чем просто миллионы. Почему переезд Месси в Саудовскую Аравию логичен. Sportbox.ru. https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/spbnews_NI1899983_Bolshe_chem_prosto_milliony_Pochemu_perejzd_Messi_v_Saudovskuju_Araviju_logichen
- Является ли футбол религией? (2019, июнь 2). Ateism.ru. <https://www.ateism.ru/article.htm?no=2562>

References

- 10 samykh strannykh ritualov i sueveriy futbolistov. (2018, June 17). BBC News. <https://www.bbc.com/russian/features-44506750> (In Russian).
- Bayzhanova, G. (2021, December 19). Kogda tvoy bog – Maradona: Na Netflix vyshel novyy fil'm Sorrentino. Freedom broker. <https://kz.kursiv.media/2021-12-19/kogda-tvoy-bog-maradona-na-netflix-vyshel-novyy-film-sorrentino/> (In Russian).
- Benn, C. D. (2002). *China's Golden Age: Everyday Life in the Tang Dynasty*. Oxford University Press.
- Borodatova, A. (2018, June 2). V Neapole – kul't Maradony. Dlya «Napoli» eto do sikh por problema. Sports.ru. https://www.sports.ru/tribuna/blogs/italia_mia/1688510.html (In Russian).
- Clemente, L. (2020, September 16). *Catholicism, faith and soccer: Asking some questions about a Messi religion situation*. Get Religion.
- Cusack, C. (2022, November 11). Sports: Quasi-Religious, Para-Religious, or Religious? Academia.Edu. https://www.academia.edu/90500972/Sports_Quasi_Religious_Para_Religious_or_Religious
- Edwards, H. (1973). *Sociology of Sport*, Homewood. Dorsey Press.
- Eyre, A. (1997). *Football and religious experience: Sociological reflections*.
- Gibbs, Ch. (2010). *God and Football: Faith and Fanaticism in the SEC*. Zondervan.
- Guttmann, A., & Thompson, L. (2001). *Japanese Sports: A History*. University of Hawaii Press.
- Hall, D. E. (Ed.). (1994). *Muscular Christianity: Embodying the Victorian Age* (1. publ.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511659331>
- Iliyute, A. (2022, November 11). Boytes' letuchey myshi: Afrikanskije sbornye na ChM ispol'zuyut magov. Moskovskiy komsomolets. <https://www.sportmk.ru/sports/2022/11/22/boytes-letuchey-myshi-afrikanskije-sbornye-na-chm-polzuyutsya-uslugami-magov.html> (In Russian).
- Karavaeva, D. N. (2018). Football: The Identities of England and Northern England. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, 25–43. <https://doi.org/10.7868/S0869541518020033> (In Russian).
- Kyle, D. G. (2007). *Sport and Spectacle in the Ancient World*. John Wiley & Sons.
- Lysenko, O. (2023, January 31). Ritualy i primety samogo zagadochnogo trenera RPL. Chempionat. <https://www.championat.com/football/article-4979433-kurban-berdyev-snova-v-rpl-primety-i-ritualy-samogo-opytogo-trenera-ligi-chyotki-kostyummy-nomer-13-zhenschiny-avtobus.html> (In Russian).

- Mikhel'son, O. K. (2018). Sacralisation of the Popular. Methodological Approaches to Religion-Like Phenomena in Contemporary Religious Studies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 34(1), 122-137. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.112> (In Russian).
- Nikolishin, A. (2013, October 2). Kitaytsy schitayut tsutszyuy praroditelem futbola. *Rossiyskaya gazeta*. <https://rg.ru/2013/10/03/cuczyui.html> (In Russian).
- Pochezhirtsev, S. (2022, December 16). Na glavnom stadione ChM sovershili zhestokoe zhertvoprinoshenie. Kuda smotrela FIFA? *Sportbox.ru*. https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/world_cup/spbnews_NI1741873_Na_glavnom_stadione_ChM_sovershili_zhestokoje_zhertvoprinoshenije_Kuda_smotrela_FIFA (In Russian).
- Popova, G. V., & Klimenko, A. N. (2015). Sport as Religion. The Question of Functioning of Bible Metaphors in Modern Publicistic Texts. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 4, 42-49. (In Russian).
- Rakhmanov, A. B. (2018). Football in Latin America: The Genesis and the Causes of Popularity. *Latinskaya Amerika*, 4, 74-92. (In Russian).
- Smirnova, O. (2021, November 21). Postkhristianskaya strana. Pochemu v Velikobritanii ne prinyato govorit' o Boge i khodit' v tserkov'. *BBC News*. <https://www.bbc.com/russian/features-59237567> (In Russian).
- Timm, L. (2016, February 18). Tsutszyuy — drevnekitayskiy futbol. *The Epoch Times*. <https://www.epochtimes.ru/tsutszyuy-drevnekitayskiy-futbol-98998212/> (In Russian).
- Trushechkin, R. (2023, June 5). Bol'she, chem prosto milliony. Pochemu pereezd Messi v Saudovskuyu Araviyu logichen. *Sportbox.ru*. https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/spbnews_NI1899983_Bolshe_chem_prosto_milliony_Pochemu_perejezd_Messi_v_Saudovskuju_Araviju_logichen (In Russian).
- UEFA zapretil futbol'nym klubam sovershat' zhertvoprinosheniya. (2013, August 28). *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/2265562> (In Russian).
- Voronin, V. (2015, October 19). Kogda nash bog vozglavil sbornuyu, my ispytali religioznyy ekstaz. «Ishus i Maradona tvorili chudesu, prosto Diego est' na zapisi». *Futbol'naya religiya v Argentine*. *Sport.ru*. <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/voronin/846727.html> (In Russian).
- Vsemirnaya Tserkov' Futbola. (2019). VK. <https://vk.com/footballchurch> (In Russian).
- Vysotskiy, V. (2022, August 6). «Futbol – eto svetskaya religiya». Bol'shoe issledovanie lyubvi Mario Vargasa Losy k futbolu. *Sports.ru*. <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/elfutbolmundial/3067349.html> (In Russian).
- Yavlyaetsya li futbol religiey? (2019, June 2). *Ateism.ru*. <https://www.ateism.ru/article.htm?no=2562> (In Russian).

Media Discourse as a Generator of the Urban Imaginary

Natalia G. Fedotova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. Veliky Novgorod, Russia. Email: [fedotova75\[at\]mail.ru](mailto:fedotova75[at]mail.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4225-3666>

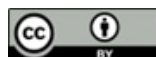
Received: 22 June 2023 | Revised: 17 October 2023 | Accepted: 25 October 2023

Abstract

The article studies the urban imaginary generating processes in modern society. The relevance of this interdisciplinary problem is proved by the fragmented character of the existing research in this area including urban practices diversity through which the city is imagined. The author demonstrates that media discourse is an urban imaginary generator, and it determines how the city is presented and perceived today. The theoretical analysis of the media discourses' specifics that generate the urban imaginary is carried out in three key modes. The article reveals the specifics of media discourse, impacting the real and virtual collective city representations formation by appealing to discursive practices various modes: media content structuring, discourse actors, media technologies features alongside symbolic fight for city mental images. Besides, the author identifies the media discourses types based on research practices aimed at studying the urban imaginary generating features (media images, place uniqueness, urban space semiotics, urban discourses, etc.). The research also contains the author's typology of media discourses, producing urban imaginary, is the main result of the researches based on the A. Lefebvre "Production of space" theory: a) media discourse of city space representation (official discourse); b) urban space media discourse (citizens discourse); c) urban practices' media discourse (communities discourses). Such an analysis and the above typology allow to reveal the variety of the discursive practices production areas in the media sphere, the dominant vectors of the city's meanings constructing, thus, to explain the discourse landscape, projecting different city representations.

Keywords

City; Urban Imaginary; Media Discourse; Media; Symbolic Urban Representation; Discursive Space Production; Collective Urban Identity

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Медиадискурс как генератор городского воображаемого

Федотова Наталья Геннадьевна

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, Россия.
Email: [fedotova75\[at\]mail.ru](mailto:fedotova75[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4225-3666>

Рукопись получена: 22 июня 2023 | Пересмотрена: 17 октября 2023 | Принята: 25 октября 2023

Аннотация

Статья посвящена изучению процессов генерирования городского воображаемого в современном обществе. Актуальность проблемы подтверждается фрагментарностью имеющихся исследований в данном направлении, объединяющем в себе многообразие городских практик, через которые воображается город. Автор демонстрирует, что медиадискурс является генератором городского воображаемого и определяет то, как в наши дни представляется и воспринимается город. Теоретический анализ специфики медиадискурсов, которые генерируют городское воображаемое, проведен с трех позиций. В статье раскрывается специфика медиадискурса, который влияет на формирование реальных и виртуальных коллективных представлений о городе путем обращения к различным модусам дискурсивных практик: особенности структурирования медиаконтента, акторов дискурса, медиатехнологий, а также символической борьбы за воображаемые образы городов. Кроме того, автор выявляет типы медиадискурсов на основе исследовательских практик, направленных на изучение особенностей генерирования городского воображаемого (дискурсы медиаобразов, уникальности места, семиотики городского пространства, урбанистические дискурсы и пр.). В работе также содержится авторская типология медиадискурсов, производящих городское воображаемое, которая является результатом исследований на основе теории «производства пространства» А. Лефевра: а) медиадискурс репрезентации пространства города (официальный дискурс), б) медиадискурс городского пространства (дискурс горожан), в) медиадискурс городских практик (дискурсы сообществ). Подобный анализ и приведенная типология позволяют раскрыть многообразие направлений производства дискурсивных практик в медиасфере, доминирующие векторы конструирования значений города, тем самым объяснить ландшафт дискурса, проецирующего разные представления о городе.

Ключевые слова

город; городское воображаемое; медиадискурс; медиа; символическое представление города; производство дискурсивного пространства; коллективная городская идентичность

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Одним из актуальных направлений городских исследований для гуманитариев в последнее время становится изучение механизма формирования и функционирования коллективных представлений о городе. В академической среде такого рода исследования варьируются от изучения «читаемости» города Квином Линчем, – в частности, познания визуальных аспектов восприятия города: цвета, форм, композиций, из которых складывается устойчивый образ (1982, с. 21), до изучения принципов конструирования городского пространства, связывающего в себе ментальные, социальные, культурные смыслы. Так, по Анри Лефевру, «каждое общество производит некое пространство, своё пространство» (2015, с. 45) в постоянном взаимодействии людей, сообществ и институтов, которое, по сути, представляет собой сформированный продукт коллективных представлений о нём. Подобные направления научных изысканий получают новый импульс при осмыслении социокультурных последствий цифровой культуры, напрямую влияющих на процессы структурирования коллективных представлений о городе, в том числе в условиях появления цифровых технологий репрезентации города.

Среди тех феноменов данного научного контекста, знание о которых пока весьма фрагментарно, следует назвать городское воображаемое (*“urban imaginary”*). На наши представления о том или ином городе накладывает отпечаток сложная городская пространственность; мы напрямую контактируем лишь с фрагментами города, что усложняет осмысление города как единого целого.

Группа ученых, исследовавшая особенности впечатлений, которые производят города, пришла к выводам о том, что город как таковой локализуется и периодически воспроизводится через акты воображения (Çinar & Bender, 2007, с.2), скрепляющие коллективные представления о городе. Современные исследователи все чаще обращают внимание на процессы воображения, которые позволяют «понять символический порядок и изучить интернализованные репрезентации, которые придают смысл тому, как человек живет, практикует и (ре)конструирует свой город сегодня» (Delorme, 2005, р. 25). Данные научные интенции актуализируются в условиях повышения значимости виртуальных практик, которые становятся частью массовых коммуникативных процессов, что «создает основу для признания понятия воображаемого как ментальной реальности, существующей в процессе производства культуры и обращения ее продуктов» (Суворов, 2016, 73).

В связи с этим ключевой научной проблемой, которую предстоит решить, является фрагментация научных знаний о том как просходит процесс генерирования городского воображаемого, функционирующего в виде коллективных представлений о городе, которая обусловлена спецификой медиадискурсов, задающих структуру и направления воображения города. Методологической

основой данной теоретической работы является коммуникативная парадигма, задающая векторы анализа процессов структурирования смыслов, из которых складываются представления о городе. Такая методологическая позиция позволяет раскрывать процессы символизации действительности, акцентировать внимание на процессах производства и потребления смыслов, сконцентрированных в медиапространстве.

Теоретический анализ специфики медиадискурсов, которые генерируют городское воображаемое, будет проведен в трех ключевых модулях: а) анализ узловых аспектов медиадискурса, задающего векторы структурирования городского воображаемого и условия образования коллективных представлений о городе; б) выявление через исследовательские кейсы типов медиадискурса, определяющих форматы городского воображаемого; в) выявление типов медиадискурсов, производящих городское воображаемое на основе теории «производства пространства» Анри Лефевра, которая позволяет охватить не отдельный срез дискурса, а представляет всю многогранность городских практик во взаимодействии сообществ, институтов, горожан, в зависимости от тех или иных векторов генерирования коллективных представлений о городе.

Это позволит сделать шаг в познании современных процессов и механизмов коллективного восприятия и представления города и форматов коллективного воображения, скрепляющего городское сообщество и определяющего образность города в наши дни, а также обеспечит теоретический фундамент эмпирических исследований в данном направлении.

Городское воображаемое: структурирование коллективных представлений о городе

Наша исходная позиция заключается в том, что любое воображаемое сообщество конструируется коллективными представлениями о нем и поддерживается благодаря устойчивости этих представлений. В данном случае мы опираемся на работы Бенедикта Андерсона, которые показали, что мы воображаем любое сообщество, в котором нет прямых контактов (2001, с. 23). Однако, выходя за пределы концепции Б. Андерсона, мы полагаем, что воображение позволяет осмысливать не только нацию, но и город как определенное сообщество, конструируемое едиными смыслами – образами прошлого, культурой, общей памятью и единой судьбой города. Вместе с тем, как верно отмечает немецкий ученый Йохен Швенк, исследование связи между городом и воображаемым весьма непростая задача, поскольку «концептуализация воображаемого в урбанистических исследованиях далеко не единообразна» (Швенк, 2019, с. 99).

По мнению В. Вахштайна¹, еще социологи Чикагской школы акцентировали внимание на понимании города как совокупности сообществ в виде

1 Признан иноагентом Минюстом РФ

«множества групп людей и областей, которые являются результатом непрерывного процесса перемещений и аллокаций; причем каждая из этих областей обладает своим собственным характером и производит своего собственного обитателя» (2022, с. 119). Городское воображаемое в этом случае становится отражением репрезентаций города через декларируемые сообществами образы и доминирующие коллективные дефиниции города.

С другой стороны, проведенный нами первичный анализ показал, что концепт «городское воображаемое», которое мы понимаем как «синтез реальных и виртуальных коллективных представлений о городе...» (Федотова, 2018, с. 229), раскрывает новые грани понимания и изучения города через те представления, которые складываются о нем у людей. Между тем в структуре городского воображаемого в условиях развития цифровой культуры виртуальное (гиперреальное) занимает сегодня все более значимое место в процессах структурирования коллективных представлений о городах, где символическое производство смыслов приобретает особую значимость, поскольку смещается на цифровые площадки, опосредующие физическое восприятие города.

По мнению Эдварда Сойя, кроме первого (физического) и второго (субъективного, образного), город может восприниматься людьми в перспективе третьего пространства как пространства проживания человеком одновременного реального и воображаемого города. Третье пространство города функционирует благодаря наличию ментальных карт и интерпретативных кодов, с помощью которых человек осмысляет места и сообщества, в которых живет, переживает, оценивает, принимает решения (Soja, 2000, р. 324). При этом современные города, которые порождены виртуальными коммуникациями и электронными сетями, Эдвард Сойя называет невидимым «гиперкосмосом» (2003, с. 134). Ссылаясь на Ж. Бодрийяра и его теорию гиперреальности, он отмечает, что репрезентация города или его имидж приобретают больший вес перед реальной территорией.

В этом контексте научный интерес к городскому воображаемому более чем оправдан. Согласно Марку Оже, «город существует благодаря сфере воображаемого, которая в нем рождается и в него возвращается, той самой сфере, которая городом питается и которая его питает...» (1999). Город, порожденный виртуальными коммуникациями, по сути, представляет собой город-симулякр, который в эпоху цифровой культуры стал определяющим для воображения, когда реальный город воображается путем его представления на экранах гаджетов и посредством цифровых технологий, на страницах социальных сетей в мозаике интернет-страниц. Благодаря воображению «мы ассоциируем, дорабатываем, достраиваем и сравниваем увиденное», поскольку в нашем сознании возникают образы, которые связываются по смыслу с другими образами, они вплетаются в континуумы других образов, столь же сплетенных и смешанных друг с другом (Назаренко, 2016, с. 45).

Воображаемое актуализирует значимость образности города, скрепляет коллективные представления через репрезентируемые городом смыслы. Исходя из этих позиций, город представляет собой совокупность порождения целого ряда субъектов действия, а потому «некоторые из числа наиболее интересных антропологических исследований городов посвящены городскому воображаемому, практикам и политике одновременно» (Ричардсон, 2010, с. 176). Действительно, имеющиеся фрагментарные исследования городского воображаемого, как правило, междисциплинарны, они высвечивают тесные связи между ментальными, образными, социальными и пространственными контекстами города. Через феномен городского воображаемого город уже не рассматривается как административный объект, он осмысливается как динамичный конструкт, сформированный из коллективных действий и коммуникативных процессов. Например, нередко исследователи придерживаются социологического или антропологического уклона, нацеливающего на анализ тех или иных аспектов восприятия городского пространства (Лагодина, 2015).

Кроме того, коллективное воображаемое может стать важнейшим ресурсом в борьбе за доминирующие образы, в том числе за образы городов. Исследования показывают, что городское воображаемое делает место более значимым, оно способно привлечь людей и тем самым улучшить городскую среду (Zukin, 2001). Символический потенциал городского воображаемого во многом обусловлен его влиянием на конструирование позитивного образа города, поскольку коллективное воображаемое лежит в основе брендинга города, когда создаются намеренно коллективные представления о городе для конкретных целевых аудиторий – туристов, инвесторов, студентов, жителей городских районов. В связи с этим некоторые ученые подчеркивают, что городское воображаемое превращается в символическую сферу, где и происходит конкурентная борьба за пространство (Линдлер, 2017, с. 107). В сфере воображаемого конкурируют образы городов, нередко через идентификацию и ассоциации со статусами (Санкт-Петербург – культурная столица), званиями (Владивосток – город воинской славы), брендами (Великий Устюг – город Деда Мороза), сформированными имиджами (Нижний Новгород – город закатов), с уникальными историческими локациями (например, факт зарождения российской государственности оспаривают Старая Ладога и Великий Новгород).

Генерирование коллективных представлений о городе

Прежде всего, проанализируем – как происходит процесс генерирования коллективного воображаемого с позиции коммуникативного подхода?

Коллективные представления о городе складываются постепенно, путем распространения и закрепления в устойчивых знаковых формах смыслов, с помощью которых те или иные аспекты города воображаются – через облики, слова, схемы, движения людей, улиц, домов, скверов города. Генери-

рование конфигурации этих фрагментов, которые попали в сознание людей через самые разные системы кодирования информации о городе (например, вербально и/или визуально) постоянно формирует городское воображаемое, порождая все новые аспекты городских образов.

Городское воображаемое имеет символическую природу – оно существует благодаря смыслам – конструируемым и разделяемым в представлениях людей. Кроме того, этимология воображаемого (“imaginary”) изначально связана с понятием образа (“image”) города. В частности, философ К. Касториадис не случайно подчеркивал, что коллективное воображаемое есть не что иное, как постоянное «необусловленное творчество символов / форм / образов» (Касториадис, 2003, с. 8).

Отсюда возникает вопрос о тех средствах, которые детерминируют генерирование смыслов и поддерживают коллективные представления о городе. Важно в связи с этим отметить, что Б. Андерсон в своих работах (2001) рассматривал музеи, карты и перепись населения как те средства, которые способствуют «вообразимости» нации. По сути, ему удалось выявить ключевые направления производства смыслов воображаемого, которые запускают процессы восприятия и переживания (в нашем случае) города. Следуя этой логике, к средствам, генерирующим процессы формирования коллективных представлений о городе и обеспечивающим воображение города, можно отнести:

а) процессы демонстрации уникальности города и практики, сохраняющие культурную память города (не только музеи, но и архивы, библиотеки, памятники, традиционные праздники и пр.);

б) способы «приближения» города с целью его осмысления как целого (макеты, модели, карты, а также современные цифровые инструменты, в частности, VR и AR технологии и игры).

Например, с помощью дополненной реальности виртуальные практики становятся частью структуры городского воображаемого, в том числе в рамках сохранения культурной памяти города. Сегодня нередко музеи предоставляют возможность увидеть утраченные образы древнего города, производя новые фрагменты городского воображаемого. Так, в результате виртуальной экскурсии «Переход» можно увидеть Казань столетней давности, где ее визуальный облик воссоздан историками, реставраторами и специалистами по VR-программированию на основе архивных данных о городе и сканирования городских пространств. Такого рода практики, конструирующие городское воображаемое, трансформирует наши представления о городе – он приобретает новые смыслы, которые накладываются на прежние, и мы воображаем город уже иначе.

Коллективные представления о городе складываются через подобные практики его репрезентации, приближающие и «сжимающие» смыслы в единые символические координаты города. Неоднородность и физическая несоразмерность с человеком делает актуальными эти когнитивные и эмоцио-

нальные практики, что увеличивает наш интерес к картам, городским пейзажам, моделям городов, местным рассказам, стихам, памятникам, картинам, архитектуре, так как «с их помощью жители могут придать смысл своему городу, который дает им ориентацию и определяет место в городской ткани» (Швенк, 2019, с. 104).

Не менее важным является и вопрос о структурировании городского воображаемого в контексте генерирования коллективных представлений из индивидуальных. В связи с этим отметим, что городское воображаемое – это всегда отношения между индивидуальным и коллективным в представлениях о городе, это сложная структура взаимодействия между личным опытом собственного познания города и возможностью отчуждения смыслов для самых разных аудиторий через массовые формы коммуникации (пресса, кинематограф, театр, литература, блоги и пр.). В этом случае происходит трансляция личных переживаний города в коллективные представления, которые безусловно неоднородны, а также маркирование и их закрепление как на официальном уровне (например, в рамках брендинга города), так и на неофициальном (например, на уровне устоявшийся стереотипов или слухов о городе). Но совместный процесс индивидуального познания города и символическое конструирование этих практик придают городскому воображению коллективный характер (Delorme, 2005, p. 9-27)

Такая исследовательская позиция позволяет открывать новые аспекты в познании процессов продуцирования городской образности, поскольку город мы понимаем как совокупность смыслов, данных нам физически или опосредованно, которые возникают и транслируются разными городскими сообществами, так или иначе воображающими город (спортсмены, студенты, защитники животных, представители политических партий и пр.). В этом случае городское воображаемое конструируется в каждом конкретном случае как результат коллективного производства и позиционирования этих смыслов теми или представителями городских сообществ. И в каждом конкретном городе важно раскрыть соотношение между теми, кто осмысливает город и теми, кто его производит, генерирует. При этом для городских сообществ производство смыслов и их трансляция в массовой коммуникации становится способом решения социальных проблем (экологических, исторических, научных и пр.).

В этой связи становятся актуальными такие исследования, в которых городское воображаемое выступает как ресурс укрепления причастности к городу. Так, А. Блум, пытаясь рассмотреть воображаемую структуру города (Blum, 2003), обращает внимание ученых на то, что символическая и воображаемая сторона города является важнейшей составляющей частью повседневности и самоощущения города. Он подчеркивает через ряд вопросов (например, как мы определяем свое отношение к городу?), что городское сооб-

щество должно бороться с проблемами отчуждения горожан и расшатывания причастности к городу.

Важно отметить (и в этом состоит наша теоретическая позиция), что генерирование коллективных представлений неотделимо от коммуникативных процессов, в которых и происходит производство смыслов, скрепляющих городское пространство, сообщества, культурную память города и городские практики. В поэтическом описании исторического города, в лозунгах власти, позиционирующей город как религиозный центр, в кинолентах об известных личностях города, в размещенных в сети живописных полотнах, изображающих горы или морской берег города, в фотофиксации размаха городских промышленных конструкций – в этих и иных процессах происходит закрепление на коллективном уровне и распространение тех значений, которые мы (сознательно или бессознательно) используем в процессах восприятия и осмысления каждого конкретного города. Эти процессы неотделимы от посредников, а именно, от медиа, которые позволяют охватить массовую аудиторию.

Действительно, масштабность и тотальный охват целевых аудиторий, дифференциацию культурных смыслов и виртуальный коллаж городской образности обеспечивают медиа как важнейшее условие массовой коммуникации и ключевой посредник генерирования коллективных представлений о городе. Современная медиаиндустрия, включающая цифровые медиа, становится решающим условием производства и трансляции культурных норм, ценностей, коллективных представлений, в том числе и представлений о городе. Ученые подчеркивают, что город «существует только в наших головах или в рассуждениях тех, кто работает в области различных видов искусства и средств массовой информации: телевидение, пресса, театр, радио, кино, романы» (Çinar & Bender, 2007, p. 2).

Особенно ярко проявляется потенциал медиа как посредника городского воображаемого, когда мы осуществляем выбор города для путешествий, для учебы, работы или переезда на постоянное жительство. Нередко такой выбор осуществляется при обращении к медиаресурсам, содержащим первичную информацию о городе, на которую, однако, накладываются имевшиеся ранее индивидуальные следы воспоминаний о городе из кинокартин, рассказов и т.д.

По мнению Мануэля Кастельса, «средства массовой информации, особенно аудиовизуальные ... представляют собой в нашей культуре основной материал коммуникационных процессов... мы живем в среде СМИ, и из них приходит большинство наших символических стимулов» (Кастельс, 2000, с. 322). Такие символические стимулы приходят к человеку по отношению к городу в виде фото или видео контента, в виде заметок в социальных сетях или новостной ленты телевидения. Сегодня «медиа перестали быть институционально-организованными структурами, передающими информацию, они, имея возможность транслировать и навязывать культурные образы, начали

определять содержание и форму социальных практик и взаимодействие аудиторий», осуществлять репрезентацию действительности (Артамонов, 2022, с. 74). Соответственно, все, что мы знаем о городе, приходит через медиа, которые производят смыслы на коллективном уровне во многих направлениях коммуникации – от контента в сети интернет до заявлений со стороны власти.

С одной стороны, медиаконтент может создаваться стихийно, когда, например, в туристических отзывах люди публикуют свои переживания города с целью закрепления своего статуса узнаваемого путешественника. В этом случае впечатления о городе, его объектах, гастрономии, погоде, и в целом городской атмосфере может стать частью городского воображаемого в виде устойчивых концептов и изображений, особенно при условии убедительного изложения и максимального распространения подобных текстов.

С другой стороны, несмотря на то, что процессы структурирования городского воображаемого сложно поддаются контролю, все же некоторыми потоками образования коллективных смыслов можно управлять. В частности, формирование определенного образа города как туристического центра, как места для инвестиций, или как тихого и провинциального городка для спокойной жизни возможно путем выстраивания целенаправленной медиастратегии продвижения именно такого имиджа, с помощью которого у целевых аудиторий возникают определенные представления о городе, его территории и возможностях.

Самые яркие, эмоционально окрашенные или когнитивно глубокие смыслы приобретают характер фреймов, стереотипов, устойчивых выражений и визуальных знаков как отпечатков и ментальных следов, которые становятся «кирпичиками» городского воображаемого.

Городское воображаемое как проекция медиадискурса

Как мы показали выше, медиа являются ключевым посредником в генерировании коллективных представлений, особенно в век цифровой культуры, когда воображаемые образы городов преимущественно сформированы благодаря их массовой демонстрации на экранах гаджета и смартфона, на телеэкранах и экранах компьютера. Медиатизация дает возможность поддерживать самые разные сообщества благодаря оперативной и мгновенной коммуникации и возможности проецирования образов для широких аудиторий. Более того, в эпоху медиатизации, «сопряженной с процессами глобализации, политические проекты воображаемых объединений имеют тенденцию становиться транснациональными и транскультурными» (Ним, 2017, с. 421)

Медиа не просто дополняют карты, музеи и перепись, но и выполняют роль условия коллективного воображения, скрепления совокупности смыслов города. Следует согласиться с мнением современных исследователей, которые полагают, что «для формирования городского воображаемого с помощью

жителей города оказывается необходимой инстанция, которая либо задавала бы язык описания города, т. е. «проектировала» его» (Шмелева, 2014, с. 150).

«Проектирование» образов города происходит в коммуникативных процессах, раскрыть особенности которых позволяет медиадискурс, продуцирующий смыслы в медиа через «публичность, видимость, легитимность высказываний и действий» (Ван Дейк, 1989, с. 121). Медиадискурс обеспечивает кодификацию городских значений, с помощью которых воображается город. Вслед за М. Фуко мы понимаем дискурс как тонкую контактирующую поверхность, «сближающую язык и реальность, символизирующую лексику и опыт» (Фуко, 1996, с. 49), и как способ понимания и репрезентации мира, который имеет «исторически и культурно-обусловленную специфику» (Йоргенсен & Филипс, 2008, с. 18). Медиадискурс в нашем случае служит определенным инструментом познания того, каким образом и по каким направлениям проецируется городское воображаемое, что позволит раскрыть особенности структурирования коллективного восприятия и представления города.

Воображая, мы «читаем» город через потоки значений и сопутствующих им оценок и ментальных скреп. Дискурсивные практики медиа обеспечивают конструирования смыслов города, а их передача и декодирование происходит через культурные позиции, которые позволяют понимать и говорить на одном языке тем или иным представителям локусов медиадискурса.

Таким образом, ключевым тезисом нашей работы является утверждение о том, что генерирование городского воображаемого происходит, прежде всего, в медиадискурсе. Для того, чтобы проанализировать на теоретическом уровне как происходит данный процесс, вначале выявим ключевые аспекты медиадискурса, которые задают векторы структурирования городского воображаемого и создают условия смыслообразования для коллективных представлений о том или ином городе.

а) *Контент*. Вследствие медийных практик дискурса продуцируется тот контент, который мы используем для мгновенного воображения даже самых небольших городов. Это стало возможным во многом в результате глобальной медиатизации повседневности, появлением новых платформ, акторов и их ролей в производстве смыслов (интернет-порталы, социальные сети, электронные издания). В частности, в новостных сюжетах или в рекламе тура демонстрируются идентификационные коды города через спорт, праздничные события или памятные даты. Так, в результате дискурсивного анализа туристических отзывов о Великом Новгороде, размещенных в социальных сетях, мы пришли, в частности, к выводу о том, что медиаконтент «гениев места» содержит отсылку к ряду локаций, связанных с историческими деятелями (Александр Невский, Садко, Ярослав Мудрый, Рюрик), наиболее часто присутствующими в описании впечатлений туристов о городе (Федотова & Васильева, 2017, с. 125). Соответственно, идентификационные коды, позиционирующие Великий Новгород для других туристов, будут в том числе содержать и эти смысловые оттенки, позволяющие вообразить историчность города через

значимую деятельность этих известных личностей. Дискурс закрепляет смыслы через слова и изображения, которые сопровождаются оценками, комментариями, нормативно и ценностно окрашены. Именно поэтому медиа-контент сегодня является для большинства горожан «основным источником информации о городе и его жизни, что еще более увеличивает их значимость... воздействуя на сознание, они определяют и формируют отношение каждого из нас к месту, где мы живем» (Решетников, 2009, с. 42).

б) Акторы. Теми, кто производит городское воображаемое, в наши дни становятся не только и не столько писатели и поэты, художники и ученые, создающие высокохудожественные тексты. На место профессиональных журналистов и режиссеров нередко приходят блогеры, пиар-менеджеры, путешественники или просто активные пользователи социальных сетей, которые становятся участниками создания городской образности, проецируя в сети Интернет свой взгляд на город. Новые форматы дискурса позволяют активному читателю или зрителю через собственные высказывания занять определенную позицию в структурировании городского воображаемого, транслируя для миллионных аудиторий свои представления о городе и давая оценку городским практикам. Городское воображаемое продуцируется в медиа из «различных фрагментов действительности», в том числе активных пользователей сетей и интернет-пространства, который могут дать в блогах или комментариях свою оценку и свои мнения (Галинская, 2013, с. 93) с помощью новых инструментов «круглосуточного общения с аудиторией» (Мельник, 2020, с. 48). Например, с помощью фотографии современные акторы в социальных сетях создают воображаемое пространство города, в том числе публичные или исторические, туристические или уединенные места. Следует отметить, что «значимой частью семиотики городского пространства, особенно для экстра-городских акторов, становится его репрезентация в цифровых интернет-сетях, в частности – в Instagram¹» (Басина & Маляр, 2019, с. 196).

Проецировать городское воображаемое могут как те, кто непосредственно связан с городом (например, житель города, который является автором блога о городских дорогах или делающий обзор фоторепортажей фасадов города), так и гости города и даже те, кто никогда не были в нем. В связи с этим в исследования дискурса, отражающего городское воображаемое, нередко включается анализ представлений о городе как со стороны жителей, так и со стороны тех, кто не проживает в городе. В частности, при изучении городского воображаемого Выборга, обусловленного сложной конфигурацией исторических, геополитических этноконфессиональных факторов, которые участвуют в идентификации города, ученые показали, что этот город воображается и внешними группами респондентов и жителями города «как единое культурное целое, безвычленения русских/шведских/финских составляющих» (Рябова & Валегина, 2015, с. 150).

1 Социальная сеть, принадлежащая компании, признанной экстремистской на территории РФ

в) *Медиа технологии*. Технологии медиа производства являются ключевым фактором трансформации индивидуальных представлений о городе в коллективные. Кроме того, современные технологии медиаиндустрии позволяют оперировать живыми и запоминающимися образами, которые дополняют смыслы города невидимыми ранее оттенками, например, визуальными, через все новые призмы и ракурсы, которые продуцируются, исходя из декларируемых акторами дискурса позиций. В частности, следствием развития цифровых технологий стало появление так называемых «умных городов» (управление городом через медиа-платформы) и «цифровых городов» (онлайн взаимодействие горожан и структур города), которые становятся цифровым отражением города реального.

Масштаб влияния технологий на осмысление и позиционирование города в медиадискурсе позволяют ученым констатировать появление так называемого «медийного города» как результата дискурсивных практик, формирующих определенные представления о городе. О таком городе говорят ученые, когда констатируют медийное проникновение самых разных феноменов и процессов, влияющих на наше осмысление города. Признаком медийного города является отсутствие явного ядра и четких границ городского пространства, поскольку медиа расширяют границы города, а сам город теперь напоминает телевидение, поскольку все, что попадает в медиа, отражается у нас в сознании (Маккуайр, 2014).

з) *Кодификация*. Любой дискурс есть проекция права власти кодировать и интерпретировать реальность. В нашем случае медиадискурс можно рассматривать как определенный инструмент структурирования городского воображаемого. От специфики типов дискурсивных практик, генерирующих представления о городе, зависят и векторы коллективного осмысления города. Чем чаще и полнее представлен город в медиа, чем глобальнее дискурс вокруг уникальности города (вокруг аутентичности городских объектов и городских сообществ, гениев места города), тем богаче и многослойнее городское воображаемое.

Борьба за воображаемое, которая осуществляется с помощью медиаобразов, влияющих на коллективные представления, как указывают специалисты, «ведет к трансформации культурного, символического пространства, среды морального выбора, маркирующего членов определенного сообщества как «своих» (Хайдорова, 2018, с. 51). В результате такой борьбы осуществляется «экспансия, распространение доминирующей культурной матрицы» (2018, с. 48).

Актеры разных медийных локусов дискурса могут создавать разные версии городского воображаемого через соответствующие медийные траектории генерирования смыслов и путем направления на разные целевые аудитории (молодежь, малый бизнес, защитники природы, музыканты, «киношники», туристы). Поэтому тот или иной медиадискурс, закрепляя опреде-

ленное символическое значение города, задает разные модели и фактуры воображения города. В частности, дискурс традиционных медиа (газета, ТВ) может существенно отличаться от дискурса новых медиа (блоги, социальные сети), задавая разные версии воображаемого. Специфика рамок медиа, акторов, технологий задают мыслительную ткань города, формируют повестку городского воображаемого как тот репертуар смыслов, которые мы используем, когда вспоминаем или представляем город, его пространство и людей, объекты и улицы, архитектуру и достопримечательности. Свернутость медиадискурса обедняет городское воображаемое, которое потенциально может быть гораздо богаче и ярче. И такая проблема фиксируется исследователями, хоть и в другом контексте. В частности, при исследовании Перми, которую мы можем воспринимать как текст, В. В. Абашев подчеркивает, что этот город, как и многие провинциальные города визуально стерт и тривиален, однако о Перми можно «много, вкусно и, при умении, захватывающе интересно рассказывать», именно поэтому «реальная, вне воображения и рассказа, встреча с Пермью нередко приносит разочарование», а «воображаемое о Перми оказывается несравненно богаче той бедной и стертой фактуры, которая открывается перед глазами» ее гостей (Абашев, 2014, с.139).

Таким образом, городское воображаемое является результатом доминирующих дискурсов медиа. Медиадискурс – место символического производства впечатлений о городе. Город в медиадискурсе преобразуется в «образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест» (Кастельс, 2000, с. 322), а потому городское воображаемое становится проекцией медиадискурса.

Поскольку медиадискурс является источником производства коллективных представлений о городе, важно раскрыть те направления, по которым происходит конструирование смыслов города через переплетение нарративов и визуальных образов, где каждая смысловая позиция связывается с другой и образуется ткань городского воображаемого.

Рассмотрим типы медиадискурсов, которые задают разные траектории структурирования городского воображаемого.

Типы медиадискурсов, формирующих коллективные представления о городе

Поскольку феномен городского воображаемого является малоизученным, постольку исследований дискурсивных практик, влияющих на его конструирование, весьма немного. Между тем существуют научные работы, в которых авторы выявляют те или иные аспекты дискурса, задающего коллективное осмысление города и городской образности. Воспользуемся результатами такого рода исследований и определим типы медиадискурсов, в которых так или иначе формируются коллективные представления о городе.

Исходной позицией в данной части работы является тезис о том, что «масс-медиа в социокоммуникативном пространстве заключается не в намеренной фабрикации смыслов и навязывании их аудитории в интересах властных элит, но, скорее, в организации пространства, в котором могут возникнуть те или иные смыслы» (Гоноцкая, 2018, с. 53) и, соответственно, направлении дискурсивных практик, генерирующих городское воображаемое.

Поскольку данная работа имеет теоретический характер и не опирается на эмпирические исследования в том или ином городе, воспользуемся возможностью анализа имеющихся результатов исследований медиадискурсов в российских городах, которые представляют для нас исследовательские кейсы, позволяющие классифицировать на этой основе ключевые типы медиадискурсы, определяющих структурирование городского воображаемого.

Прежде всего, опираясь на некоторые тенденции в изучении медиадискурсов, влияющих на представления о городе, можно определить их типологию, исходя из тех образов города, на конструирование которых они направлены.

Во-первых, существуют, как минимум, политический, экономический, культурный, научно-образовательный, природно-экологический, исторический и прочие медиадискурсы, которые разворачиваются в рамках контекстов данных сфер деятельности. Такие медиадискурсы сосредоточены вокруг конкретного аспекта городского образа, а его акторы проецируют определенное видение города, руководствуясь собственной позицией и целями, которые накладывают отпечаток на то, как воображается город теми, кто так или иначе включен в данный дискурс. Дискурсы формируют медиаобраз как результат впечатлений о городе, «составленный из всей совокупности упоминаний в медиа и с учетом эмоционального контекста» (Луговая & Курбанова, 2016, с. 143). Это может быть криминальный дискурс, формирующий медиаобраз города через освещение происшествий, или экономический, в рамках которого обсуждаются финансовые, инвестиционные и прочие вопросы развития города. Например, имеющиеся исследования особенностей медийной репрезентации дискурса социальных проблем Челябинска демонстрируют особенности городского портрета в данном контексте. Ученые фиксируют, что, в частности, новостной ресурс «Наш Челябинск» на уровне развития и функционирования инфраструктур содержит преимущественно отсылку к «экологическим проблемам, происшествиям криминального характера и историческим фактам». При этом авторами исследования выявлена «тенденция к смягчению негативной реакции читателей посредством введения экстралингвистической составляющей, характеризующейся юмористической направленностью» (Олизько & Журкова, 2022, с. 138)

Во-вторых, если взять за основу разные типы высказываний о городе и специфику отличий одного города от другого, то можно выявить несколько

типов медиадискурса. В частности, ученые указывают на мифологический, религиозный, художественный, политический и философский типы дискурсов, которые отражают разные типы сознания и «представляют собой до некоторой степени самостоятельные способы отношения к городу, предполагающие свои дискурсы», поскольку эти типы сознания по-разному транслируют смыслы в языке, и каждый из этих типов свой логику развертывания и источники конструирования смыслов (Головлева, 2014, с. 57). Например, в рамках политического дискурса конструируются различные репрезентации города в городском воображаемом, где «могут использоваться городские легенды, поэтические произведения или даже отдельные цитаты (город камнерезов, опорный край державы, душа России)» (Головлева, 2014, с. 61).

В-третьих, медиадискурс, генерирующий коллективные представления о городе, мы можем определить как урбанистический дискурс, репрезентирующий «поля коммуникации сообществ в современном городе» (Оводова & Жигунов, 2020, с. 99). В рамках этого направления исследований существуют такие типы дискурсов, которые направлены на разрешение вопросов обсуждения стратегий и направлений развития города. В урбанистическом дискурсе исследователи нередко выявляют столкновение интересов, например, между тремя ключевыми акторами – медиа, властью и активными горожанами, выражающими определенную позицию в отношении благоустройства города. Отсюда и сам дискурс «характеризуется как дискурс, перманентно содержащий элементы коммуникативного конфликта, выраженного в несогласованных представлениях акторов дискурса о том, каким должен быть город» (2020, с. 100). В этом случае мы воображаем город как пространство столкновения интересов, где медиа представляют собой одну из активных сил, участвующих в определении стратегий развития современного города. С другой стороны, урбанистический дискурс может быть раскрыт несколько иначе, например, через противоречия следующих городских идеологий: «модернистского урбанизма, левого урбанизма, хипстерского урбанизма», обнаруживающих себя через различие языка и пространства (Вахштайн, 2014, с. 9).

Существуют также исследования дискурсивных практик, формирующих воображимость города, которые связаны с семиотикой города. В ряде исследований город понимается как результат действий актуальных дискурсов, опирающихся на конкретную семиотику городского пространства как совокупности визуальных и вербальных кодов города (например, зданий, сооружений, улиц, памятников, а также их названий и высказываний о них или о людях, которые там проживали). В этом случае семиотика города раскрывается, например, с позиции совокупности «концептуально-семиотической и дискурсивно-семиотической моделей понимания города для наиболее полного представления о городской среде» (Касаткина, 2017, с. 114), где дискурсивно-семиотическая модель города является результатом дискурсов урбанистов. В частности,

изучая особенности визуальной маркировки городского пространства на примере города Томска, ученые выявляют следующие семиотические средства, являющиеся частью дискурса повседневных практик горожан: сакральные, образовательные, деловые, политические, мемориальные, перформативные, симулятивно-фантастические (Аванесов & Федотова, 2022, с. 63). Так, мемориальные локусы «возникают благодаря установке памятных знаков, барельефов, поминальных сооружений вне официально утверждённых «зон памяти» (мемориальных комплексов и кладбищ)» (Аванесов, 2017, с. 45). Исследования семиотики города сквозь призму дискурсивного анализа медиа открывают возможность выявлять культурный код города, отражающего и осуществляющего репрезентацию его уникальности. Томск является музеем под открытым небом, где на центральных улицах расположены несколько сотен деревянных домов построек конца XIX – начала XX века. Как отмечают исследователи, «уникальность и самобытность томской деревянной архитектуры позволили российским искусствоведам и историкам искусства говорить о существовании особого «сибирского стиля», передающим неповторимую атмосферу древнего города, а культурным кодом Томска можно назвать тезис «сибирский терем» (Гужева, 2014, с. 48).

В-четвертых, целью ряда исследований становится анализ типов медиадискурсов, непосредственно направленных на выявление уникальности воображаемого места через изучение стереотипов, концептов, в которых концентрируются представления города для разных целевых аудиторий. В частности, ученые на примере Миллионки – одного из районов Владивостока – провели дискурсивный анализ медиа, который позволил рассмотреть «особенности коммуникативной стратегии конструирования достопримечательности на основе выделения фреймов восприятия, узловых тем и концептов», формирующих представления об этом районе, и выявить совокупность дискурсивных жанров, а также прийти к выводу о том, что «конструирование достопримечательности является специфическим культурным продуктом, в основе которого практика создания «воображаемого места» (Гороховская, 2020, с. 107).

Данная типология демонстрирует, что медиадискурсы формируют единое смысловое поле представлений о том или ином городе; связывая конкретные сообщества и аудитории, они упорядочивают и поддерживают символическую связь между этими локусами, объединяют за счет общего языка, отражающего определенные представления горожан, разделяющих транслируемые смыслы (подписчики, читатели, зрители, комментаторы и пр.) в том или ином дискурсе. В зависимости от того, какой тип медиадискурса мы потребляем, город воображается его жителями, представителями бизнеса или власти, учеными или путешественниками. Производство дискурсов в медиа является важнейшим фактором, обеспечивающий сам процесс городского воображаемого, задавая рамки, векторы, масштабы генерирования коллективных представлений о городе.

Городское воображаемое в медиадискурсах производства пространства

Рассмотренные выше исследовательские кейсы не ставили своей задачей выявление типологии дискурсов, которые участвуют в генерировании коллективных представлений города. Однако они позволили подчеркнуть неоднозначность и многогранность подходов к классификации такого рода дискурсивных практик. Исходя из выявленных и обозначенных выше особенностей дискурсивных практик, репрезентирующих город в нашем воображении, мы провели теоретическое исследование источников генерирования коллективных представлений о городе.

Рассмотрим третью часть теоретического анализа специфики медиадискурсов, генерирующих городское воображаемое.

Анализируя специфику таких медиадискурсов, мы пришли к выводу об эвристичности и комплексности такой типологии медийных дискурсивных практик, которая бы охватывала не отдельный срез дискурса, а представляла всю многогранность городских практик во взаимодействии сообществ, институтов, горожан, в зависимости от тех или иных векторов генерирования коллективных представлений о городе.

В ходе исследования за основу выявления типов медиадискурсов, производящих городское воображаемое, мы взяли теорию «производства пространства» Анри Лефевра, которая наиболее точно раскрывает смысловые связи между различными участниками дискурсивных практик города и проецирует их на три формы, каждая из которых детерминирует особую логику воображения города. Говоря о производстве пространства, А. Лефевр подчеркивает именно комплексное видение этого процесса исходя из трех форм (Лефевр, 2015, с. 47):

а) репрезентация пространства, или осмысление пространства, как порядок, который «конституируется посредством контроля знания, знаков и кодов: контроля над средствами дешифровки пространственных практик и над производством знания о пространстве» (Бедаш, 2012, с. 220);

б) пространство презентации (жителями города) как переживание пространства, не производящее напрямую смыслы города;

в) пространственные практики, связывающие первые две формы и пронизывающие их в разных направлениях, основанных на процессах восприятия города.

По нашему мнению, в производстве каждого пространства в условиях медиатизации ключевую роль играет медиадискурс, направляющий производство городского воображаемого и захватывающий конкретные интересы социальных и культурных локусов городского пространства.

а) Медиадискурс репрезентации пространства города (официальный дискурс). Исходя из позиции А. Лефевра, репрезентация пространства функционирует как «задуманное» и господствующее, пространство профессионалов –

«ученых, планировщиков, урбанистов» (2015, с. 52), которое находит свое отражение в памятниках, башнях, фабриках, офисах (Lefebvre, 1991). В нашем случае ключевым аспектом данного дискурсивного поля является официальный модус репрезентации смыслов в пространстве медиа, который организует процессы понимания, воображения города.

Данный тип медиадискурса проникнут претензией акторов на истинное знание о городе. Он целенаправленно производит смыслы посредством специальной риторики, благодаря которой город наделяется конкретными значениями; в том числе демонстрируется отличие города от других городов, закрепляется его идентификация. Здесь город воображается через новостные ленты, позиционирующие город, официальные порталы города и институтов, телеграмм каналы политических лидеров и архитекторов, публичные лекции ученых, продуцирующих и легитимирующих концепты, которые направляют на официальную версию понимания города, его облика и духа, на его демонстрацию для самых разных аудиторий – как внутри города, так и вовне.

Важнейшей функцией данного типа медиадискурса является поддержание и публичное закрепление культурного кода города, который нередко становится основанием для дальнейшего развития города. В то же время фрагментарность такого рода дискурса снижает шансы городов в конкурентной борьбе за их узнаваемость. В частности, городской брендинг является ярким отражением направления данного типа медиадискурса, закрепляющего значение города, создающего основания для доверия и лояльность к жителям и гостям города. Например, во Владивостоке медиадискурс репрезентации пространства города исследователями раскрывается в рамках так называемого «официального дискурса» и, соответственно, выявления ключевых дискурсивных полей, задающих коллективные представления города. Одним из таких дискурсивных «узловых точек» авторами называется имперский дискурс Владивостока, обусловленного его стратегическим значением. «Стратегическое положение Владивостока и сформировало доминирующие в дискурсе образы: «город-крепость», «военный порт», которые выстраиваются как сеть значений концепта «город Владивосток» в официальном дискурсе (Горюховская, 2013, с. 49). Такого рода дискурс закрепляет стратегическое значение города, что также подтверждается и изображением первого герба города, на котором есть символ крепости.

Кроме того, в репрезентации пространства города нередко закрепляются смыслы, указывающие на уникальность города, через его статус или отношение к другим городам. Например, дискурсивный анализ медиа Екатеринбурга позволил ученым выявить некоторые смыслы, которые через дискурс закрепляют ряд ассоциаций, позволяющих воображать этот город как столицу Урала. Акторы официальных медиа осуществляют «приписывание Екатеринбургу особого столичного статуса, который поддерживается, во-первых, чрезвычайно частотными перифразами, называющими город столицей уральского региона, и, во-вторых, периодически актуализируемым концептом «третья

столица России», который утверждает особое положение города не только в пространстве Урала, но и на карте всей страны» (Ильина & Каблуков, 2019, с. 128).

б) *Медиадискурс городского пространства (дискурс горожан)*. Дискурс такого пространства, которое А. Лефевр определяет как пространство репрезентации, «переживаемое через сопутствующие ему образы и символы», пространство жителей и пользователей, изначально предполагает наличие противоречий и противостояние, направленное на то, чтобы «изменить и присвоить себе воображение» (2015, с. 52.). Генерирование представлений горожан о городе проявляется в медиадискурсе путем переживания и выявления противоречий, которые возникают как между сообществами горожан, так и между горожанами и властью. В данном случае производство и трансляция смыслов города (особенно во внешнюю среду по отношению к городу) не является ключевым, потому что город здесь переживается как «свое пространство», а привязанность к нему делает городскую повседневность «ценностно значимой» (Бедаш, 2012, с. 220). Любимая улица, мой двор, наш дом – высказывания данного медиадискурса, через которые воображается город.

В отличие от первого типа медиадискурса, в этом дискурсивном поле доминируют смыслы уже не позиционирования города, а сопричастности с городом, генерируются коллективные представления, основанные на отождествлении горожанами себя с другими жителями города и с городским пространством, с историей и судьбой города. Медиадискурсы горожан развиваются на самых разных медиа-платформах, цифровых площадках, онлайн-форумах и прочих ресурсах, где выражается спектр мнений всех тех, кто «присваивает» городское пространство (чаты в мессенджерах, группы «ВКонтакте», электронные подписки и пр.).

Соответственно, и городское воображаемое дополняется теми оттенками смыслов, которые аккумулируются в соответствующих дискурсивных полях, разворачивающихся, например, вокруг застройки исторической части города, между защитниками и противниками появления муралов на стенах городской архитектуры и пр. Горожане нередко выражают свое «право на город» через активное участие в городском медиадискурсе. Важнейшей функцией такого медиадискурса является включенность жителей города в собственное «переживание» культурного кода и присвоение его через личное понимание города.

В имеющихся исследованиях такого типа дискурса ученые нередко выявляют характерное для этого типа дискурса противостояние, о направлениях которого говорилось выше. В частности, в одном из исследований авторы изучаются на примере города Томск механизмы формирования комфортного города через дискурсивные практики горожан. В результате исследования, например, был выявлен тот факт, что удовлетворение витальных потребностей горожан («категория безопасности, демографическая категория, категория инфраструктуры, категория досуга») отходит на второй план, тогда как экзи-

стенциальные потребности (активность горожан, «социально-гуманистическая категория, личностная категория, категория, связанная с возможностями для самореализации») сегодня наиболее актуальны (Дунаева, 2021, с. 145). При этом «градоправители при планировании направлений развития городской среды делают упор именно на витальные категории, что подтверждается официальными рейтингами качества городов» (2021, с. 145), что закладывает уже на концептуальном уровне противоречия, характерные для этого дискурсивного поля. Коллективные представления генерируют.

С другой стороны, характерное для дискурса горожан противостояние может стать следствием тех событий в городе, которые получают детальное медиа-освещение. Такой пример проанализирован учеными в Екатеринбурге, где городское сообщество встало на защиту «бесполезного» и «бессмысленного» объекта вопреки официальным аргументам городских властей. Городской протест против сноса башни в центре Екатеринбурга «проявил важность иррационального компонента в ткани городской жизни и пространства, важность того, что кажется бессмысленным и бесполезным, такого места, куда проецируются привязанности, воспоминания и личные истории, места, окруженного ореолом историй, слухов, домыслов и ощущением тайны» (Абашев, 2018, с. 36). По сути дела, данный пример демонстрирует нам, что городское воображаемое весьма неоднородно и многофакторно, а в символическую борьбу за воображаемое нередко вступают горожане, которые также могут принимать решения о развитии города через нарративы медийного дискурса.

в) *Медиадискурс городских практик (дискурсы сообществ)*. Самый многогранный и сложный для идентификации медиадискурс структурируется, по А. Лефевру, вокруг конкретных практик города, конструирующих социальное пространство в разных направлениях. Он пронизывает первые два дискурса по определенным тематическим полям, задающим коллективные представления о городе. Этот тип медиадискурса связывает первые два благодаря особенностям восприятия города с той или иной позиции и тем самым детерминирует дискурсивные практики, объединяя институты, культурные традиции, социальные нормы, ценности, отражающиеся в медиаконтенте. Прежде всего, сюда относятся дискурсы городских сообществ, продуцирующих свои локусы смыслов, производя определенные аспекты городского воображаемого, исходя из собственных направлений и типов реализуемых практик, поскольку «пространственная практика любого общества порождает свое пространство» (Лефевр, 2015, с. 51). В этом типе дискурса коллективные представления о городе накладываются на представления о реальности. Тут особую роль играет структура и тип города, особенности его развития, местоположение и география, культура и история города (курортного или промышленного, малого или крупного и т.д.)

В частности, в университетском медиадискурсе актуализируются научные и образовательные практики, которые могут восприниматься через историю университетов города или через современный инновационный ландшафт, в который встроена наука. Некоторые города (Томск, Великий Новгород) демонстрируют практики тесного взаимодействия университета и города (города-университета) через встроенность исторического кампуса и академических традиций в городскую культуру или через инновационный и технологический уклад промышленности города, где требуется синергия ученых и бизнеса, или через студенческую культуру, которая несет с собой волонтерство, экологические сообщества, креативные кластеры и многое другое. В воображаемом города-университета присутствуют и научные разработки ученых, и студенческий дизайн, и стратегия развития города, которые так или иначе репрезентируются в разных структурах медийного дискурса.

С другой стороны, дискурсы могут разворачиваться независимо от специфики города по актуальным для многих городов проблемам – бизнес, церковь, экология, дизайн среды и пр. Например, при исследовании экологического дискурса (мотивы, сюжеты, жанровое своеобразие, популярные темы) в медиа Великого Новгорода была установлена мера участия новгородских журналистов, чиновников, общественности и бизнеса в решении экологических проблем. Исходя из специфики акторов, продуцирующих экологических дискурс в новгородских СМИ, его можно разделить на три блока: «журналистский, читательский и официальный дискурсы», где «первый центрируется на мотиве отстраненности, во втором в центре оказывается идея незащищенности, дискурсообразующая идея третьего (дискурса власти) – констатация нормы» (Базилян, 2013, с. 11). Среди тех, кто формирует сообщества экологов в Великом Новгороде, присутствуют активисты некоммерческих экологических организаций, эксперты по экологической обстановке в городе, специалисты-ученые, занимающиеся экопроблемами, представители бизнеса, инициативные жители города, которые инициируют дискурс и проектируют городское воображаемое.

Рассмотренные нами три модуса медиадискурсов во многом пересекаются друг с другом, однако по-разному участвуют в производстве коллективных представлений в каждом конкретном городе, аккумулируя и репрезентируя смыслы, благодаря которым мы воображаем город в тех или иных образных структурах. Представленная типология медиадискурсов позволяет проследивать разные векторы формирования смыслов города и динамику городского воображаемого, как в результате движения смыслов по спирали от дискурса горожан к официальному дискурсу, так внутри дискурса сообществ. С ее помощью можно объяснять структурирование траекторий коллективного осмысления, переживания и восприятия города, генерирующих городское воображаемое, и влиять на них.

Кроме того, обращение в целом к феномену дискурса нацеливает исследователей на заданную изначально сконструированность коллективных представлений о городе, а его анализ, в том числе, через типологию, раскрывает, каким образом одни смыслы города оказались значимыми, а другие скрытыми для горожан, для власти, для гостей, бизнеса и пр.

Выводы

Обобщая вышесказанное, заметим, что структурирование городского воображаемого в современную эпоху цифровизации и медиатизации реальности неотделимо от дискурсивных практик, разворачивающихся в многомерном медийном пространстве. Медиадискурс является генератором городского воображаемого, а следовательно, он определяет то, как мы представляем город, что напрямую зависит от видения акторов, воспроизводящих свою реальность города через медиаресурсы для разных целевых аудиторий. Город без смыслов, которые собраны в словах, изображениях, звуках, невозможно представить; такой город не будет связан с людьми, которые в нем живут. Соответственно, городское воображаемое обеспечивает важнейшую социокультурную функцию связки медийной образности города в коллективном сознании, тогда как производство этих смысловых связей, благодаря которым мы представляем город как единый концепт, происходит в медийных дискурсивных полях.

Проецируя разные векторы того, как мы воображаем город, дискурсы конструируют разные модели города, задавая те или иные способы его осмысления, переживания, а также формируя значения в развитии города в коллективных представлениях. В результате в каждом конкретном городе возникает уникальное «облако смыслов» как отражение городского воображаемого, в котором влияют друг на друга дискурсивные поля, поддерживаемые теми или иными акторами из сфер науки, образования, туризма, культуры, маркетинга и пр.

В коллективном воображении город становится проекцией конкурирующих медиадискурсов, отсылающей к самым разным контекстам их производства. Доминирующие типы дискурсов определяют траекторию генерирования коллективных представлений города.

Приведенные нами типологии медиадискурсов позволяют раскрыть многообразие и возможные векторы производства дискурсивных практик в медиасфере, направления производства значений города и тем самым исследовать ландшафт дискурса, проецирующего разные представления о городе. Подобный анализ дискурсивных практик в медиа открывает возможность объяснять то, как и каким образом мы воображаем город сегодня, а значит, и выявлять механизмы, которые способны влиять на процессы структурирования воображаемого. Такой анализ создает теоретический фундамент для проведения эмпирических исследований в данном направлении в каждом

конкретном городе. Кроме того такое знание становится инструментом символической политики города, позволяющим управлять социокультурными процессами как внутри (причастность к городу со стороны горожан, рост городского самосознания и пр.), так и вне города, стратегически генерируя устойчивую и позитивную «вообразимость» через понятные образы уникальности города и его пространства.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01232, <https://rscf.ru/project/23-28-01232/>

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01232, <https://rscf.ru/project/23-28-01232/>

Список литературы

- Blum, A. (2003). *Imaginative Structure of the City*. McGill-Queen's Press – MQUP.
<https://doi.org/10.1515/9780773571037>
- Çinar, A., & Bender, T. (Eds.). (2007). *Urban imaginaries: Locating the modern city*. University of Minnesota Press.
- Delorme, P. (2005). De l'école de Chicago à l'imaginaire urbain [From the Chicago School to the urban imagination]. In *Ville autrement [A different city]* (pp. 9–27). Sainte-Foy. (In French).
- Lefebvre, H. (1991). *The production of space*. Blackwell.
- Schwenk, J. (2019). Soziales Imaginäres und Stadtforschung [Social Imaginary and Urban Research]. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie [Austrian Journal of Sociology]*, 44(S2), 99–115.
<https://doi.org/10.1007/s11614-019-00375-y> (In German)
- Soja, E. W. (2000). *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Wiley-Blackwell.
- Zukin, S. (2001). Whose Culture? Whose City?: The Paradoxical Growth of a Culture Capital. *Cultures of World Cities Conference*.
- Абашев, В. В. (2014). Городское пространство как аккумулятор коллективной памяти. *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, 136–148.
- Абашев, В. В. (2018). Страсти по башне: Городские медиа как генератор и архив локальных нарративов. *Город и медиа: материалы международной научно-практической конференции*, 30–44.
- Аванесов, С. С. (2017). Томск: Визуальное конструирование локальных городских пространств. *ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики*, 1, 41–47. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2017-1-41-47>
- Аванесов, С. С., & Федотова, Н. Г. (2022). Город: В поисках идентичности. *Алетейя*.
- Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества*. КАНОН-пресс-Ц.
- Артамонов, Д. С. (2022). Медиапамять: Теоретический аспект. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(2), 65–83. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i2.269>

- Базилян, С. А. (2013). Экологическая проблематика в новгородском медийном дискурсе. *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, 73–1, 10–13.
- Басина, П. А., & Мальяр, А. А. (2019). Семантизация локальных пространств Томска: Взгляд через Instagram**. *ПАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*, 2, 193–201.
<https://doi.org/10.23951/2312-7899-2019-2-193-201>
- Бедаш, Ю. А. (2012). Концепция социального пространства Анри Лефевра. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 11, 219–224.
- Ван Дейк, Т. А. (1989). *Язык, познание, коммуникация*. Прогресс.
- Вахштайн, В. С.* (2014). Пересборка города: Между языком и пространством. *Социология власти*, 2, 9–38.
- Вахштайн, В. С.* (2022). *Воображая город: Введение в теорию концептуализации*. Новое литературное обозрение.
- Галинская, Т. Н. (2013). Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 11, 91–94.
- Головнёва, Е. В. (2014). Формы дискурсивной репрезентации городской идентичности. *Социология власти*, 2, 56–64.
- Гоноцкая, Н. В. (2018). Масс-медиа в современном социокоммуникативном пространстве. *Философская мысль*, 7(7), 42–54. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2018.7.23812>
- Гороховская, Л. Г. (2013). Официальный дискурс Владивостока: Истоки и развитие. *Достижения вузовской науки*, 7, 47–52.
- Гороховская, Л. Г. (2020). «Экзотично для нашего города»: Дискурсивный анализ конструирования городской достопримечательности. *Урбанистика*, 3, 102–110.
<https://doi.org/10.7256/2310-8673.2020.3.33556>
- Гужова, И. В. (2014). Визуализация культурного кода города в имиджевой коммуникации с помощью ново-медийных технологий (семиотический подход). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2–2, 45–49.
- Дунаева, Д. О. (2021). Дискурсивные практики горожан как коммуникативный механизм формирования образа комфортного города (опыт полевого исследования). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 60, 137–150. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/13>
- Ильина, О. В., & Каблуков, Е. В. (2019). Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе свердловской области. *Политическая лингвистика*, 2, 119–131.
<https://doi.org/10.26170/pl19-02-14>
- Йоргенсен, М. В., & Филипс, Л. (2008). *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Гуманитарный Центр.
- Касаткина, С. С. (2017). Город и его символы: Семиотический дискурс в философском познании. *Вестник воронежского государственного университета. Серия: философия*, 1, 113–120.
- Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха. Экономика, общество и культура*. ГУВШЭ.
- Касториадис, К. (2003). *Воображаемое установление общества*. ГНОЗИС.
- Лагодина, Е. В. (2015). Воображая город. Изучение восприятия городского пространства на примере Ростова-на-Дону. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 13(1), 23–27.
- Лефевр, А. (2015). *Производство пространства*. Strelka Press.

- Линднер, Р. (2017). Текстура, воображаемое, габитус: Ключевые понятия культурного анализа в урбанистике. В *Собственная логика городов* (с. 101–117). Новое литературное обозрение.
- Линч, К. (1982). *Образ города*. Стройиздат.
- Луговая, Ю. А., & Курбанова, Р. Ф. (2016). Образ города как результат деятельности средств массовой информации. *Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сборник статей II Международной научной конференции*, 140–144.
- Маккуайр, С. (2014). *Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство*. Strelka Press.
- Мельник, Г. С. (2020). Новые технологии медиапроизводства: достижения и издержки. *Челябинский гуманитарий*, 4, 48–56. <https://doi.org/10.24411/1999-5407-2020-10407>
- Назаренко, А. Н. (2020). Визуальный образ: Между медиа и воображаемым. *Общество. Среда. Развитие*, 1, 43–46.
- Ним, Е. (2017). (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации. *Социологическое обозрение*, 16(3), 409–427.
- Оводова, С. Н., & Жигунов, А. Ю. (2020). «Город» в огне: Анализ урбанистического дискурса методикой когнитивно-социологической (социолингвокогнитивной) дифференциации. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 27, 97–101. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-97-101>
- Оже, М. (1999). От города воображаемого к городу-фантазии. *Художественный журнал*, 24. <https://qwertynetworks.com/webarchive?url=http%3A%2F%2Fold.guelman.ru%2Fxx%2F362%2Fxx24%2Fxx2402.htm&urlkey=6dabfb57afa40ede06fcfe48059984f1>
- Олизко, Н. С., & Журкова, М. С. (2022). Особенности репрезентации социальных проблем города в медиадискурсе. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 1, 133–140. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10114>
- Решетников, Д. Е. (2009). Место медиатекстов в структуре «городского текста». *Знак: Проблемное поле медиаобразования*, 1(3), 40–42.
- Ричардсон, Т. (2010). Реплика. *Антропологический форум*, S13, 173–182.
- Рябова, Л. К., & Валегина, К. О. (2015). Восприятие города: Выборг как кросскультурное пространство. *Труды исторического факультета СПбГУ*, 24, 142–152.
- Сойя, Э. (2003). Постметрополис. Критические исследования городов и регионов. *Логос*, 6, 133–150.
- Суворов, Н. Н. (2016). Наступление воображаемого: Воображаемое как феномен культуры. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 2, 73–81.
- Федотова, Н. Г. (2018). Urban imaginary как символический капитал города. *Ярославский педагогический вестник*, 2, 228–233. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10033>
- Федотова, Н. Г., & Васильева, Н. Ю. (2017). Символический капитал Великого Новгорода в дискурсе социальных медиа. *Знак: Проблемное поле медиаобразования*, 2, 119–127.
- Фуко, М. (1996). *Археология знания*. Ника-центр.
- Хайдарова, Г. Р. (2018). Медиасреда как пространство культурной практики: Борьба за воображаемое. *Общество. Среда. Развитие*, 1, 45–51.

Шмелева, Е. В. (2014). Новые медиа: Переписывание или проектирование города? Кейс Foursquare и проекта «Районные блоги». *Социология власти*, 4, 137–155.

* Признан иноагентом Минюстом РФ

** Социальная сеть, принадлежащая компании, признанной экстремистской на территории РФ

References

- Abashev, V. V. (2014). Gorodskoe prostranstvo kak akkumulyator kollektivnoy pamyati. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, 136–148. (In Russian).
- Abashev, V. V. (2018). Strasti po bashne: Gorodskie media kak generator i arkhiv lokal'nykh narrativov. *Gorod i media: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 30–44. (In Russian).
- Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva*. KANON-press-Ts. (In Russian).
- Artamonov, D. S. (2022). Media Memory: Theoretical Aspect. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(2), 65–83. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i2.269> (In Russian).
- Augé, M. (1999). Ot goroda voobrazhaemogo k gorodu-fiksii. *Khudozhestvennyy zhurnal*, 24. <https://qwertynetworks.com/webarchive?url=http%3A%2F%2Fold.guelman.ru%2F%2F362%2Fxx24%2F%2402.htm&urlkey=6dabfb57afa40ede06fcfe48059984f1> (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2017). Tomsk: Visual Constructing of Local Urban Spaces. *ПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, 1, 41–47. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2017-1-41-47> (In Russian).
- Avanesov, S. S., & Fedotova, N. G. (2022). *Gorod: V poiskakh identichnosti*. Aleteyya. (In Russian).
- Basina, P. A., & Malyar, A. A. (2019). Semantization of Tomsk Local Spaces: View Through Instagram**. *ПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, 2, 193–201. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2019-2-193-201> (In Russian).
- Bazikyan, S. A. (2013). Ekologicheskaya problematika v novgorodskom mediynom diskurse. *Vestnik NOVSVU*, 73–1, 10–13. (In Russian).
- Biedash, Yu. A. (2012). Henri Lefebvre's Concept of Social Space. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 11, 219–224. (In Russian).
- Blum, A. (2003). *Imaginative Structure of the City*. McGill-Queen's Press – MQUP. <https://doi.org/10.1515/9780773571037>
- Castells, M. (2000). *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. GUVShE. (In Russian).
- Çinar, A., & Bender, T. (Eds.). (2007). *Urban imaginaries: Locating the modern city*. University of Minnesota Press.
- Delorme, P. (2005). De l'école de Chicago à l'imaginaire urbain [From the Chicago School to the urban imagination]. In *Ville autrement [A different city]* (pp. 9–27). Sainte-Foy. (In French).
- Dunaeva, D. O. (2021). Discursive Practices of Citizens as a Communicative Mechanism for Forming The Image of a Comfortable City (Practical Research Experience). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya*, 60, 137–150. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/13> (In Russian).

- Fedotova, N. G. (2018). Urban Imaginary as a Symbolic Capital of the City. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2, 228–233. <https://doi.org/10.24411/1813-145x-2018-10033> (In Russian).
- Fedotova, N. G., & Vasil'eva, N. Yu. (2017). The Symbolic Capital of Veliky Novgorod in the Discourse of Social Media. *Sign: problematic field in mediaeducation*, 2, 119–127. (In Russian).
- Foucault, M. (1996). *Arkheologiya znaniya*. Nika-tsentr. (In Russian).
- Galinskaya, T. N. (2013). Media Image and the Problem of its Reconstruction in Modern Linguistics. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11, 91–94. (In Russian).
- Golovneva, E. V. (2014). Formy diskursivnoy reprezentatsii gorodskoy identichnosti. *Sociology of Power*, 2, 56–64. (In Russian).
- Gonotskaya, N. V. (2018). Mass Media in Modern Social Communication Space. *Philosophical Thought*, 7(7), 42–54. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2018.7.23812> (In Russian).
- Gorokhovskaya, L. G. (2013). Ofitsial'nyy diskurs Vladivostoka: Istoki i razvitie. *Dostizheniya vuzovskoy nauki*, 7, 47–52. (In Russian).
- Gorokhovskaya, L. G. (2020). "Exotic for our city": discursive analysis in designing a tourism attraction. *Urban Studies*, 3, 102–110. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2020.3.33556> (In Russian).
- Guzhova, I. V. (2014). Vizualizatsiya kul'turnogo koda goroda v imidzhevoy kommunikatsii s pomoshch'yu novo-mediynykh tekhnologiy (semioticheskiy podkhod). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2-2, 45–49. (In Russian).
- Il'ina, O. V., & Kablukov, E. V. (2019). Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region. *Political Linguistics*, 2, 119–131. <https://doi.org/10.26170/pl19-02-14> (In Russian).
- Kasatkina, S. S. (2017). The City and Its Characters: Semiotically Discourse in Philosophy. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 1, 113–120. (In Russian).
- Kastoriadis, K. (2003). *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva*. GNOZIS. (In Russian).
- Khaydarova, G. R. (2018). Mediasreda kak prostranstvo kul'turnoy praktiki: Bor'ba za voobrazhaemoe. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 1, 45–51. (In Russian).
- Lagodina, E. V. (2015). Imagining the City. The Study of the Perception of Urban Space on the Example of Rostov-on-Don. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskiy vestnik*, 13(1), 23–27.
- Lefebvre, A. (2015). *Proizvodstvo prostranstva*. Strelka Press. (In Russian).
- Lefebvre, H. (1991). *The production of space*. Blackwell.
- Linch, K. (1982). *Obraz goroda*. Stroyizdat. (In Russian).
- Lindner, R. (2017). Tekstura, voobrazhaemoe, gabitus: Klyuchevye ponyatiya kul'turnogo analiza v urbanistike. In *Sobstvennaya logika gorodov* (pp. 101–117). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Lugovaya, Yu. A., & Kurbanova, R. F. (2016). Obraz goroda kak rezul'tat deyatel'nosti sredstv massovoy informatsii. *Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike: sbornik statey II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, 140–144. (In Russian).
- McQuire, S. (2014). *Mediynnyy gorod. Media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo*. Strelka Press. (In Russian).

- Melnik, G. S. (2020). New Technologies of Media Production: Achievements and Costs. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 4, 48–56. <https://doi.org/10.24411/1999-5407-2020-10407> (In Russian).
- Nazarenko, A. N. (2020). Vizual'nyy obraz: Mezhdru media i voobrazhaemym. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 1, 43–46. (In Russian).
- Nim, E. (2017). The (Non)Social Construction of Reality in the Age of Mediatization. *Russian Sociological Review*, 16(3), 409–427. (In Russian).
- Olizko, N. S., & Zhurkova, M. S. (2022). Peculiarities of Representation of Social Problems of the City in Media Discourse. *Sign: problematic field in mediaeducation*, 1, 133–140. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10114> (In Russian).
- Ovodova, S. N., & Zhigunov, A. Yu. (2020). “City” on Fire: The Analysis of the Urban Discourse by the Cognitive-Sociological (Socio- and Lingua-Cognitive) Differentiation Methodology. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 27, 97–101. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-97-101> (In Russian).
- Reshetnikov, D. E. (2009). Mesto mediatekstov v strukture “gorodskogo teksta”. *Sign: problematic field in mediaeducation*, 1(3), 40–42. (In Russian).
- Richardson, T. (2010). Remark. *Forum for Anthropology and Culture*, s13, 173–182. (In Russian).
- Ryabova, L. K., & Valegina, K. O. (2015). The perception of the city: Vyborg as a cross-cultural space. *Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU*, 24, 142–152. (In Russian).
- Schwenk, J. (2019). Soziales Imaginäres und Stadtforschung [Social Imaginary and Urban Research]. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie [Austrian Journal of Sociology]*, 44(S2), 99–115. <https://doi.org/10.1007/s11614-019-00375-y> (In German)
- Shmeleva, E. V. (2014). New Media: Rewriting or Designing the City? The Case of Foursquare and “Local Blogs” Project. *Sociology of Power*, 4, 137–155. (In Russian).
- Soja, E. (2003). Postmetropolis. *Kriticheskie issledovaniya gorodov i regionov. Logos*, 6, 133–150. (In Russian).
- Soja, E. W. (2000). *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Wiley-Blackwell.
- Suvorov, N. N. (2016). Offensive Imaginary: Imaginary as a Cultural Phenomenon. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2, 73–81. (In Russian).
- Vakhshtain, V. S.* (2014). Reassembling the City: Between Space and Speech. *Sociology of Power*, 2, 9–38. (In Russian).
- Vakhshtain, V. S.* (2022). *Voobrazhaya gorod: Vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Van Dijk, T. A. (1989). *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya*. Progress. (In Russian).
- Yorgensen, M. V., & Phillips, L. (2008). Diskurs-analiz. *Teoriya i metod. Gumanitarnyy Tsentr*. (In Russian).
- Zukin, S. (2001). Whose Culture? Whose City?: The Paradoxical Growth of a Culture Capital. *Cultures of World Cities Conference*.

* Recognized as a foreign agent by the Ministry of Justice of the Russian Federation

** Social network belonging to a company recognized as extremist in the territory of the Russian Federation

The Search for Balance in the Digital Existence of Modern Man: A Review of the Set of Manuals “Digital Ascetics”

Sofya A. Rezvushkina¹ & Kirill E. Rezvushkin²

South Ural State University. Chelyabinsk, Russia

Received: 20 August 2023 | Revised: 9 October 2023 | Accepted: 14 October 2023

Abstract

The review is devoted to the set of manuals “Digital Ascetics” and the prospects of its use in the educational process among modern youth. It also considers and problematizes the trend towards increasing digitalization of contemporary human existence and ways of finding a balance between “online” and “offline”.

The purpose of this review is to familiarize a wide range of readers with the methodology of “digital asceticism”, to justify the use of this methodology in the modern educational model, and to search for potential “growth zones” of this methodological material.

The results of the review can be useful to both teachers and students of schools, secondary schools, universities, and their parents.

Keywords

“Digital Ascetics”; Teaching Manual; Teaching and Learning Manual; Methodology; Pedagogy; Philosophy of Education; Digitalization; Digital Literacy; Critical Thinking; Self-Care

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [finntundra\[at\]gmail.com](mailto:finntundra[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6208-2950>

2 Email: [kirus2002\[at\]mail.ru](mailto:kirus2002[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3610-6871>

Поиск баланса в цифровом бытии современного человека: рецензия на комплект пособий «Цифровая аскетика»

Резвушкина Софья Александровна¹, Резвушкин Кирилл Евгеньевич²

Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия

Рукопись получена: 20 августа 2023 | Пересмотрена: 9 октября 2023 | Принята: 14 октября 2023

Аннотация

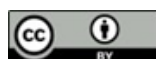
Рецензия посвящена комплекту пособий «Цифровая аскетика» и перспективам его использования в образовательном процессе среди современной молодёжи. Рассматривается и проблематизируется тенденция к возрастающей цифровизации бытия современного человека и способы поиска баланса между «онлайн» и «оффлайн».

Целью настоящей рецензии является ознакомление широкого круга читателей с методикой «цифровой аскетики», обоснование использования этой методики в современной образовательной модели, а также поиск потенциальных «зон роста» данного методического материала.

Результаты рецензии могут быть полезны как преподавателям, так и обучающимся школ, ССУЗов, ВУЗов, их родителям.

Ключевые слова

«Цифровая аскетика»; учебное пособие; учебно-методическое пособие; методика; педагогика; философия образования; цифровизация; цифровая грамотность; критическое мышление; забота о себе

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: [finntundra\[at\]gmail.com](mailto:finntundra[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6208-2950>

2 Email: [kirus2002\[at\]mail.ru](mailto:kirus2002[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3610-6871>

Введение

Современный мир находится в состоянии стремительной цифровизации. Ускорение и усиление этого процесса современный человек особенно остро прочувствовал во время «горячей фазы» пандемии Covid-19. Более того, этот опыт показал, что цифровизация является утилитарным экономическим инструментом, и всё больше и больше компаний предпочитают переходить на формат виртуальных организаций (Михайлов, Федулов, 2020, с. 353). Особенно ярко процесс цифровизации проявляется в интеллектуально ёмких организациях и в сфере образования. Виртуализация образовательного процесса, безусловно, обладает рядом преимуществ: мобильностью, доступностью, более широким выбором образовательных организаций, структур и специализаций. Практически цифровизация образовательной среды раздвинула границы перед обучающимися, предоставив им поистине неограниченные возможности для выбора образовательной траектории.

Однако диалектическое единство противоположностей подсказывает нам, что даже в самой большой бочке мёда непременно должна быть и ложка дёгтя. В случае цифровизации образования тёмными сторонами этого процесса, на наш взгляд, являются рост цифровой аддикции у обучающихся, а также трансформация социальных структур Интернета с переносом на них классических деструктивных моделей поведения: буллинга, сталкинга, угроз и преступлений. Всё вышесказанное создаёт определённую лауну, нуждающуюся как в социо-философской рефлексии, так и в выработке конкретных педагогических мер по противодействию негативным последствиям цифровизации.

В 2023-м году научно-педагогическим коллективом сотрудников ИМСГН ЮУрГУ было подготовлено учебно-методическое пособие для практических занятий «Цифровая аскетика», целью которого является решение названных выше проблем (Гулеватая et al., 2023). Авторы считают, что современный человек остро нуждается в формировании нового, сетевориентированного, но не сетцентрического образа жизни. В качестве такой парадигмы бытия человека ими предлагается переход к цифровому аскетизму, который они определяют как образ жизни, характеризующийся пониманием новейших средств коммуникации и разумным расхождением своего внимания в мире современных технологий и медиа (Гредновская et al., 2023, с. 7). Внутри цифрового аскетизма как образа жизни авторы выделяют отдельную методику цифровой аскетики, которая, по их мнению, является важным инструментом для достижения баланса между онлайн и офлайн жизнью человека. Цифровая аскетика включает в себя ряд практик, помогающих человеку контролировать свое потребление информации и использование цифровых технологий.

Рецензируемое пособие предлагает конкретные методические указания для освоения первичных навыков цифровой аскетики. Оно делится на две

части. «Цифровая аскетика: учебное пособие для практических занятий» предназначено для самостоятельной рефлексивной работы учащихся 9–11 классов, а также младших курсов ВУЗов. «Цифровая аскетика: учебно-методическое пособие» в большей степени ориентировано на педагогов и может быть использовано для проведения образовательной и воспитательной работы в школах, ВУЗах и ССУЗах. В пособии предложен ряд заданий и упражнений, нацеленных на выработку навыков противостояния деструктивным воздействиям цифровизации и повышения качества жизни современного человека в цифровой среде. В комплект пособий входит приложение для смартфонов «Цифровая аскетика», которое дублирует учебное пособие для практических заданий.

Формат работы с пособием предполагает собой дневниковую работу, рассчитанную на четыре недели. Каждая неделя посвящена актуальным вызовам, которые ставит перед современным человеком цифровизация. Таким образом, структурно пособие делится на 4 основные части: цифровой след, кибербуллинг, критическое мышление, забота о себе. В пособии есть блоки, посвященные вопросам к себе и ответам для себя. Каждый тематический блок содержит практические задания, направленные на усвоение полученной информации и актуализацию полученных навыков цифровой аскетики. Опорным материалом для упражнений служат философские афоризмы или цитаты из отдельных произведений, фрагменты философских текстов и вопросы экзистенциального характера. Такой род заданий должен способствовать осуществлению обучающимися необходимой рефлексии над своим индивидуальным существованием.

Авторами предлагаются два основных способа работы с дневником – рефлексивное осмысление философской цитаты и применение ее в своей повседневной жизни, и фрирайтинг – свободное и творческое размышление на предложенную проблемную тему. Каждая неделя открывается постановкой проблемы, которую предложено осмыслить, и завершается рефлексивным «Письмом к себе», в котором предложено подвести итоги тематического блока.

Далее следует уделить внимание каждому из тематических блоков рецензируемых пособий.

Цифровой след

Блок «Цифровой след» посвящен типологизации цифровых следов и выработке навыков корректного управления собственным цифровым следом (Гулеватая et al., 2023, с. 12). В рамках данного блока авторы определяют цифровой след (digital footprint) как уникальный набор действий в Интернете или на цифровых устройствах (2023, с. 14). Он появляется, когда пользователь помещает в сеть свои персональные данные. Важно отметить, что в современном мире пользователь может оставлять информацию намеренно (например, выложив фотографию), неосознанно (посетив сайт или страницу)

или пассивно (будучи отмеченным на фотографии, выложенной другим). При этом заинтересованные стороны пассивно или активно консолидируют информацию о пользователе.

Проблема цифрового следа является достаточно острой на сегодняшний день. Зачастую он используется компаниями для формирования адресной контекстной рекламы, а также для анализа поведения пользователей и для исследования цифрового рынка (Гайдаш, 2020, с. 10). Опасность цифрового следа состоит в том, что он может стать объектом таких киберпреступлений, как кража личных данных или мошенничество. В этой связи представляется значимым развитие у обучающихся компетенций, необходимых для защиты своих персональных данных и управления своим цифровым следом (2023, с. 16).

Помимо цифрового следа в данном тематическом блоке авторы вводят следующие опорные понятия: «цифровой профиль», «социальная сеть» и «цифровая гигиена». Все эти термины являются связанными с феноменом «цифрового следа», и ознакомление обучающихся с ними способствует формированию навыков безопасной работе в цифровом пространстве. Однозначным достоинством данного блока является многоаспектный подбор материалов авторами. Понятие «цифрового следа» и смежных с ним опорных понятий («цифровой профиль», «социальная сеть» и «цифровая гигиена») рассматриваются не только с философских и педагогических, но и с юридических, социальных и прочих позиций. Такая оптика позволяет сформировать у обучающихся целостное представление об изучаемом феномене, увидеть позитивные и негативные стороны собственного цифрового следа, а также выработать индивидуальную стратегию поведения в цифровом пространстве.

Интерес также представляют упражнения, предложенные в приложении и учебном пособии для практических занятий. Авторы предлагают обучающимся провести час без телефона, переосмыслить свой повседневный маршрут, провести ревизию собственных технических устройств на предмет наименее значимых, обозначить наиболее значимых людей из повседневного круга коммуникации и ещё ряд других (Гредновская et al., 2023, с. 23-41). Выполнение этих упражнений, на наш взгляд, способно повысить уровень включённости обучающихся в «здесь-бытие» и снижению его времени онлайн. Однако зоной роста для авторов пособий может стать поиск конкретных практических и аттрактивных упражнений, в результате которых поведение обучающихся в сети станет более безопасным.

Кибербуллинг

В связи с переходом коммуникативных практик в онлайн в современном мире возникает такая форма насилия как кибербуллинг. Его целью является дестабилизация психоэмоционального состояния жертвы (Черкасенко, 2015, с. 92).

Второй блок рецензируемых пособий посвящен основным формам кибербуллинга, его последствиям и методам борьбы с данным феноменом (Гулеватая et al., 2023, с. 12). По мнению авторов, эта тема является особенно актуальной для учащихся, поскольку в настоящее время все больше молодых людей используют цифровые устройства и социальные сети для общения и обмена информацией (2003, с. 28). Наиболее частыми формами столкновения с данным феноменом являются сетевые оскорбления, угрозы, распространение заведомо ложной (фейковой) информации и т.д. Кибербуллинг может осуществляться как одним человеком, так и группой лиц и зачастую влечёт за собой серьёзные негативные последствия для жертвы, такие как психологические проблемы, снижение самооценки, депрессия, суицидальные мысли и действия. В процессе изучения темы «Кибербуллинг» обучающиеся смогут осмыслить последствия такого насилия, научиться распознавать признаки кибербуллинга, освоить способы предотвращения и противостояния ему.

В качестве опорных понятий обучающимся предлагаются «буллинг», «кибербуллинг», «сталкинг», «киберсталкинг», «социальная сеть», «секстинг», «троллинг», «хейтинг». Также приводится дифференциация понятий «кибербуллинга» и «свободы мнения», которые зачастую воспринимаются подростками как смежные понятия. Авторы считают необходимым привести в пособии фрагмент научной статьи, «разводящий» эти термины. За счёт него аргументированно демонстрируется, что свобода мнения человека в цифровом пространстве является оправданной и осмысленной тогда, когда высказывания не содержат заведомо оскорбительного или угрожающего содержания (Иванова et al., 2019, с. 99). Авторы приводят виды юридической ответственности за виды кибербуллинга (Гулеватая et al., 2023, с. 35). По нашему мнению, такое решение является исключительно удачным, поскольку целевая аудитория пособий является достигшей возраста деликтоспособности. И понимание юридических механизмов регулирования данной проблемы способствует повышению уровня гражданского правосознания и позволяет скорректировать представление о кибербуллинге как о чём-то несерьёзном в сторону большего соответствия реальным фактам.

Достоинством этого раздела является блок практических заданий. Он содержит в себе как конкретные рекомендации и шаги по предотвращению кибербуллинга, направленного на обучающегося, так и практики, направленные на заботу о тех близких, кто столкнулся или может столкнуться с этим феноменом.

Критическое мышление

Однако, говоря о повсеместной цифровизации, было бы совершенно неправильно не уделить внимание такому её феномену, как «Постправда». Традиционно под постправдой понимается информационный поток, намеренно конструируемый в современном обществе с помощью СМИ

для создания виртуальной, отличной от действительности, реальности с целью манипулирования общественным сознанием (Николаевич, 2018, с. 11). Наиболее утилитарным инструментом противостояния постправде является критическое мышление, которому посвящён третий блок рецензируемых пособий. Овладение обучающимися базовыми навыками критического мышления, по мнению авторов, поможет избежать попадания «под власть эмоций, предрассудков, неверных представлений о чем бы то ни было. Это ценнейший навык, который позволяет построить успешную карьеру и принимать взвешенные решения во многих жизненных ситуациях. Критическим мышлением может овладеть каждый, его можно и нужно тренировать и прививать себе полезные привычки мышления» (2023, с. 40). Помимо критического мышления и постправды в тезаурус обучающихся, формируемый этим блоком, войдут такие понятия как «мышление», «некритическое мышление», «метапознание», «скептицизм», «предвзятость», «объективность», «фейковые новости».

В разделе учебно-методического пособия даны актуальные источники по теме. Выбранные фрагменты текста в большинстве случаев относятся к современной научно-популярной литературе, что делает комфортным вхождение в эту, безусловно, непростую тему, а их содержание позволяет воспринять материал, как нечто близкое и актуальное. Интересной находкой авторов является игра «Квадрат Декарта», направленная на применение навыков критического мышления относительно решения конкретной, актуальной для обучающихся проблемы (Гулеватая et al., 2023, с. 46).

В учебном пособии для практических занятий также предоставлен обширный инструментарий для развития навыков критического мышления. Так, в первый день работы с дневником обучающемуся предлагается провести фактчекинг информации из его новостной ленты. Другое, не менее интересное задание представляет собой размышление над проблемной ситуацией по методу «колея Вена». Достаточно спорным, но от этого не менее интересным выглядит последний из предложенных методов критического мышления – написание синквейна. Строго говоря, синквейн как таковой не является методом, но представляет собой пятистрочную стихотворную форму. Безусловно, известны случаи, когда синквейн используется как метод, но тогда его результаты направлены на развитие образной речи (Баннов, 2007, с. 105–106). В методологию критического мышления в настоящий момент синквейн не входит; возможно, авторам следовало бы избрать более изящную формулировку для интеграции этой арт-практики в методологию критического мышления или же предложить более полное методологическое обоснование, легитимирующее его использование в данном контексте.

Еще одной потенциальной зоной роста в этом блоке является возможность знакомства обучающихся с основами формальной логики. Так, в учебном пособии для практических занятий логика упоминается, но исключительно в назывном порядке, без уточнения, является ли она формальной, символиче-

ской, диалектической или любой иной (Гредновская et al., 2023, с. 73). При этом задания, предлагаемые в блоке, либо относятся к философской практике, либо направлены на формирование компетенций, непосредственно связанных с применением критического мышления в цифровой среде. На наш взгляд, более тесная интеграция основ формальной логики, внедрение ряда заданий на закрепление полученных знаний позволило бы сделать блок, посвящённый критическому мышлению, наиболее полным и продуктивным.

Забота о себе

Четвёртый и заключительный блок рецензируемых пособий посвящен способам заботы о себе, оформленным в принципах стоицизма для современного человека. По мнению авторов, «в информационную эпоху особенно важным оказывается способность человека учиться «искусству бытия», заботиться о своем существовании и придавать ему осмысленную форму, культивировать внутренний центр, управлять процессом саморазвития. С одной стороны, античная «забота о себе» в первоначальном значении не имеет прямых аналогов среди современных понятий и категорий, а с другой – проявляется как некая вневременная категория, апеллирующая к человеку, ищущему путь к самому себе через образование (Гулеватая et al., 2023, с. 57).

Практики заботы о себе, оформленные в принципах стоицизма, являются безусловным трендом на рынке Self-Help литературы. Брэд Инвуд определяет современный стоицизм как «устойчивое философское движение, вдохновляющее людей в XXI веке, заставляющее переосмысливать и организовывать свою жизнь для достижения личного удовлетворения» (Inwood, 2018). Для этой формы заботы о себе характерен акцент на философии как образе жизни и мышления, что сближает её с методологией философской практики. С началом пандемии COVID-19 «стоический бум» достиг и России, и самой популярной книгой, предлагающей знакомство с методами заботы о себе по принципам античных стоиков, является работа М. Пильюччи «Счастливая жизнь. Руководство по стоицизму для современного человека» (Пильюччи, 2021).

На наш взгляд, использование стоических практик в условиях тотальной цифровизации является весьма удачным решением. Современная цифровая среда порождает большое количество информационного шума и соблазнов, в которых человек может легко потерять себя. Обращаясь же к стоическим идеям, человек учится жить своим разумом и сосуществовать в гармонии с «цифровой природой», потребляя из неё лишь необходимое. Если мы посмотрим на структуру медиа-контента глазами античных стоиков, то увидим, что наиболее кликейтный материал базируется на четырёх аффектах, которых необходимо избегать: удовольствие, отвращение, вождение и страх. Скептическая позиция и следование этическому идеалу стоиков позволяют увидеть пустоту, стоящую за этими аффектами.

Интересно, что блоки пособий в той или иной мере соответствуют добродетелям, которые стоики почитали за наиважнейшие. Так, навык работы с цифровым следом развивает у обучающегося состояние атараксии и чувства защищённости собственного сетевого бытия. Противостояние кибербуллингу базируется на апатии как принципе бесстрастности. А критическое мышление предполагает интеллектуальную автаркию человека.

Относительно содержательной части этого блока необходимо сделать следующее критическое замечание. В учебно-методическом пособии авторы предлагают обучающимся не только опорные понятия, но и имена. В качестве ключевых персоналий авторами предложены Сократ, Платон и М. Фуко (Гулеватая et al., 2023, с. 55). Однако, на наш взгляд, упоминание стоицизма как методологического базиса предполагает ознакомление обучающихся и с ключевыми философами-стоиками. Этот недостаток отчасти скорректирован в учебном пособии для практических занятий, но умолчание стоиков в контексте учебно-методического пособия выглядит странной лакуной, нуждающейся в заполнении.

В качестве позитивной обратной связи относительно этого блока хочется отметить широкий пул предложенных практик и методов заботы о себе. Авторы не только предлагают обучающимся способы ментальной гигиены и духовного роста, но и акцентируют внимание на телесности обучающихся и их творческом развитии.

Выводы

Подводя итоги рецензии, хочется сказать, что серия пособий «Цифровая аскетика» является органичным и своевременным ответом на вызовы цифровизации. По нашему мнению, в результате использования предложенных авторами практик человек может достичь более здорового баланса между своей онлайн и офлайн жизнью. Развитие осознанности обучающихся в процессе использования цифровых технологий поможет скорректировать цифровые поведенческие паттерны в сторону большей продуктивности и безопасности, а также продемонстрирует значимость бытия в реальном мире. Овладение навыками цифровой аскетики потенциально может помочь человеку улучшить свои взаимоотношения с другими людьми, поскольку он будет глубже вовлечен в реальный мир, не являясь отвлечённым от него цифровыми устройствами.

Удачной находкой авторов рецензируемых пособий, на наш взгляд, является увеличение внимания к кибербезопасности и защите личной информации и предложение обучающимся конкретных рекомендаций по противодействию киберпреступлений. В условиях растущей цифровой экономики и увеличения количества кибератак на личные данные людей использование методики цифровой аскетики поможет людям обезопасить свои данные и личную информацию, используя специальные инструменты и приемы.

Несмотря на незначительные недочёты, о которых более подробно написано выше, комплект рецензируемых пособий производит впечатление целостного и методологически выверенного материала, фундированного в актуальных потребностях современного человека. Авторам удалось выстроить образовательную методику, которая является в равной степени утилитарной и аттрактивной. Ими соблюден баланс между дидактикой и рефлексией, что зачастую представляет определённое затруднение при составлении пособий такого рода. Отдельно хочется отметить мобильное приложение «Цифровая аскетика». Несмотря на кажущуюся парадоксальность (избавляться от цифровой аддикции посредством взаимодействия со смартфоном), оно обладает несомненным достоинством – формат приложений является наиболее привычным для молодых людей, представляющих целевую группу комплекта пособий. Соответственно, использование цифровых технологий задаёт для них более низкий и комфортный порог вхождения, а также позволяет избежать ассоциаций с классическими образовательными процессами.

Прогрессивным и логичным шагом в дальнейшем развитии этой методики стала бы её популяризация и интеграция в образовательный процесс на правах спецкурса, электива или классного часа. Современные обучающиеся, как показывает педагогический опыт, в недостаточной степени владеют компетенциями, позволяющими корректно и безопасно работать в цифровом пространстве. Знания, умения и навыки, развиваемые рецензируемые комплектом пособий, смогли бы в полной мере заполнить существующие лакуны в представлении о цифровом мире у обучающихся.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Список литературы

- Inwood, И. (2018). *Stoicism: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.
<https://doi.org/10.1093/actrade/9780198786665.001.0001>
- Баннов, А. М. (2007). *Синквейн. Учимся думать вместе*. ИНТУИТ.РУ.
- Гайдаш, О. В. (2020). Феномен цифрового следа в современном обществе. *Вестник магистратуры*, 6, 10–12.

- Гредновская, Е. В., Гулеватая, А. Н., Миляева, Е. Г., Пеннер, Р. В., & Сосновских, Е. Г. (2023). *Цифровая аскетика: Учебное пособие для практических занятий*. Издательский центр ЮУрГУ.
- Гулеватая, А. Н., Валеева, Э. М., Миляева, Е. Г., Пеннер, Р. В., & Сосновских, Е. Г. (2023). *Цифровая аскетика: Учебно-методическое пособие*. Издательский центр ЮУрГУ.
- Иванова, К. А., Степанов, А. А., & Немчинова Е. В. (2019). Кибербуллинг как девиация права граждан на свободу мнения в сети Интернет. *Актуальные проблемы российского права*, 1, 96–101.
- Михайлов, А. А., & Федулов, В. И. (2020). Феномен виртуальных организаций в современных условиях. *Московский экономический журнал*, 10, 350–358.
- Николаевич, И. С. (2018). *Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией*. Питер.
- Пильюччи, М. (2021). *Счастливая жизнь. Руководство по стоицизму для современного человека. Альпина нон-фикшн*.
- Черкасенко, О. С. (2015). Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте. *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*, 6, 91–94.

References

- Bannov, A. M. (2007). *Sinkveyn. Uchimsya dumát' vmeste*. INTUIT.RU. (In Russian).
- Cherkasenko, O. S. (2015). The Phenomenon of Cyberbullying in Adolescence. *Lichnost', Sem'ya i Obshchestvo: Voprosy Pedagogiki i Psikhologii*, 6, 91–94. (In Russian).
- Gaidash, O. V. (2020). Fenomen tsifrovogo sleda v sovremennom obshchestve. *Vestnik Magistratury*, 6, 10–12. (In Russian).
- Grednovskaya, E. V., Gulevataya, A. N., Milyaeva, E. G., Penner, R. V., & Sosnovskikh, E. G. (2023). *Tsifrovaya asketika: Uchebnoe posobie dlya prakticheskikh zanyatiy*. Izdatel'skiy tsentr YUUrGU. (In Russian).
- Gulevataya, A. N., Valeeva, E. M., Milyaeva, E. G., Penner, R. V., & Sosnovskikh, E. G. (2023). *Tsifrovaya asketika: Uchebno-metodicheskoe posobie*. Izdatel'skiy tsentr YUUrGU. (In Russian).
- Inwood, I. (2018). *Stoicism: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.
<https://doi.org/10.1093/actrade/9780198786665.001.0001>
- Ivanova, K. A., Stepanov, A. A., & Nemchinova, E. V. (2019). Cyberbullying as a Deviation of the Right of Citizens to Freedom of Opinion on the Internet. *Actual Problems of Russian Law*, 1, 96–101. (In Russian).
- Mikhaylov, A. A., & Fedulov, V. I. (2020). Phenomenon of Virtual Organizations in Modern Conditions. *Moscow Economic Journal*, 10, 350–358. (In Russian).
- Nikolaevich, I. S. (2018). *Kak nas obmanyvayut SMI. Manipulyatsiya informatsiey*. Piter. (In Russian).
- Pilyuchchi, M. (2021). *Schastlivaya zhizn'. Rukovodstvo po stoitsizmu dlya sovremennogo cheloveka. Al'pina non-fikshn*. (In Russian).

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75215 since 07 march 2019
Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"
Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056
Address of Editorial board: 57, Granovskiy per. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414038
Editor-in-Chief: Olesya S. Yakushenkova, PhD
In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
admin@galacticamedia.com or galacticamedia@gmail.com
Phone: +7 (988) 068-63-72
Materials are intended for persons over 18 years old
This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International
© 2019 Galactica Media: Journal of Media Studies. E-ISSN: 2658-7734

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019
Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука». ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678
Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88
Адрес редакции: 414038, Астраханская обл., г. Астрахань, Грановский пер., д. 57, кв. 2
Главный редактор: к.ф.н. Олеся Сергеевна Якушенкова
По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться
по e-mail: admin@galacticamedia.com или galacticamedia@gmail.com
Телефон: +7 (988) 068-63-72

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0
Международная

© 2019 Галактика медиа: журнал медиа исследований. e-ISSN: 2658-7734